П. Н. ПОЛЕВОЙ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Новѣйшій періодъ.

Преемники Пушкина и Гоголя во второй половинѣ XIX вѣка.

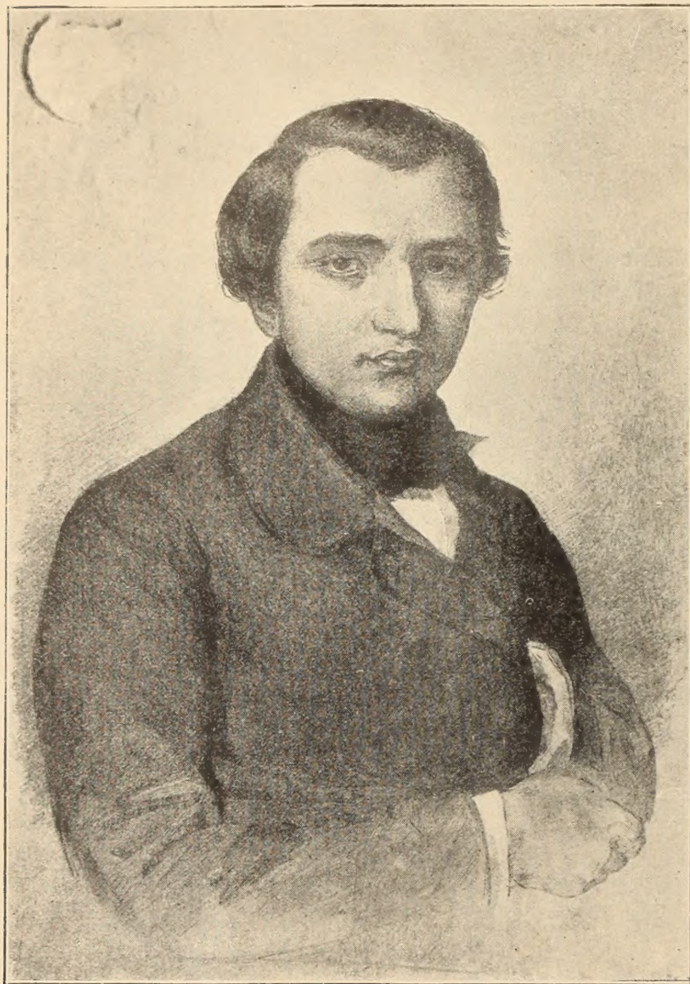
Главные дѣятели новѣйшаго періода (по старой фотографіи).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Зарожденіе новаго направленія въ литературѣ и журналистикѣ.—Детальное изученіе народности и общественной жизни.—Литература обличительная.—Идеалы молодого поколѣнія и ихъ осуществленіе въ произведеніяхъ изящной литературы.—Тургеневъ.— Гончаровъ.—Григоровичъ.

Послѣдніе годы царствованія императора Николая I были однимъ изъ наиболѣе сумрачныхъ періодовъ въ исторіи нашей литературы и просвѣщенія. Цензура свирѣпствовала во всю силу данныхъ ей полномочій, съ самымъ неразумнымъ усердіемъ охраняя общество отъ всякихъ вѣяній Запада. Въ печати не разрѣшались никакіе сколько-нибудь неблагопріятные отзывы даже и о русской общественной жизни, никакія обсужденія существующихъ порядковъ или условій народной жизни. Всякое порицаніе и отрицаніе было строго воспрещено: допускалось только благоговѣйное восхваленіе и полное одобреніе всего, что̀ въ Россіи происходило, и притомъ еще безъ всякаго сравненія или сопоставленія съ порядками, установившимися на Западѣ Европы. При такой преувеличенной цензурной строгости, дѣло не обходилось безъ курьезовъ, которые иногда

подавали поводъ къ смѣшнымъ анекдотамъ [1]). Особенно тяжелъ сталъ для нашей литературы цензурный гнетъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда во Франціи и въ другихъ государствахъ Средней Европы вспыхнуло революціонное движеніе. Несмотря на то, что оно не находило, да и не могло найти никакого сочувственнаго отклика въ Россіи, въ столицахъ нашихъ были приняты чрезвычайныя охранительныя мѣры, печально отзывавшіяся на нашемъ просвѣщеніи: затрудненъ былъ выѣздъ изъ Россіи за границу, запрещена выписка изъ-за границы книгъ, и даже—увы!—сокращенъ былъ пріемъ въ Университеты студентовъ, число которыхъ не должно было превышать 300 человѣкъ!

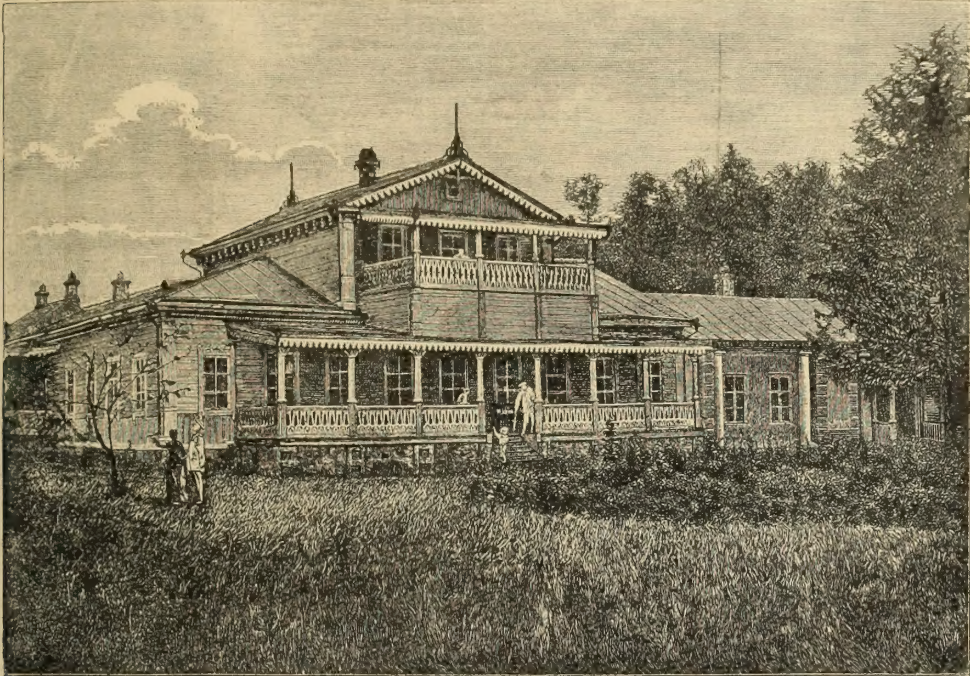

И. С. Тургеневъ (въ молодости).

Новые всходы.

Но несмотря на всѣ эти стѣсненія, несмотря на полнѣйшій застой, царившій одинаково и повсемѣстно во всѣхъ областяхъ русской общественной и народной жизни—литература русская не переставала жить и развиваться внутренно, въ постоянной борьбѣ за свое существованіе, за свои права и личное свое достоинство. Благородныя традиціи, внесенныя Пушкинымъ въ русскую поэзію и литературу—не вымирали и все болѣе и болѣе способствовали возвышенію значенія въ нашемъ обществѣ литератора и журна-

[1]) Въ поваренной книгѣ Е. А. Авдѣевой было сказано, что «такой-то пирогъ слѣдуетъ «ставить *въ вольный духъ*». Цензоръ вычеркнулъ «вольный духъ» и поставилъ «легкій жаръ»! То было время, когда цензурное дозволеніе выставлялось даже на транспарантахъ.

листа. Несмотря на застой и страшное, чрезмѣрное преобладаніе милитаризма, которое вызывало преклоненіе передъ мундиромъ и военной карьерой, литераторы и журналисты не утрачивали своего значенія и во всѣхъ слояхъ общества пользовались уваженіемъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторою долею опасенія. Толчокъ, данный русской наблюдательности геніальнымъ Гоголемъ, побудилъ многихъ талантливыхъ русскихъ людей къ примѣненію своей наблюдательности въ различныхъ областяхъ русской жизни; а разум-

Домъ въ Спасскомъ-Лутовиновѣ—имѣньѣ И. С. Тургенева.

ная и живая критика Бѣлинскаго указала молодому поколѣнію русскихъ писателей наиболѣе вѣрные пути къ дальнѣйшему развитію талантовъ на поприщѣ литературы, тѣсно связанной съ жизнью и ея дѣйствительными потребностями. И вотъ, несмотря на всѣ, крайне-неблагопріятныя, условія, уже съ самого начала 40-хъ годовъ, одинъ за другимъ, начинаютъ выступать на поприщѣ русской литературы все новые и новые крупные литературные дѣятели—Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Достоевскій, Л. Толстой, Островскій, Писемскій и многіе другіе—и въ ихъ плодотворной литературной дѣятельности находитъ себѣ весьма полное отраженіе наступающая эпоха русской общественной жизни и быстро-развивающагося самосознанія. Тургеневъ и Григоровичъ знакомятъ насъ съ бытомъ народа и помѣстнаго дворянства; Гончаровъ и Писемскій — съ типами представителей средняго сословія и съ идеалами чиновничества; Островскій раз-

Автографъ И. С. Тургенева. Начало дневника (въ 17-лѣтнемъ возрастѣ).

вертываетъ передъ нами широкую картину нравовъ нашего купечества; Л. Толстой и Достоевскій—заглядываютъ въ самую душу русскаго человѣка и роются въ глубинѣ ея, доискиваясь внутренней основы побужденій, пристрастій и порывовъ, въ которыхъ выражается личность и характеръ русскаго человѣка... Въ новой русской литературѣ, по сравненіи съ предшествующимъ, до-гоголевскимъ періодомъ, измѣняется все: и точка зрѣнія автора по отношенію къ наблюдаемому имъ предмету, и способы обработки литературнаго сюжета, и языкъ, который окончательно сближается съ коренною русскою рѣчью и воспринимаетъ въ себя всѣ лучшіе элементы русской народности.

По счастію, для этихъ новыхъ литературныхъ дѣятелей, вы- Новая эпоха.
званныхъ и воспитанныхъ періодомъ Пушкина и Гоголя, наступаетъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, эпоха полной и широкой свободы слова, эпоха великихъ реформъ, открывающая новые горизонты для русскаго духа, приравнивающая сословную рознь, вносящая

Berlin, den 18 **ten** November **184**0

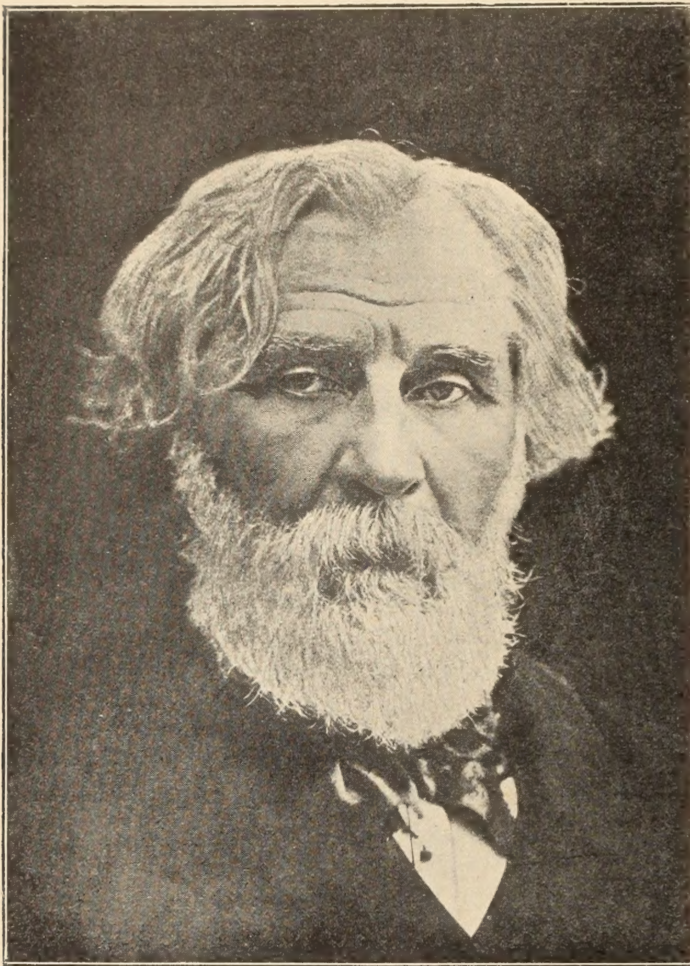
Iwan von Turgeneff,
Stud. Phil.

Подпись И. С. Тургенева на матрикулахъ Берлинскаго университета.

новые элементы въ нашу общественность и гражданственность. Подъ свѣтлыми и обнадеживающими впечатлѣніями этой эпохи наступаетъ новый расцвѣтъ въ области русской литературы и журналистики, и, выдвигая на первый планъ цѣлый рядъ крупныхъ писателей, привлекаетъ къ литературной дѣятельности множество силъ и талантовъ, которые въ значительной степени способствуютъ общему поступательному движенію Россіи на пути культуры и прогресса во второй половинѣ XIX вѣка.

Въ этотъ періодъ литература русская явилась уже дѣйствительнымъ и полнымъ отраженіемъ народной жизни и духовной дѣятельности; явилась не искусственнымъ насажденіемъ, не подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, а дѣйствительнымъ плодомъ благодатной русской почвы, подготовленной усиленными трудами предшествующихъ поколѣній. Поэзія въ этотъ періодъ, полный борьбы и тревогъ, не поднялась выше уровня, достигнутаго Пушкинымъ и Лермонтовымъ, хотя въ ея области и проявился цѣлый рядъ весьма видныхъ и талантливыхъ представителей этого высокаго искусства; но зато всѣ остальныя отрасли литературы,

во всѣхъ многообразныхъ ея проявленіяхъ, начиная отъ романа и повѣсти, отъ драмы и комедіи, до критической статьи, такъ быстро двинулись впередъ и представили такіе образцы въ различныхъ родахъ и видахъ литературы, которые не только у насъ, но и въ Европѣ привлекли къ себѣ общее вниманіе своею оригинальностью и свѣжестью замысла. Конецъ минувшаго XIX вѣка ознаменовался тѣмъ, что Европа стала изучать русскую литературу, стала внимательно слѣдить за важнѣйшими явленіями въ ея области и весьма охотно пересаживать на свою почву произведенія нашихъ лучшихъ авторовъ. Нѣкоторые изъ нашихъ писателей пріобрѣли даже такое выдающееся значеніе въ Европѣ, что ихъ произведенія, переведенныя на всѣ языки, стали классическими, и знакомство съ ними стало однимъ изъ существенныхъ элементовъ европейской образованности.

И. С. Тургеневъ (по фотографіи).

Первое мѣсто въ числѣ этихъ избранниковъ занимаютъ Тургеневъ и Л. Толстой. Съ перваго изъ нихъ мы и начнемъ обзоръ новаго періода нашей литературы. Замѣтимъ при этомъ, что лучшій періодъ литературной дѣятельности Тургенева совпадаетъ съ тѣмъ свѣтлымъ, радостнымъ періодомъ русской жизни, въ теченіе котораго все русское общество такъ тепло и такъ простодушно вѣрило въ прекрасное будущее, въ быстрый ростъ и развитіе молодой Россіи... Одни не предвидѣли въ этомъ развитіи

никакихъ препятствій; другіе слишкомъ много возлагали надеждъ на неистощимость тѣхъ силъ, которыя должны были всѣ препятствія преодолѣть и побороть. Этотъ свѣтлый и радостный періодъ русской жизни, которому глубоко сочувствовалъ Тургеневъ, отразился во всѣхъ его первыхъ крупныхъ произведеніяхъ, вплоть до того превосходнаго романа, въ которомъ онъ съ геніальною прозорливостью указалъ на крутой поворотъ, наступающій въ русскомъ самосознаніи, и, съ полною искренностью, отнесся къ нему несочувственно...

Предки И. С. Тургенева.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился 28 октября 1818 г., въ г. Орлѣ. Онъ происходилъ, по прямой линіи, отъ старинной дворянской фамиліи, которая неоднократно упоминается и въ нашемъ историческомъ прошломъ. Въ числѣ историческихъ лицъ, принадлежавшихъ къ этой фамиліи, нельзя не упомянуть того Петра Тургенева, который въ 1605 г. отказался присягнуть Лже-Дмитрію, и даже обличалъ его, и былъ за это въ тотъ же день казненъ на Лобномъ мѣстѣ (на Красной площади въ Москвѣ); слѣдуетъ упомянуть и о томъ Яковѣ Тургеневѣ, шутѣ Петра Великаго, которому поручено было въ новый 1700 г. обрѣзать ножницами бороды боярамъ.

И. С. Тургеневъ (по гравюрѣ Брокгауза).

Совсѣмъ иною и вполнѣ заслуженною извѣстностью пользовался въ концѣ прошлаго вѣка близкій родственникъ нашего писателя, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, масонъ и членъ „Дружескаго Ученаго Общества“, о которомъ мы упоминали выше—человѣкъ просвѣщенный и образованный, который направилъ юнаго Карамзина на литературную дорогу. Оба сына его — Николай и Александръ,—тоже неоднократно упоминались нами выше, какъ

образованнѣйшіе представители современнаго русскаго общества въ эпоху Александра Благословеннаго. Не мѣшаетъ припомнить, что Александръ Тургеневъ, тѣсно связанный со всѣми литературными дѣятелями Александровской эпохи, пользовался своимъ высокимъ государственнымъ положеніемъ [1] на пользу литературы и просвѣщенія, и въ началѣ 20-хъ годовъ ревностно занимался разработкою плановъ по уничтоженію крѣпостного состоянія. По кончинѣ Александра I, онъ вышелъ въ отставку, долго странствовалъ по Европѣ, и посвятилъ себя всецѣло собиранію историческихъ матерьяловъ по русской исторіи, разсѣянныхъ по иноземнымъ архивамъ и библіотекамъ. Братъ Александра Тургенева, Николай, замѣшанный въ дѣло о декабристахъ, былъ заочно приговоренъ слѣдственной комиссіей по этому дѣлу къ смертной казни. Онъ находился въ то время за границей, и не вернулся въ Россію. Его ученые труды по политической экономіи, его постоянныя сношенія съ лучшими представителями германской науки—доставили ему громкую и почетную извѣстность. Его весьма извѣстная книга „La Russie et les Russes" („Россія и Русскіе") была одною изъ первыхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, блестящею попыткою — дать иностранцамъ правильное понятіе о покинутомъ имъ отечествѣ и опровергнуть вкоренившееся въ Европѣ предубѣжденіе противъ Россіи. Оба эти Тургенева были двоюродными дядями Ивана Сергѣевича.

Родители И. С. Тургенева.

Полнѣйшую противоположность имъ представлялъ собою Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, отецъ нашего писателя. Онъ былъ человѣкъ весьма простой, не блиставшій никакими талантами, не отличавшійся и образованностью. Дворянинъ и орловскій помѣщикъ средняго состоянія, онъ, подобно многимъ другимъ дворянамъ его времени, избралъ военную службу только потому, что она была въ то время обычною карьерою для всей дворянской молодежи. Служа въ Елисаветградскомъ кирасирскомъ полку, который квартировалъ въ Орлѣ, Сергѣй Николаевичъ женился на очень богатой Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой, и въ приданое за женой получилъ обширныя имѣнья въ Орловской губерніи и прекрасное состояніе. Онъ скончался въ 1835 г., когда Ивану Сергѣевичу пошелъ 17-й годъ. Мать Ивана Сергѣевича, Варвара Петровна, дожила до весьма преклонныхъ лѣтъ и скончалась (въ 1850 г.) въ то время, когда ея сынъ пользовался уже громкою литературною извѣстностью.

Обученіе И. С. Тургенева.

По многимъ сохранившимся мѣстнымъ преданіямъ и разсказамъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что Варвара Петровна была типическою представительницею суроваго, властнаго и весьма

[1]) Онъ былъ въ Государственномъ Совѣтѣ помощникомъ статсъ-секретаря по департаменту законовъ.

требовательнаго поколѣнія помѣщиковъ-крѣпостниковъ. Поэтому, надо полагать, что впечатлѣнія дѣтства и ранней юности И. С. Тургенева были очень безотрадны и мрачны, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ семья Тургеневыхъ, послѣ долгаго пребыванія за границей, прочно осѣла въ своемъ родовомъ имѣніи — *Спасскомъ-Лутовиновѣ* (Мценскаго у., Орловской губерніи). Здѣсь пятилѣтній Иванъ Сергѣевичъ (средній изъ трехъ сыновей Сергѣя Николаевича) былъ окруженъ учителями и воспитателями иностранцами, о которыхъ не сохранилъ никакого признательнаго воспоминанія. Любопытно, однакоже, что первое знакомство съ русскими книгами и русской поэзіей пришло къ нему прямо изъ народа:—крѣпостной человѣкъ матери Ивана Сергѣевича, страстный чтецъ и преданнѣйшій поклонникъ Хераскова, ознакомилъ своего барича съ „Россіядой“, и эта тяжеловѣсная поэма была одною изъ первыхъ русскихъ книгъ, прочтенныхъ въ дѣтствѣ Иваномъ Сергѣевичемъ.

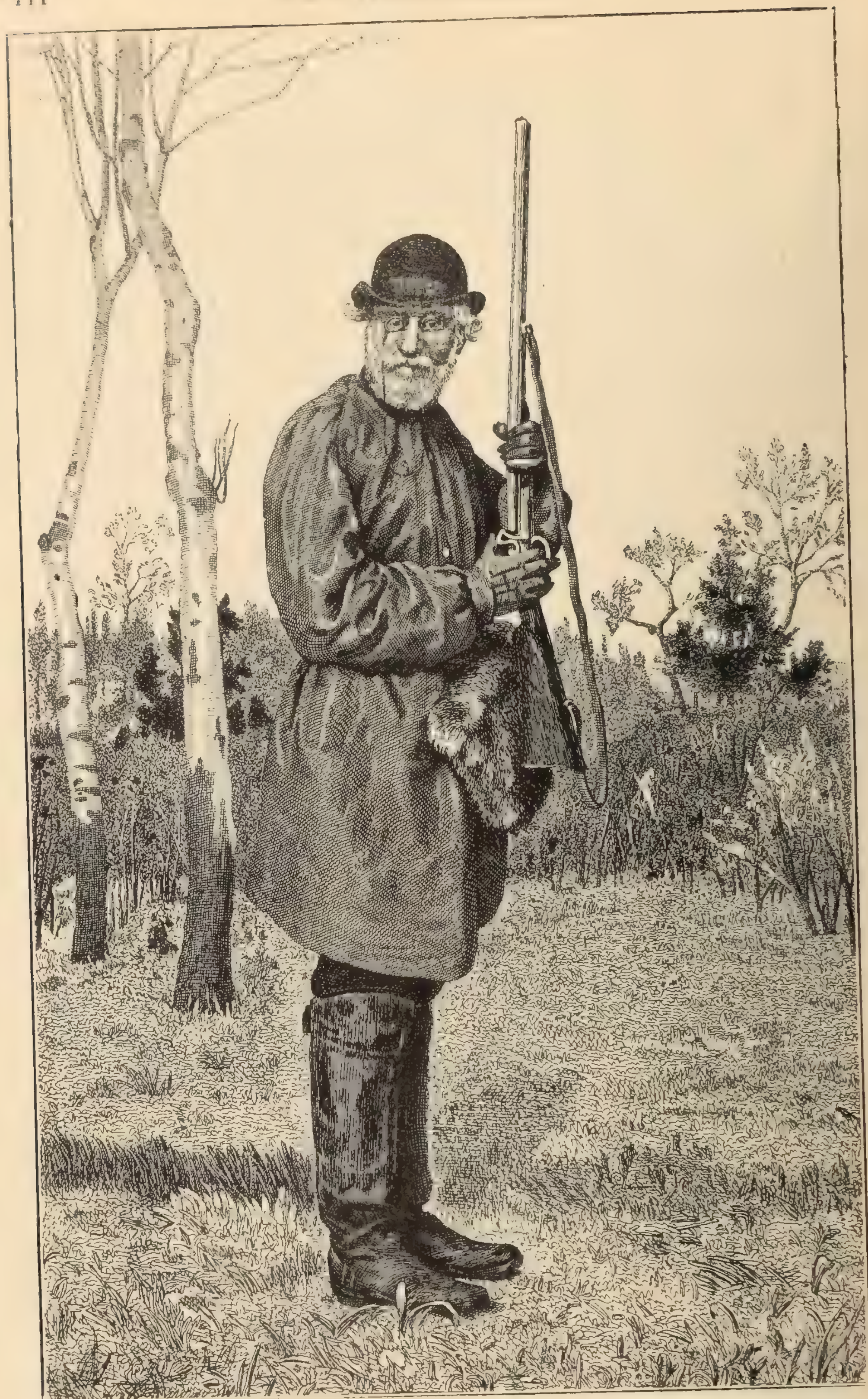
Позднѣе, чтеніе его избиралось, главнымъ образомъ, изъ круга иностранныхъ писателей, съ которыми юноша сжился и свыкся настолько, что на 17-мъ году уже зналъ чуть не наизусть „Исповѣдь Ж. Ж. Руссо“, въ подражаніе которой и самъ принялся-было писать весьма откровенное „повѣствованіе“ о себѣ. Отрывокъ этого курьезнаго дневника дошелъ до насъ и помѣщенъ нами на стр. 438. Какъ разъ около этого времени, Иванъ Сергѣевичъ (1834 г.) вступилъ студентомъ въ Московскій университетъ, по философскому факультету [1]).

Въ Московскомъ университетѣ Тургеневъ пробылъ не долго и черезъ годъ перешелъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1837 году. Это пребываніе въ университетѣ было памятно Ивану Сергѣевичу потому, что здѣсь онъ впервые сознавалъ свое призваніе и „представилъ на разсмотрѣніе профессора русской словесности, П. А. Плетнева“, фантастическую драму „Стеніо“, которую самъ называетъ „робкимъ подражаніемъ Байроновскому Манфреду“. Плетневъ прочелъ драму, разобралъ ее на лекціи и, въ видѣ поощренія, замѣтилъ юному автору, что „у него *что-то* есть“... Тургеневъ, тогда писавшій только стихи, рѣшился отдать Плетневу нѣсколько стихотвореній для помѣщенія въ „Современникѣ“, который онъ сталъ издавать послѣ кончины Пушкина, и съ великимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что два его стихотворенія были удостоены Плетневымъ напечатанія въ его журналѣ... Такъ началось его литературное поприще! Университетъ.

Къ чести Тургенева слѣдуетъ, однакоже, замѣтить, что онъ не спѣшилъ пожинать писательскіе лавры, а весь былъ проник-

---

[1]) Родители его переселились въ Москву еще въ 1828 году.

И. С. Тургеневъ «на тягѣ», по гравюрѣ Пожалостина (изъ собранія П. Я. Дашкова).

И. С. Тургеневъ, больной, въ своей опочивальнѣ, въ Буживалѣ (близъ Парижа).
Съ оригинальнаго рисунка, принадлежавшаго покойному Л. Н. Майкову.

нутъ желаніемъ учиться, желаніемъ во что бы то ни стало пополнить пробѣлы своего довольно скуднаго запаса знаній. И вотъ, весною 1838 года, Тургеневъ отправился „*доучиваться*" въ Берлинъ. „Я былъ убѣжденъ"—такъ пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ",—„что въ Россіи можно было только набраться нѣко-

торыхъ приготовительныхъ свѣдѣній, но что источникъ настоящаго знанія находится за границей". Такъ думали въ ту пору очень многіе, и самъ графъ Уваровъ, стоявшій во главѣ министерства народнаго просвѣщенія. И вотъ Тургеневъ поступилъ студентомъ въ Берлинскій университетъ, и провелъ въ немъ около двухъ лѣтъ, занимаясь философіей, древними языками, исторіей, и особенно усердно изучая Гегеля.

Тургеневъ въ Берлинѣ.

Сообщая въ „Воспоминаніяхъ" любопытныя подробности о своемъ пребываніи въ Берлинѣ, Тургеневъ очень живо передаетъ намъ и то настроеніе, которое побуждало его такъ ревностно предаваться нѣмецкой наукѣ.

„Стремленіе молодыхъ людей, моихъ сверстниковъ, за границу"—пишетъ И. С. Тургеневъ—„напоминало исканіе славянами начальниковъ у заморскихъ варяговъ. Каждый изъ насъ точно такъ же чувствовалъ, что *его земля* (я говорю о нравственномъ и умственномъ достояніи каждаго) велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Могу сказать о себѣ, что лично я весьма ясно сознавалъ всѣ невыгоды подобнаго отторженія отъ родной почвы, подобнаго насильственнаго перерыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣплявшихъ меня къ тому быту, среди котораго я выросъ... но дѣлать было нечего. Тотъ бытъ, та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ — полоса помѣщичья, крѣпостная—не представляла ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротивъ: почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувство смущенія, негодованія,—отвращенія наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надобно было либо покориться и смиренно побрести общей колеей по избитой дорогѣ, либо отвергнуть разомъ, оттолкнуть отъ себя „всѣхъ и вся", даже рискнуть потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ. Я бросился внизъ головою въ „Нѣмецкое море", долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ—я все-таки очутился „западникомъ" и остался имъ навсегда".

По поводу этого „западничества" припомнимъ, что Тургеневъ, на обратномъ пути изъ Европы, прожилъ довольно долго въ Москвѣ, гдѣ жила его мать. Тутъ онъ вошелъ въ кружокъ самыхъ ярыхъ славянофиловъ, перезнакомившись съ Аксаковыми, Кирѣевскими и Хомяковымъ. Но славянофильство, тогда только еще нарождавшееся, не привлекло къ себѣ Тургенева, который и въ теченіе всей своей жизни постоянно относился къ нему отрицательно.

Тургеневъ на службѣ.

Чрезвычайно любопытно то, что и Тургеневъ, совершенно независимый по своему матерьяльному и общественному положенію, все же былъ на нѣкоторое время вынужденъ поддаться, вѣ-

роятно, родственному вліянію — и поступилъ на службу при канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ. Но онъ числился на службѣ не болѣе года: знакомство съ Бѣлинскимъ и тѣсное сближеніе съ нимъ побудили его окончательно предаться литературнымъ занятіямъ. Поводомъ къ знакомству съ Бѣлинскимъ послужила небольшая поэма („*Параша*"), которую Тургеневъ издалъ въ свѣтъ, а Бѣлинскій похвалилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" [1]). Сближенію Бѣлинскаго съ Тургеневымъ много способствовало то, что юноша Тургеневъ „недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ занимался Гегелевской философіей, и былъ въ состояніи передать ему самые свѣжіе, самые послѣдніе ея выводы".

Тургеневъ и Бѣлинскій.

Однимъ изъ послѣдствій сближенія И. С. Тургенева съ Бѣлинскимъ было охлажденіе Тургенева къ поэзіи, въ которой онъ, по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, не проявлялъ особой силы таланта. И вотъ Тургеневъ отрекается отъ стихотворства и переходитъ къ прозѣ, сначала въ видѣ небольшихъ очерковъ и разсказовъ, а потомъ въ видѣ болѣе обширныхъ повѣстей и романовъ. Но переходъ этотъ совершился не вдругъ, и путь его творчества былъ медленный и постепенный. Случайность натолкнула Тургенева на тотъ литературный родъ, который долженъ былъ доставить ему громкую и широкую извѣстность. Въ 1846 году, Тургеневъ, по просьбѣ И. И. Панаева (одного изъ редакторовъ „Современника"), отдаетъ ему, для помѣщенія въ „Смѣси", свой небольшой очеркъ „*Хорь и Калинычъ*". Панаевъ, въ отсутствіе Тургенева, напечаталъ этотъ очеркъ, добавивъ къ нему, въ видѣ поясненія: „изъ Записокъ Охотника". Очеркъ имѣлъ огромный успѣхъ. Самъ Бѣлинскій пришелъ отъ него въ восторгъ и писалъ ему, что „*Хорь* обѣщаетъ въ немъ замѣчательнаго писателя—въ будущемъ". И дѣйствительно, успѣхъ „Хоря" ободрилъ Тургенева и побудилъ его написать цѣлый рядъ подобныхъ же очерковъ, подъ тѣмъ же случайнымъ общимъ заглавіемъ. Самъ Тургеневъ, въ „Воспоминаніяхъ", говоритъ, что, конечно, не написалъ бы „Записокъ Охотника", если бы случайно не пришлось ему уѣхать на время за границу. Онъ признается, что въ концѣ 40-хъ годовъ, особенно послѣ смерти Бѣлинскаго, ему такъ тяжело жилось въ Россіи, что онъ чуть-было не рѣшился, уже и въ это время, навсегда уѣхать изъ Россіи за границу. Грустное чувство, вызванное мыслью объ этомъ рѣшеніи, отразилось на бо̀льшей части „Записокъ Охотника", написанныхъ преимущественно въ Парижѣ: особенно замѣтно это грустное настроеніе въ описаніяхъ природы, съ которою Тургеневъ какъ бы прощается, уже не предполагая еще разъ ее увидѣть...

[1]) ‹Параша› была издана Тургеневымъ не съ полнымъ именемъ. Имя автора было скрыто подъ буквами Т. Л.

«Два брата»—дерево въ саду усадьбы Спасское-Лутовиново.

„Записки Охотника“ и повѣсти.

Тургеневу было не болѣе 27 лѣтъ, когда онъ выступилъ со своими „Записками Охотника“ и создалъ всю серію этихъ прекрасныхъ этюдовъ природы и народной жизни. Можно сказать съ полной увѣренностью, что если бы Тургеневъ не написалъ даже ничего болѣе, то и однѣхъ „Записокъ Охотника“ было бы уже достаточно, чтобы дать ему видное мѣсто въ нашей литературѣ. Но оказалось, что эти очерки были у него тѣмъ же, чѣмъ были „Вечера на хуторѣ“ у Гоголя—пробами пера, за которыми вскорѣ послѣдовали болѣе крупныя произведенія. Послѣ „Запи-

Автографъ И. С. Тургенева. Начало 2-го дѣйствія его драмы «Стеніо».

сокъ Охотника", встрѣченныхъ публикою очень горячо, въ 1844 г. явилась первая небольшая повѣсть Тургенева „*Андрей Колосовъ*", въ 1845 комедія „*Безденежье*", въ 1846 — новыя три повѣсти: „*Бреттеръ*", „*Три портрета*" и „*Жидъ*"; въ 1847 — „*Пѣтушковъ*" и опять комедія „*Гдѣ тонко, тамъ и рвется*". Въ 1848—50 гг. Тургеневъ создаетъ лучшія изъ своихъ драматическихъ опытовъ: пьесы: „*Холостякъ*" и „*Провинціалка*". Послѣ 1851 года Тургеневъ не пишетъ болѣе для сцены и перестаетъ увлекаться театромъ:— онъ, видимо, сознаетъ, что его талантъ не создастъ для сцены ничего яркаго и выдѣляющагося, и отреченіе отъ сцены вліяетъ весьма плодотворно на литературную дѣятельность Тургенева.

Такимъ образомъ, въ 1851 году заканчивается первый, юношескій періодъ творчества у Тургенева и наблюдается переходъ къ болѣе серьезнымъ литературнымъ задачамъ. Молодость и свѣжесть автора ясно сказываются во многихъ отличительныхъ признакахъ его произведеній этой эпохи. Онъ болѣе всего заботится въ нихъ о главной, основной тэмѣ своего разсказа и почти не примѣшиваетъ къ ней своихъ ощущеній и разсужденій. Не даромъ, въ первой своей повѣсти („Андрей Колосовъ") онъ „относитъ себя къ числу людей, которые любятъ размышлять о собственныхъ ощущеніяхъ, хотя самъ терпѣть не можетъ такихъ людей". Его герои этого періода, дѣйствительно, гораздо болѣе дѣйствуютъ, нежели разсуждаютъ и размышляютъ, стараясь извлечь изъ переживаемой минуты все, что она можетъ дать. Это все—люди цѣльные, съ сильною волею и независимымъ характеромъ:—таковъ Андрей Колосовъ, таковъ Авдѣй Лучковъ (въ „*Бреттеръ*"), таковъ Василій Ивановичъ Лучиновъ („*Три портрета*"). Самъ авторъ относится къ выводимымъ въ его произведеніяхъ героямъ довольно безразлично: онъ нигдѣ и ничѣмъ не высказываетъ къ нимъ ни сочувствія, ни отвращенія; онъ какъ-будто занятъ только тѣмъ, чтобы набросать нѣсколькими штрихами художественный образъ... И только! Но въ послѣдней повѣсти этого юношескаго періода („*Пѣтушковъ*") замѣтенъ уже переходъ къ иному, болѣе глубокому и болѣе серьезному настроенію. Мы уже видимъ, что авторъ въ своемъ „Пѣтушковѣ" пытается создать типъ одного изъ тѣхъ россійскихъ *неудачниковъ*, которые гибнутъ по недостатку воли и неумѣнью справиться съ житейскими невзгодами. И этотъ типъ неудачника — любимый типъ Тургенева—является потомъ въ различныхъ видахъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ очень многихъ произведеніяхъ Тургенева, въ послѣдующемъ періодѣ его литературной дѣятельности.

Въ „Пѣтушковѣ" мы, впервые, видимъ автора, выступающаго изъ-за героевъ повѣсти — съ желаніемъ высказаться. Онъ

уже не довольствуется фабулой разсказа, а старается пояснить и освѣтить факты, вставляя и „отъ себя“ словечко. Такъ, напр., стараясь оправдать увлеченіе Пѣтушкова вполнѣ прозаическою Василисой, авторъ замѣчаетъ отъ себя:

„Любовь—дѣло случайное, существуетъ сама по себѣ, какъ искусство, и не нуждается въ оправданіяхъ, какъ природа“.

И въ той же повѣсти слышатся намъ первые отголоски зарождающагося въ авторѣ недовольства судьбою:

„На землѣ, — говоритъ онъ: — нѣтъ ничего совершеннаго, и какъ ни малы требованія человѣка, судьба никогда вполнѣ не удовлетворитъ его, даже испортитъ дѣло, если можно. Ложка дегтю попадетъ-таки въ бочку меду...“

Второй періодъ дѣятельности Тургенева.

Второй и едва ли не самый важный періодъ литературной дѣятельности Тургенева начинается съ повѣсти „*Дневникъ лишняго человѣка*“, и заканчивается „*Дворянскимъ Гнѣздомъ*“ (1850—1858 гг.). Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ нему, припомнимъ одну біографическую подробность, которая, несомнѣнно, оказала значительное вліяніе на литературную дѣятельность Тургенева въ этомъ періодѣ. Въ 1852 году, тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Гоголя, Тургеневъ сгоряча написалъ статью, которая не была пропущена петербургскою цензурою. Тогда онъ переслалъ ее въ Москву, гдѣ цензура ее пропустила и статья появилась въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (въ мартѣ, 1852 г.). Этотъ фактъ былъ истолкованъ, какъ „намѣренное нарушеніе цензурныхъ правилъ и ослушаніе имъ“—авторъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ въ части, а потомъ сосланъ на жительство въ деревню, гдѣ и пробылъ два года. „Но все къ лучшему,—замѣчаетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“:—пребываніе подъ арестомъ и въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ моего вниманія“.

И дѣйствительно, обязательное удаленіе отъ свѣтской суеты и деревенское уединеніе придали много зрѣлости и силы таланту Тургенева. Сила эта и проявляется въ цѣломъ рядѣ блестящихъ произведеній, въ которыхъ Тургеневъ воспроизводитъ одинъ и тотъ же типъ человѣка, или по природѣ своей не подходящаго къ суровымъ условіямъ окружающей его дѣйствительности, или по воспитанію не подготовленнаго ни къ какому дѣлу при этихъ условіяхъ. Этотъ типъ „россійскихъ неудачниковъ“ проходитъ у Тургенева черезъ весь этотъ періодъ въ различныхъ видоизмѣненіяхъ: онъ является въ лицѣ *Чулкатурина* (въ „*Дневникъ лишняго человѣка*“), въ лицѣ *Акима* (въ „*Постояломъ Дворѣ*“), *Веретьева* (въ „*Затишьѣ*“), въ лицѣ *Якова Пасынкова* и *Рудина*, и, наконецъ,—въ

CCIV.

Автографъ И. С. Тургенева. Изъ тетради стихотвореній (въ собраніи П. Я. Дашкова).

лицѣ *Лаврецкаго* (въ „*Дворянскомъ Гнѣздѣ*"). Всѣ эти герои — одинаково несчастливы — всѣ они гибнутъ на глазахъ читателя; одни—отъ избытка силъ, которымъ не умѣютъ найти примѣненія; другіе—отъ тяжелаго сознанія собственной непригодности и ничтожества; третьи—отъ неумѣнья совладать съ чувствомъ любви, которое особенно сокрушительно вліяетъ на эти натуры, исключительно живущія сердцемъ... Всѣ эти герои пользуются глубокимъ сочувствіемъ автора, который, признавая полную ихъ непригодность для жизни, все же старается ихъ оправдать съ точки зрѣнія тѣхъ высшихъ побужденій, которыя руководятъ ими...

Крестьянамъ села Спасскаго-Лутовинова.

Я получилъ Ваше письмо и благодарю васъ за добрую память обо мнѣ и за хорошія пожеланія. — Мнѣ самому очень жаль что болѣзнь помѣшала мнѣ въ нынѣшнемъ году побывать въ Спасскомъ. — Мое здоровье поправляется — и я надѣюсь, что будущее лѣто я проведу въ Спасскомъ.

Дошли до меня слухи что съ нѣкоторыхъ поръ у васъ гораздо меньше пьютъ вина; очень этому радуюсь и надѣюсь что вы и впредь будете отъ него воздерживаться: для крестьянина пьянство — первое раззорение.

Письмо И. С. Тургенева къ крестьянамъ. Изъ собранія П. Я. Дашкова.

Въ половинѣ второго періода, Тургеневъ, въ одной изъ лучшихъ своихъ повѣстей—въ „Рудинѣ"—пытается даже противопоставить ему типъ *Лежнева* — человѣка положительнаго и вполнѣ пригоднаго для жизни. Устами Лежнева онъ выясняетъ намъ типъ Рудина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказываетъ рѣзкій приговоръ космополитизму и его увлеченіямъ:

„Несчастье Рудина,—говоритъ Лежневъ:—состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это — точно большое несчастіе. Рос-

Но жалѣю, что, тоже по слухамъ, Ваши дѣти мало посѣщаютъ школу. — Помните, что въ наше время безграмотный человѣкъ — всё же что слѣпой или безрукій.

По примѣру прежнихъ лѣтъ дарю вамъ одну десятину лѣса въ мѣстѣ, которое вамъ укажетъ и отведётъ Николай Александровичъ.

Увѣренъ, что вы никакого ущерба ни дому моему, ни саду, ни вообще имѣнію моему дѣлать не будете — и въ томъ на васъ полагаюсь.

За симъ кланяюсь вамъ всѣмъ, Спасскіе крестьяне

(Продолженіе того же письма).

сія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ; но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ; двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится. Космополитизмъ — чепуха; космополитъ — нуль, хуже нуля; внѣ народности—ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіогноміи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи".

Тургеневъ писалъ эти строки, глубоко вѣруя въ то, что писалъ, тѣмъ болѣе, что „Рудинъ" совпалъ именно съ только-что наступившею эпохою нашего общественнаго обновленія, съ эпохою самыхъ теплыхъ упованій на лучшее будущее... Притомъ и нравственные идеалы Тургенева еще оставались положительными,

и желаю вамъ всякаго благополучія

Бывшій Вашъ помѣщикъ

Иванъ Тургеневъ

Сего 4-го Сентября
1882-го года.

(Окончаніе того же письма).

непоколебленными. Онъ вѣрилъ въ то, что „у всѣхъ есть одинъ якорь — *чувство долга*“: онъ вѣритъ въ пользу борьбы и всѣхъ ободряетъ къ борьбѣ съ жизнью, утѣшая тѣмъ, что „сознаніе честно-выдержанной борьбы едва-ли не выше торжества побѣды...“ Онъ напоминаетъ всѣмъ, что „не счастье, а достоинство человѣческое—главная цѣль жизни“.

Но именно въ ту пору, когда въ душѣ Тургенева начиналъ созрѣвать положительный идеалъ жизни, въ ту пору, когда онъ вполнѣ увѣровалъ въ свои силы и въ значеніе своего таланта, когда онъ успѣлъ привлечь къ себѣ вниманіе всего русскаго общества—надъ Тургеневымъ стряслось что-то недоброе. Въ его внутренней жизни произошло какое-то событіе, которое поколебало его вѣру въ себя самого, и надломило тѣ надежды, какія онъ возлагалъ на будущее. Выраженіемъ этого неожиданнаго перелома въ душевномъ настроеніи автора осталось высоко-поэтическое произведеніе его — повѣсть „*Фаустъ*“, повидимому, тѣсно связанная съ какими-то тягостными фактами внутренней жизни автора. Грустными нотами звучитъ окончаніе повѣсти, въ заключеніе которой авторъ, устами своего героя, говоритъ: Постороннія вліянія.

„...Одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь не шутка и не забава; жизнь даже не наслажденіе... жизнь тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка; не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы онѣ возвышенны ни были—исполненіе долга: вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку. Не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща“.

Въ той же повѣсти, Тургеневъ впервые допускаетъ въ своемъ творчествѣ „элементъ сверхъестественный, невѣдомый“, элементъ „вліянія тайныхъ силъ природы...“ „Я многому вѣрю

теперь, — говоритъ авторъ:—чему не вѣрилъ прежде... Кто знаетъ, сколько каждый живущій на землѣ оставляетъ сѣмянъ, которымъ суждено взойти только послѣ его смерти?.. Кто скажетъ, какою таинственною цѣпью связана судьба человѣка съ судьбой его дѣтей, его потомства, и какъ отражаются на нихъ его стремленія, какъ взыскиваются съ нихъ его ошибки? Мы всѣ должны смириться и преклонить головы передъ невѣдомымъ...“

Вслѣдъ за „*Фаустомъ*“ наступаетъ годовой перерывъ въ литературной дѣятельности Тургенева, послѣ двѣнадцатилѣтняго упорнаго и плодовитаго труда—и послѣ этого перерыва во всѣхъ произведеніяхъ Тургенева чувствуется уже иное настроеніе, вѣетъ инымъ духомъ...

Послѣ годового перерыва, Тургеневъ опять принялся за перо; въ 1857 г. явились двѣ небольшія вещи: „*Поѣздка въ Полѣсье*“ и „*Ася*“; въ слѣдующемъ, 1858 году—одно изъ лучшихъ и самыхъ крупныхъ его произведеній—„*Дворянское Гнѣздо*“. Этимъ произведеніемъ, какъ мы уже указывали выше, заканчивается второй періодъ литературной дѣятельности Тургенева.

„Поѣздка въ Полѣсье“ начинается прекраснымъ, высокопоэтическимъ сравненіемъ дремучаго лѣса съ моремъ. Отъ этой величавой картины Тургеневъ переходитъ весьма естественно къ сознанію ничтожества человѣка передъ необъятною мощью вѣчной природы; а отъ этого сознанія—къ воспоминаніямъ и размышленіямъ о своемъ прошломъ и настоящемъ, и изъ души его вдругъ вырывается раздирающій вопль:

„О жизнь, жизнь! Куда, какъ ушла ты такъ безслѣдно? Какъ выскользнула ты изъ крѣпко-стиснутыхъ рукъ? Ты-ли меня обманула? Я-ли не умѣлъ воспользоваться твоими дарами? Возможно-ли? Эта малость, эта бѣдная горсть пыльнаго пепла—вотъ все, что осталось отъ тебя? Это холодное, неподвижное, ненужное нѣчто—это я, тотъ прежній я? Какъ? Душа жаждала счастья такого полнаго, она съ такимъ презрѣніемъ отвергала все мелкое, все недостаточное; она ждала: вотъ-вотъ нахлынетъ счастье потокомъ — и ни одной каплей не смочило алкавшихъ губъ? О, золотыя мои струны! Вы, такъ чутко, такъ сладостно дрожавшія

Послѣдняя подпись И. С. Тургенева, за нѣсколько дней до кончины.
Изъ собранія П. Я. Дашкова.

Новь.

романъ

> „Поднимать слѣдуетъ
> „новь не поверхностно скользящей „сохой“, но глубоко забирающимъ плугомъ
> (изъ записокъ одного хозяина агронома)

I

Весною 1868го года часу въ первомъ дня, въ Петербургѣ, взбирался по черной лѣстницѣ пятиэтажнаго дома въ Офицерской улицѣ человѣкъ лѣтъ двадцати семи небрежно и бѣдно одѣтый. Тяжело шлёпая стоптанными калошами медленно покачивая грузное, неуклюжее тѣло, человѣкъ этотъ достигнулъ наконецъ самаго верха лѣстницы, остановился передъ оборванной полураскрытой дверью и не позвонивъ въ колокольчикъ а только шумно вздохнувъ, ввалился въ небольшую темную переднюю.

— Неждановъ дома? крикнулъ онъ густымъ и громкимъ голосомъ.

— Его нѣтъ — я здѣсь, войдите, раздался въ сосѣдней комнатѣ другой, тоже довольно грубоватый женскій голосъ.

— Машурина? переспросилъ новопришедшій

— Она самая и есть. — А Вы — Ветродумовъ?

— Пименъ Ветродумовъ отвѣчалъ тотъ и, старательно снявъ сперва калоши, потомъ повѣсивъ на гвоздь ветхую шинелишку, вошелъ въ комнату, откуда раздался женскій голосъ.

Низкая, неопрятная, со стѣнами выкрашенными мутно-зелёной краской, комната эта едва освѣщалась двумя запыленными окошками. Только и виднѣлось въ ней мебели, что желѣзная кроватка въ углу, да столъ по серединѣ, да нѣсколько стульевъ, да этажерка, заваленная книгами — Возлѣ стола сидѣла женщина лѣтъ тридцати, простоволосая, въ темной широкой блузѣ и курила папироску. — Увидѣвъ вошедшаго Ветродумова,

Автографъ И. С. Тургенева. Черновая рукопись «Нови», вся писанная рукою автора. Хранится въ рукописномъ отдѣленiи Императорской Публичной Библiотеки.

когда-то, я такъ и не услышалъ вашего пѣнья... Вы звучали только, — когда рвались... Или, можетъ-быть, счастье, прямое счастье всей жизни проходило близко, мимо, улыбалось лучезарной улыбкой—да я не умѣлъ признать его божественнаго лица?.. Или оно, точно, посѣщало меня и сидѣло у моего изголовья—да позабылось мною, какъ сонъ? О, неужели нѣтъ надежды, нѣтъ возврата?.. О сердце, къ чему, зачѣмъ еще жалѣть? Старайся забыть, если хочешь покоя, пріучайся къ смиренію послѣдней разлуки, къ горькимъ словамъ: „прости“ и „навсегда“. Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ голубая радость бьетъ лазурными крылами, гдѣ любовь, какъ роза на зарѣ, сіяетъ слезами восторга; не смотри туда, гдѣ блаженство, и вѣра, и сила—тамъ не наше мѣсто!“

Такими же грустными, элегическими нотами звучитъ и заключеніе къ прелестному разсказу „Ася“.

Вскорѣ послѣ того явилось въ свѣтъ „*Дворянское Гнѣздо*“, которое блескомъ своимъ затмило всѣ предшествующія творенія Тургенева. Чрезвычайно сильное, обаятельное впечатлѣніе этого романа, главнымъ образомъ, вызвано было нѣжнымъ и прекраснымъ образомъ *Лизы*, этой чистой и высоко-нравственной русской дѣвушки. Художественный образъ *Лизы* закончилъ собою ту блестящую галлерею женскихъ типовъ, которая составляетъ главную красоту второго періода литературной дѣятельности Тургенева. Дворянское Гнѣздо.

Нельзя, однакоже, не замѣтить, что настроеніе автора и въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“—то же, что и въ „Фаустѣ“. Тѣми же высокими, прекрасными, но глубоко-грустными мотивами звучитъ эпилогъ „Дворянскаго Гнѣзда“, въ которомъ Лаврецкій, вспоминая о быстро-минувшей молодости, терзается мыслью, что на мѣсто ея наступитъ „одинокая старость“.

Въ заключеніе повѣсти, Лаврецкій, оглядываясь на свою жизнь и прислушиваясь къ веселымъ возгласамъ рѣзвившейся вдали молодежи, погружается въ раздумье... „Играйте, веселитесь, растите молодыя силы! — думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ: — жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить; вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть—и сколько изъ насъ не уцѣлѣло!—а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать — и благословеніе нашего брата-старика будетъ съ вами. А мнѣ остается отдать вамъ послѣдній поклонъ—и хотя съ печалью, но безъ зависти, безъ всякихъ темныхъ чувствъ сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь!“

Въ этомъ горькомъ разочарованіи, въ этомъ сознаніи своей

безполезности, ненужности —намъ слышится голосъ самого автора, чуются въ немъ самомъ зародившіяся и укоренившіяся воззрѣнія. А между тѣмъ, этого менѣе всего можно было ожидать:—ему въ то время было не болѣе сорока лѣтъ; онъ былъ свѣжъ силами, цвѣлъ здоровьемъ; матерьяльное положеніе его было превосходное; а положеніе въ литературѣ такое, какое достается на долю лишь очень немногимъ избранникамъ... Но духъ его, очевидно, уже не былъ бодръ. Онъ уже былъ недоволенъ дѣйствительностью, хотя она носила въ себѣ всѣ задатки самаго блестящаго будущаго. Онъ былъ недоволенъ и нашей интеллигенціей, и журналистикой, и тѣми дѣятелями, которые выносили на плечахъ своихъ всю тяжесть реформъ новаго царствованія. Ему казалось, что событія идутъ не достаточно быстро; ему хотѣлось вѣрить въ то, что переходъ отъ старыхъ порядковъ къ новымъ можетъ совершиться безъ всякихъ затрудненій и болѣзненныхъ явленій, — однимъ только общимъ отреченіемъ отъ застарѣлой, вѣковой апатіи, однимъ общимъ желаніемъ дѣйствовать и участвовать въ общемъ движеніи...

Это направленіе высказалось ясно въ первыхъ произведеніяхъ третьяго періода, къ которому мы относимъ все, написанное Тургеневымъ послѣ „*Дворянскаго Гнѣзда*" и до окончательнаго переселенія за границу въ 1863 году. Въ этомъ именно смыслѣ мы придаемъ большое значеніе статьѣ Тургенева „*Гамлетъ и Донъ-Кихотъ*" и его повѣсти „*Наканунѣ*" [1].

Теперь намъ представляется почти яснымъ то, что̀ побудило Тургенева поставить Донъ-Кихота, сражающагося съ мельницами, выше Гамлета, гибнущаго по волѣ злой судьбины, навязавшей ему на руки выполненіе непосильнаго подвига. Мы теперь понимаемъ, что̀ именно побудило Тургенева назвать Гамлета „*эгоистомъ*", а Донъ-Кихота—„образцомъ настоящаго джентльмена". Въ ту минуту, когда Тургеневъ писалъ свою параллель, онъ, очевидно, увлекался настроеніемъ той части общества, которой казалась открытая борьба за идею, хотя бы и неразумная, но самоотверженная—идеаломъ и верхомъ гражданской доблести...

„Наканунѣ". Подъ тѣмъ же настроеніемъ была написана и повѣсть „*Наканунѣ*". При своемъ появленіи, эта повѣсть производила на всѣхъ особое, чарующее впечатлѣніе. Многими она читалась съ замираніемъ сердца, многими истолковывалась, какъ многозначительный намекъ на какія-то грядущія, знаменательныя событія... И странно сказать: Тургеневъ въ этой своей повѣсти отступилъ отъ всѣхъ

[1]) «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ» была прочитана на одномъ изъ публичныхъ чтеній въ пользу Литературнаго фонда въ 1859 г.; это была послѣдняя статья, помѣщенная Тургеневымъ въ «Современникѣ». Слѣдующее произведеніе, «Наканунѣ», появилось уже въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова.

своихъ прежнихъ взглядовъ и убѣжденій, отрекся даже отъ своей „постепенности". Героемъ повѣсти является болгаринъ Инсаровъ — недалекій, не блистающій никакими особенными достоинствами, но заявляющій упорное желаніе умереть за освобожденіе родины. Онъ знаетъ, что его родина къ этому освобожденію не подготовлена, что борьба за нее будетъ напрасною — и все же ставитъ освобожденіе ея цѣлью своей жизни. Рядомъ съ Инсаровымъ, Тургеневъ даетъ намъ типъ русской дѣвушки, *Елены*, который тоже не имѣетъ ничего общаго съ его прежними героинями. Эта „Елена" была бы намъ понятна, если бы она была выставлена авторомъ какъ дочь какого-нибудь черногорскаго бойца, а не московская барышня конца 50-хъ годовъ, — не дочь Николая Артемьевича Стахова, типичнаго дворянина и помѣщика. Но, при этихъ условіяхъ, непонятенъ характеръ „Елены", непонятно предпочтеніе, которое она отдаетъ грубоватому и малоразвитому Инсарову, ни ея желанія уйти съ нимъ на край свѣта и перенести всѣ ужасы и опасности народнаго возстанія. Въ этихъ характерахъ и въ самой основѣ повѣсти выразилось только минутное увлеченіе Тургенева какими-то чуждыми для него идеалами: онъ, какъ будто, временно увѣровалъ въ то, что слѣдуетъ отъ слова перейти къ дѣлу, и дѣйствовать, и бороться, хотя бы пришлось воевать... съ мельницами. Но художественное чутье Тургенева прекрасно сказалось въ томъ, что онъ не допустилъ Инсарова до дѣйствія. Онъ самъ не былъ увѣренъ въ своемъ героѣ, образъ котораго оставался въ его сознаніи туманнымъ и неопредѣлившимся. Онъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ своихъ героевъ довольно произвольно: Инсаровъ умираетъ, не достигнувъ цѣли своихъ пламенныхъ стремленій, — Елена пропадаетъ безслѣдно...

Временное настроеніе, выразившееся въ „Наканунѣ", — это воплощеніе одного изъ моментовъ, пережитыхъ русскимъ обществомъ конца 1850-хъ годовъ — не ободрило Тургенева, не доставило ему возможности увѣровать въ пригодность его героевъ для возрождавшейся Россіи. Въ послѣдующемъ своемъ произведеніи („*Первая любовь*", 1860 г.), онъ снова возвращается къ тому же элегическому настроенію, первые проблески котораго были нами подмѣчены въ „Фаустѣ".

„О, молодость, молодость!" — восклицаетъ Тургеневъ въ концѣ своей новой повѣсти: — „тебѣ нѣтъ ни до чего дѣла. Ты какъ будто бы обладаешь всѣми сокровищами вселенной! Даже грусть тебя тѣшитъ, даже печаль тебѣ къ лицу! Ты самоувѣренна и дерзка; ты говоришь: я одна живу — смотрите! А у самой дни бѣгутъ и исчезаютъ безъ слѣда и безъ счета, и все въ тебѣ исчезаетъ какъ воскъ на солнцѣ, какъ снѣгъ... И можетъ быть, вся тайна твоей прелести состоитъ не въ возможности все сдѣлать, а

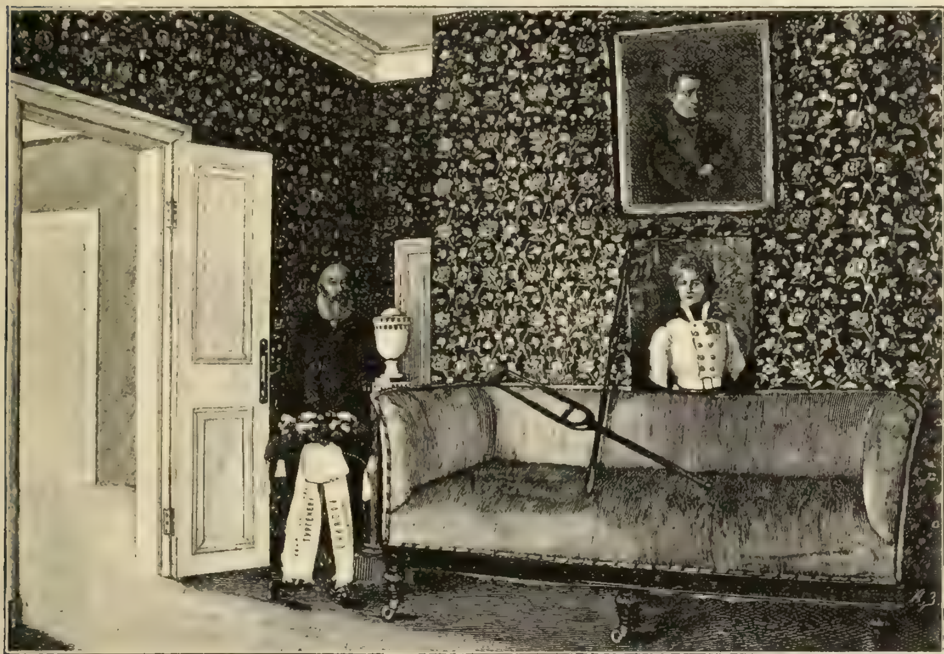
въ возможности думать, что ты все сдѣлаешь — состоитъ именно въ томъ, что ты пускаешь по вѣтру силы, которыя ни на что другое употребить бы не умѣла въ томъ, что каждый изъ насъ, не шутя, считаетъ себя разорителемъ, не шутя, полагаетъ, что онъ въ правѣ сказать: „о! что̀ бы я сдѣлалъ, если бы я не потерялъ времени даромъ!“

„Отцы и Дѣти“. То небольшое произведеніе, изъ котораго мы заимствуемъ этотъ отрывокъ, было единственнымъ, появившимся въ печати въ 1860 г., и уже въ то время, когда оно печаталось, въ душѣ Тургенева съ полною опредѣленностью обрисовывались образы той знаменитой повѣсти, которая вызвала такую нежданную бурю въ современномъ русскомъ обществѣ. Мы говоримъ о повѣсти „*Отцы и Дѣти*“, явившейся въ 1861 году.

Вотъ что сообщаетъ намъ самъ Тургеневъ объ этомъ произведеніи въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. „Я бралъ ванны въ Вентнорѣ — маленькомъ городкѣ на островѣ Вайтѣ (это было въ августѣ 1860 г.), когда мнѣ пришла въ голову первая мысль „Отцовъ и Дѣтей“... „Не однажды слышалъ я и читалъ въ критическихъ статьяхъ, что я въ моихъ произведеніяхъ „отправляюсь отъ идей“ или „провожу идеи“; иные меня за это хвалили, другіе, напротивъ, порицали; съ своей стороны, я долженъ сознаться, что никогда не покушался „создавать образъ“, если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постоянно примѣнивались и прикладывались подходящіе элементы. Точно такъ же произошло и съ „Отцами и Дѣтьми“: — въ основаніе главной фигуры, *Базарова*, легла одна, поразившая меня личность молодого провинціальнаго врача (онъ умеръ незадолго до 1860 г.). Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ воплотилось — на мои глаза — то, едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе ***нигилизма***. Впечатлѣніе, произведенное на меня этою личностью, было очень сильно, и, въ то же время, не совсѣмъ ясно; я, на первыхъ порахъ, самъ не могъ хорошенько отдать себѣ въ немъ отчета, и напряженно прислушивался и приглядывался ко всему, что меня окружало, какъ бы желая повѣрить правдивость собственныхъ ощущеній. Меня смущалъ слѣдующій фактъ: ни въ одномъ произведеніи нашей литературы я даже намека не встрѣчалъ на то, что мнѣ чудилось повсюду; поневолѣ возникло сомнѣніе: — ужъ не за призракомъ ли я гонюсь?..“

Но внутреннее чувство говорило ему иное: онъ сознавалъ, что подмѣченный имъ, нарождающійся типъ „Базаровыхъ“ — есть сама правда, сама дѣйствительность, и онъ, съ поразительною смѣлостью, рѣшился его вывести... Собственно говоря, въ ту горячую пору всякихъ, болѣе или менѣе основательныхъ надеждъ и упованій, въ ту эпоху страстнаго увлеченія общественными во-

просами - такая повѣсть, какъ „*Отцы и Дѣти*“, была истиннымъ гражданскимъ подвигомъ со стороны Тургенева. Онъ рѣшился на этотъ подвигъ только потому, что типъ *новаго* человѣка, нарождавшійся типъ Базаровыхъ, его мучилъ, покою ему не давалъ, напрашиваясь на художественный образъ, еще никѣмъ не воплощенный... Но этотъ подвигъ поднялъ страшную бурю противъ автора, такъ какъ никому его „Базаровъ“ не былъ понятенъ—и вотъ на автора посыпались всевозможныя осужденія изъ самыхъ противоположныхъ литературныхъ лагерей.

Любимая комната Тургенева въ его усадьбѣ Спасское-Лутовиново.

„Я испыталъ тогда впечатлѣнія“, — говоритъ Тургеневъ въ „Воспоминаніяхъ“, — „хотя и разнородныя, но одинаково тягостныя. Я замѣчалъ холодность, доходившую до негодованія, во многихъ мнѣ близкихъ и симпатичныхъ людяхъ; я получалъ поздравленія, чуть не лобызанія, отъ людей противнаго мнѣ лагеря, отъ враговъ. Меня это конфузило, огорчало; но совѣсть не упрекала меня; я хорошо зналъ, что честно отнесся къ выведенному мною типу“. И вотъ, въ теченіе нѣкотораго времени, Тургеневъ выдерживалъ мужественно нападки критики; онъ даже отвѣчалъ на нихъ такъ: „точное и сильное воспроизведеніе истины, реальности жизни—есть высочайшее счастіе для литератора, даже если эта истина не совпадаетъ съ его собственными симпатіями...“ Но потомъ у него не хватило гражданскаго мужества, чтобы отнестись къ кривымъ толкованіямъ его повѣсти съ подобающимъ

пренебреженіемъ. Онъ вознегодовалъ и рѣшился порвать свои связи съ русскимъ интеллигентнымъ обществомъ. Въ 1863 г. онъ купилъ себѣ участокъ земли въ Баденъ-Баденѣ, построилъ на немъ виллу, и прожилъ тамъ до 1870 г., т. е. до начала франко-прусской войны. Когда война окончилась, онъ не захотѣлъ подчиняться новымъ прусскимъ порядкамъ, продалъ свою виллу въ Баденъ-Баденѣ, и переселился на житье въ Парижъ, гдѣ и провелъ все остальное время своей жизни, продолжая, однакоже, ежегодно наѣзжать въ Россію, гдѣ обыкновенно гостилъ у себя въ помѣстьѣ два-три мѣсяца.

Третій періодъ дѣятельности Тургенева, послѣ вторичнаго годового перерыва, закончился двумя произведеніями—„*Призраки*“ (1863 г.) и „*Довольно*“ (1864 г.). Въ послѣднемъ произведеніи, полномъ высоко-поэтическихъ красотъ, мрачное настроеніе, давно уже овладѣвшее Тургеневымъ, видимо достигло своего апогея. Здѣсь нашъ великій писатель, прощаясь со своимъ прошлымъ, отрекаясь отъ своего творчества, предается мрачному отчаянію, отрицающему и любовь, и примиреніе, и всякія упованія. Онъ сознаетъ свое полное безсиліе передъ мощною силою природы, „которая не знаетъ искусства, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра“... „отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка переходящая, не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго“... „Гдѣ же намъ, бѣднымъ людямъ, бѣднымъ художникамъ — сладить съ этой глухонѣмой, слѣпорожденной силой, которая даже не торжествуетъ своей побѣды, а идетъ, идетъ впередъ, все пожирая!.. Какъ устоять противъ этихъ тяжелыхъ, грубыхъ, безконечно и безустанно надвигающихся волнъ? Какъ повѣрить, наконецъ, въ значеніе и достоинство тѣхъ бренныхъ образовъ, которые мы, въ темнотѣ, на краю бездны, лѣпимъ изъ праха и на мигъ?“... „Пока можно обманываться и не стыдно лгать — можно жить и не стыдно надѣяться. Истина — не полная истина (о той и помину быть не можетъ), но даже та малость, которая намъ доступна, замыкаетъ тотчасъ намъ уста, связываетъ намъ руки, сводитъ насъ „на нѣтъ“.—Тогда одно остается человѣку, чтобы устоять на ногахъ и не погрязнуть въ тинѣ самозабвенія, самопрезрѣнія: спокойно отвернуться отъ всего, сказать: „довольно!“— и, скрестя на пустой груди ненужныя руки, сохранить послѣднее, единственно-доступное ему достоинство — достоинство сознанія собственнаго ничтожества!“

Эта печальная программа для ближайшаго будущаго была принята Тургеневымъ, который не только рѣшился ея держаться, но даже—и не писать болѣе... И въ его дѣятельности, дѣйствительно, наступилъ третій годовой перерывъ (1865 г.). Но такой искусъ не легко было выдержать въ положеніи Тургенева, къ

которому всѣ издатели и всѣ журналы, наперерывъ, обращались съ просьбами „дать имъ хоть что-нибудь“. И онъ не вытерпѣлъ сталъ писать вновь: —съ 1866 года начинается четвертый и последній періодъ литературной дѣятельности Тургенева.

Этотъ періодъ можетъ быть названъ наименѣе замѣчательнымъ. Въ теченіе его были написаны только двѣ болѣе крупныя повѣсти: „*Дымъ*“ (1867 г.) и „*Новь*“ (1877 г.) и рядъ болѣе или менѣе крупныхъ разсказовъ, явившихся въ промежуткѣ между этими повѣстями [1]). Но всѣ эти разсказы, мастерски написанные, тщательно отдѣланные и законченные въ художественномъ смыслѣ—ничего не могли прибавить къ славѣ Тургенева.

Повѣсть „Дымъ“ (послѣдняя, помѣщенная въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова) скорѣе походитъ на памфлетъ, чѣмъ на повѣсть. Тургеневъ осмѣиваетъ въ этой повѣсти тотъ слой нашего общества, который постоянно посѣщаетъ заграничныя воды, и при этомъ задѣваетъ отчасти всѣ партіи (особенно осмѣиваетъ „*славянофиловъ*“), трунитъ надъ современнымъ общественнымъ движеніемъ, которое выставляетъ въ нѣсколько карикатурномъ видѣ. Замѣтно, что накипѣвшая на сердцѣ горечь еще не улеглась и обычное душевное спокойствіе еще не возстановилось настолько, чтобы авторъ-художникъ могъ снова вернуться къ безпристрастному наблюденію и воспроизведенію дѣйствительности.

Десять лѣтъ спустя, Тургеневъ написалъ повѣсть — „*Новь*“, гдѣ уже дѣйствующими лицами явились люди „новаго поколѣнія“, къ которымъ авторъ сталъ относиться спокойно и благодушно. Въ основу этой повѣсти, какъ многіе предполагаютъ, положено было желаніе достигнуть примиренія съ этимъ „новымъ поколѣніемъ“, которое Тургеневъ оттолкнулъ отъ себя вполнѣ вѣрнымъ, „честно-воспроизведеннымъ“ типомъ Базарова. Повѣсть вышла не вполнѣ удачною; но цѣль автора (если только она была положена въ основу его произведенія) была достигнута. Послѣ „Нови“ молодое поколѣніе стало опять весьма охотно читать Тургенева и встрѣчало его съ шумными, восторженными оваціями. Но эти поздніе восторги уже не согрѣвали Тургенева, утомленнаго жизнью и стѣсненнаго отношеніями, которыя возникли на почвѣ его житья на чужбинѣ. Окруженный восхваленіями и громкою славою всѣми признаннаго „европейскаго“ писателя, встрѣчаемый всюду—во Франціи, Англіи и Германіи—съ одинаковымъ почетомъ, поставленный въ положеніе, какого не занималъ до того времени ни одинъ русскій писатель, — Тургеневъ тяготился этимъ положеніемъ и не находилъ себѣ въ немъ удо-

---

[1]) Въ этотъ промежутокъ отпечатаны были слѣдующіе разсказы: „Собака“, „Бригадиръ Ергуновъ“, „Несчастная“, „Вешнія воды“, „Пунинъ и Бабуринъ“ и др.

влетворенія. Онъ не могъ забыть того обаянія, которое когда-то производилъ на русское общество—и которое теперь было безвозвратно утрачено, отчасти, вслѣдствіе его отчужденія отъ Россіи, отчасти же и потому, что „изъ прекраснаго далека“ онъ уже не могъ такъ наблюдать и понимать все происходившее въ Россіи, какъ въ былое время. Любопытно то, что, въ своихъ повѣстяхъ послѣдняго періода, онъ гораздо охотнѣе рисуетъ намъ отрицательную сторону женскаго типа, нежели положительную, изображая въ яркихъ чертахъ образы женщинъ безсердечныхъ, глубоко-испорченныхъ, ищущихъ только удовлетворенія своимъ страстямъ и ненасытному самолюбію. Рядомъ съ ними онъ выводитъ на сцену героевъ слабыхъ волею, способныхъ подчиняться этимъ женщинамъ до полнаго самозабвенія, до полнаго отреченія отъ своей личности и даже совѣсти...

Послѣднимъ произведеніемъ Тургенева были его „*Стихотворенія въ прозѣ*“ —небольшіе очерки, замѣтки, отдѣльныя мысли и наброски, сдѣланные, очевидно, въ разное время. Эти „стихотворенія“, помимо ихъ внутренняго достоинства, замѣчательны еще тѣмъ, что они представляютъ верхъ совершенства по изумительной красотѣ языка и по изяществу внѣшней формы.

Съ начала 80-хъ годовъ здоровье И. С. Тургенева стало слабѣть; стали сказываться первые симптомы тяжкаго (и не вполнѣ разгаданнаго) недуга, который долженъ былъ его свести въ могилу. Однакоже Иванъ Сергѣевичъ еще бодрился, еще не поддавался приступамъ болѣзни; такъ, напримѣръ, осень 1882 г. Тургеневъ еще провелъ въ Англіи, на сезонѣ охоты. Но въ началѣ 1883 года болѣзнь вдругъ проявилась съ такою силою, что Тургеневъ слегъ и уже не вставалъ съ постели. Послѣ долгихъ и мучительныхъ страданій, онъ скончался 23 августа 1883 года, въ городкѣ Буживалѣ, близъ Парижа, гдѣ онъ обычно проводилъ лѣтніе мѣсяцы. По его завѣщанію, тѣло его было привезено въ Россію и предано землѣ на Волковомъ кладбищѣ.

Сочиненія Тургенева давно уже переведены на всѣ европейскіе языки, и его имя пользуется всюду въ Европѣ такимъ же уваженіемъ и такою же громкою извѣстностью, какъ имена наиболѣе прославленныхъ европейскихъ писателей новѣйшаго времени. Французы, среди которыхъ Тургеневъ жилъ такъ долго, говорятъ съ гордостью, что имя Тургенева настолько же принадлежитъ французской литературѣ, насколько и русской.

Со смерти Тургенева прошло еще очень немного времени; многое изъ того, что Тургеневъ писалъ, еще не приведено въ извѣстность, не выяснено, не оцѣнено съ достаточнымъ безпристрастіемъ критикою. Тургеневъ, какъ человѣкъ и общественный дѣятель, еще не вполнѣ опредѣлился въ нашемъ сознаніи. Но

Тургеневъ-писатель занимаетъ уже свое, весьма опредѣленное и весьма высокое положеніе въ средѣ нашихъ литературныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка. Какъ писатель-художникъ, какъ прозорливый наблюдатель, какъ человѣкъ глубоко-проникнутый сознаніемъ своего долга—онъ не будетъ забытъ послѣдующими поколѣніями.

Литературные типы въ о-фортѣ Крамского: Тургеневъ, Достоевскій, Даль и Погодинъ.

Рядомъ съ Тургеневымъ и почти одновременно съ нимъ на литературное поприще выступили еще два весьма талантливыхъ писателя, нимало не схожихъ съ Тургеневымъ ни по общему характеру таланта, ни по своимъ воззрѣніямъ на творчество, ни по тому направленію, которое они придали своимъ произведеніямъ. Одинъ изъ нихъ былъ И. А. Гончаровъ, авторъ классическихъ романовъ „Обыкновенная Исторія“ и „Обломовъ“; другой—Д. В. Григоровичъ, извѣстный своими разсказами и повѣстями, заимствованными изъ народнаго быта.

Если бы мы вздумали сравнить эти три типа писателей-современниковъ, то получилось бы чрезвычайно-любопытное сопо-

ставленіе рѣзкихъ противоположностей, среди которыхъ Тургеневъ занималъ бы „золотую середину“, а Гончаровъ и Григоровичъ представляли бы собою двѣ поразительныя крайности. Григоровичъ,—младшій изъ всѣхъ троихъ,—живой, подвижной (даже вертлявый), впечатлительный до нервности, но неглубокій въ своихъ наблюденіяхъ, неспособный ни къ вдумчивости, ни къ усидчивости; съ жаромъ набросился онъ на литературу, въ нѣсколько лѣтъ написалъ массу произведеній, вылился и выразился въ нихъ весь, и почти ничего не добавилъ въ теченіе своей долгой жизни къ тому, что́ было имъ написано въ молодости. Гончаровъ, напротивъ того,—спокойный, флегматичный, наблюдательный до мелочности, и при наблюденіи терпѣливо и долго во все вдумывающійся и всматривающійся; неспособный спѣшить и быстро переходить отъ одного наблюденія къ другому или скользить по поверхности предметовъ... Онъ написалъ немного; но то, что́ онъ написалъ, было результатомъ труда всей его жизни, упорнаго и усидчиваго, серьезнаго и внимательнаго. Къ тому, что́ вылилось изъ-подъ его пера, ничего нельзя прибавить: такъ все тамъ полно и ясно выражено, такъ устойчиво поставлено и прилажено къ своему мѣсту. Во всю долгую жизнь свою онъ написалъ всего только три романа; но зато каждый изъ этихъ романовъ сто́илъ ему, по крайней мѣрѣ, десяти лѣтъ труда и жизни.

И. А. Гончаровъ.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ (р. 1812 г., ум. 1891 г.), происходилъ изъ купеческаго рода и родился въ Симбирскѣ, гдѣ отецъ его имѣлъ значительную торговлю. Отецъ умеръ рано, когда сыну еще не минуло и трехъ лѣтъ, и будущаго писателя воспитала мать, женщина простая и добрая, ничего не жалѣвшая на образованіе сына. Въ этомъ отношеніи, по словамъ самого Ивана Александровича, ближайшимъ и дѣятельнѣйшимъ помощникомъ его матери былъ его крестный отецъ, старый морякъ, по выходѣ въ отставку поселившійся въ домѣ отца Гончарова. Это былъ человѣкъ умный, образованный и живой; всѣ его любили и уважали, и его-то заботы много способствовали развитію природныхъ способностей его крестника. Гончаровъ, даже и въ старости, все еще помнилъ его чудесные разсказы о дальнихъ странствованіяхъ по морямъ и дикимъ странамъ, и признавался, что именно эти разсказы и въ немъ самомъ пробудили охоту къ путешествіямъ.

Первоначальное обученіе Гончарова было въ высшей степени своеобразно. Послѣ первыхъ начатковъ въ домашнемъ быту, онъ попалъ въ очень оригинальное заведеніе, которое, по тому времени, было явленіемъ весьма замѣчательнымъ. Это былъ частный пансіонъ, основанный мѣстнымъ священникомъ, въ центрѣ нѣсколькихъ очень богатыхъ помѣстій, для воспитанія и обученія

дѣтей помѣщиковъ. Этотъ педагогъ-священникъ не только по образованію, но и по внѣшности своей нисколько не походилъ на общій типъ сельскихъ поповъ; онъ былъ воспитанникомъ Казанской духовной академіи, человѣкомъ просвѣщеннымъ и образованнымъ, и пансіонъ его, по устройству и порядкамъ своимъ, отличался отъ всѣхъ подобныхъ ему частныхъ заведеній. Жена этого священника была природная француженка, которая преподавала свой родной языкъ воспитанникамъ мужа. Въ довершеніе всѣхъ этихъ благъ, при пансіонѣ была и небольшая разрозненная библіотека, на которую юноша-Гончаровъ набросился съ жаромъ. Тутъ и было что̀ почитать: ему подъ руку попались описанія путешествій Кука и Крашенинникова, Мунго Парка и Палласа, историческіе труды Голикова и Карамзина, Роллена и Милота, произведенія русскихъ и иноземныхъ классиковъ, и рядомъ съ ними—дѣтскія французскія книги, мрачные и таинственные романы Радклифъ, и даже одинъ разрозненный томъ „*Ключа къ таинствамъ натуры*“ барона Эккартсгаузена. Прочитавъ, запомнивъ наизусть всю эту невообразимую смѣсь книжной премудрости, Гончаровъ, въ то же время, успѣлъ освоиться съ иностранными языками и весьма успѣшно закончилъ курсъ средняго образованія въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ, и тамъ же въ 1831 г. поступилъ въ университетъ (по словесному факультету).

Въ университетѣ Гончаровъ еще засталъ Лермонтова, засталъ и весь кружокъ Станкевича; но ни съ кѣмъ не сходился и держался какъ-то въ сторонѣ отъ всякихъ сближеній. Но и помимо всякихъ сближеній и всякихъ кружковъ, университетъ 30-хъ годовъ произвелъ на юнаго Гончарова прекрасное впечатлѣніе. Онъ былъ прекрасно подготовленъ къ воспріятію университетскаго курса и вполнѣ подчинился вліянію того кружка молодыхъ профессоровъ, которые тогда только-что вступили на каѳедру и смѣло вооружились противъ рутины и схоластики, еще такъ недавно преобладавшихъ въ университетскомъ преподаваніи. Молодые профессора—Шевыревъ, Надеждинъ, Давыдовъ и Погодинъ—приводили своихъ слушателей въ восторгъ и, возбуждая въ нихъ самодѣятельность, указывали имъ новые пути для занятія науками и для плодотворнаго ихъ примѣненія къ потребностямъ современной жизни. Давыдовъ читалъ лекціи по исторіи русской литературы и рядомъ съ этимъ курсомъ общій очеркъ исторіи философіи; Шевыревъ преподавалъ исторію древнихъ и западно-европейскихъ литературъ; а Надеждинъ — теорію изящныхъ искусствъ и общій очеркъ философіи въ искусствѣ. Впервые съ университетской каѳедры слышалась живая рѣчь, впервые искусство и наука сближались съ русскою жизнью, и притомъ

еще въ то время, когда и въ литературѣ чувствовалась струя новой жизни, внесенная Пушкинымъ и его послѣдователями, и въ журналистикѣ, руководимой Полевымъ и Надеждинымъ, начиналъ слышаться голосъ здравой критики.

Окончивъ полный курсъ въ Московскомъ университетѣ, И. А. Гончаровъ сначала прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ у себя дома; а затѣмъ поѣхалъ въ Петербургъ, съ твердымъ намѣреніемъ поступить на службу, такъ какъ въ то время никакой другой карьеры для молодого человѣка, окончившаго курсъ университета, не было, и не могло быть: выбору его представлялась, кромѣ ученой, только гражданская служба. Намѣреніе свое онъ исполнилъ, поступивъ на службу въ Министерство Финансовъ переводчикомъ, и, какъ человѣкъ весьма положительный и серьезный, и притомъ чрезвычайно умѣренный въ своихъ потребностяхъ, принялся за исполненіе своихъ обязанностей весьма добросовѣстно. Ему, какъ и многимъ изъ его современниковъ, даже и въ голову не приходило, чтобы можно было существовать, помимо службы, одною литературною работою [1]), хотя онъ чувствовалъ къ ней и охоту, и нѣкотораго рода призваніе. Этого взгляда придерживался онъ и въ то время, когда уже пользовался громкою литературною славою, и служилъ до конца жизни, оставаясь точнымъ и аккуратнымъ чиновникомъ. На первыхъ порахъ, добросовѣстное исполненіе служебныхъ обязанностей много поглощало времени у молодого чиновника, серьезнаго и положительнаго до излишества, и главнымъ отдыхомъ его отъ служебныхъ занятій было только посѣщеніе кое-какихъ литературныхъ кружковъ, между которыми

И. А. Гончаровъ.

---

[1]) Въ какой степени это было трудно, можно судить по тому, что Гончаровъ получилъ за свою «Обыкновенную Исторію» гонораръ по 40 р. сер. съ печатнаго листа!

первое мѣсто занималъ собиравшійся въ домѣ Майковыхъ [1]) кружокъ художниковъ и литераторовъ. Въ этомъ миломъ семейномъ кружкѣ и всѣ развлеченія носили на себѣ художественно-литературный характеръ. Здѣсь, въ назначенные дни, читались произведенія уже извѣстныхъ намъ, только еще начинающихъ авторовъ и издавался особый рукописный журналъ, наполняемый статьями и стихотвореніями членовъ кружка, къ которымъ прибавлялъ свои рисунки и виньетки самъ хозяинъ дома, Н. А. Майковъ. Въ этомъ-то журнальцѣ и появились первые литературные

Квартира И. А. Гончарова, въ которой онъ скончался, проживъ около 30 лѣтъ (въ надворномъ флигелѣ, внизу, въ д. Устинова, на Моховой, въ С.-Петербургѣ).

опыты И. А. Гончарова — два небольшихъ, тщательно-отдѣланныхъ разсказа юмористическаго содержанія. Разсказы понравились и были одобрены; но осторожный и степенный авторъ ихъ не увлекся своимъ успѣхомъ и не дерзнулъ выступить въ литературѣ съ какими-нибудь мелочами. Даже и въ началѣ 40-хъ годовъ, когда онъ уже вынашивалъ въ себѣ идею и вырабатывалъ планъ своего перваго произведенія („Обыкновенной Исто-

---

[1]) Подъ словами „домъ Майковыхъ“, мы разумѣемъ семейство извѣстнаго нашего художника *Николая Аполлоновича Майкова;* изъ сыновей его, старшій былъ Аполлонъ Николаевичъ—нашъ извѣстный поэтъ; второй Валеріанъ Николаевичъ, о которомъ Бѣлинскій говорилъ, что онъ будетъ его преемникомъ въ критикѣ; третій—Леонидъ Николаевичъ, почтенный ученый и писатель, вице-президентъ Академіи Наукъ, недавно скончавшійся.

ріи“). онъ все еще пробавлялся въ литературѣ только кое-какими переводными статейками, которыя помѣщалъ въ современныхъ журналахъ. Только уже въ началѣ 1847 года, онъ закончилъ первую часть своей „Обыкновенной Исторіи“; но и тутъ не рѣшился выступить съ нею самостоятельно, не довѣрялъ себѣ и передалъ свое произведеніе (черезъ одного пріятеля) на разсмотрѣніе Бѣлинскому. Бѣлинскій прочелъ произведеніе молодого автора и не только одобрилъ, но расхвалилъ его чрезвычайно. Онъ выразилъ желаніе познакомиться съ Гончаровымъ, побуждалъ его непремѣнно окончить романъ и прямо заявилъ ему, что напечатаетъ „Обыкновенную Исторію“ въ томъ журналѣ, который онъ самостоятельно собирался издавать, и который потомъ передалъ Панаеву и Некрасову. Новыми редакторами „Современника“, въ числѣ другихъ статей, собранныхъ Бѣлинскимъ, пріобрѣтена была отъ автора „Обыкновенная Исторія“, напечатанная въ „Современникѣ“ за 1847 г.

Успѣхъ этого перваго романа благотворно, ободряющимъ образомъ подѣйствовалъ на сдержаннаго и осторожнаго Гончарова. Онъ вдругъ проявилъ необычайную, по его натурѣ, плодовитость и смѣлость. Въ „Современникѣ“, вскорѣ послѣ перваго его произведенія, появился небольшой, но чрезвычайно живой и забавный очеркъ изъ быта мелкихъ петербургскихъ чиновниковъ, подъ заглавіемъ: „*Иванъ Саввичъ Поджабринъ*“; а немного спустя, въ „Иллюстрированномъ Альманахѣ“, при „Современникѣ“ 1848—1849 гг., помѣщенъ былъ „*Сонъ Обломова*“ — отрывокъ изъ главнаго и капитальнѣйшаго произведенія Гончарова, которое явилось въ свѣтъ лишь десять лѣтъ спустя. Упоминаемъ объ этомъ фактѣ, главнымъ образомъ, для того, чтобы указать, какъ медленно и осторожно создавалъ свои произведенія нашъ замѣчательный романистъ, и какъ онъ умѣлъ сдерживать свой писательскій жаръ, изъ опасенія выдать въ свѣтъ нѣчто такое, что могло бы показаться невыдержаннымъ и недостаточно строго-обдуманнымъ. Въ этомъ отношеніи, исторія созданія „Обломова“, какъ мы увидимъ далѣе, можетъ служить любопытнымъ и разительнымъ примѣромъ.

Въ то время, когда творческая фантазія Гончарова была, повидимому, всецѣло обращена на будущее, еще не вполнѣ сложившееся произведеніе, случайное предложеніе отвлекло его на нѣкоторое время въ сторону отъ „Обломова“. Морское Министерство (въ 1852 году) пригласило его сопутствовать, въ качествѣ секретаря, адмиралу Путятину, который отправлялся кругомъ Свѣта въ Японію [1]). Гончаровъ, еще отъ ранней юности предрас-

[1]) Цѣлью отправки адмирала Путятина въ Японію было заключеніе съ этимъ государствомъ торговаго трактата.

положенный къ дальнѣйшимъ странствованьямъ, охотно принялъ предложеніе Министерства и отправился въ кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ *Паллада*. Закончивъ это долгое и трудное плаваніе сухопутнымъ путешествіемъ по степямъ и горамъ Сибири, Гончаровъ, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, издалъ превосходное, высоко-художественное описаніе всего своего путешествія, въ двухъ томахъ (въ 1856 и 1857 гг.), подъ общимъ заглавіемъ „*Фрегатъ Паллада*".

Однакоже, годы странствованія и яркія впечатлѣнія, въ теченіе ихъ воспринятыя авторомъ, нимало не отвлекли его отъ главной, излюбленной темы, надъ которою онъ уже такъ давно работалъ и думалъ. Онъ не разлучался съ идеею „Обломова" ни во время своего кругосвѣтнаго плаванія, ни среди тѣхъ трудовъ по напечатанью „*Фрегата Паллады*" и по служебной дѣятельности, которые пришлось ему принять на себя, по возвращеніи въ Россію. Это съ особенно-яркою очевидностью бросается намъ въ глаза въ томъ, что Гончаровъ пользуется первою минутою своего свободнаго досуга, чтобы окончательно посвятить себя завершенію такъ давно-вынашиваемаго имъ труда. Въ 1857 г., лѣтомъ, онъ получилъ возможность отправиться на воды за границу, и здѣсь, поселившись въ Карлсбадѣ, дописалъ своего „Обломова", хотя до того времени написана и обработана была только первая часть этого произведенія. Нельзя не упомянуть при этомъ о чрезвычайно-любопытномъ свойствѣ творчества Гончарова: онъ обыкновенно обдумывалъ свои произведенія чрезвычайно медленно; составлялъ планы ихъ — цѣлыми годами; но, разъ все обдумавъ и расположивъ все въ полной послѣдовательности—*писалъ* удивительно быстро. Такъ изъ его же собственныхъ устъ мы слышали, что вся вторая часть „Обломова" была имъ написана въ Карлсбадѣ въ теченіе 47 дней! Онъ писалъ эту часть, не отрываясь отъ работы, и такъ спѣшилъ ея окончаніемъ, какъ будто опасался,—что не доживетъ до возможности увидѣть свое произведеніе въ печати! Наконецъ, „*Обломовъ*", давно уже всѣми ожидаемый, явился на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" 1858— и 1859 гг. и произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на публику, даже и въ то весьма обильное впечатлѣніями время начала новаго царствованія. Въ то самое время, когда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ кипѣла работа по различнымъ сторонамъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ и объ установленіи новыхъ будущихъ отношеній между дворянскимъ и крестьянскимъ сословіемъ, Гончаровъ выступилъ со своимъ превосходно-созданнымъ типомъ *Обломова*. Въ немъ, съ поразительною правдивостью, онъ сумѣлъ сочетать всѣ непривлекательныя стороны характера, выработаннаго барствомъ и захолустною апатіей по-

мѣщичьяго быта со всѣми лучшими и наиболѣе привлекательными сторонами кореннаго русскаго человѣка. Это произведеніе, на созданіе котораго ушли многіе, лучшіе годы жизни Гончарова — произведеніе, поражающее насъ силою замысла, цѣльностью и характерностью типовъ и удивительною художественною тонкостью отдѣлки мельчайшихъ подробностей общей картины—какъ бы поглотило разомъ, исчерпало до дна весь запасъ творческихъ силъ Гончарова. Онъ весь вылился, вполнѣ выразился въ этомъ произведеніи и какъ бы закончилъ на немъ всю свою творческую дѣятельность, какъ бы затратилъ весь запасъ своихъ силъ и энергіи. Къ тому же и годы брали свое: ему стукнуло 50 лѣтъ... Какъ бы то ни было, но только послѣ „Обломова“ Гончаровъ не произвелъ ничего, что хоть сколько-нибудь могло-бы равняться съ его первыми двумя романами. Долгое время, около 20 лѣтъ, онъ, правда, носился съ другою тэмою, которую пытался втиснуть въ рамки новыхъ, только-что народившихся условій русской жизни, но ни общій складъ романа, ни отдѣльные характеры его не поддавались той художественной обработкѣ, которой авторъ хотѣлъ ихъ подчинить, и во всемъ произведеніи чувствовался какой-то странный разладъ, какая-то неурядица, несоотвѣтствіе частей, и преувеличенія съ одной стороны, прикрасы съ другой. Когда, наконецъ, Гончаровъ поспѣшилъ (въ 1868 г.) закончить это произведеніе и выпустилъ его въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Обрывъ“ — всѣ поклонники его таланта были разочарованы... Всѣмъ казалось, что тутъ не одинъ, а два романа, искусственно между собою связанные; что типы „добраго, стараго времени“ представлены въ слишкомъ идеальномъ видѣ, а молодое поколѣніе, въ лицѣ „крайнихъ“ и „красныхъ“, слишкомъ строго осуждено... Романъ, печатавшійся въ „Вѣстникѣ Европы“ въ теченіе 1868—1869 гг. (и потомъ изданный отдѣльно въ 1870 г.), имѣлъ успѣхъ весьма условный—то, что называютъ французы—*«succès d'estime»*, т. е. „успѣхъ почтенія“ къ имени автора.

Послѣ „Обрыва“, Гончаровъ замолкъ, и не писалъ уже ничего выдающагося и крупнаго. Въ послѣдніе годы его жизни помѣщены были въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Нивѣ“ лишь небольшія отдѣльныя статейки его („*Милліонъ терзаній*“; „*Мои слуги*“), которыя могли служить развѣ только напоминаніемъ о томъ, что авторъ „Обыкновенной Исторіи“ и „Обломова“ еще живъ и еще бодръ духомъ...

Самъ Гончаровъ, человѣкъ одинокій, необщительный, любившій жизнь уединенную и спокойную, все болѣе и болѣе удалялся подъ конецъ жизни и отъ литературы, и отъ общества, и скончался такъ же тихо, какъ жилъ (въ 1891 г.). Критика еще при жизни отдала ему должную справедливость, а по смерти по-

Начало писанія этого романа относится къ концу сороковыхъ годовъ. Помѣщ[illegible] Сонъ Обломова напечатанъ въ Альманахѣ при Современникѣ въ 1848 или 1849 году. И. Гончаровъ

Обломовъ.

Часть I

Въ Гороховой улицѣ, въ одномъ изъ большихъ домовъ, народонаселенія котораго стало бы на цѣлый уѣздный городъ, лежалъ утромъ въ постели, на своей квартирѣ, Илья Ильичъ Обломовъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти отъ роду, [illegible] гораздо тоньше, нежели обыкновенно бываютъ люди въ эти лѣта. Независимо отъ этой благопріобрѣтенной полноты, кажется, и сама природа не позаботилась создать его потоньше. Голова у него была довольно большая, плечи широкія, грудь крупная и высокая: глядя на это могучее туловище, непремѣнно приходило въ голову, что оно поставлено на что-то соотвѣтствующее ему солидное, — ничего не бывало. [illegible] подставлены двѣ коротенькія, слабыя, какъ будто изжитыя ноги. Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно блѣдный, а такъ, безразличный. Взглядъ безразличный, разсѣянно переходившій отъ одного предмета къ другому, иногда усталый. [illegible] Можно было предвидѣть, что этотъ человѣкъ обрюзгнетъ и опустится совсѣмъ, — теперь его отъ этого пока еще спасали [illegible]

1. Передъ вами начало того: [illegible]

— Захаръ! [illegible]

[illegible]

Автографъ И. А. Гончарова. Черновая рукопись «Обломова», написанная рукою автора. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

скончался такъ же тихо, ка[illegible]
при жизни отдала ему должную справедливость, а по смерти [illegible]

чтила его добрымъ воспоминаніемъ... Онъ занялъ у насъ въ литературѣ такое мѣсто, которое никто не можетъ у него отнять, и его славу не можетъ окончательно затмить своимъ блескомъ никакая иная, даже и болѣе яркая слава.

Между двумя важнѣйшими произведеніями Гончарова—„*Обыкновенною Исторіей*“ и „*Обломовымъ*“ существуетъ большая разница. Первое изъ этихъ произведеній представляетъ собою широкую, общую картину русской жизни и въ эту рамку вставляетъ типы русскихъ людей, воспитанныхъ житейскою практикою и общественною жизнью 40-хъ годовъ прошлаго вѣка. Ни тотъ, ни другой изъ выведенныхъ авторомъ героевъ не принадлежитъ къ типамъ отрицательнымъ: — оба они (и дядя, и племянникъ) несомнѣнно хорошіе люди; разница между ними только въ томъ, что одинъ уже изломанъ жизнью и оттиснутъ ею въ опредѣленную форму дѣльнаго чиновника и „порядочнаго человѣка“, а другой еще проходитъ школу жизни... И вотъ авторъ задается задачею показать читателю воочію весь тотъ процессъ внутренней ломки, сердечныхъ утратъ, нравственныхъ уступокъ и отреченій, которымъ молодой, горячій, готовый на все доброе юноша обращается въ черстваго, сдержаннаго, эгоистическаго и расчетливаго дѣльца-практика. Картина, постепенно развертывающаяся передъ читателемъ, набросана превосходно, рукою мастера; отдѣльные характеры вѣрны современной дѣйствительности; ровное и спокойное теченіе разсказа такъ естественно изображаетъ эту дѣйствительность, обставляетъ ее такими подробностями и условіями дѣйствія, что вы постоянно находитесь подъ обаяніемъ автора, дѣйствительно излагающаго вамъ самую „Обыкновенную Исторію“—исторію каждой жизни... Романы Гончарова.

Совсѣмъ иное, болѣе сильное, но и гораздо болѣе тягостное впечатлѣніе производитъ другой романъ Гончарова: „*Обломовъ*“. Здѣсь авторъ задался иною задачею, и притомъ задачею трудною, чисто-психологическою... Онъ захотѣлъ въ одномъ лицѣ, въ одномъ характерѣ своего героя изобразить намъ въ живомъ и яркомъ образѣ типъ русскаго человѣка, ослабленнаго и обезличеннаго условіями крѣпостного быта и тою вѣчною опекою всевозможныхъ властей, которая тяготѣетъ надъ нимъ отъ колыбели и до могилы. Въ „Обломовѣ“—человѣкѣ умномъ, сердечно-прекрасномъ, одаренномъ недюжинными способностями, обезпеченномъ хорошими матерьяльными средствами, — онъ представилъ намъ несчастнаго, полубольного, лишеннаго воли маньяка, который самъ лишаетъ себя всякихъ прелестей жизни, изъ опасенія, что онъ не сумѣетъ ими воспользоваться, или воспользуется во вредъ себѣ... Ни малѣйшей самодѣятельности, ни тѣни какого-нибудь практицизма или навыка къ борьбѣ съ жизнью. И вотъ, Типъ Обломова.

этотъ Обломовъ, непокидающій своего дивана, обрекающій себя на постоянное и безвыходное бездѣйствіе, не проявляющій ни малѣйшаго стремленія къ тому, чтобы выйти изъ заколдованнаго круга своей неказистой жизни, подпадаетъ подъ власть своего классическаго „Захара“, который, прислуживая своему барину, главнымъ образомъ заботится о своемъ покоѣ, и потому именно оберегаетъ его инерцію... Эти два типа, взаимно другъ друга пополняющіе, возведены авторомъ на такую высоту художественной отдѣлки, закончены имъ до такой полноты и рельефности, что мы видимъ ихъ передъ собою, какъ живые. Ничья кисть не могла-бы, кажется, прибавить къ нимъ ни одного мазка, ни одной дополняющей черточки... Съ такою же предусмотрительной и кропотливой тщательностью разработана и вся обстановка, окружающая два главныхъ дѣйствующихъ лица; тщательность изображенія этой обстановки настолько велика, что читатель, перелиставшій двѣ-три главы „Обломова“, уже самъ начинаетъ себя видѣть и чувствовать въ этой затхлой, душной квартирѣ на Гороховой улицѣ, съ ея опущенными, грязными шторами, съ пылью и соромъ, накопленнымъ повсюду въ углахъ... Внимательно всмотрѣвшись въ „Обломова“ и недоумѣвая, откуда и какъ могъ развиться этотъ типъ, читатель получаетъ отъ автора полное разъясненіе всѣхъ условій его возрастанія и развитія въ превосходной, высоко-художественной картинѣ („Сонъ Обломова“), гдѣ авторъ знакомитъ насъ съ тою обстановкою, изъ которой происходятъ гг. Обломовы, и читатель приходитъ къ убѣжденію, что выведенный Гончаровымъ типъ есть совершенно-правильный и едва ли еще не лучшій изъ результатовъ, къ которымъ долженъ былъ приводить крѣпостной бытъ...

Но авторъ не довольствуется этимъ. Онъ призываетъ стороннія вліянія; онъ—въ лицѣ русскаго нѣмца Штольца, пріятеля Обломова—вноситъ оживляющее, бодрящее начало въ страшную апатію и мертвенную неподвижность Обломовской жизни. Обломовъ, наэлектризованный Штольцемъ, временно проявляетъ признаки жизни, начинаетъ дѣйствовать, пробуетъ быть самостоятельнымъ, рѣшается даже полюбить дѣвушку—идеально-прекрасную русскую дѣвушку... Но ни призывы жизни, ни дѣятельная помощь друга, ни даже влеченіе горячей, искренней любви — ничто не можетъ пробудить русскаго богатыря отъ его сказочнаго сна, ничто не можетъ вырвать его изъ когтей страшной „обломовщины“... Онъ погибаетъ на нашихъ глазахъ, истощенный полнымъ нравственнымъ безсиліемъ; погибаетъ, несмотря на всѣ свои положительныя качества и достоинства, несмотря на выказанную имъ чрезвычайную честность и благородство своей натуры.

Своимъ „Обломовымъ“ Гончаровъ внесъ въ русскую литера-

туру такой же геніально-подмѣченный и строго-обрисованный типъ, какъ типъ „Чичикова“ или „Хлестакова“ у Гоголя. Этотъ типъ взятъ имъ прямо изъ жизни, и не списанъ съ опредѣленнаго лица (какъ напр., типъ „Базарова“ у Тургенева), а созданъ самостоятельно и „собирательно“ изъ множества долгихъ и внимательныхъ наблюденій надъ русскимъ человѣкомъ въ различныхъ и многообразныхъ его соотношеніяхъ съ условіями русской жизни и дѣйствительности. Гончаровъ — одинъ изъ немногихъ русскихъ писателей, добившійся того, что его „Обломовъ“ остался въ памяти у всѣхъ живымъ образомъ, живымъ олицетвореніемъ извѣстной стороны, присущей природѣ русскаго человѣка, вслѣдствіе чего и создался даже такой терминъ, какъ „обломовщина“, давно уже вошедшій въ русскую рѣчь въ качествѣ простого нарицательнаго слова съ весьма опредѣленнымъ и для всякаго яснымъ значеніемъ.

Есть основаніе думать, что долгая и трудная работа надъ „Обломовымъ“ — въ особенности при медленномъ и вдумчивомъ способѣ творчества Гончарова—сильно истощила запасъ его энергіи... По крайней мѣрѣ въ „*Обрывѣ*“ это истощеніе, эта душевная усталось невольно бросаются въ глаза. Тамъ мы уже не видимъ того спокойнаго и ровнаго тона, въ которомъ такъ любилъ творить Гончаровъ. „Обрывъ“ не представляетъ собою такого прочнаго и стройнаго цѣлаго, какъ „Обломовъ“; въ „Обрывѣ“ довольно ясно чувствуются наслоенія творчества, относящіяся къ разнымъ эпохамъ, довольно ясно замѣтны въ общемъ ходѣ романа спѣшно-наложенные швы; и между выведенными дѣйствующими лицами одни представляютъ собою художественно-созданные типы, другіе — только наброски типовъ, дополненные воображеніемъ автора и не поставленные въ тѣсную связь съ жизнью. Самъ Гончаровъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, признается, что „увлеченіе“ играло не маловажную роль въ его послѣднемъ крупномъ произведеніи. Обрывъ.

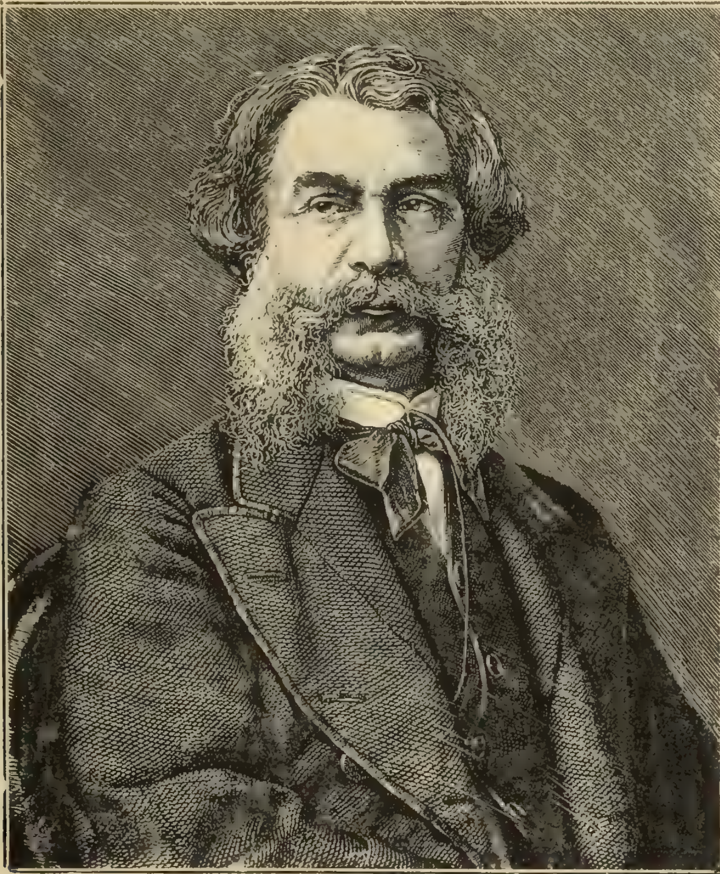
Прямою и разительною противоположностью Гончарову является еще одинъ изъ передовыхъ представителей новаго періода русской литературы — *Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ* (род. 1822 г.). Онъ родился въ с. Никольскомъ, Симбирской губерніи и уѣзда. Отецъ его былъ отставной гусаръ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“, служившій еще при Екатеринѣ; мать—француженка-эмигрантка, отецъ которой погибъ на эшафотѣ во время Террора. На родинѣ своей Григоровичъ пробылъ недолго и большую часть дѣтства провелъ въ другомъ имѣньѣ отца (сельцѣ Думбинѣ, Каширскаго уѣзда, Тульской губ.). Ему еще не было и семи лѣтъ, когда отецъ его скончался и всѣ заботы о его воспитаніи перешли къ его матери. Отъ нея, прежде всякихъ иныхъ Д. В. Григоровичъ.

внѣшнихъ вліяній, Д. В. Григоровичъ воспринялъ расположеніе къ искусству и со страстью сталъ предаваться рисованью и копированью съ художественныхъ оригиналовъ. И какъ ни старались его отвлекать отъ этой страсти, она постоянно у него преобладала надъ охотою къ правильному и серьезному ученью. Сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, юношу кое-какъ приготовили къ поступленію въ Инженерное училище; но онъ сразу увидѣлъ, что попалъ не туда, куда мѣтилъ, и мало-по-малу сталъ уклоняться отъ строгихъ корпусныхъ порядковъ и условій жизни и перекочевывать въ Академію Художествъ, гдѣ онъ уже успѣлъ себѣ найти и знакомства, и связи, и протекцію. Въ 1840 г. Григоровичъ окончательно вышелъ изъ училища и пристроился при Академіи Художествъ, гдѣ познакомился съ Брюлловымъ и сблизился съ Шевченкой. Въ кружкѣ Брюллова Григоровичъ встрѣтилъ одно лицо, которое совершенно случайно ввело его въ другой, уже чисто-литературный кружокъ, собиравшійся въ домѣ Плюшара, издателя перваго русскаго „Энциклопедическаго словаря“. Это знакомство, по собственному выраженію Григоровича, „рѣшило его судьбу“. Плюшаръ—человѣкъ живой и оборотливый—кромѣ лексикона, велъ тогда еще и другое литературное предпріятіе, издавалъ „*Сто одну повѣсть и сорокъ-сороковъ анекдотовъ*“. Въ этомъ изданіи Григоровичъ рискнулъ пристроить свои первые литературные опыты: кое-какіе переводы и компилятивныя работы. Но гораздо важнѣе этихъ первыхъ опытовъ было для молодого, начинающаго писателя сближеніе съ другими, тоже очень молодыми литературными дѣятелями—Гречемъ-сыномъ [1], Валеріаномъ Майковымъ и Некрасовымъ, который завѣдывалъ литературнымъ отдѣломъ въ „Литературной Газетѣ“ Краевскаго. Эти молодые литераторы подмѣтили въ Григоровичѣ писательскую жилку и заставили его помѣстить въ „Литературной Газетѣ“, а потомъ въ сборникахъ Некрасова, его первые бытовые очерки изъ петербургской жизни—„*Театральная карета*“, „*Шарманщики*“, „*Лотерейный балъ*“ и т. д. На этихъ первыхъ опытахъ юный писатель, нежданно для самого себя, убѣдился въ томъ, что у него есть литературный талантъ, и невольно увлекся мечтами о литературной извѣстности. Ему захотѣлось попытать свои силы на болѣе серьезныхъ и болѣе крупныхъ задачахъ, и для обработки ихъ онъ рѣшился удалиться изъ Петербурга въ деревню, гдѣ и написалъ первое литературное произведеніе—повѣсть „*Деревня*“,—которое обратило на себя вниманіе публики и критики [2]. Всѣхъ пріятно

[1]) Очень талантливымъ и очень рано умершимъ. В. Майковъ тоже погибъ (утонулъ), будучи очень юнымъ.

[2]) Въ «Современникѣ», куда Григоровичъ отправилъ эту повѣсть, ее не рѣшились помѣстить; тогда Вал. Майковъ пристроилъ ее въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго.

поразила новость и свѣжесть сюжета, заимствованнаго изъ народнаго быта, и сочувственное отношеніе къ народу. Бѣлинскій, слово котораго цѣнилось всѣми очень высоко, далъ одобрительный отзывъ о повѣсти молодого, начинающаго писателя, въ которомъ, съ обычною своею прозорливостью, провидѣлъ отпечатокъ таланта. Этотъ отзывъ и ободрилъ, и увлекъ пылкаго автора „Деревни" къ занятіямъ литературою; и на время онъ отдался ей всецѣло. Въ теченіе 1847—1856 гг. его произведенія ежегодно

Портретъ Д. В. Григоровича (въ 40-лѣтнемъ возрастѣ). Работы Л. А. Сѣрякова.

появлялись во многихъ журналахъ. За это время имъ былъ написанъ рядъ повѣстей и разсказовъ, которые читались всѣми съ увлеченіемъ: „*Антонъ Горемыка*", „*Бобыль*", „*Недолгое богатство*", „*Четыре времени года*", „*Проселочныя дороги*", „*Неудавшаяся жизнь*", „*Прохожій*", „*Рыбаки*", „*Пахарь*", „*Переселенцы*". Вся эта масса произведеній, заимствованная изъ малоизвѣстной и почти нетронутой области народнаго быта, поражала всѣхъ новизною содержанія, яркостью красокъ и силою характеровъ. Особенно нравились въ числѣ упомянутыхъ произведеній — „Антонъ Горемыка", „Бобыль", „Рыбаки", „Переселенцы", „Прохожій" — т. е. именно тѣ, въ которыхъ изображалась бѣдность и ску-

дость народа, его печальное положеніе матерьяльное и нравственное, вслѣдствіе тягостныхъ условій крѣпостного быта и другихъ тягостныхъ условій народной жизни. Всѣ умы въ то время были заняты предстоявшимъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, и потому всѣ жадно устремлялись на все, что, появляясь въ печати, могло знакомить съ этою, для всѣхъ темною областью наблюденій, впервые открывавшеюся для литератора-художника. Вотъ почему, вѣроятно, никто не замѣчалъ того, что произведенія Григоровича даютъ не полную и не всегда вѣрную картину народнаго быта, что многое въ этой картинѣ сглажено, многое украшено и приноровлено къ понятіямъ читающей публики, къ современнымъ понятіямъ литературымъ. Не замѣчали и той глубокой разницы, какая сказывалась, напр., въ тургеневскихъ очеркахъ народнаго быта (насколько они были имъ внесены въ „Записки Охотника“) и яркихъ, красивыхъ, хотя не вездѣ и не во всемъ правдивыхъ картинахъ народныхъ разсказовъ и повѣстей Григоровича, который не пренебрегалъ „краснымъ словцомъ“... Какъ бы то ни было, однакоже за нимъ осталась несомнѣнная заслуга: онъ первый рѣшился говорить о народѣ, рѣшился ввести людей изъ народа въ нашу литературу, избравъ ихъ героями своихъ крупныхъ и мелкихъ произведеній. Шагъ былъ смѣлый и во-время сдѣланный —и громкая литературная извѣстность недаромъ досталась Григоровичу, имя котораго долгое время ставилось рядомъ съ именами Тургенева и Гончарова. Но это увлеченіе народомъ и желаніе сблизиться съ нимъ, присмотрѣться къ нему, было у Григоровича только временнымъ порывомъ. Его наблюдательность скоро истощилась, такъ какъ къ наблюденію серьезному и глубокому онъ не былъ способенъ. Призывы жизни сказывались громко, и многое сулили впереди... Литературная извѣстность въ ту горячую и весьма либеральную эпоху русской жизни открывала широкіе пути во всѣ стороны. И вотъ въ 1858 г. Григоровичъ отвлекся отъ своего „милаго коноплянника“ (по его собственному выраженію) и принялъ предложеніе Морского Министерства, по которому долженъ былъ сопутствовать великому князю Константину Николаевичу въ его годовомъ плаваніи по Средиземному морю на кораблѣ *Ретвизанъ*, въ качествѣ секретаря и описателя этого любопытнаго путешествія.

Въ результатѣ плаванія получилась весьма интересная книга подъ названіемъ „*Корабль Ретвизанъ—годъ въ Европѣ и на Европейскихъ моряхъ*“—полная живыхъ, легко читающихся очерковъ, знакомящихъ съ островами и прибрежьями Средиземнаго моря. Дальнѣйшимъ результатомъ этого уклоненія отъ исключительно-литературнаго пути былъ цѣлый рядъ постороннихъ работъ и порученій, не имѣвшихъ ничего общаго съ литературой, и въ концѣ

концовъ—новое увлеченіе областью искусства, въ которую Григоровичъ вступилъ въ качествѣ секретаря Общества Поощренія Художниковъ. Новыя обязанности и отношенія [1]) окончательно вынудили Дмитрія Васильевича разстаться надолго съ литературой, къ которой онъ возвращался уже только случайно, урывками, въ рѣдкіе досуги отъ своей новой и весьма хлопотливой обязанности.

Нужно ли говорить, что то немногое, что̀ было имъ написано въ концѣ жизни, было только отдаленнымъ отголоскомъ того сильнаго литературнаго порыва, которымъ были вызваны всѣ его лучшія произведенія? Притомъ автору, послѣ тридцатилѣтняго періода, приходилось входить въ сношеніе съ публикой, чуждой ему по понятіямъ и воззрѣніямъ, приходилось примѣняться къ ея вкусамъ, браться за разработку тэмъ, которыя не могли находить себѣ искренняго отголоска въ его сердцѣ... Въ послѣдніе годы жизни онъ занятъ былъ составленіемъ своихъ „Записокъ", часть которыхъ онъ успѣлъ напечатать.

Д. В. Григоровичъ (въ старости).

Онъ скончался въ 1899 году, переживъ на много лѣтъ своихъ сверстниковъ по литературѣ, одновременно съ нимъ выступавшихъ на литературное поприще — Некрасова, Достоевскаго, Тургенева и Гончарова.

Въ 60-хъ годахъ была въ ходу фотографія, поставленная нами въ заголовкѣ „Новѣйшаго періода". На ней собраны были всѣ современныя литературныя знаменитости — весь кружокъ выдающихся молодыхъ писателей. Мы видимъ на ней и Тургенева, и Гончарова, и Григоровича, и Островскаго, и Дружинина, и еще одного, совсѣмъ молодого, безусаго и безбородаго

[1]) Онъ значительно способствовалъ усиленію и расширенію дѣятельности Общества, и въ особенности учрежденію и пополненію существующаго при Обществѣ Музея.

офицерика—графа Льва Николаевича Толстого. Уже тотъ фактъ, что этотъ юный офицерикъ является въ этой рѣдкой группѣ участникомъ, равноправнымъ съ другими, „уже именитыми и прославленными“, указываетъ на то, что эти „именитые“ уже и тогда смотрѣли на своего младшаго собрата, какъ на равнаго имъ по таланту, какъ на подающаго большія надежды въ будущемъ. Они не ошиблись: младшій собратъ, еще при ихъ жизни, далеко перегналъ ихъ въ литературномъ значеніи; а потомъ достигъ такой всесвѣтной извѣстности, какой не достигалъ до него ни одинъ изъ русскихъ писателей.

Литературная дѣятельность Л. Н. Толстого рѣзко распадается на два періода. Одинъ—почти 30-лѣтній періодъ непрерывнаго творчества—продолжался отъ начала 50-хъ до конца 70-хъ годовъ прошлаго вѣка; другой начался, послѣ нѣкотораго перерыва, съ конца 80-хъ годовъ и продолжается до настоящаго времени съ изумительною, почти не ослабѣвающею энергіей. Послѣдняго періода мы коснемся только вскользь, въ бѣгломъ очеркѣ; о первомъ и наиболѣе важномъ періодѣ, уже давно отошедшемъ въ наше литературное прошлое, мы будемъ говорить подробнѣе, останавливаясь болѣе или менѣе на разборѣ важнѣйшихъ произведеній, которыя къ нему относятся.

Л. Н. Толстой.

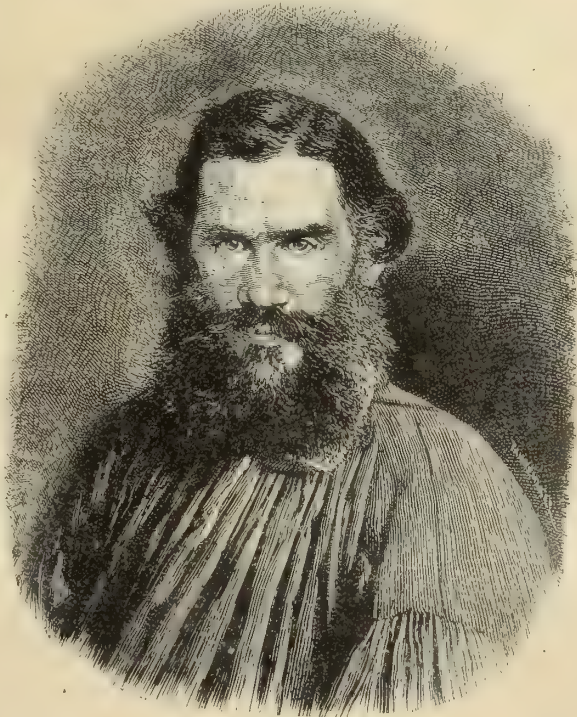
Графъ *Л. Н. Толстой,* родился 28 августа 1828 года въ родовомъ имѣньи своей матери („Ясная Поляна“, Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда). Отецъ его, Николай Ильичъ Толстой, происходилъ по прямой линіи отъ графа Петра Андреевича Толстого, одного изъ сподвижниковъ Петра Великаго. Мать Л. Н. Толстого была урожденная княжна Марія Николаевная Волконская.

Родители Л. Н. Толстого умерли въ то время, когда онъ еще не достигъ и 16-лѣтняго возраста, и всѣ заботы о его воспитаніи и обученіи уже очень рано перешли въ руки родныхъ тетокъ, которыя весьма добросовѣстно исполняли принятую на себя обязанность. Семьѣ Толстыхъ, вслѣдствіе этого, приходилось то жить въ Москвѣ, то въ деревнѣ, то въ Казани. Здѣсь старшіе братья Л. Н. Толстого окончили курсъ въ университетѣ, и онъ самъ въ 1843 г. поступилъ въ него, избравъ факультетъ восточныхъ языковъ. Но этотъ странный выборъ, конечно, не могъ его удовлетворить, и онъ, годъ спустя, перешелъ на факультетъ юридическій. Но, пробывъ на немъ два года, графъ Л. Н. Толстой вдругъ покинулъ университетъ, не окончивъ въ немъ курса, и уѣхалъ на житье въ деревню, въ Ясную Поляну, свою родину, доставшуюся ему по раздѣлу изъ отцовскаго имѣнья. Это было въ 1846 г., т. е. когда графу только что минуло 18 лѣтъ. Въ деревнѣ пробылъ онъ, безвыѣздно, около шести лѣтъ и, вѣроятно,

эти годы уединеннаго житья въ глуши значительно сблизили его съ народомъ, который онъ внимательно изучалъ и сумѣлъ понять и полюбить.

Л. Н. Толстой на Кавказѣ и въ Севастополѣ

Но, конечно, нельзя было ожидать, чтобы 23-лѣтній юноша осѣлъ на всю жизнь въ деревнѣ съ этихъ раннихъ лѣтъ. Отъѣздъ любимаго брата на Кавказъ, на службу, увлекъ туда же и Льва Николаевича, и житье среди кавказской дикой природы такъ полюбилось ему, что онъ даже рѣшился поступить юнкеромъ въ ту батарею (4-ю 20-й артиллерійской бригады), гдѣ служилъ его братъ. Тутъ-то, на Кавказѣ, проявилось впервые у Льва Николаевича желаніе писать и печатать свои произведенія. Сначала онъ задумалъ написать большой романъ изъ своихъ семейныхъ воспоминаній и преданій; но потомъ благоразумно отказался отъ этого романа и издалъ въ свѣтъ только отдѣльныя части его, подъ заглавіями: „*Дѣтство*", „*Отрочество*" и „*Юность*". Первый изъ этихъ отрывковъ былъ законченъ въ 1852 году и явился въ „Современникѣ". И всѣ сразу оцѣнили достоинства произведенія молодого автора:—всѣ были поражены силою и свѣжестью его таланта, и это впечатлѣніе вполнѣ оправдывалось и подтверждалось дальнѣйшими пробами его превосходнаго пера. Кромѣ вышепомянутыхъ, на Кавказѣ были написаны кое-какіе очерки кавказской военной жизни („*Набѣгъ*", „*Рубка лѣса*") и довольно большая повѣсть „*Казаки*", напечатанная гораздо позднѣе.

Графъ Л. Н. Толстой, въ молодости. По портрету Крамского.

Три года пробылъ Л. Н. Толстой на Кавказѣ, постоянно участвуя въ такъ-называемыхъ „экспедиціяхъ" и неся службу со всѣми ея тягостями, наравнѣ съ простыми солдатами. Неудивительно, что при такой возможности близко наблюдать русскаго солдата, нашъ писатель изучилъ его до тонкости, и потому могъ дать въ своихъ современныхъ произведеніяхъ цѣлый рядъ сильно и правдиво начертанныхъ солдатскихъ типовъ.

Продолжая службу въ дѣйствующей арміи, когда началась

Восточная война, графъ Л. Н. Толстой былъ и на Дунаѣ, и въ Севастополѣ, принималъ участіе въ сраженіи при Черной и былъ свидѣтелемъ штурма Севастополя: въ этотъ-то періодъ, между 1853—1855 гг., были написаны: „*Севастополь въ декабрѣ*" и „*Севастополь въ маѣ*" — эти полныя жизни и силы военныя картины.

Усиленная дѣятельность.

По окончаніи кампаніи въ 1855 г., Л. Н. Толстой вышелъ въ отставку и съ большою энергіею предался литературной дѣятельности, которая его занимала и увлекала. Зиму проводилъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Москвѣ и Петербургѣ, а лѣто— въ Ясной Полянѣ. Эти годы были самымъ плодовитымъ періодомъ въ литературной дѣятельности Л. Н. Толстого. Въ теченіе ихъ онъ успѣлъ напечатать въ журналахъ свои произведенія: „*Юность*", „*Севастополь въ августѣ*", „*Два гусара*", „*Три смерти*", „*Семейное счастье*", „*Поликушка*", „*Записки маркера*". За это именно время литературная извѣстность его настолько возросла и окрѣпла въ сознаніи общества, что общій голосъ ставилъ его на одну ступень съ его старшими собратіями по литературѣ—Тургеневымъ, Островскимъ, Гончаровымъ и Писемскимъ. Но плодовитый молодой писатель не довольствовался только однимъ литературнымъ поприщемъ: онъ искалъ и находилъ себѣ весьма живую дѣятельность иного рода. Отъ раннихъ лѣтъ юности близко знакомый съ бытомъ народа, Л. Н. Толстой, глубоко сочувствовавшій ожидаемой освободительной реформѣ крестьянскаго сословія, рѣшился обратить вниманіе на такую потребность народной жизни, которою въ то время интересовались немногіе. Онъ серьезно занялся вопросомъ о народной школѣ, тогда почти вовсе не существовавшей, и посвятилъ на теоретическое и практическое изученіе его многіе годы своей жизни.

Деревня и школа.

Послѣ 19 февраля 1861 года, графъ Л. Н. Толстой, вполнѣ сознательно, рѣшился прочно осѣсть въ своей Ясной Полянѣ, и всѣми силами служить на пользу просвѣщенія темной массы народа. Одно время онъ былъ даже мировымъ посредникомъ, а потомъ всецѣло предался своей ясно-полянской школѣ, и даже сталъ-было издавать весьма оригинальный педагогическій журналъ „Ясная Поляна", проводя въ немъ вполнѣ своеобразные взгляды на потребности и способы обученія народа грамотѣ, на значеніе образованія для народа и вообще на школьный бытъ. Въ связи съ этимъ онъ пытался издавать и учебники по важнѣйшимъ предметамъ, преподаваемымъ въ народной школѣ. Учебники эти были тоже вполнѣ оригинальными попытками педагога-любителя, который не жалѣлъ труда на ихъ составленіе и напр. въ книгу для школьнаго чтенія внесъ много статей, спеціально для нея написанныхъ или самостоятельно обработанныхъ и примѣненныхъ къ народному пониманію.

„Война и миръ".

Около этого времени Л. Н. Толстой женился и вполнѣ посвятилъ себя тихимъ радостямъ семейной жизни въ деревенскомъ уединеніи. Увлеченія тою дѣятельностью, которую нашъ знаменитый писатель самъ себѣ создалъ, были настолько велики, что онъ на нѣкоторое время даже уклонился отъ литературы, вѣроятно не имѣя достаточно времени для обработки тѣхъ сюжетовъ, которые издавна его занимали... Только уже въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ графъ Л. Н. Толстой сталъ печатать въ „Русскомъ Вѣстникѣ" свой новый и большой историческій романъ „*Война и Миръ*" — широко и художественно набросанную дивную эпопею нашей борьбы съ Наполеономъ, закончившейся Отечественною Войною. Начало романа, появившееся въ журналѣ, всѣхъ изумило своими красотами и вызвало неслыханный восторгъ въ публикѣ. Но вскорѣ авторъ прекратилъ печатанье романа въ журналѣ и сталъ его выдавать въ свѣтъ отдѣльными томами, которые раскупались на-расхватъ и читались съ жадностью, какъ очень немногія и притомъ самыя выдающіяся произведенія русской литературы за послѣднее двадцатилѣтіе. Сила и яркость таланта Л. Н. Толстого нашли себѣ такое мощное выраженіе въ характерахъ и картинахъ этого замѣчательнаго произведенія, что общій голосъ критики и публики разомъ вознесъ Л. Н. Толстого на такую высоту, какой до него достигалъ только Пушкинъ.

Критика, единогласно признавшая громадныя достоинства новаго произведенія графа Л. Н. Толстого, отмѣтила въ немъ одну особенность, невольно обращавшую на себя вниманіе:—въ противоположность всѣмъ предшествующимъ произведеніямъ того же автора, въ которыхъ не было ни одной, сколько-нибудь рельефной женской фигуры, въ „Войнѣ и Мирѣ"—„ихъ явилась цѣлая плэяда, и притомъ удивительно тонко, психически вѣрно и красиво очерченныхъ". Тонкость и изящество женскихъ типовъ, явившихся въ „Войнѣ и Мирѣ" заставляли даже забывать о высоко-художественыхъ обликахъ женщинъ Тургенева — этого великаго мастера въ области женской пластики. А между тѣмъ, рядомъ съ прелестными живыми образами русскихъ женщинъ, въ романѣ Толстого такъ и била въ глаза вполнѣ реальная дѣйствительность начала XIX вѣка, съ ея крупными дѣятелями, съ ея героями и дипломатами, интригами и подвигами, страданіями и самопожертвованіями. Историческія лица и простые солдаты, мужики и бабы, и пестрая масса народа и войска, уголки теплыхъ семейныхъ гнѣздъ и дымные бивуаки на обледенѣлыхъ поляхъ—все это проходило передъ читателемъ, какъ въ живой панорамѣ, и ослѣпляло, и подавляло его величіемъ и силою замысла, положеннаго въ основу произведенія авторомъ... Впечат-

лѣніе послѣдней, значительно-запоздавшей части романа нѣсколько ослаблялось только тѣмъ страннымъ заключеніемъ, въ которомъ авторъ предавался какимъ-то общимъ и туманнымъ разсужденіямъ о шансахъ войны и о значеніи войнъ въ исторіи—разсужденіямъ, не стоявшимъ ни въ какой связи съ чудною эпопеею „Войны и Мира". Никому тогда и въ голову не приходило, что эти разсужденія являются первымъ признакомъ совершавшагося въ душѣ писателя весьма серьезнаго нравственнаго поворота, который, впослѣдствіи, долженъ былъ отразиться и на всей его литературной дѣятельности.

Рабочій кабинетъ гр. Л. Н. Толстого, въ «Ясной Полянѣ».

Самарскій голодъ.

Послѣ „Войны и Мира" всѣ ожидали отъ графа Л. Н. Толстого новыхъ и новыхъ произведеній, уповая на то, что его талантъ уже достигъ апогея своего мощнаго развитія. Но графъ не спѣшилъ печатаньемъ новыхъ произведеній и продолжалъ заниматься заботами объ удовлетвореніи народныхъ нуждъ, которыя казались ему гораздо болѣе важными, чѣмъ его литературная дѣятельность. Въ этой именно области въ 1873 году графомъ Л. Н. Толстымъ совершенъ былъ выдающійся гражданскій подвигъ: прослышавъ о страшныхъ бѣдствіяхъ отъ голода, разразившагося среди населенія Самарской губерніи, и о томъ, что мѣстная администрація принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы этотъ голодъ скрыть — графъ Л. Н. Толстой самъ отправился на мѣсто, лично обходилъ села, въ которыхъ свирѣпствовалъ голодъ, составилъ обо всемъ краткія записи и напечаталъ въ „Мо-

однимъ имъ свойственнымъ образомъ, и что это противо-
дѣйствіе не случайное, а постоянное, имѣющее основанія въ
духѣ народа. Онъ думалъ, что Русскій народъ, имѣющій при-
званіемъ заселять и обрабатывать огромныя незанятыя про-
странства, сознательно, до тѣхъ поръ, пока всѣ земли не за-
няты, держался нужныхъ для этого пріемовъ, и что эти пріе-
мы совсѣмъ не такъ дурны, какъ это обыкновенно думаютъ.
И онъ хотѣлъ доказать это теоретически въ книгѣ и на
практикѣ въ своемъ хозяйствѣ.

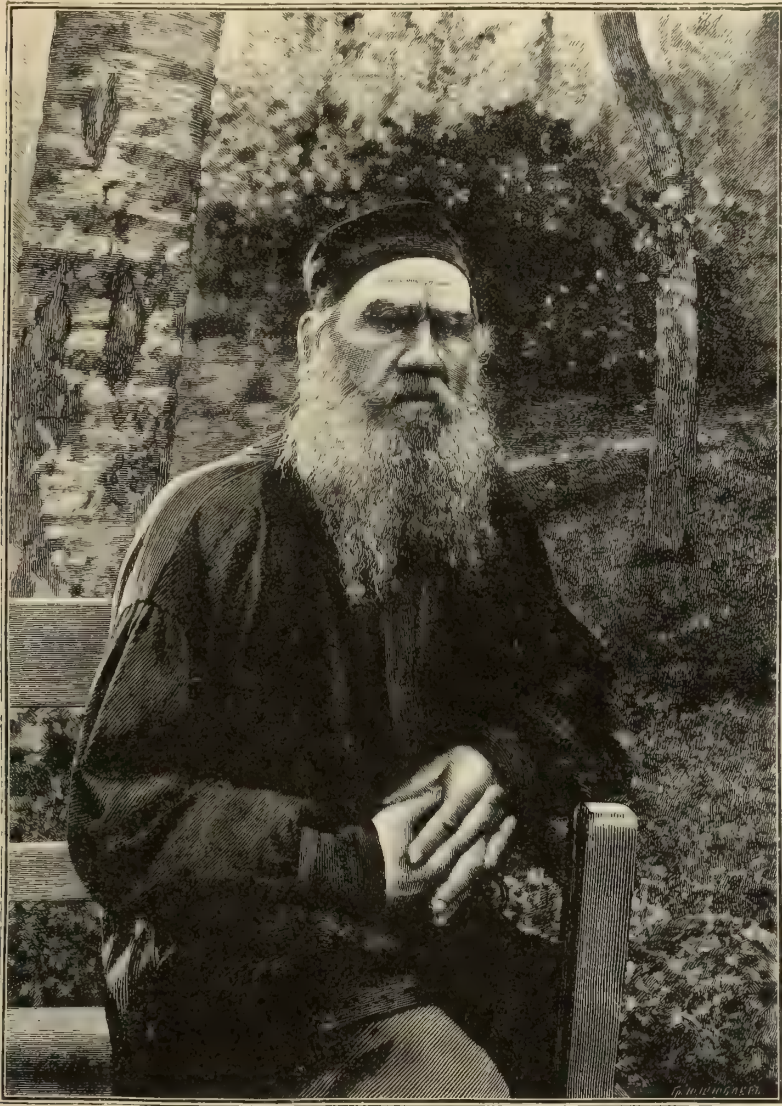
XXIX

Въ концѣ сентября былъ свезенъ лѣсъ для постройки дво-
ра на отданной артели землѣ и было продано масло отъ ко-
ровъ и раздѣленъ барышъ. Дѣло шло. Левинъ ждалъ только
поставки пшеницы, чтобы получить деньги и ѣхать за гра-
ницу. Уже съ недѣлю шли дожди, не давая убрать оставшіе-
ся въ полѣ хлѣба и картофель, и остановили всѣ работы и
даже поставку пшеницы. По дорогамъ была непролазная
грязь; двѣ мельницы снесло паводкомъ, и погода все станови-
лась хуже и хуже. На Левина, въ особенности когда онъ
бывалъ внѣ дома, непогода дѣйствовала всегда особенно воз-
будительно.
Онъ выѣхалъ рано утромъ верхомъ на дальнее поле съ
тѣмъ чтобы выбрать тамъ мѣсто для двора и риги и оттуда за-
ѣхать на посадку лѣса, которая производилась на другомъ
концѣ его земли. Несмотря на продолжавшійся цѣлый день
вѣтеръ и дождь, онъ побывалъ вездѣ, гдѣ хотѣлъ, и не толь-
ко сдѣлалъ, что хотѣлъ, но и неожиданное пріятное дѣло: онъ
сошелся съ сосѣднимъ дворникомъ, къ которому заѣзжалъ
обсушиться, о сдачѣ ему участка земли на товарищескихъ
условіяхъ.

Былъ четвертый часъ, когда онъ, мокрый от ручь-
евъ, которые по кожану заливались ему то за шею, то за го-
ленища, но въ самомъ бодромъ и возбужденномъ состояніи
духа, возвращался домой. Непогода къ вечеру разошлась еще
хуже: крупа такъ больно стегала всю вымокшую, трясущую
ушами и головой лошадь, что она шла бокомъ, но Левину
подъ башлыкомъ было хорошо, и онъ весело поглядывалъ
вокругъ себя то на мутные ручьи бѣжавшіе по колеямъ, то

Автографъ Л. Н. Толстого. Печатный экземпляръ «Анны Карениной», дополненный и исправленный рукою автора. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

сковскихъ Вѣдомостяхъ“ письмо, въ которомъ сообщилъ о страшномъ бѣдствіи во всей его полнотѣ. По этому письму, открывшему глаза властямъ, помощь со стороны правительства и общества была оказана быстрая и дѣйствительная...

Графъ Л. Н. Толстой (въ саду Ясной Поляны).

Романъ „*Анна Каренина*“, сталъ появляться въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1875 года. Въ этомъ романѣ видимъ опять тотъ же большой свѣтъ и то же богатое дворянство, изъ котораго Толстой почерпалъ свои типы и характеры и въ предшествующемъ романѣ; но только тутъ онъ весь предался рѣшенію вопроса о любви въ его различныхъ и многообразныхъ проявленіяхъ и примѣненіяхъ къ обыденнымъ условіямъ свѣтской жизни. Съ изумительною сп- Анна Каренина.

лою, съ безпощадною правдивостью провелъ онъ и выставилъ рѣзкую противоположность между пустотою и суетностью великосвѣтской жизни съ ея мишурнымъ блескомъ, безцѣльными тревогами и страстными увлеченіями, вызываемыми праздностью—и тихими, чистыми радостями, которыя находитъ среди семьи и природы человѣкъ, вѣрный своему долгу и „крѣпкій землѣ“.

Яркія и полныя жизненной правды картины, не списанныя съ дѣйствительности, а какъ бы цѣликомъ изъ нея выхваченныя авторомъ, съ поразительною вѣрностью подмѣченныя и съ необычайною силою обрисованные характеры не только главныхъ дѣйствующихъ лицъ, но даже второстепенныхъ и третьестепенныхъ участниковъ описываемой авторомъ драмы—все показывало, что графъ Л. Н. Толстой достигъ апогея въ передачѣ той высокой художественной правды, которая составляетъ идеалъ художественной дѣятельности во всѣхъ ея проявленіяхъ. Всѣ преклонились передъ дивнымъ произведеніемъ любимаго писателя; всѣ стали смотрѣть на него, какъ на провозвѣстника какой-то новой эры въ исторіи нашей литературы, и ждали, съ нетерпѣніемъ ждали отъ него новыхъ откровеній...

Ожиданія эти были долги и томительны. Въ теченіе первыхъ 5—6 лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ „Анны Карениной“, ходили какіе-то темные слухи о томъ, что графъ Л. Н. Толстой собираетъ матерьялы для новаго большого историческаго романа, который долженъ служить какъ бы продолженіемъ романа „Война и Миръ“. Говорили, что главными дѣйствующими лицами въ этомъ романѣ должны явиться „декабристы“. Дѣйствительно, отрывокъ какого-то романа въ этомъ родѣ былъ напечатанъ въ сборникѣ „Складчина“. Но продолженія начатаго и задуманнаго не являлось... Графъ Л. Н. Толстой замолкъ надолго... Пронесся даже слухъ, что онъ хочетъ навсегда отказаться отъ всякаго участія въ литературѣ и будто бы даже съ осужденіемъ и отрицаніемъ относится ко всей своей предшествующей дѣятельности...

Перерывъ въ дѣятельности.

Что именно повліяло на нашего знаменитаго писателя въ этомъ его рѣшеніи? Чѣмъ оно было вызвано? Это все вопросы, которые предлежитъ рѣшить послѣдующимъ историкамъ литературы въ отдаленномъ будущемъ. Несомнѣнно только то, что въ теченіе 70-хъ годовъ графъ Л. Н. Толстой, отчасти, можетъ-быть, подъ вліяніемъ событій, глубоко поколебавшихъ русскую общественную жизнь за этотъ періодъ, пережилъ какую-то долгую и тяжелую внутреннюю борьбу въ области вопросовъ религіозно-нравственныхъ—борьбу, которая надолго отвлекла его отъ излюбленной дѣятельности художника, воплощающаго дѣйствительность въ своихъ произведеніяхъ. Мрачное, тягостное, отрицательное направленіе высказывалось ясно во всѣхъ тѣхъ небольшихъ народ-

ныхъ не то разсказахъ, не то притчахъ религіозно-назидательнаго характера, которыя изрѣдка стали появляться изъ-подъ пера графа Толстого, вмѣсто ожидаемыхъ отъ него крупныхъ и высоко-художественныхъ произведеній... Въ обществѣ распространились даже опасенія, что мы навсегда утратили нашего знаменитаго писателя. Опасенія эти нашли себѣ отголосокъ и въ прекрасномъ предсмертномъ письмѣ И. С. Тургенева къ Л. Н. Толстому — письмѣ, въ которомъ умирающій писатель обращался къ полному силъ сотоварищу со слѣдующими трогательными словами:

Письмо И. С. Тургенева.

„Пишу я вамъ, собственно, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы выразить вамъ мою послѣднюю, искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь этотъ даръ вашъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ бы я былъ счастливъ, если бы могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ... Другъ мой, великій писатель русской земли, внемлите моей просьбѣ!"

Новѣйшія произведенія Л. Н. Толстого.

Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Л. Н. Толстой внялъ этому прекрасному и трогательному призыву отходящаго отъ жизни собрата—или просто съ теченіемъ времени встосковался о своей прежней дѣятельности... Но только онъ все же, много лѣтъ спустя, вернулся къ литературѣ. Онъ вернулся къ ней съ новыми идеями, съ новымъ запасомъ наблюденій, съ новыми воззрѣніями на русскую жизнь и ея насущнѣйшіе вопросы, и выпустилъ изъ-подъ своего пера нѣсколько произведеній необычайно-сильныхъ, но ни по характеру творчества, ни по манерѣ изложенія сюжета не имѣющихъ ничего общаго съ тѣмъ, что было написано имъ до 70-хъ годовъ, и что, собственно говоря, и составило его славу. Сначала явилась „*Смерть Ивана Ильича*" — эта поразительная картина ничтожества и суетности всѣхъ человѣческихъ затѣй и начинаній передъ величіемъ смерти, такъ просто разрѣшающей всякія разсужденія и умствованья... Затѣмъ—„*Крейцерова Соната*"—жестокій, по своей безпощадной реальности, психологическій этюдъ, разрѣшающій вопросъ о соотношеніи любви и ревности, такъ близко соприкасающійся въ наше время съ уголовной хроникой нашихъ окружныхъ судовъ. Наконецъ, въ прошломъ году вышелъ въ свѣтъ большой романъ „*Воскресенье*, напечатанный Л. Н. Толстовымъ въ „*Нивѣ*", а затѣмъ и отдѣльнымъ изданіемъ. Содержаніе этого романа, прочтеннаго всей грамотной Россіей, служитъ яснымъ доказательствомъ того громаднаго запаса силъ, которымъ и теперь, въ своемъ преклонномъ возрастѣ, обладаетъ „великій писатель земли Русской".

Нужно-ли говорить о томъ, что каждое изъ этихъ крупныхъ произведеній Л. Н. Толстого встрѣчаемо было всѣмъ русскимъ обществомъ съ нѣкоторымъ восторженнымъ благоговѣніемъ, какъ

истинное откровеніе геніальнаго мыслителя, не прекращающаго своей усиленной работы надъ насущнѣйшими вопросами нравственными. Тѣмъ же вопросамъ посвящена была графомъ Л. Н. Толстымъ его драма *„Власть тьмы“*, въ которой онъ сумѣлъ глубоко заглянуть въ душевный міръ народа, и набросать широкую и мрачную бытовую картину [1]).

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь произведеній, Л. Н. Толстой успѣлъ въ этотъ періодъ своей жизни написать очень много отдѣльныхъ статей, очерковъ и замѣтокъ, разбросанныхъ по русскимъ и иностраннымъ журналамъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ видѣ брошюръ въ Россіи и за границей, и касающихся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ философскихъ, религіозно-нравственныхъ,

Ясная Поляна, усадьба гр. Л. Н. Толстого.

общественныхъ и даже художественныхъ. Но мы не рѣшаемся входить въ разборъ произведеній нашего знаменитаго писателя, относящихся къ этому послѣднему періоду его дѣятельности, такъ какъ считаемъ всякое обсужденіе этихъ произведеній въ данную минуту еще преждевременнымъ. Исторія для нихъ еще не наступила, точно также, какъ она еще не наступила и для всей массы произведеній нашихъ писателей, еще живущихъ и дѣйствующихъ.

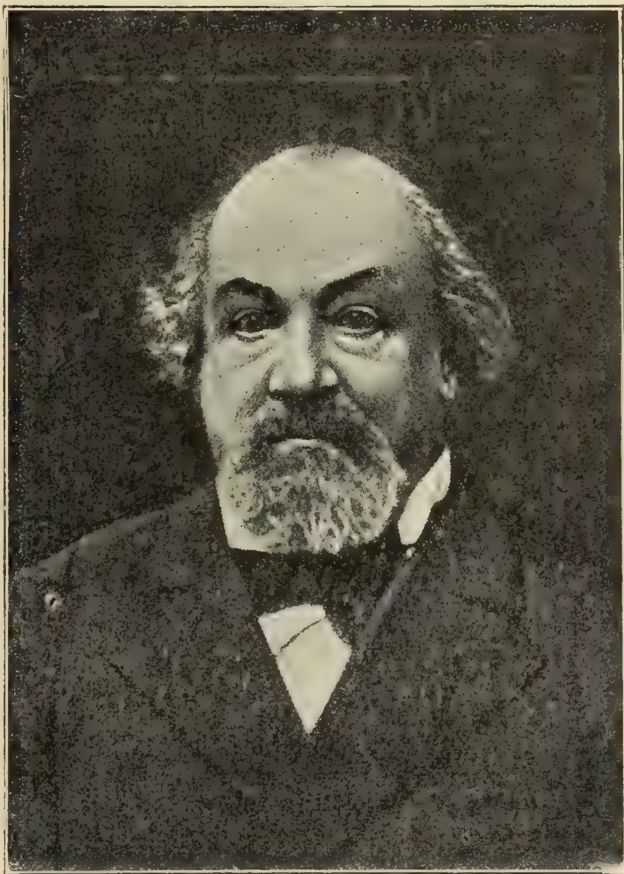
Несомнѣннымъ можетъ явиться только то, что мы уже вступили въ какой-то новый, еще неясно опредѣлившійся періодъ развитія русской литературы, что мы живемъ среди его уже не первое десятилѣтіе, и что во главѣ его, быть-можетъ, придется выставить подавляющее всѣхъ своимъ вѣсомъ, значеніемъ и вліяніемъ, *имя графа Л. Н. Толстого.*

[1]) Кромѣ этой драмы, Л. Н. Толстой, въ послѣдніе годы прошлаго вѣка поставилъ на сцену комедію «*Плоды просвѣщенія*», въ которой преслѣдуетъ свою давно-излюбленную тэму: осмѣивает крайности европеизма и вычурнаго преклоненія передъ нимъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Беллетристика и драма отрицательнаго направленія.—Писемскій.—Его романы и драмы. — Новый вкладъ въ русскую драматическую литературу: комедіи Островскаго.—Ѳ. М. Достоевскій.—Его біографія и литературная дѣятельность.

Русская литература, въ періодъ времени отъ конца 40-хъ и до начала 60-хъ годовъ чрезвычайно разрослась и обогатилась цѣлымъ рядомъ новыхъ и высоко-художественныхъ произведеній, въ которыхъ молодые, только-что вступившіе въ жизнь авторы ярко и привлекательно представили намъ русскую жизнь различныхъ слоевъ общества, начиная отъ большого свѣта и до деревенскаго захолустья, отъ дымной хижины, освѣщенной лучиною, до блестящихъ салоновъ, выставляющихъ на показъ цвѣтъ красоты и ума. Талантливые молодые авторы, сами еще не искушенные опытомъ жизни, сами еще увлекавшіеся многими ея сторонами, въ своихъ наблюденіяхъ русской дѣйствительности еще скользили по поверхности, еще не углублялись въ разборъ основъ и подробностей, обо многомъ избѣгая говорить, многаго опасаясь коснуться. Но очарованіе, вызванное новыми вѣяніями конца 50-хъ годовъ, стало проходить; жизнь шла своимъ путемъ труда и нужды, взывая къ правдѣ, разрушая очарованія, срывая покровы, прикрывавшія общественныя нестроенія и язвы—и явилась мало-по-малу потребность въ новыхъ литературныхъ дѣятеляхъ, въ новыхъ и болѣе близкихъ, болѣе строгихъ наблюденіяхъ надъ дѣйствительностью. И уже очень скоро среди нашихъ но-

А. Ѳ. Писемскій.

выхъ литературныхъ дѣятелей явились люди, которые серьезнѣе стали вдумываться и вглядываться въ русскую жизнь, безпристрастнѣе къ ней относиться и пополнять картину ея тѣми темными и даже мрачными чертами, которыхъ многіе наши писатели тщательно избѣгали, опасаясь вызвать недовольство въ читателѣ и нарушить очарованіе, создаваемое ихъ образами. Въ числѣ первыхъ дѣятелей этого направленія выступили два очень энергичныхъ и высокоталантливыхъ дѣятеля: Писемскій и Островскій.

А. Ѳ. Писемскій.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій родился (10 марта 1820 г., ум. 21 апр. 1881 г.) въ усадьбѣ Раменье (Костромской губ., Чухломскаго уѣзда), и по происхожденію своему принадлежалъ къ нѣсколько захудалому, но старинному роду костромскихъ дворянъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ о нѣкоторыхъ своихъ предкахъ въ небольшой, но чрезвычайно любопытной автобіографіи, часть которой была нами найдена въ его бумагахъ, послѣ смерти пріобрѣтенныхъ однимъ изъ нашихъ крупныхъ издателей.

„Я происхожу отъ стариннаго дворянскаго рода. Одинъ изъ предковъ моихъ, нѣкто дьякъ Писемскій [1]), былъ посылаемъ царемъ Іоанномъ Грознымъ, въ качествѣ посла, въ Лондонъ, для осмотра племянницы королевы Елисаветы, на каковой племянницѣ царь предполагалъ жениться. Другой предокъ мой пошелъ въ монастырь и удостоился быть причисленнымъ къ лику святыхъ, въ сонмѣ которыхъ доселѣ именуется Макаріемъ Писемскимъ, и мощи его почіютъ въ Макаріевскомъ, на р. Унжѣ, монастырѣ. Вотъ и вся историческая слава моего рода“. О позднѣйшихъ предкахъ своихъ нашъ писатель не распространяется, и прибавляетъ только, что та вѣтвь, отъ которой онъ самъ происходилъ, была „совершенно захудалая: дѣдъ мой былъ безграмотенъ, ходилъ въ лаптяхъ и самъ пахалъ землю. Богатый родственникъ его, малороссійскій помѣщикъ, взялся устроить судьбу отца моего—Ѳеофилакта Гавриловича Писемскаго, которому тогда было 14 лѣтъ. Устройство судьбы ребенка состояло въ томъ, что отца моего пообмыли, пообшили, выучили грамотѣ и опредѣлили солдатомъ въ войска, пошедшія завоевывать Крымъ“.

Писемскій рисуетъ отца своего суровымъ, закаленнымъ воиномъ. Послѣ завоеванія Крыма, уже въ офицерскихъ чинахъ, онъ еще долго служилъ на Кавказѣ, и, наконецъ, „прослуживъ лѣтъ тридцать, въ чинѣ маіора, вернулся на родину, т. е. въ

---

[1]) Тутъ А. Ѳ. Писемскій нѣсколько ошибается: его предокъ, ѣздившій посломъ отъ Грознаго царя къ Елисаветѣ, былъ не дьякъ, а думный дворянинъ. Онъ выѣхалъ изъ Россіи въ Англію въ августѣ 1582 года, а вернулся въ октябрѣ 1583 года. Посольство, какъ извѣстно, не привело ни къ чему; но свѣдѣнія, доставленныя посломъ, и личныя его замѣчанія изобличаютъ въ немъ человѣка умнаго и наблюдательнаго.

Костромскую губернію". Въ небольшой пьескѣ „*Ветеранъ и новобранецъ*", Писемскій, въ лицѣ „ветерана", по собственному признанію, выставилъ типическую личность своего отца и добавилъ любопытную черту къ исторіи его отставки: — оказывается, что воинъ, тридцать лѣтъ прослужившій въ арміи, возвратился на родину съ Кавказа „пѣшкомъ"!

О своей матери, Евдокіи Алексѣевнѣ (изъ рода Шиповыхъ) Писемскій отзывается съ восторгомъ, какъ о женщинѣ, прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ, и при этомъ „тонко-умной, прекрасно говорившей и весьма любившей общительность" [1]). И вся родня его матери была весьма образованная, игравшая видную роль въ свѣтѣ. Нѣкоторые родственники пользовались даже важнымъ значеніемъ въ царствованіе императора Александра I; между ними были, между прочимъ, и страстные масоны.

Все дѣтство Писемскаго протекло въ богоспасаемомъ городѣ Ветлугѣ, гдѣ его отецъ былъ городничимъ. Здѣсь-то умный, талантливый, острый и наблюдательный мальчикъ и успѣлъ присмотрѣться въ достаточной степени къ тѣмъ захолустнымъ порядкамъ, которые были ему такъ хорошо извѣстны и вѣдомы. О его ученьи никто не тревожился, да онъ, по собственному его признанію, и не проявлялъ къ нему никакой особенной охоты. Но за то на чтеніе онъ набрасывался со страстью, и все то, что̀ онъ зналъ до поступленія въ гимназію, было имъ пріобрѣтено путемъ чтенія, конечно, самаго безпорядочнаго. „Хаджи-баба", „Донъ-Кихотъ", „Фоблазъ", „Серапіоновы братья", „Хромой Бѣсъ" и рыцарскіе романы Вальтеръ-Скотта—все это смѣшивалось и перепутывалось въ одну пеструю, безразличную массу въ головѣ умнаго и необычайно живого ребенка и служило ему единственною духовною пищею до его поступленія (на 14-мъ году) въ костромскую гимназію. Здѣсь, находчивый и талантливый русакъ, кое-какъ справляясь со школьной наукой, таки добрался до вожделѣннаго конца курса и сумѣлъ дотянуть до университета:— онъ вступилъ въ университетъ Московскій въ 1840 г. и избралъ себѣ спеціальностью физико-математическій факультетъ. По этому поводу онъ замѣчаетъ въ своей автобіографіи:

Годы ученья.

„Будучи большимъ фразеромъ, я въ этомъ случаѣ благодарю Бога, что избралъ математическій факультетъ, который сразу же

[1]) Къ этой характеристикѣ своей матери Писемскій добавляетъ слѣдующія замѣчательныя и глубоко-прочувствованныя строки: «Собой она, за исключеніемъ весьма умныхъ глазъ, была не хороша, и по поводу ея наружности покойный отецъ мой (когда я былъ уже студентомъ) имѣлъ со мною такого рода бесѣду:

— Скажи мнѣ, Алексѣй, отчего это твоя мать, чѣмъ дальше живетъ, тѣмъ красивѣе становится?

— Оттого, папенька, что у маменьки много душевной красоты, которая съ годами все больше и больше выступаетъ.—Отецъ со мною согласился.»

отрезвилъ меня и сталъ пріучать говорить только то, что самъ ясно понимаешь"... „Но этимъ, кажется, только и кончилось благодѣтельное вліяніе университета. Научныхъ свѣдѣній я пріобрѣлъ не много; но зато познакомился съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, Корнелемъ, Расиномъ, Ж. Ж. Руссо, Вольтеромъ, В. Гюго и Ж. Зандомъ, и сознательно оцѣнилъ русскую литературу". Какъ видно изъ перечня авторовъ, съ которыми Писемскій ознакомился въ университетѣ—это были, преимущественно, авторы-драматурги, такъ какъ Писемскій (самъ обладавшій очень крупнымъ сценическимъ талантомъ) страстно любилъ театръ и отдавался всею душою сценѣ и сценическимъ произведеніямъ [1]). Впослѣдствіи, какъ извѣстно, онъ самъ много писалъ для сцены и всегда принималъ живѣйшее участіе въ постановкѣ своихъ драмъ на сцену.

Но, по окончаніи курса (въ 1844 г.), Писемскаго ожидала весьма тяжелая и безотрадная проза жизни. „На моемъ успѣхѣ въ роли „Подколесина" (говоритъ онъ въ автобіографіи) кончилась моя научная и эстетическая жизнь. Впереди мнѣ предстояло горе и необходимость служить: отецъ мой уже померъ; мать, пораженная его смертью, была разбита параличомъ и лишилась языка; средства къ существованію были весьма небольшія"...

Первый романъ.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и временныхъ уклоненій въ область чувства — Писемскій, какъ коренной русакъ, рѣшился серьезно отнестись къ настоятельнымъ запросамъ жизни. Онъ женился на простой, небогатой дѣвушкѣ, которая была ему вѣрнымъ товарищемъ на жизненномъ пути [2]), и тотчасъ же вступилъ на службу (чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ губернаторѣ). Съ первыми годами его жизни послѣ университета совпадаютъ его первыя литературныя произведенія. Собственно говоря, „писать" онъ началъ очень рано, и первыя пробы его пера относятся еще ко времени пребыванія въ гимназіи, гдѣ, по его собственному признанію, онъ уже писалъ повѣсти, и въ нихъ касался „такихъ возвышенныхъ сферъ, которыя совершенно были для него невѣдомы". Но серьезно онъ принялся за авторство только тогда, когда его сердцемъ овладѣло первое и очень горячее увлеченіе. Исторія этого увлеченія была имъ ярко и образно передана въ его первомъ романѣ подъ заглавіемъ „Боярщина". Писемскій отправилъ этотъ романъ въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ", которая отозвалась о романѣ съ самой лестной сто-

---

[1]) Будучи студентомъ, Писемскій часто принималъ на себя исполненіе главныхъ ролей въ университетскихъ спектакляхъ; къ концу курса относится одинъ изъ блестящихъ сценическихъ успѣховъ Писемскаго: онъ такъ сыгралъ въ «Женитьбѣ» (Гоголя) роль Подколесина, что многіе ставили его игру выше игры знаменитаго актера Щепкина.

[2]) Супруга Писемскаго, Екатерина Павловна, была дочь П. П. Свиньина, извѣстнаго основателя и издателя «Отечественныхъ Записокъ».

роны и предложила молодому автору постоянное сотрудничество въ журналѣ. Успѣхъ очень ободрилъ Писемскаго, и онъ почти безъ роздыха принялся за другой романъ „Тюфякъ“. Но первый шагъ на литературномъ поприщѣ ознаменовался крупной неудачей: „Боярщина“ была запрещена цензурой безусловно, „*за безнравственность содержанія*“—и это до такой степени возмутило Писемскаго, что онъ не захотѣлъ оканчивать и новую свою повѣсть.

Но, женившись и поуспокоившись отъ этихъ треволненій, Писемскій опять вернулся къ своему излюбленному занятію и сталъ ему посвящать свои досуги. Какъ разъ около этого времени (1850 г.) редакція стараго Погодинскаго „Москвитянина“ обновилась участіемъ, которое принялъ въ ней кружокъ молодыхъ и талантливыхъ сотрудниковъ. Въ этомъ кружкѣ видимъ мы и Аполлона Григорьева, и поэта Алмазова, и Эдельсона, и А. Н. Островскаго, и А. А. Потѣхина, и Н. В. Берга, и многихъ другихъ. Писемскій былъ друженъ и близокъ со многими членами этого кружка, и они приманили его къ участію въ обновленномъ журналѣ. Въ немъ помѣстилъ онъ свою новую повѣсть „Тюфякъ“, и повѣсть имѣла большой успѣхъ. Это побудило его къ дальнѣйшимъ трудамъ по литературѣ, и онъ ею увлекся въ такой степени, что въ короткое время написалъ цѣлый рядъ крупныхъ произведеній. Въ теченіе 4-хъ—5-ти лѣтъ онъ создалъ и помѣстилъ въ разныхъ журналахъ, кромѣ вышепомянутыхъ повѣстей, слѣдующіе романы, повѣсти, очерки изъ народнаго быта и комедіи: „*Бракъ по страсти*“, „*Комикъ*“, „*Ипохондрикъ*“, „*Богатый женихъ*“, „*Питерщикъ*“, „*М-г Батмановъ*“, „*Раздѣлъ*“, „*Лѣшій*“, „*Фанфаронъ*“. Все это было писано до 1859 г., когда Писемскій бросилъ свою службу въ провинціи и рѣшился переселиться въ С.-Петербургъ [1]), чтобы быть поближе къ главному литературному центру.

Кружокъ «Москвитянина».

Появленіе Писемскаго въ этомъ центрѣ, въ концѣ 50-хъ годовъ, — когда во всѣхъ журнальныхъ и литературныхъ кружкахъ было такъ много шума и оживленія — не прошло, да и не могло пройти незамѣченнымъ, до такой степени оригиналенъ былъ этотъ чистѣйшій русскій самородокъ. Умный и до тонкости проницательный Писемскій отлично понималъ всѣ выгоды своего исключительнаго положенія и превосходно умѣлъ ими пользоваться. Его крѣпкая, коренастая фигура, съ огромною и умнѣйшею головою на плечахъ, его живые, огненные глаза, его чисто-русская рѣчь, съ оттѣнкомъ мѣстнаго костромского говора, пересыпанная „крѣпкимъ словцомъ“, за которымъ Писемскій никогда въ карманъ не лазалъ—все это обращало невольно

Писемскій въ С.-Петербургѣ.

[1]) Это переселеніе было тѣсно связано съ переходомъ Писемскаго на службу въ Министерство Удѣловъ.

на него вниманіе. Одинъ изъ современниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о немъ:

„Онъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе какой-то *диковинки* посреди Петербурга, но диковинки не простой, мимо которой проходишь, бросивъ на нее взглядъ; а такой, которая останавливаетъ и заставляетъ много и долго думать о себѣ... Въ его рѣчахъ и мнѣніяхъ нельзя было подмѣтить ничего вычитаннаго, затверженнаго на-память, захваченнаго со стороны. Всѣ сужденія принадлежали ему, природѣ его практическаго ума и не обнаруживали никакого родства съ ученіями и вѣрованьями, наиболѣе распространенными въ средѣ тогдашнихъ образованныхъ людей".

Громаднымъ преимуществомъ Писемскаго среди петербургскихъ литературныхъ и журнальныхъ кружковъ являлось то, что онъ отлично зналъ Россію, коренную Россію, не по учебникамъ и не по журнальнымъ статьямъ, а по личному опыту изученія и долговременнаго въ ней пребыванія. Поэтому, онъ являлся несокрушимымъ противникомъ въ спорахъ со всѣми идеалистами и теоретиками, которые преимущественно пробавлялись книжными теоріями и стремились къ идеаламъ западно-европейскихъ мыслителей. Свои разсужденія и выводы Писемскій подкрѣплялъ превосходными очерками изъ народнаго быта, въ родѣ, напр., „*Плотничьей артели*", которые поражали всѣхъ своимъ суровымъ реализмомъ и неуклонною логикою морали. Въ этихъ очеркахъ, на глазахъ у всѣхъ, выступали на сцену дѣйствія настоящіе русскіе мужики, нимало не прикрашенные авторомъ и говорившіе настоящимъ мужицкимъ языкомъ, которымъ Писемскій владѣлъ въ совершенствѣ. Критики, разбирая произведенія Писемскаго, приходили даже къ тому выводу, что самъ Гоголь „не заглядывалъ такъ глубоко въ сердце русскаго человѣка". Вообще говоря, интересъ къ дѣятельности Писемскаго все возрасталъ и возрасталъ; и въ литературѣ, и въ обществѣ отъ него ожидали многаго. Но въ теченіе 1856—57 гг. Писемскимъ было напечатано очень немногое, потому что онъ принялъ на себя, по предложенію морского министерства, командировку въ Астрахань и на прибрежья Каспійскаго моря. Только уже по возвращеніи изъ этой командировки (въ концѣ 1857 г.) Писемскій принялъ участіе въ редактированіи журнала „Библіотека для чтенія", и здѣсь сталъ печатать свои новыя произведенія.

Лучшія произведенія.

Самымъ блестящимъ годомъ въ литературной дѣятельности Писемскаго слѣдуетъ, конечно, считать наступившій тогда 1858 г., когда, почти одновременно, явились два крупныхъ и замѣчательныхъ произведенія молодого, горячаго и плодовитаго автора: большой романъ „*Тысяча душъ*" и драма „*Горькая судьбина*".

„*Тысяча душъ*" признается всѣми критиками за лучшее произ-

веденіе Писемскаго. Это скорбная исторія горячей и самоотверженной женщины, которая увлеклась сухимъ и холоднымъ карьеристомъ — одна изъ трогательнѣйшихъ страницъ въ нескончаемой исторіи любви русскихъ женщинъ. Отъ первой страницы и до послѣдней, этотъ романъ читается, даже и до сихъ поръ, съ такимъ интересомъ и съ такимъ теплымъ сочувствіемъ къ главной героинѣ его, какъ-будто онъ былъ написанъ не полвѣка назадъ, а въ самое близкое къ намъ время.

Не менѣе замѣчательна и драма Писемскаго *„Горькая судьбина“*—этотъ первый и грозный протестъ противъ произвола, который такъ нескончаемо-долго пользовался защитою власти и обычнаго права. Можно сказать, что эта тяжелая и страшная драма была первою (и въ теченіе долгаго времени единственною) удачною драмою изъ простонароднаго быта, затрогивавшею самыя нѣжныя струны наболѣвшаго русскаго сердца.

Эти два произведенія—два громкихъ и блестящихъ успѣха—сильно повліяли на Писемскаго. Онъ твердо увѣровалъ въ свое назначеніе и призваніе писателя; онъ вообразилъ, что это призваніе всѣмъ ясно и всѣми признается; что все общество ждетъ отъ него новыхъ откровеній, и всегда будетъ къ нему относиться такъ же горячо, какъ въ концѣ 50-хъ годовъ... Онъ такъ увлекся своею мнимою ролью, что рѣшился все бросить для литературы и ей исключительно посвятить себя на всю остальную жизнь. На этомъ основаніи онъ вышелъ въ отставку...

Увлеченія и разочарованія.

Но Писемскій видимо позабылъ, что онъ живетъ въ „періодъ бурь и борьбы“, когда воззрѣнія и мнѣнія, и отношенія къ вопросамъ дѣйствительности могутъ мѣняться чуть не каждый день, и когда даже самый талантливый, самый чуткій и умный писатель не можетъ ручаться за то, что онъ удержитъ за собою положеніе, на которое вознесла его шумливая толпа, — вѣчная поклонница минутнаго успѣха. Увлеченный своими идеалами, онъ почти позабылъ о томъ періодѣ общественнаго броженія, который наступилъ въ Россіи съ начала 1860-хъ годовъ и совершенно видоизмѣнилъ теченіе русской жизни народной и общественной. Это броженіе отозвалось и въ литературѣ, и въ журналистикѣ чрезвычайно странными, еще невиданными въ Россіи явленіями. Мечтательныя теоріи и утопическія стремленія взяли верхъ надъ простымъ и здравымъ пониманіемъ дѣйствительныхъ нуждъ русской жизни.

Умный и практически-опытный Писемскій сразу угадалъ, что новое литературное и общественное направленіе должно будетъ привести къ весьма печальнымъ результатамъ, и рѣшился смѣло и рельефно, въ живыхъ и реальныхъ образахъ набросать широкую картину общественнаго броженія, охватившаго всю ин-

теллигентную Россію. Онъ написалъ большой романъ, которому далъ весьма характерное названіе „*Взбаломученное море*". Картина вышла мрачная, но поразительная. Писемскій съ одинаковою безпощадностью выставилъ здѣсь на общее осмѣяніе и отживающіе типы стараго поколѣнія, и нарождающіеся „новые типы" молодого поколѣнія. И что же? Это безпристрастіе автора никому не

А. Н. Островскій (въ послѣдніе годы жизни). По фотографіи.

понравилось! Критика заговорила о немъ съ пѣною у рта, и произнесла надъ нимъ самый строгій и самый несправедливый приговоръ; а преклоняющаяся передъ нею публика (въ особенности—молодежь) поголовно возстала противъ автора, котораго прославила отсталымъ, неспособнымъ понимать блага просвѣщенія и прогресса... И вотъ, всѣ тѣ, которые еще недавно преклонялись передъ Писемскимъ, отвернулись отъ него и перестали его читать—почти забыли его, какъ забыли и Тургенева послѣ его „Отцовъ и дѣтей".

Могила Островскаго. Церковь и кладбище въ селѣ Бережкахъ, гдѣ онъ похороненъ. Усадьба въ сельцѣ Щелыковѣ, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губ., гдѣ онъ скончался.

Переселеніе въ Москву.

Этотъ неожиданный ударъ ошеломилъ Писемскаго... Онъ въ теченіе нѣкотораго времени не могъ освоиться со своимъ положеніемъ; но, наконецъ, не выдержалъ, и рѣшился покинуть Петербургъ, въ которомъ вдругъ всѣ журнальные и литературные кружки отъ него отвернулись. Въ 1866 г. онъ переселился въ Москву и вновь поступилъ на службу (совѣтникомъ въ Московское губернское правленіе). Здѣсь, огорченный и, можетъ-

быть, даже озлобленный постигшимъ его разочарованіемъ, Писемскій примкнулъ къ тому кружку московскихъ литераторовъ, который недовѣрчиво относился къ петербургскимъ передовымъ журналамъ. Всѣ произведенія его въ этотъ періодъ печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ“: но на нихъ — увы! — лежитъ печать того мрачнаго настроенія, которое овладѣло душою автора и побуждало его то подозрительно, то непріязненно относиться ко всѣмъ новымъ явленіямъ русской жизни. Къ тому же, здоровье, потрясенное тяжелыми испытаніями и семейными невзгодами, стало измѣнять Писемскому, и его нервная мнительность возросла до крайнихъ предѣловъ развитія. Это настроеніе отчасти отозвалось на всѣхъ его произведеніяхъ послѣдняго московскаго періода, между которыми въ числѣ лучшихъ слѣдуетъ поставить романы: „*Люди сороковыхъ годовъ*“ и „*Масоны*“; а изъ драматическихъ произведеній—драму „*Ваалъ*“.

На двадцатипятилѣтнемъ юбилеѣ своей литературной дѣятельности (19 января 1875 г.), Писемскій, такъ много внесшій цѣннаго въ русскую литературу, такъ много и плодотворно потрудившійся, имѣлъ полное право сказать своимъ почитателямъ, что „единственною путеводною звѣздою во всѣхъ его трудахъ было желаніе высказать своей странѣ нѣсколько суровую, *но все-таки правду* про нее самоё...“

Послѣдніе годы жизни Писемскій очень часто, почти непрерывно болѣлъ... Однакоже, онъ еще могъ принять участіе въ торжествѣ по поводу открытія памятника Пушкину. Полгода спустя онъ тихо скончался (21 янв. 1881 г.), не забытый только небольшимъ кружкомъ друзей.

А. Н. Островскій.

Александръ Николаевичъ Островскій родился въ Москвѣ 31 марта 1823 г. Отецъ его, Николай Ѳеодоровичъ Островскій, потомственный дворянинъ, состоялъ на службѣ при гражданскомъ судѣ, а потомъ, покинувъ службу, занимался ходатайствомъ по частнымъ дѣламъ. Это занятіе и доставляло ему средства, по тому времени достаточныя; жилъ онъ въ Замоскворѣчьи, въ собственномъ небольшомъ домикѣ. Но семья возрастала быстро, и семейный бытъ Николая Ѳеодоровича былъ весьма скроменъ. Только уже второю женитьбою, на баронессѣ Т., удалось Николаю Ѳеодоровичу настолько поправить свое состояніе, что онъ и многочисленную семью свою сумѣлъ поднять на ноги, и дѣтямъ своимъ могъ кое-что оставить.

Александръ Николаевичъ былъ старшимъ изъ троихъ сыновей отъ перваго брака. Воспитанія домашняго не получилъ онъ рѣшительно никакого. При дѣтяхъ Николая Ѳеодоровича, правда, числился въ воспитателяхъ какой-то семинаристъ, потомъ еще и какой-то малороссъ-учитель, по фамиліи Тарасенко, но, собственно

говоря, ни тотъ, ни другой изъ этихъ педагоговъ не оказали на развитіе будущаго драматурга никакого вліянія. Матери Островскій лишился въ раннемъ дѣтствѣ; отецъ его былъ постоянно занятъ своими дѣлами, и его дѣтямъ—какъ и большинству дѣтей, въ русскихъ семействахъ средняго класса, въ то время,—приходилось выростать на просторѣ и свободѣ, безъ всякихъ стѣсненій и внѣ всякихъ системъ.

Дальнѣйшее воспитаніе и первоначальное образованіе пришлось получить А. Н. Островскому въ первой московской гимназіи, которая тоже, въ ту пору, немного могла ему дать свѣдѣній; тѣмъ болѣе, что и онъ, подобно множеству русскихъ даровитыхъ натуръ, прилежаніемъ не отличался. Однакоже, курсъ въ гимназіи онъ кончилъ, благополучно перешелъ потомъ въ университетъ и поступилъ на факультетъ юридическій. Но тутъ ему курсъ кончить не удалось: вышли у него какія-то непріятности съ профессоромъ К., и онъ покинулъ университетъ, прослушавъ въ немъ только три курса. Это было, если мы не ошибаемся, въ 1843 году. Пришлось, конечно, поступить на службу, и молодой Островскій опредѣлился коллежскимъ регистраторомъ въ Московскій коммерческій судъ. Служба въ коммерческомъ судѣ открыла новое поле для наблюденій и дала ему возможность взглянуть на общую картину уже хорошо извѣстнаго ему быта съ иной и весьма важной точки зрѣнія.

Первыя произведенія.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ дѣтства и юности, проведенныхъ въ Замоскворѣчьи, и первымъ литературнымъ опытомъ Островскаго были, весьма естественно, „Сцены изъ Замоскворѣцкой жизни“ и „Очерки Замоскворѣчья“, помѣщенные въ 1847 году въ современныхъ журналахъ; подъ несомнѣннымъ впечатлѣніемъ службы въ коммерческомъ судѣ была создана и задумана первая и лучшая изъ комедій Островскаго: „*Свои люди — сочтемся*“—мрачная эпопея одного изъ множества злостныхъ банкротствъ.

Первые литературные опыты и это первое крупное произведеніе явились на свѣтъ Божій изъ-подъ пера Островскаго въ такое время, когда молодому автору жилось неособенно легко и весело. Отецъ, обладавшій нѣкоторымъ достаткомъ, ничего не давалъ на содержаніе сыну, который пользовался въ его домѣ только даровымъ помѣщеніемъ. Къ тому же молодой и талантливый Островскій вскорѣ пожелалъ покинуть службу, нисколько не соотвѣтствовавшую ни его способностямъ, ни его внутреннему настроенію. Его болѣе влекло къ литературѣ, и онъ попытался пристроиться къ кружку „Москвитянина“, въ которомъ въ то время преобладала такъ называемая „новая редакція“, подъ верховенствомъ М. П. Погодина, уже начинавшаго старѣть. Здѣсь

Москва 15 Мая 1886 г.

Многоуважаемый,

Алексѣй Михайловичъ,

Поздравляю всѣхъ артистовъ и душевно радъ ихъ успѣхамъ. Писать много некогда: работы и хлопотъ по театру бездна; къ тому же мы оставляемъ нашу квартиру, — Марья Васильевна съ дѣтьми уѣзжаетъ въ деревню, — мебель и всѣ вещи переносимъ въ складъ, а я до отъѣзда переѣзжаю въ гостинницу Дрезденъ. Я сбился съ ногъ и расхворался. Поклонитесь всѣмъ.

Искренно вамъ преданный

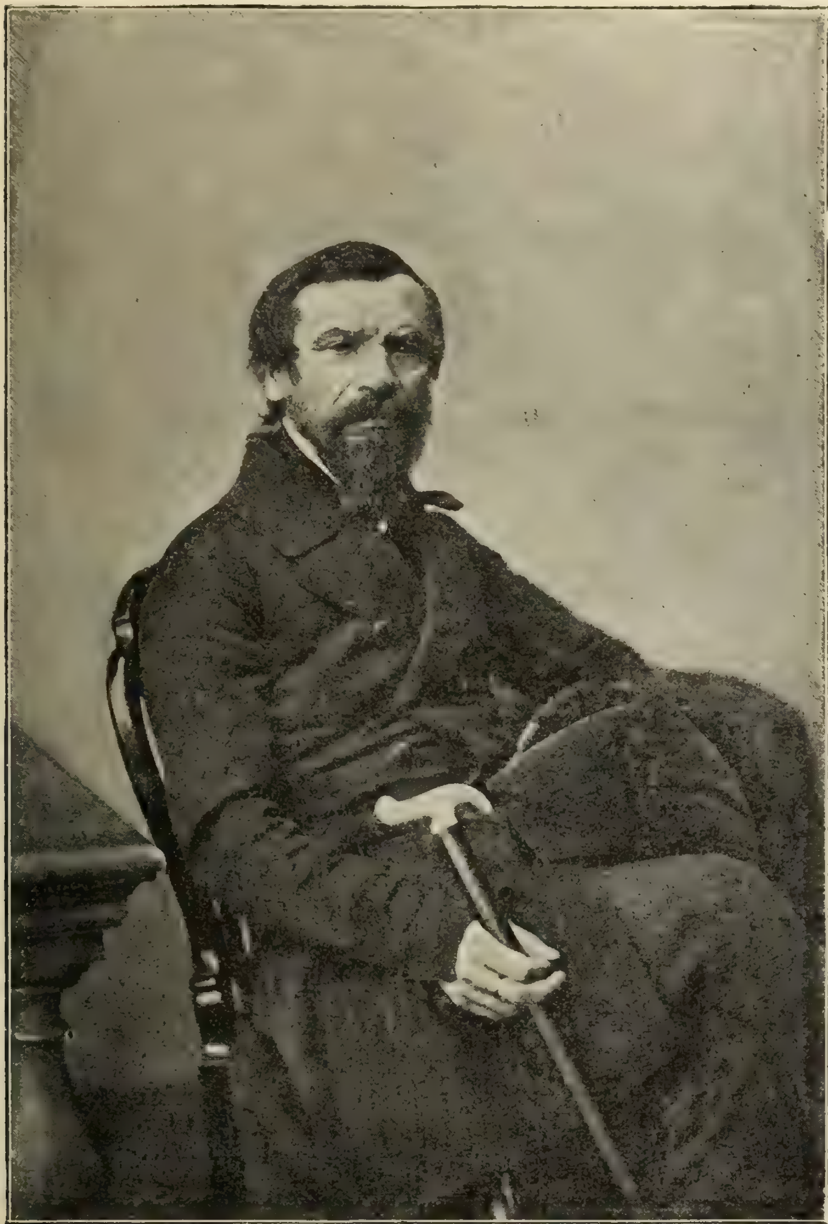
А. Островскій

Автографъ А. Н. Островскаго. Его письмо къ А. М. Кондратьеву.

онъ подрядился поставлять мелкія статейки, править корректуру и дѣлать кое-какіе переводы за болѣе чѣмъ скромную плату въ

15 р. помѣсячно. Для выполненія этой работы приходилось бывать въ редакціи ежедневно, дважды переходя пѣшкомъ черезъ всю Москву, отъ Яузскаго моста на Дѣвичье поле.

Однакоже, кружокъ „Москвитянина", въ которомъ видную

М. П. Погодинъ (въ старости).

роль играли умные и образованные славянофилы, пригодился Островскому въ томъ смыслѣ, что его первое крупное произведеніе (комедія „Свои люди — сочтемся") нашло себѣ въ средѣ этого кружка одобреніе по достоинству. До мелочности разсчетливый, даже скупой, Погодинъ поспѣшилъ пріобрѣсти комедію за

безцѣнокъ и напечатать ее въ своемъ журналѣ — и общій гулъ похвалъ, встрѣтившій комедію въ образованныхъ слояхъ московскаго общества, ободрилъ автора къ дальнѣйшимъ шагамъ на томъ же самомъ поприщѣ [1]).

Дѣйствительно, всѣ были поражены зрѣлостью таланта молодого автора и необыкновенною, художественною цѣльностью его произведеній. Всѣ, знакомясь съ новою комедіею Островскаго, сознавали, что сравнивать ее можно только съ комедіями Гоголя; но сознавали и то, что въ ней есть многія и важныя достоинства, которыхъ нѣтъ въ гоголевскихъ комедіяхъ. Вся обработка сюжета и постановка его на сценѣ была проще, реальнѣе, ближе къ дѣйствительности, нежели у Гоголя; всѣ характеры очерчены сильно и рѣзко, въ немногихъ, но очень крупныхъ и для каждаго понятныхъ чертахъ; мораль тоже была до очевидности ясна и ни въ чьей душѣ не оставляла ни догадокъ, ни сомнѣній.

Заслуга Островскаго.

Большою заслугою со стороны Островскаго было и то, что онъ первый приподнялъ край завѣсы, дотолѣ скрывавшей отъ всѣхъ обособленный, нà-глухо замкнутый міръ купечества, китайскою стѣною отдѣленный отъ общества... Всѣ, болѣе по слухамъ, знали о томъ, каковъ былъ бытъ и каковы нравы, преобладавшіе въ московскомъ купеческомъ сословіи, которое составляетъ весьма важный элементъ въ нашей народной и государственной жизни; но никто не рѣшался ближе ознакомиться съ этимъ элементомъ, никто не бралъ на себя смѣлость сказать о немъ свое смѣлое и правдивое слово. Надо было именно такъ знать бытъ купечества (не принадлежа къ сословію), какъ его зналъ Островскій, постоянно вращавшійся въ кругу купцовъ отъ самой ранней юности—чтобы рѣшиться выставить на сцену рядъ произведеній, заимствованныхъ изъ этого, никому невѣдомаго и всѣмъ мало-доступнаго міра. И то, на первыхъ порахъ, выведенные имъ типы казались всѣмъ преувеличеніями, измышленіями автора, не существующими въ дѣйствительности: до такой степени они представляли собою нѣчто невиданное въ литературѣ.

Невиданнымъ въ литературѣ и на сценѣ былъ и тотъ чрезвычайный элементъ простоты, который встрѣчаемъ въ большинствѣ пьесъ Островскаго, начиная съ первой его комедіи. Онъ избѣгаетъ всякихъ трескучихъ эффектовъ, какъ и трескучихъ фразъ; онъ не загромождаетъ сцену, ради обстановки, излишними лицами; онъ довольствуется только тѣмъ необходимымъ персоналомъ, ко-

[1]) Мы говоримъ: «ободрилъ», потому что неудачи, встрѣтившія первое произведеніе Островскаго, сильно его опечалили. Продано оно было задаромъ; а купечество вознегодовало на автора и успѣло добиться того, что власти не допустили постановку комедіи на сценѣ.

торый ему нуженъ для того, чтобы показать главные характеры въ ихъ обыденной обстановкѣ сношеній и отношеній къ окружающимъ людямъ. На первыхъ порахъ и эта простота многимъ пришлась не по нутру... Островскаго не только осуждали за первоначальную развязку его первой комедіи, но даже вынудили измѣнить ее при постановкѣ на сцену въ духѣ извѣстнаго правила сценической морали, по которому „если даже добродѣтель и не можетъ торжествовать, то ужъ порокъ-то непремѣнно долженъ быть наказанъ“ [1]).

Расцвѣтъ таланта.

За первою комедіей не сразу, но все же въ скоромъ времени Островскій выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько превосходныхъ произведеній: „*Бѣдная невѣста*“ (1852 г.), „*Не въ свои сани не садись*“ (1853 г.), „*Бѣдность не порокъ*“ (1854 г.) и „*Не такъ живи, какъ хочется*“ (въ томъ же году). Двѣ послѣднія пьесы, въ особенности, упрочили за Островскимъ славу высокоталантливаго драматурга. Но эта слава не много принесла автору матерьяльныхъ выгодъ. Вторую изъ комедій Островскаго дирекція казенныхъ театровъ купила въ полную собственность за 700 руб.; за другія пьесы платила гроши, или старалась отъ нихъ отдѣлываться, отказываясь ставить ихъ на сцену, гдѣ преобладалъ репертуаръ переводный или „оригинально-русскій“, въ смыслѣ патріотическихъ пьесъ Кукольника. Притомъ же, чопорный Петербургъ долгое время не могъ привыкнуть къ особенностямъ того быта, изъ котораго Островскій заимствовалъ сюжеты своихъ пьесъ; а потому произведенія молодого драматурга долгое время шли только въ Москвѣ. Не улучшилось положеніе Островскаго и въ ту пору общаго подъема духа, которая наступила въ русскомъ обществѣ послѣ окончанія крымской кампаніи; цензура, начавшая смотрѣть сквозь пальцы на журналы, газеты и беллетристику, все еще очень сурово относилась къ произведеніямъ сценическимъ, и пьесы Островскаго безпрестанно подвергались то урѣзкамъ, то полному запрещенію. А между тѣмъ еще никогда, съ самаго начала своей дѣятельности, онъ не проявлялъ такой изумительной плодовитости и разнообразія въ своемъ творчествѣ, какъ именно въ періодъ времени между 1856—1865 гг. Тутъ были написаны драмы: „*Въ чужомъ пиру похмѣлье*“, „*Доходное мѣсто*“, „*Воспитанница*“ и, наконецъ, въ теченіе одного 1860 года три пьесы: „*Старый другъ лучше новыхъ двухъ*“, „*Тяжелые дни*“ и „*Гроза*“—одно изъ

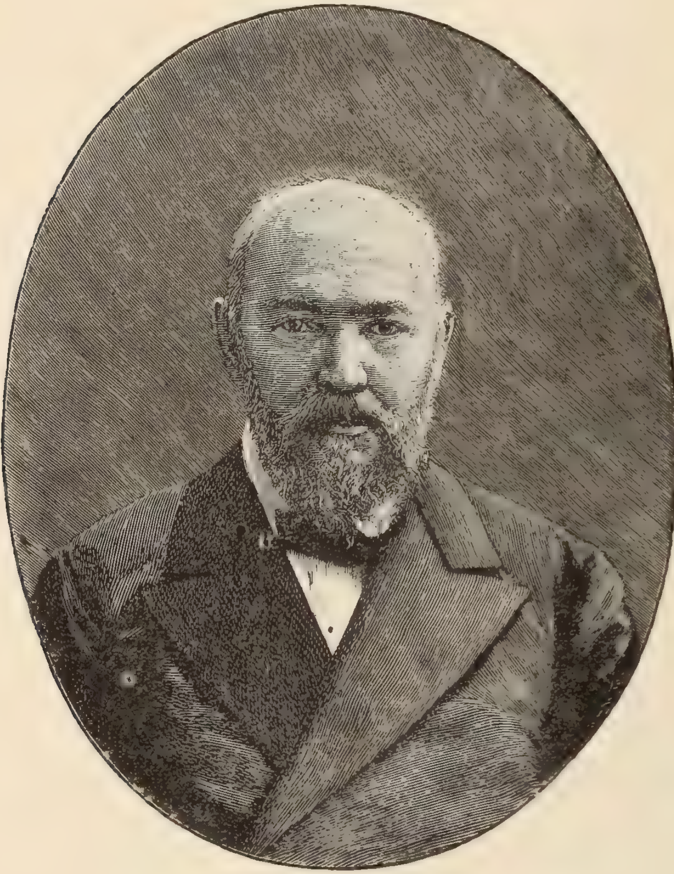
---

[1]) Первоначально, комедія заканчивалась тѣмъ, что плутоватый зять (Подхалюзинъ), разбогатѣвшій черезъ плутни тестя (Большова), преспокойно засаживаетъ его въ «яму», и потомъ обращается къ публикѣ, приглашая въ «свой магазинчикъ» и увѣряя, что тамъ и «малаго ребенка въ луковицѣ не обочтутъ». При постановкѣ на сцену, авторъ вынужденъ былъ измѣнить конецъ: на сцену, какъ «deus ex machina», является добродѣтельный полицейскій офицеръ, и порочный зять несетъ одинаковую кару съ порочнымъ тестемъ.

лучшихъ драматическихъ произведеній, появившихся на русской сценѣ прошлаго вѣка.

Невзгоды и неудачи.

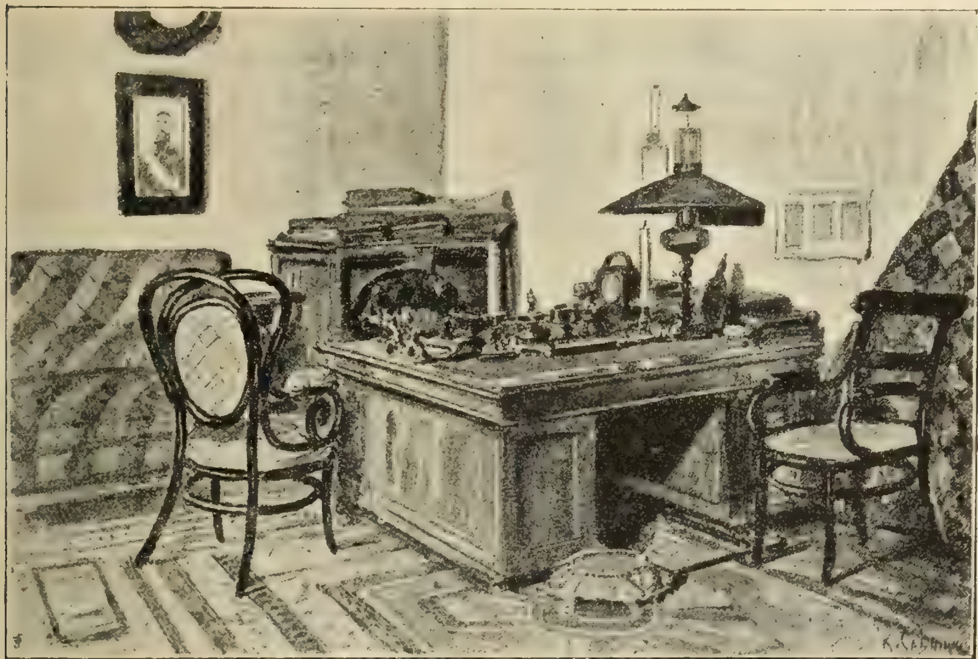
Но, несмотря на такіе блестящіе результаты литературной дѣятельности Островскаго, несмотря на то, что онъ вносилъ рядъ такихъ прекрасныхъ произведеній на русскую сцену и приносилъ, какъ петербургскому, такъ и московскому театру огромныя выгоды, театральное начальство, зная его самостоятельный и независимый характеръ, относилось къ нему непріязненно и не давало надлежащаго хода его пьесамъ. Сознаніе этой несправедливости въ высшей степени тягостно вліяло на Островскаго, наводило его на мрачныя мысли и заставляло нерѣдко съ грустью помышлять о будущности его семьи. Люди, близкіе къ Островскому, утверждаютъ даже, что это мрачное настроеніе отзывалось и на его литературной дѣятельности въ періодъ 60-хъ годовъ, въ теченіе котораго явились: „*Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ*“, „*Шутники*“, „*На бойкомъ мѣстѣ*“—пьесы, отмѣченныя мрачнымъ, трагическимъ характеромъ содержанія. Гораздо болѣе осязательнымъ признакомъ болѣзненно-раздраженнаго настроенія писателя представляется намъ то, что въ половинѣ 60-хъ годовъ онъ уже высказывалъ рѣшеніе совсѣмъ отказаться отъ театра и отъ постановки своихъ пьесъ на сцену. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ ближайшихъ друзей, онъ прямо пишетъ, что „къ низкопоклонству онъ не способенъ“ и „при его положеніи въ литературѣ играть роль вѣчно-

А. Н. Островскій (въ послѣдній годъ жизни).

кланяющагося просителя тяжело и унизительно". Въ виду всего этого онъ желаетъ „совсѣмъ оставить театральное поприще", чтобы пріобрѣсти себѣ спокойствіе и независимость, вмѣсто хлопотъ и униженія". Затѣмъ онъ извѣщаетъ своего друга о томъ, что давно уже занимается Русскою Исторіей и отнынѣ будетъ писать только драматическія хроники, въ родѣ „Бориса Годунова" и Шекспировскихъ историческихъ пьесъ.

Подъ вліяніемъ этого настроенія и продолжительныхъ занятій надъ историческимъ матерьяломъ, дѣйствительно были написаны Островскимъ его историческія пьесы: *„Козьма Захарьичъ* Историческія пьесы

Кабинетъ Ѳ. М. Достоевскаго (въ послѣдніе годы жизни).

召Мининъ-Сухорукъ", *„Дмитрій Самозванецъ"*, *„Василиса Мелентьева"*, его историческая фантазія *„Воевода"* и другія (всѣ между 1862 — 1868 гг.). Но, несмотря на чрезвычайно-удачныя, выдающіяся по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, отдѣльныя сцены, встрѣчающіяся въ этихъ хроникахъ, онѣ, въ общемъ, не отличаются ни цѣльностью содержанія, ни отчетливою выработкою характеровъ, ни ровностью въ развитіи драматическаго дѣйствія, ни строгою вѣрностью исторической дѣйствительности. Очень немногія изъ этихъ „хроникъ" имѣли успѣхъ на сценѣ, и только „Воевода", поставленный на сцену самимъ Островскимъ, произвелъ впечатлѣніе на публику и до сихъ поръ остается на сценѣ, выдержавъ безчисленное множество представленій.

Подъ конецъ жизни Островскаго, однакоже, и матерьяльное положеніе его значительно улучшилось, и душевное спокойствіе

до нѣкоторой степени возстановилось [1]). Казалось, что счастіе улыбнулось ему, что его завѣтныя мечты начинають сбываться. Подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ наступившаго новаго времени, вдругъ произошелъ благопріятный поворотъ во всѣхъ порядкахъ по управленію московской театральной сценой; въ затхлой атмосферѣ кулисъ почуялись новыя и свѣжія вѣянія, всколебавшія застой и рутину, прочно осѣвшія на нашей казенной сценѣ. Островскому было предложено принять на себя завѣдыванье репертуарною частью въ московскихъ казенныхъ театрахъ,—и онъ съ восторгомъ, съ наслажденіемъ принялся за это весьма сложное и трудное, хотя и хорошо знакомое ему дѣло. Но его силы и здоровье были уже надломлены, и чрезмѣрные труды по излюбленному имъ дѣлу подтачивали послѣдніе запасы его крайне разстроеннаго организма. Въ концѣ мая 1886 года онъ вдругъ почувствовалъ сильное утомленіе и поспѣшилъ отъѣздомъ изъ Москвы въ свое любимое сельцо Щелыково [2]), въ которомъ онъ обыкновенно проводилъ лѣто со своимъ семействомъ. Здѣсь, вскорѣ по пріѣздѣ, 2 іюня 1886 г., онъ скончался скоропостижно, и, по желанію, выраженному имъ при жизни, былъ похороненъ близъ своего имѣнія.

Критика объ Островскомъ.

Критика, еще при жизни Островскаго, довольно согласно опредѣляла его значеніе и достоинства его таланта; только въ послѣдніе годы слышались отдѣльные голоса, указывавшіе, не безъ основанія, на нѣкоторое однообразіе въ обработкѣ сюжетовъ, быть-можетъ проистекавшее отъ нѣкотораго переутомленія въ творчествѣ, которое иногда приходилось насиловать ради необходимаго пополненія весьма ограниченныхъ средствъ къ существованію, при весьма значительной семьѣ. Но, въ общемъ, критика отнеслась къ произведеніямъ Островскаго довольно безпристрастно. Особенно много сочувственныхъ и высоко-талантливыхъ критическихъ статей было посвящено Островскому Добролюбовымъ, который слѣдующимъ образомъ характеризуетъ комедію, созданную Островскимъ: „Комедія Островскаго,—говоритъ онъ:—это не комедія интригъ и не комедія характеровъ собственно, а нѣчто новое, чему мы дали бы названіе „*пьесъ жизни*“, если бы это не было слишкомъ обширно и потому не совсѣмъ опредѣленно. Мы хотимъ сказать, что у него на первомъ планѣ является всегда общая, независящая ни отъ кого изъ дѣйствующихъ лицъ, обста-

[1]) Улучшенію матеріальнаго положенія въ значительной степени способствовало учрежденіе «Общества русскихъ драматическихъ писателей», которое стало выплачивать Островскому значительный гонораръ за представленіе его пьесъ на частныхъ театрахъ. Не даромъ говаривалъ онъ, что «всѣ театры въ Россіи живутъ его репертуаромъ».

[2]) С. Щелыково (Кинешемскаго у., Костромской губ.) лежитъ въ очень живописной мѣстности, на берегу Волги; А. Н. Островскій пріобрѣлъ его пополамъ съ братомъ своимъ, М. Н. Островскимъ, отъ своей мачихи.

новка жизни. Онъ не караетъ ни злодѣя, ни жертву: оба они жалки вамъ, нерѣдко оба смѣшны; но не на нихъ непосредственно обращается чувство, возбужденное въ насъ пьесою. Вы видите, что ихъ положеніе господствуетъ надъ ними, и вы вините ихъ только въ недостаткѣ энергіи, необходимой для выхода изъ этого положенія. Такимъ образомъ и борьба, требуемая теоріею отъ драмы, совершается въ пьесахъ Островскаго не въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ, но въ фактахъ, господствующихъ надъ ними. Часто сами лица комедіи не имѣютъ много, или и вовсе никакого сознанія о смыслѣ своего положенія и своей борьбы; но зато борьба весьма отчетливо и сознательно совершается въ душѣ зрителя, который невольно возмущается противъ положенія, порождающаго такіе факты"...

Весь рядъ произведеній Островскаго, отъ его первой комедіи „Свои люди — сочтемся" и до „Грозы", представляетъ собою вполнѣ новую страницу въ исторіи нашей литературы. *Новую* не только потому, что авторъ вывелъ на сцену въ своихъ комедіяхъ новые типы и новыя формы быта, всѣмъ одинаково-неизвѣстные; но еще и потому, что онъ обновилъ въ своихъ произведеніяхъ языкъ нашей сцены богатѣйшимъ вкладомъ русской рѣчи, живой, образной, цвѣтистой и характерной... И если еще Пушкинъ говаривалъ, что русскому языку слѣдуетъ учиться у московскихъ просвиренъ, то Островскій вполнѣ выполнилъ его завѣтъ, вложивъ въ уста своимъ дѣйствующимъ лицамъ чистѣйшій московскій говоръ среднихъ слоевъ населенія, изученный и усвоенный имъ вполнѣ съ дѣтства и ранней юности.

Языкъ Островскаго.

Языкъ пьесъ Островскаго (это можно сказать не обинуясь) представляетъ собою художественное цѣлое, вполнѣ заслуживающее серьезнаго изученія. Вполнѣ вѣрный дѣйствительности, изъ которой ему научился авторъ, онъ не только до мельчайшихъ тонкостей передаетъ намъ характерныя черты сословнаго говора, но и служитъ въ рукахъ автора послушнымъ орудіемъ, одинаково передающимъ и самыя пошлыя, самыя грубыя проявленія необузданной натуры расходившагося купца, и самые нѣжные мотивы мечтаній нѣжной, высоко-настроенной молодой женщины. Языкъ Островскаго, до сихъ поръ еще мало изученный, недостаточно обращавшій на себя вниманіе нашей ученой критики, представляетъ собою несомнѣнно одно изъ крупныхъ доказательствъ высокой, неистощимой талантливости автора и присущей ему геніальной наблюдательности, опиравшейся на глубокое и всестороннее знаніе русскаго человѣка.

Совершенно новыми и невиданными у насъ въ литературѣ явились и тѣ бытовыя картины, и тѣ типы, которые широкою и мощною кистью набросалъ передъ нами Островскій. Не пугаясь

животрепещущей правды, онъ почти во всѣхъ своихъ пьесахъ рисуетъ намъ очень мрачную картину семейной жизни и общественной дѣятельности того слоя купечества, въ который еще не успѣли проникнуть лучи цивилизаціи, хотя онъ уже сумѣлъ усвоить себѣ нѣкоторыя внѣшнія ея стороны. Мастерски рисуетъ онъ передъ нами картину того застоя и апатіи, среди которыхъ коснѣютъ цѣлыя поколѣнія, строящія и располагающія свою жизнь по тому плану, по какому жили отцы и дѣды, и стѣсняющія свою умственную и нравственную дѣятельность узкими рамками исконнаго обычая и всесильнаго предразсудка. И среди этой-то обстановки, на этомъ-то мрачномъ бытовомъ фонѣ, Островскій выставляетъ тѣ характеры и типы, которые съ описываемымъ бытомъ неразрывно связаны и, такъ-сказать, имъ же и вызваны къ жизни. Добролюбовъ, по поводу выводимыхъ Островскимъ характеровъ, вполнѣ справедливо замѣчаетъ:

Ѳ. М. Достоевскій (съ гравюры Брокгауза).

Типы Островскаго.

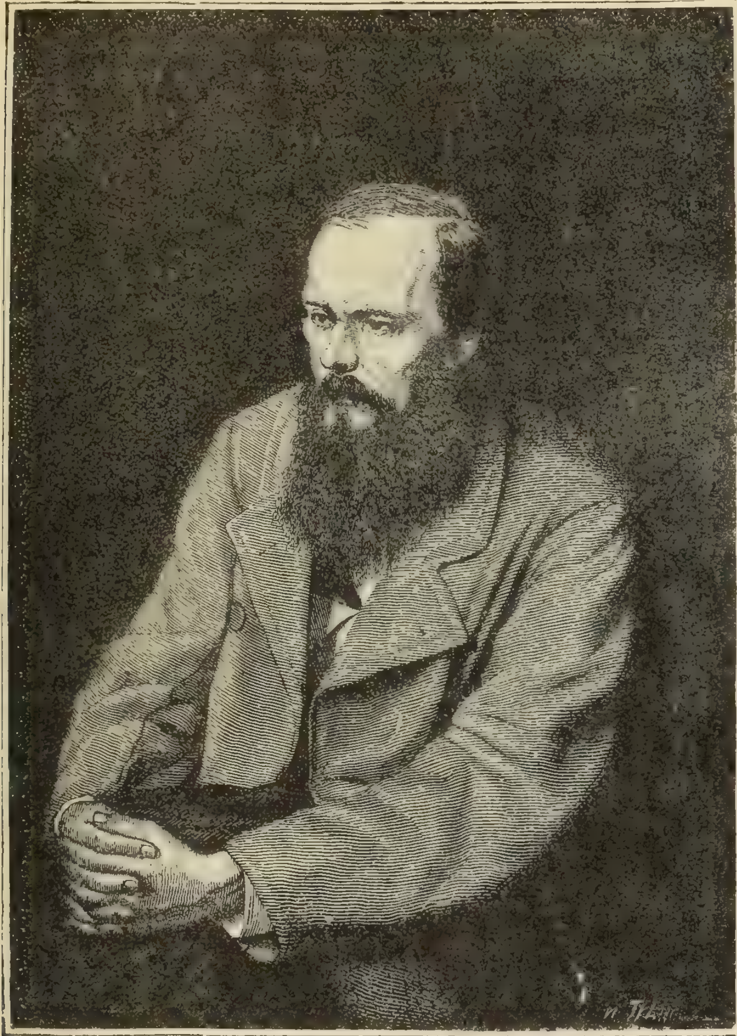
„Островскій умѣетъ заглядывать въ глубь души человѣка, умѣетъ отличать *натуру* отъ всѣхъ, извнѣ принятыхъ уродствъ и наростовъ; оттого внѣшній гнетъ, тягость всей обстановки, давящей человѣка, чувствуются въ его произведеніяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ во многихъ разсказахъ, страшно возмутительныхъ по содержанію, но внѣшнею, оффиціальною стороною совершенно заслоняющихъ внутреннюю человѣческую сторону".

Особенно-тщательно и подробно разслѣдованъ Островскимъ въ его комедіяхъ страшный типъ *купца-самодура*, никѣмъ не затронутый (до Островскаго) въ нашей литературѣ. Многими писателями предшествующей эпохи былъ очерченъ въ общихъ чертахъ типъ самодура-барина, у котораго его деспотическія замашки основываются на избыткѣ того произвола, который онъ могъ проявлять надъ крѣпостнымъ людомъ. Но никто и не подозрѣвалъ существованіе другого рода самодуровъ, которые установляли свой страшный гнетъ на сознаніи своей матерьяльной мощи, обусловленной громаднымъ преобладаніемъ всесильнаго богатства

надъ робкою и безотвѣтною нуждою. Островскому вполнѣ принадлежитъ честь возсозданія этого страшнаго типа въ нашей литературѣ; и онъ успѣлъ въ различныхъ своихъ произведеніяхъ разсмотрѣть этотъ типъ вполнѣ и со всѣхъ сторонъ.

Женщины въ комедіяхъ Островскаго.

Слабою стороною произведеній Островскаго являются женскіе характеры. Это, большею частью, женщины глупыя, слабыя во-

Ѳ. М. Достоевскій. Съ портрета Крамского.

лею, неразвитыя, пришибленныя гнетомъ самодурства и покорно склоняющіяся передъ нимъ. Болѣе удачными являются типы отрицательные — женщины злыя, лукавыя, распущенныя въ нравственномъ смыслѣ, женщины безсердечнаго и деспотическаго склада. Но Островскій, которому, вѣроятно, не разъ приходилось слышать укоры въ этомъ направленіи, блистательно доказалъ, что онъ способенъ создавать и иные женскіе типы — и всѣхъ привелъ въ восторгъ прелестнымъ типомъ

Катерины (въ „*Грозѣ*“), который былъ имъ такъ глубоко обдуманъ, такъ прочувствованъ и такъ тонко и художественно воспроизведенъ. „Характеръ Катерины,—замѣчаетъ Добролюбовъ въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ „*Грозѣ*“,—составляетъ шагъ впередъ не только въ драматической дѣятельности Островскаго, но и во всей нашей литературѣ... Онъ давно требовалъ своего осуществленія въ литературѣ; около него вертѣлись наши лучшіе писатели: но они успѣли только понять его надобность и не могли уразумѣть и почувствовать его сущности: это сумѣлъ сдѣлать Островскій...“ Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сумѣлъ показать, что этотъ идеальный типъ нѣжной, любящей женщины, неспособной примириться съ окружающимъ его сумракомъ гнета и самодурства, долженъ погибнуть, потому что не въ силахъ ужиться съ мерзостью запустѣнія, не въ силахъ и покориться злу... Островскій это глубоко понималъ и только въ одномъ изъ своихъ произведеній рѣшился коснуться такой высокой и трагической тэмы.

Рядомъ съ Писемскимъ и Островскимъ стоитъ писатель, необычайно-плодовитый, сильный духомъ, неподражаемый въ тонкости анализа, который онъ направляетъ, главнымъ образомъ, въ область явленій духовной дѣятельности человѣка, почти пренебрегая дѣйствительностью и всѣмъ, что окружаетъ насъ въ ежедневной жизни. Мы разумѣемъ Ѳ. М. Достоевскаго, имя котораго, по общему приговору критики, должно быть поставлено рядомъ съ именами Тургенева, Гончарова и Толстого, хотя онъ и позже ихъ выступилъ на литературное поприще.

Ѳ. М. Достоевскій.

Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій родился въ 1822 г. въ Москвѣ. Отецъ его былъ докторъ и человѣкъ образованный, заботливо относившійся къ воспитанію своихъ дѣтей. Рости пришлось нашему писателю въ большомъ семействѣ. Условія жизни въ родительскомъ домѣ были стѣсненныя и бѣдныя, но многое способствовало быстрому умственному развитію старшихъ сыновей. Не одинъ Ѳеодоръ Михайловичъ вышелъ изъ своей семьи съ писательскими наклонностями. Вмѣстѣ съ нимъ росъ и старшій братъ его, Михаилъ Михайловичъ, извѣстный впослѣдствіи литераторъ и талантливый переводчикъ Шиллера и Гёте, издатель журналовъ „*Время*“ и „*Эпоха*“.

Ѳеодоръ Михайловичъ росъ худымъ и блѣднымъ; натура у него была чрезвычайно нервная и впечатлительная до болѣзненности, даже съ нѣкоторою склонностью къ галлюцинаціямъ. Прелестный разсказъ объ одной изъ подобныхъ галлюцинацій самъ Ѳеодоръ Михайловичъ передаетъ въ своемъ „*Дневникѣ Писателя*“ („Мужикъ Марей“ 1876. стр. 41—42): и хотя онъ замѣчаетъ въ этомъ разсказѣ, что галлюцинаціи потомъ, съ дѣтствомъ, прошли, но мы полагаемъ, что болѣзненная нервность осталась навсегда

одною изъ господствующихъ сторонъ его натуры, и даже выразилась впослѣдствіи, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій жизни, страшнымъ недугомъ, не покидавшимъ Ѳеодора Михайловича до конца жизни.

Въ дѣтствѣ Ѳеодора Михайловича, повидимому, не было недостатка въ такихъ впечатлѣніяхъ, которыя могли благопріятствовать его развитію, и даже развитію многостороннему. Доступны были ребенку и впечатлѣнія природы, въ которой особенно милымъ казался Ѳеодору Михайловичу нашъ сѣверный, березовый лѣсъ. Онъ самъ говоритъ, вспоминая о своемъ дѣтствѣ: „ничего въ жизни я такъ не любилъ, какъ лѣсъ съ его грибами и дикими ягодами, съ его букашками и птичками, ежиками и бѣлками, съ его столь любимымъ мною сырымъ запахомъ перетлѣвшихъ листьевъ. И теперь даже, когда я пишу это, мнѣ такъ и послышался запахъ нашего деревенскаго березника: впечатлѣнія эти остаются на всю жизнь“ Годы ученья.

Не было у ребенка недостатка и въ книгахъ. Въ 12 лѣтъ Ѳеодоръ Михайловичъ уже успѣлъ прочесть почти всего Вальтеръ-Скотта, Купера; прочелъ и нѣкоторыхъ русскихъ писателей; знаемъ навѣрно, что прочелъ „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, въ Москвѣ, Ѳ. М. Достоевскій былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и, 15-лѣтнимъ юношей, опредѣленъ въ 1837 году въ Главное Инженерное училище. Вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ училище и братъ его, Михаилъ Михайловичъ. Здѣсь, въ средѣ товарищей своихъ, онъ засталъ сильно-развитую любовь къ литературѣ, къ которой вообще воспитанники военно-учебныхъ заведеній николаевскаго времени питали большое пристрастіе; здѣсь же, въ стѣнахъ училища, встрѣтилъ онъ и нѣсколько такихъ людей, съ которыми его связи не порывались до конца жизни. Въ числѣ его товарищей былъ между прочимъ и другой будущій русскій литераторъ— Д. В. Григоровичъ.

Любопытно, что, несмотря на постоянно-возраставшую въ юношѣ-кадетѣ страсть къ литературѣ и къ изученію исторіи, онъ, однакоже, прекрасно учился и математическимъ наукамъ, и курсъ въ Инженерномъ училищѣ закончилъ блистательно: былъ выпущенъ *третьимъ* изъ 30 воспитанниковъ, достигнувшихъ старшаго класса.

Вступленіе въ жизнь.

Окончивъ курсъ въ училищѣ, Ѳеодоръ Михайловичъ вступилъ въ жизнь сиротою; спустя годъ, по вступленіи въ училище, братья Достоевскіе лишились въ короткій промежутокъ времени и отца, и матери. Это сиротство еще болѣе сблизило Ѳеодора Михайловича съ его братомъ Михаиломъ Михайловичемъ, и связало

ихъ узами такой дружбы, которая въ дальнѣйшемъ теченіи жизни способна была выдержать всякія испытанія.

Каждому, окончившему трудный курсъ Инженернаго училища, въ то отдаленное время, открывалась хорошая служебная карьера. Слѣдуя, машинально, общему потоку, и Өеодоръ Михайловичъ также поступилъ на службу. Но прослужилъ онъ не долго: его влекло къ литературѣ, а служебныя занятія мѣшали ему предаться своей склонности. Однакоже, заниматься литературою, безъ всякихъ готовыхъ, запасныхъ средствъ, оказалось

Домикъ Ө. М. Достоевскаго въ Старой-Руссѣ, въ которомъ теперь помѣщается школа его имени.

не легко: пришлось пробавляться переводами и компиляціями, кое-какъ пристроивая ихъ въ журналахъ. Но всѣ эти невзгоды не помѣшали Достоевскому закончить давно уже начатый имъ первый его романъ „*Бѣдные люди*"—романъ, который и доставилъ ему первую литературную извѣстность. Достоевскій, довольный своимъ произведеніемъ, прочелъ его Григоровичу, который показалъ этотъ романъ Некрасову, и оба они, при совмѣстномъ чтеніи, пришли въ неописанный восторгъ отъ произведенія молодого, начинающаго писателя. Восторгъ выразился, между прочимъ, тѣмъ, что они оба бросились къ Бѣлинскому и заявили ему, что „новый Гоголь явился!" Но тотъ на это восклицаніе отвѣчалъ съ досадой: „у васъ, видно, Гоголи-то какъ грибы растутъ!" Однакоже, прочитавъ романъ юнаго автора, онъ нашелъ его прекраснымъ и пожелалъ познакомиться съ авторомъ.

На автора „Бѣдныхъ людей“ Бѣлинскій взглянулъ серьезно и выразилъ ему очень откровенно то впечатлѣніе, которое было на него произведено чтеніемъ романа.

„Да вы понимаете ли, что это вы такое написали? — допрашивалъ Бѣлинскій Достоевскаго.—Вы только непосредственнымъ

Надгробный памятникъ Ѳ. М. Достоевскому, на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

чутьемъ, какъ художникъ, это могли написать; но осмыслили ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Не можетъ-быть, чтобы вы, въ ваши 20 лѣтъ, уже это понимали... Вы до самой сути дѣла дотронулись! самое главное разомъ указали! Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся разъяснить это; а вы, художникъ, одною чертою, разомъ, въ образѣ выставляете самую суть, чтобы ощупать можно было рукой, чтобы самому неразсуждающему чита-

телю стало вдругъ все понятно... Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась какъ даръ. Цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ, и будете великимъ писателемъ".

Такой восторженный пріемъ первой повѣсти, конечно, вскружилъ голову Достоевскому, и онъ, вѣроятно, сразу вообразилъ себя крупнымъ литераторомъ, особенно когда его повѣсть явилась въ „Петербургскомъ Сборникѣ" Некрасова, рядомъ съ произведеніями Бѣлинскаго, И. С. Тургенева, Некрасова и Искандера (Герцена). Изъ современныхъ писемъ Достоевскаго къ брату Михаилу, мы видимъ, что этотъ успѣхъ подѣйствовалъ на него дурно и далъ пищу той заносчивости и высокомѣрію, къ которымъ въ его характерѣ было нѣкоторое предрасположеніе.

Разрывъ съ Бѣлинскимъ. Можетъ-быть, въ этихъ сторонахъ характера молодого Достоевскаго и слѣдуетъ искать причины его разрыва съ Бѣлинскимъ и съ кружкомъ „Современника", — разрыва, послѣдовавшаго вскорѣ послѣ первыхъ его шаговъ на поприщѣ литературы.

По крайней мѣрѣ, цѣлый рядъ произведеній Достоевскаго, написанныхъ имъ до ссылки въ Сибирь, былъ уже помѣщенъ не въ „Современникѣ", а въ „Отечественныхъ Запискахъ", куда Достоевскій перекочевалъ [1]); и нѣкоторыя изъ этихъ произведеній уже вызвали со стороны Бѣлинскаго неодобрительные отзывы. И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что изъ всего, напечатаннаго Достоевскимъ за этотъ первый періодъ его дѣятельности, ничто не было достойно его перваго произведенія,—даже не напоминало его ни по общему замыслу, ни по характеру изложенія.

Страшный ударъ. Но судьба готовила молодому писателю страшный ударъ, который потомъ отразился на всей его послѣдующей жизни. Въ апрѣлѣ 1849 года Ѳеодоръ Михайловичъ былъ арестованъ по обвиненію въ участіи, которое онъ принималъ въ тайномъ обществѣ революціоннаго характера. Арестованъ былъ онъ вмѣстѣ съ цѣлымъ кружкомъ молодыхъ людей, посѣщавшихъ собранія въ домѣ Петрашевскаго, который почитался главою кружка. Участіе Достоевскаго въ этомъ „дѣлѣ Петрашевскаго" было, какъ теперь оказывается, третьестепенное; оно выражалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ получалъ изъ кружка запрещенныя цензурою книги и гласно заявлялъ свое сочувствіе такимъ преобразованіямъ, которыя должны были привести въ будущемъ къ освобожденію крестьянъ, къ ограниченію произвола администраціи и т. п. Однакоже, Достоевскій былъ посаженъ въ крѣпость, долго судился, и, вмѣстѣ съ другими „петрашевцами" под-

---

[1]) Мы разумѣемъ повѣсти: «*Господинъ Прохарчинъ*», «*Хозяйка*», «*Слабое сердце*», «*Чужая жена*», «*Ревнивый мужъ*», «*Елка*», «*Свадьба*», «*Бѣлыя ночи*», «*Неточка Незванова*» и т. д.

вергся страшному приговору непомѣрно-строгаго суда, который присудилъ и его, вмѣстѣ съ другими, къ смертной казни.

Хотя, по волѣ государя, приговоръ этотъ былъ отмѣненъ и для всѣхъ осужденныхъ замѣненъ каторгой; но все же Достоевскій долженъ былъ пережить всѣ ужасы ожиданія смерти—и эти впечатлѣнія на всю жизнь оставили печальный слѣдъ въ душѣ Ѳеодора Михайловича. Въ Рождественскій сочельникъ 1849 г. Ѳ. М. Достоевскій былъ отправленъ въ Сибирь, гдѣ, въ Тобольскомъ острогѣ, и отбылъ всѣ четыре года каторги.

Годы страданій.

Какъ человѣкъ глубоко-религіозный и высоко-нравственный, онъ переносилъ всѣ невзгоды каторги съ замѣчательною твердостью и невозмутимымъ спокойствіемъ. Силы давала ему не только вѣра, подкрѣпляемая чтеніемъ Библіи (единственной книги, разрѣшенной ему въ каторгѣ), но и любовь къ „бѣднымъ людямъ", которымъ онъ поклялся быть вѣрнымъ до конца. Вотъ почему каторга не только не ожесточила его, а напротивъ, заставила еще болѣе любить „все униженное и оскорбленное, все больное и несчастное", и даже тамъ искать лучшихъ сторонъ человѣческой души, гдѣ, повидимому, не оставалось уже и признаковъ человѣческаго образа... Можно сказать, что каторга, навсегда наложивъ печать на Ѳеодора Михайловича, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательно опредѣлила направленіе его будущей литературной дѣятельности.

„Послѣ каторги, — такъ разсказываетъ Ѳ. М. Достоевскій: — я прямо, по волѣ покойнаго государя (Николая I), поступилъ въ рядовые и черезъ три года службы былъ произведенъ въ офицеры... Помню, что, выйдя въ 1854 году въ Сибири изъ острога, я началъ перечитывать всю написанную безъ меня за пять лѣтъ литературу. „Записки Охотника", едва при мнѣ начавшіяся, и первыя повѣсти Тургенева я прочелъ тогда разомъ, залпомъ. Правда, тогда надо мною сіяло степное солнце, начиналась весна, а съ ней совсѣмъ новая жизнь,—конецъ каторги, свобода!"

Избавленіе.

Новая жизнь началась для Ѳ. М. Достоевскаго вдвойнѣ, потому-что вскорѣ по освобожденіи отъ каторги, онъ женился по любви и вновь вернулся къ литературѣ. Послѣднее произведеніе его, прелестный разсказъ „*Маленькій Герой*", было написано еще въ крѣпости. Но теперь страсть къ литературѣ, сдерживаемая долгое время, проснулась съ новою энергіею и силой. Кое-какія мелочи („*Дядюшкинъ сонъ*", „*Село Степанчиково*") были написаны, послѣ освобожденія, еще въ Сибири; но приняться настоящимъ образомъ за литературу Ѳеодоръ Михайловичъ могъ уже только тогда, когда ему разрѣшено было покинуть военную службу и возвратиться въ С.-Петербургъ. Тотчасъ по возвращеніи, Достоевскій издалъ въ свѣтъ первое изданіе сочиненій, а затѣмъ, съ начала 1861 года, принялъ самое ревностное участіе въ жур-

налѣ „*Время*", который затѣялъ издавать его братъ Михаилъ Михайловичъ.

Усиленная дѣятельность.

Журналъ этотъ, въ которомъ Θеодоръ Михайловичъ явился душою всего дѣла, привлекъ къ себѣ весьма значительное число подписчиковъ, хотя, по направленію своему, существенно отличался отъ всѣхъ современныхъ петербургскихъ журналовъ, увлекавшихся крайностями либерализма. Что же касается журнала „Время", то онъ, въ эту бурную эпоху нашей общественной жизни, весьма благоразумно напоминалъ о необходимости подчиненія всего извѣстнымъ условіямъ исторической жизни народа. Достоевскій, во всѣхъ статьяхъ журнала, касавшихся вопросовъ нашей общественности, постоянно напоминалъ всѣмъ о томъ, что „наше общество оторвалось отъ своей почвы", что намъ слѣдуетъ этой „своей почвы" усиленно искать и не довольствоваться стремленіемъ къ идеаламъ Запада" [1]. Одновременно съ этими статьями, онъ участвовалъ во всѣхъ отдѣлахъ журнала, и затѣмъ, почти одновременно, сталъ въ немъ печатать свой романъ „*Униженные и оскорбленные*" и знаменитыя „*Записки изъ Мертваго Дома*", задуманныя имъ еще въ Сибири" [2]. Романъ Достоевскаго былъ принятъ довольно холодно. И публика, и критика были избалованы въ то время рядомъ блестящихъ произведеній Тургенева, Гончарова, Григоровича и Л. Толстого... Но „Записки" произвели на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе и заставили критику признать въ Достоевскомъ громадную силу таланта: — о немъ опять заговорили, какъ о крупномъ свѣтилѣ нашего литературнаго горизонта.

Благодаря такому дѣятельному участію Θ. М. Достоевскаго въ журналѣ его брата, журналъ пошелъ превосходно... Но время было тревожное и бурное; для веденія журнала необходима была величайшая осторожность, потому что самое ничтожное цензурное недоразумѣніе могло нанести журналу роковой ударъ. Такъ было и съ журналомъ Достоевскаго... Онъ былъ запрещенъ въ началѣ 1863 года за статью Страхова, касавшуюся польскаго вопроса („Роковой вопросъ"), не понятую и превратно истолкованную администраціей. Напрасно пытались потомъ братья Достоевскіе замѣнить „Время" изданіемъ другого журнала „Эпоха"... Журналу не повезло сразу; публика, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, къ нему охладѣла; а тутъ еще и самъ издатель журнала, М. М. Достоевскій заболѣлъ и умеръ... Почти одновременно и Θеодора Михайловича поразило тяжкое семейное горе (смерть

---

[1] Отъ этихъ напоминаній о почвѣ явилось нарицательное названіе всѣхъ сторонниковъ этихъ направленій «почвенниками.» —Тѣ же мысли и стремленія, ранѣе Достоевскаго, высказываемы были въ «Москвитянинѣ» *новой* редакціи Ап. Григорьевымъ.

[2] «Записки» печатались въ журналѣ въ теченіе 1861—1862 года.

Я отвѣчаю на ваше
первое письмо, любезный
Иванъ Ивановичъ, на дру-
-гой день какъ получилъ
его, что я [illegible] при-
-вычку думать въ [illegible], по-
-мимо всякихъ [illegible]
о [illegible] вашихъ и
обо мнѣ. — Это стран-
-но бы было, что оно про-
-пало, отвѣчу еще разъ
на ваши вопросы, и пов-
-торю то, которые я
вамъ [illegible]. Первая
часть [illegible] [illegible]
[illegible] при мнѣ побольше
[illegible] [illegible], я [illegible]
[illegible], какъ совершенно кон-
-чилъ, но никому [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]
[illegible] въ [illegible] [illegible]

Автографъ гр. Л. Н. Толстого. Письмо его къ И. И. Панаеву.
Изъ собранія С. Н. Шубинскаго.
(Продолженіе на слѣдующихъ страницахъ).

жены) —и рухнувшее предпріятіе сразу поставило его въ тяжелое положеніе и въ неоплатные долги...

Наступило очень трудное время для Ѳ. М. Достоевскаго, который самымъ положеніемъ своимъ былъ вынужденъ къ усиленной, едва-выносимой работѣ. Плодомъ этой работы, однакоже, **Новые труды.**

[illegible] ли она того ли-
чно, чтобъ напечатать ее и
пошлю ее одному [illegible]
му на судъ котораго по-
-корюсь; если получу у-
-довлетворительный [illegible],
то тотчасъ же пришлю
ее вамъ, [illegible]
-нать, тѣмъ удобнѣе вамъ
отвѣть скоро. Вопросы,
которые я вамъ [illegible]
заключаются въ слѣдующемъ:
угодно ли вамъ редакціи
(дать 300 р. сер. (въ [illegible] [illegible]
было 250) д. Колбасину, съ
полученіемъ впередъ?
и за сколько, то есть по
[illegible] расчитывать за листъ?
Прошу позволенія,
что пишу два слова, по-
-ради [illegible],
[illegible] и я послѣ
болѣзни въ первый разъ
[illegible] въ поле — [illegible]
-ная буква, которую вы
[illegible]

на первыхъ порахъ, явился едва ли не лучшій изъ всѣхъ, большой романъ его „*Преступленіе и наказаніе*", написанный имъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1865—1866) и печатавшійся въ „Русскомъ Вѣстникѣ" Каткова (съ начала 1866 г.), какъ и большая часть

Справедливъ, а въ 1 Авг. книжкѣ ваши воспоминанія о деревнѣ и народѣ очень мнѣ понравились. Прощайте, вамъ искренно преданный Гр. Л. Толстой

6 Октября

Ясная.

его послѣдующихъ произведеній. Почти одновременно, въ видѣ пополненія своего „полнаго собранія сочиненій“, запроданнаго одному изъ издателей-хищниковъ, Достоевскій написалъ превосходную повѣсть свою „*Игрокъ*“, основанную — увы! — на его собственномъ опытѣ увлеченія рулеткою. Повѣсть эта замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что написаніе ея послужило поводомъ къ знакомству Достоевскаго съ молодою стенографисткою, которой суждено было быть его второю женою.

Вступивъ въ этотъ второй бракъ, Достоевскій уѣхалъ за границу, гдѣ онъ могъ спокойнѣе работать, и пробылъ тамъ четыре года, почти непрерывно трудясь надъ своими новыми произведеніями. Тамъ были имъ написаны громадные романы: „*Идіотъ*“ и „*Бѣсы*“, помѣщенные въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, и „*Вѣчный мужъ*“ — для новаго (и недолговѣчнаго) журнала „Заря“.

Въ 1871 году Достоевскій вернулся въ С.-Петербургъ изъ-за границы, кое-какъ выбившись изъ тисковъ нужды своими тяжкими трудами. Въ послѣдующіе годы, уже не такъ усиленно занимаясь литературой, Достоевскій особенно полюбилъ г. Старую Руссу (Новгородской губ.), гдѣ пользовался водами и ваннами, и проводилъ лѣтніе мѣсяцы. Въ Старой-Руссѣ онъ провелъ даже и зиму 1874 — 1875 года, въ теченіе которой написалъ свой романъ „*Подростокъ*“. При первой возможности онъ даже обзавелся домикомъ въ Старой-Руссѣ, и въ этомъ именно домикѣ помѣщается въ настоящее время народная школа въ память его.

Дневникъ писателя.

Вообще говоря, біографъ Ѳ. М. Достоевскаго долженъ съ особеннымъ удовольствіемъ отличить ту особенность, что знаменитый писатель нашъ, чѣмъ ближе подходилъ къ концу своей жизни, тѣмъ болѣе и болѣе успокоивался, такъ какъ матерьяльное положеніе его постоянно улучшалось, и онъ могъ уже работать не спѣшно, съ роздыхами и размышленіемъ. На время

(въ 1873 г.) онъ принялъ на себя редактированье газетою князя Мещерскаго „Гражданинъ“; но, три года спустя, самъ затѣялъ издавать нѣчто въ родѣ журнала-листка [1]), подъ заманчивымъ заглавіемъ „*Дневникъ Писателя*“. Это было явленіе въ своемъ родѣ единственное: журналъ-листокъ, выходившій одинъ разъ въ мѣсяцъ, и въ которомъ Ѳеодоръ Михайловичъ былъ самъ и редакторомъ, и единственнымъ сотрудникомъ, и издателемъ. И несмотря на свой малый объемъ, этотъ „Дневникъ“ представляетъ собою подробный обзоръ политической и общественной жизни Россіи за 1876 и 1877 гг.

Предисловіе къ первому выпуску „Дневника“ ничего не выяснило публикѣ, которая ожидала журнала Достоевскаго съ напряженнымъ нетерпѣніемъ. Своею нѣкоторою таинственностью это предисловіе, однако, завлекло; „Дневникъ“ читали и перечитывали. Въ этомъ своемъ листкѣ Ѳеодоръ Михайловичъ явился уже окончательно публицистомъ; художникъ сказывался иной разъ только въ той формѣ, въ какой онъ проводилъ свои идеи. Автора всецѣло занимали вопросы, волновавшіе наше общество, начиная съ самыхъ мелкихъ, обыденныхъ, до великихъ, національныхъ, общечеловѣческихъ. Часто взгляды Ѳ. М. Достоевскаго не подходили вполнѣ къ господствующимъ понятіямъ, но зато никто не могъ заподозрить ихъ въ неискренности... Горячая любовь къ народу, къ Россіи, къ ея славѣ и величію—все это ясно видно на страницахъ „Дневника“. Уже съ первыхъ выпусковъ его всякій почувствовалъ, что писатель не побоится упрека въ утопизмѣ и будетъ говорить прямо, на сколько возможно, о всемъ, что онъ считаетъ благороднымъ, высоко-нравственнымъ. „Я неисправимый идеалистъ,—такъ рекомендуетъ себя Ѳ. М. Достоевскій въ одномъ мѣстѣ своего „Дневника“,—я ищу святынь, я люблю ихъ, мое сердце ихъ жаждетъ, потому что я такъ созданъ, что не могу жить безъ святынь“...

Выступивъ въ своемъ „Дневникѣ“ съ простою цѣлью высказаться, писатель вдругъ увидѣлъ настоятельную необходимость явиться для многихъ совѣтникомъ, учителемъ... Симпатичность его идей, чистосердечное отношеніе къ серьезнымъ вопросамъ жизни, часто новая точка зрѣнія, даже иной разъ нѣкоторая „утопичность“ — все это сильно подѣйствовало, въ особенности, на нашу молодежь. Въ обществѣ ходитъ по этому поводу множество разсказовъ, да и самъ Ѳ. М. Достоевскій упоминаетъ въ своемъ „Дневникѣ“ о томъ, что къ нему прямо обращались за совѣтомъ весьма часто совершенно незнакомые ему юноши, при-

[1]) Самъ Достоевскій, заканчивая въ 1877 году свой «Дневникъ», говоритъ о немъ: «я вѣдь издавалъ *свой листокъ* сколько для другихъ, столько и для себя самого, изъ неудержимой потребности высказаться въ наше любопытное и столь характерное время».

Автографъ Ѳ. М. Достоевскаго. Черновая рукопись его рѣчи о Пушкинѣ. Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

Конечно не у Алеко [illegible] в себе самом, [illegible] русским сердцем своим, [illegible] продолжателем и до сих пор свое странствование, [illegible], и еще долго [illegible] будет не угадывать. [illegible] И сам он [illegible] уже этот тип [illegible] в Прекрасной майорше и даже у Цыган, в их диком своеобразном быте, своих мировых идеалов и успокоения на лоне природы от [illegible] [illegible] то, что ударился в социализм, ходил с новой верой [illegible] Это все тот же русский человек, только в разное время [illegible] [illegible] наш русский тип? [illegible] от народа силы [illegible] в [illegible] теперь [illegible] в нашем [illegible] [illegible] от народа [illegible]. О, конечно [illegible] большинство [illegible] русских и [illegible]

[illegible]

Все это конечно [illegible] фантастично, но гордый человек реален и верно схвачен. [illegible]

Это наш русский человек, [illegible] по мировой гармонии [illegible] [illegible] себе [illegible] [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible]

Остыл наш гордый человек
Мы дики, нет у нас закона
Мы не терзаем, не казним.

[illegible] — по народной вере и правде.

Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас в нашей русской земле поселившийся.

[illegible]

сылая письма о такихъ вещахъ, о какихъ не пишутъ людямъ малоизвѣстнымъ. Всѣхъ, кто обращался за совѣтомъ, а иной разъ даже прямо за утѣшеніемъ, разъясненіемъ, тянуло къ нему простое, открытое, искреннее направленіе „Дневника“. Вообще „Дневникъ Писателя“ представляется весьма крупнымъ и важнымъ по своему значенію явленіемъ нашей общественной жизни 70-хъ гг.

Въ концѣ 1877 года Ѳ. М. прекратилъ изданіе „Дневника“, обѣщаясь возобновить его „со временемъ“; почти въ то же время сталъ онъ печатать свой новый большой романъ „*Братья Карамазовы*“, который всѣми, послѣ „Дневника“, ожидался съ большимъ нетерпѣніемъ. Романъ имѣлъ большой, выдающійся успѣхъ. Ѳ. М. Достоевскій достигъ, ко времени его появленія, апогея своей литературной славы! Отъ него ждали еще многаго, особенно послѣ его прекрасной, вдохновенной рѣчи на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ (весною 1880 г.). Самъ Ѳеодоръ Михайловичъ порывался еще участвовать въ дѣятельности общественной — собирался въ будущемъ 1881 году вновь издавать „Дневникъ Писателя“. Но этимъ надеждамъ не суждено было исполниться. „Дневникъ“, дѣйствительно, начатъ былъ имъ въ назначенное время, но единственный нумеръ его вышелъ уже въ день похоронъ Достоевскаго, неожиданно скончавшагося.

Ѳ. М. Достоевскій, въ молодости. По весьма рѣдкой фотографіи.

Небывалыя по своему многолюдству и торжественности, похороны знаменитаго писателя происходили 1-го февраля. Десятки

тысячъ народа или за гробомъ въ похоронномъ шествіи, провожая прахъ Достоевскаго до могилы, въ Александро-Невской лаврѣ.

Характеристика таланта.

Достоевскій, какъ писатель, не имѣетъ въ русской литературѣ своего времени ни предшественниковъ, ни послѣдователей. Онъ стоитъ одиноко и вполнѣ самостоятельно въ сторонѣ отъ всѣхъ своихъ современниковъ, какъ по общему своему міросозерцанію, такъ и по самому характеру и способу своихъ наблюденій надъ окружающимъ его обществомъ.

Выросшій въ тѣснотѣ и скудныхъ условіяхъ жизни бѣдной и простой семьи, Достоевскій съ дѣтства мало видѣлъ свѣта и радости кругомъ себя. При этомъ, съ дѣтства же, онъ росъ больной и хилый, и нервно-разстроенный... Онъ самъ вспоминаетъ о тѣхъ припадкахъ „безотчетнаго ужаса“, которымъ онъ нерѣдко подвергался въ дѣтствѣ, и которые потомъ, подъ вліяніемъ тягостныхъ и ужасныхъ обстоятельствъ, перешли въ неисцѣлимый хроническій недугъ... И школа, которой этотъ нервный, болѣзненный мальчикъ былъ предоставленъ на развитіе и воспитаніе, не дала ему ничего такого, что̀ бы могло смягчить тяжелыя условія его нравственнаго роста и дать новое, болѣе свѣтлое, болѣе привлекательное направленіе его мрачно-настроенной фантазіи...

Поэтъ въ душѣ—онъ былъ окруженъ цифрами и формулами на школьной скамьѣ и подчиненъ шагистикѣ и строгой дисциплинѣ во внѣ-классной обстановкѣ своей юношеской жизни. И онъ не могъ ускользнуть отъ этихъ тягостныхъ, суровыхъ условій школы, какъ ускользнулъ отъ нихъ Григоровичъ — его товарищъ; Достоевскій былъ бѣденъ, школа должна была дать ему кусокъ хлѣба, и онъ долженъ былъ дотянуть свою лямку до конца, напрягая послѣднія силы, изнывая подъ тяжестью своей ноши. Мудрено ли, что, вступивъ въ жизнь и почувствовавъ себя, впервые, на свободѣ, онъ спѣшилъ удовлетворить таившееся въ немъ дарованіе, возсоздавая картины имъ самимъ пережитой нужды и ничтожества, рисуя близко-знакомые ему типы „Бѣдныхъ людей“, которыми онъ былъ съ дѣтства окруженъ, къ которымъ самъ принадлежалъ и по происхожденію, и по положенію общественному? Вѣрность его наблюдательности, способность глубоко и вдумчиво заглядывать въ душу человѣка, поражаютъ самого Бѣлинскаго, который создалъ первый успѣхъ Достоевскаго... Но самолюбивый юноша заносится, увлекается, выбивается изъ рукъ учителя, который ему пророчитъ великую будущность, и создаетъ цѣлый рядъ произведеній, которыя *всѣ ниже* его перваго литературнаго опыта. Созданный отъ природы для тонкаго, внимательнаго и мелочного анализа происходящихъ передъ нимъ явленій, онъ уклоняется отъ этого природнаго призванія, скользитъ по поверхности предметовъ, спѣшитъ

создавать не додумывая и не заканчивая, вдается даже въ мало-доступную для него область сарказма и юмора... А въ жизни, въ то же время, сходится съ людьми, которые увлекаются протестомъ и оппозиціей существующему порядку вещей и вовлекаютъ его въ попытку борьбы, которая гдѣ-то, въ далекомъ будущемъ обѣщаетъ внести обновленіе и улучшеніе въ суровый строй нашей общественной жизни... И вдругъ—страшный, безпощадный ударъ судьбы падаетъ на несчастнаго юношу, незамышлявшаго никакихъ злодѣйствъ и насилій... Онъ испытываетъ всѣ ужасы ожиданій смерти и затѣмъ выноситъ еще бо́льшіе ужасы четырехлѣтняго пребыванія въ каторгѣ, гдѣ видитъ себя окруженнымъ толпою извверговъ, отверженныхъ закономъ и обществомъ, предоставленныхъ на волю ихъ злой судьбины и въ полное распоряженіе властей, незнающихъ границъ своему произволу... Кругомъ ни опоры, ни защиты, и одно только утѣшеніе въ той книгѣ Св. Писанія, которую добрая женская душа дала ему въ напутствіе. И въ то же время, полный досугъ и широчайшій просторъ для наблюденія надъ „человѣкомъ", во всей его нравственной наготѣ, въ полномъ отсутствіи всякихъ приличій, положеній, стѣсненій и какихъ бы то ни было покрововъ стыдливости, которыми онъ прикрывается въ обстановкѣ общественной жизни. Поле для наблюденія готово, матерьялъ данъ богатый и животрепещущій; но то освѣщеніе, тѣ условія, при которыхъ производятся наблюденія, раздражающія нервы наблюдателя, — все это должно несомнѣнно положить свою печать на всю его дальнѣйшую жизнь и дѣятельность, должно внести въ нее многое, истинно великое и никому, кромѣ него, недоступное, и рядомъ съ этимъ странное, невѣроятное, почти чудовищное... На этой основѣ онъ строитъ лучшія изъ своихъ произведеній, созданныя имъ послѣ каторги, въ тотъ періодъ, когда долго сдержанныя творческія силы его нашли себѣ, наконецъ, свободный исходъ и выразились въ его усиленной и разнообразной дѣятельности.

Къ этому времени относятся три лучшихъ произведенія Достоевскаго—„*Записки изъ Мертваго Дома*", „*Униженные и оскорбленные*" и, въ особенности, „*Преступленіе и наказаніе*"—произведенія, которыя даютъ ему право называться великимъ писателемъ и могутъ смѣло занять подобающее имъ мѣсто не только въ русской, но и въ обще-европейской литературѣ. Въ послѣднемъ изъ этихъ трехъ произведеній, болѣе, чѣмъ во всѣхъ произведеніяхъ Достоевскаго, высказывается главное его достоинство, какъ писателя: необычайная тонкость и глубина того подробнаго и внимательнаго анализа нравственнаго, которая даетъ возможность геніальному писателю проникать въ самую душу человѣка, открывать въ ней еще никѣмъ не извѣданные тайники и указывать на

основы побужденій, руководящихъ его волею. Именно въ „Преступленіи и наказаніи“ эта сторона таланта Достоевскаго высказывается во всей своей силѣ и значеніи, и не приводитъ еще его къ тѣмъ крайностямъ и преувеличеніямъ, до которыхъ тотъ же анализъ доводитъ его въ остальныхъ произведеніяхъ („Идіотѣ“, „Бѣсахъ“ и „Подросткѣ“), гдѣ анализъ становится запутаннымъ и расплывчатымъ, развлекаетъ и утомляетъ вниманіе читателя множествомъ излишнихъ мелочей и подробностей, и отзывается какою-то болѣзненною мнительностью, преувеличивающей и извращающей явленія нашей психической дѣятельности.

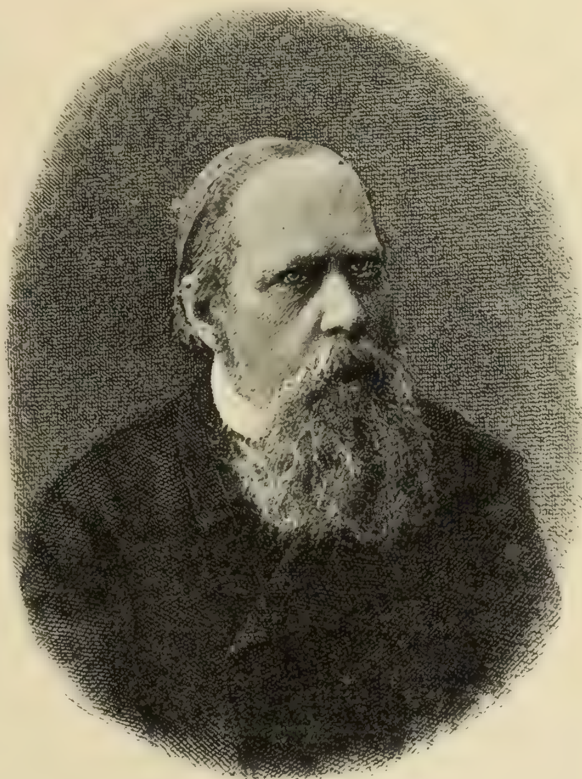
Еще менѣе привлекательнымъ представляется намъ послѣдній романъ Достоевскаго, „Братья Карамазовы“, по его собственнымъ словамъ, сложившійся у него „непримѣтно и невольно“, въ теченіе тѣхъ двухъ лѣтъ, когда онъ былъ такъ занятъ „Дневникомъ Писателя“. Романъ, очевидно, писался урывками и безъ всякаго опредѣленнаго, строго-выработаннаго плана. Рядомъ съ превосходными, живыми страницами, видимъ въ немъ растянутость и ненужныя эпизодическія уклоненія и такое странное преобладаніе мистицизма, которое часто обращаетъ страницы романа въ какой-то хаотическій, болѣзненный бредъ психически-разстроеннаго человѣка.

По коренному свойству своей природы, Достоевскій не былъ писателемъ-художникомъ, и не могъ имъ быть. Онъ всегда и вездѣ болѣе дорожилъ содержаніемъ, нежели формою, и нисколько не гонялся, ни въ какомъ смыслѣ, за внѣшнею пластикою своихъ произведеній. Эта сторона его таланта какъ нельзя болѣе ясно выказывалась и въ неправильной постройкѣ плана его произведеній, и въ недостаточной опредѣленности и выработкѣ характеровъ, выводимыхъ имъ на сцену дѣйствія — и болѣе всего въ языкѣ, которымъ написаны всѣ его произведенія. Онъ не заботится о красотѣ и правильности этого мощнаго орудія мысли: онъ желаетъ только полноты и мелочной опредѣленности оттѣнковъ своей мысли, и для этой цѣли не останавливается ни передъ какими требованіями языка, навязывая ему свои формы, переполняя его повтореніями, придавая словамъ условное значеніе. Но, несмотря на все это, мѣстами, Достоевскій достигаетъ такой силы и мѣткости въ выраженіи самыхъ отвлеченныхъ идей и самыхъ неуловимыхъ понятій, что можетъ въ этомъ отношеніи тягаться съ лучшими и искуснѣйшими изъ нашихъ художниковъ слова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Періодъ реформъ и вызванная имъ обличительная литература. — Салтыковъ (Щедринъ).—Помяловскій.—Рѣшетниковъ.—Левитовъ.—Гл. Успенскій.

Сознаніе общей неурядицы, массы всякаго рода злоупотребленій и расшатанность всего административнаго организма, выяснившіяся въ результатѣ Севастопольской войны,—создали особеннаго рода обличительную литературу, каравшую взяточниковъ и казнокрадовъ въ прозѣ и стихахъ, въ мелкихъ разсказахъ и крупныхъ романахъ. На этой почвѣ общественнаго покаянія, высоко надъ сонмомъ давно всѣми забытыхъ обличителей, вознесся своимъ могучимъ талантомъ одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ сатириковъ, *Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.*

М. Е. Салтыковъ.

М. Е. Салтыковъ.

М. Е. Салтыковъ родился 15 янв. 1826 г. въ селѣ Спасъ-Уголъ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи. Родители его, помѣщики, принадлежали къ древнему дворянскому роду. 7-ми лѣтъ Салтыковъ обучался грамотѣ у крѣпостного человѣка, живописца Павла. Затѣмъ занимались съ нимъ сестра его Надежда, гувернантка Евдокія Петровна Василевская, мѣстный священникъ Иванъ Васильевичъ и студентъ Салминъ. Въ августѣ 1836 г., 10-ти лѣтъ, Салтыковъ былъ принятъ въ третій классъ московскаго дворянскаго института, а черезъ два года, въ 1838 году, онъ былъ переведенъ въ Царскосельскій лицей. Здѣсь, мальчикъ живой и шаловливый, Салтыковъ рѣдко получалъ изъ поведенія больше 9-ти балловъ. Доставалось ему и за стихи, которые онъ началъ писать съ 12-ти лѣтъ и которые не всегда оказывались невиннаго содержанія. Надо полагать, что и успѣхами въ наукахъ онъ не отличался, такъ какъ въ 1844 году онъ выпущенъ былъ изъ

лицея съ чиномъ X класса. По окончаніи курса, Салтыковъ поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министерства, а два года спустя получилъ мѣсто помощника секретаря.

Первые опыты пера.

Первое стихотвореніе Салтыкова „*Лира*“ было напечатано въ „Библіотекѣ для чтенія“ въ 1842 г. за подписью С—въ. Въ слѣдующемъ, 1842, появилось въ томъ же журналѣ другое его стихотвореніе „*Двѣ жизни*“. Спустя нѣкоторое время были напечатаны въ „Современникѣ“ остальныя его стихотворенія, написанныя тоже въ лицеѣ. Но послѣ выпуска изъ лицея, онъ отрекся отъ стихотворства на всю жизнь. Первыми прозаическими его опытами были рецензіи нѣкоторыхъ новыхъ книгъ въ „Отеч. Зап.“ Въ 1847 году, въ № 11 „Отеч. Зап.“ была напечатана первая повѣсть его „*Противорѣчія*“, подъ псевдонимомъ *М. Непанова*, посвященная Е. А. Милютину, а въ мартѣ 1848 г. въ томъ же журналѣ появилась вторая повѣсть его „*Запутанное дѣло*“, подписанная иниціалами М. С. Въ повѣстяхъ этихъ мы видимъ одни лишь блѣдные задатки того геніальнаго юмора, который обнаружился въ послѣдующихъ произведеніяхъ Салтыкова. Тѣмъ не менѣе, дорого пришлось поплатиться ему за первыя свои начинанія. Какъ разъ въ это время началась у насъ тревога подъ впечатлѣніемъ событій въ Парижѣ. Возникло дѣло Петрашевскаго. былъ учрежденъ бутурлинскій комитетъ, какъ высшее цензурное вѣдомство, наблюдавшее не только надъ общественною прессою, но и надъ казенною, имѣвшее право дѣлать выговоры отъ Высочайшаго имени даже министрамъ. На повѣсти Салтыкова было обращено вниманіе въ министерствѣ, гдѣ онъ служилъ: онѣ были препровождены въ бутурлинскій комитетъ, оттуда въ III отдѣленіе, и вотъ 8 апрѣля 1848 г. Салтыковъ былъ отправленъ въ Вятку.

Губернскіе очерки.

Восемь лѣтъ продолжалась ссылка Салтыкова, при чемъ онъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій и отличался большою ревностью въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Въ ноябрѣ 1855 г. Салтыкову позволено было выѣхать изъ Вятки; а 12 февраля 1856 г. онъ былъ отчисленъ отъ должности совѣтника вятскаго губернскаго правленія и переведенъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ томъ же 1856 г. начали печататься въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ его „*Губернскіе очерки*“, подъ псевдонимомъ *Щедрина*.

Въ послѣдующіе годы служба его чередовалась съ литературною дѣятельностью, при чемъ онъ то выходилъ въ отставку, то снова поступалъ на службу, особенно когда въ литературѣ наступали черные годы. Такъ, въ 1864 г., мы видимъ его предсѣдателемъ казенной палаты въ Пензѣ. Черезъ два года его перевели на ту же должность въ Тулу, и лишь въ іюнѣ 1868 г. Сал-

тыковъ окончательно вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности. Онъ сдѣлался въ томъ же году однимъ изъ редакторовъ „Отечественныхъ Записокъ", которыя перешли тогда къ Некрасову. Послѣ смерти Некрасова онъ былъ утвержденъ въ 1878 г. отвѣтственнымъ редакторомъ журнала и стоялъ во главѣ его до самаго запрещенія (въ апрѣлѣ 1884 г.); а затѣмъ принужденъ былъ печатать свои статьи въ чужихъ изданіяхъ: въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", въ „Недѣлѣ" и „Вѣстникѣ Европы".

Уже съ 1875 г. не отличался онъ здоровьемъ. Особенно же пошатнулось оно послѣ того нравственнаго удара, который былъ нанесенъ ему запрещеніемъ „Отечественныхъ Записокъ". Послѣ того Салтыковъ быстро началъ хирѣть и настолько ослабѣлъ, что не только не выходилъ изъ квартиры, но и по комнатѣ еле двигался. Тѣмъ не менѣе, онъ работалъ, можно сказать, до послѣдняго вздоха. Такъ, за нѣсколько дней до смерти онъ показывалъ посѣтителямъ полуисписанный листъ, съ отчаяніемъ заявляя, что рука его отказывается писать и не въ силахъ продолжать начатую работу. Это были тѣ самыя „*Забытыя слова*", о которыхъ онъ собирался напомнить своимъ соотечественникамъ. Передъ самою смертью онъ успѣлъ составить планъ изданія полнаго собранія своихъ сочиненій и энергически хлопоталъ о напечатаніи ихъ. Въ этихъ хлопотахъ онъ и скончался 30 апрѣля 1889 г.

Чуткій къ малѣйшему измѣненію общественныхъ настроеній и вѣяній, Салтыковъ не упускалъ изъ виду ни одного изъ нихъ, до самой смерти слѣдя за вѣкомъ. Вслѣдствіе этого, сатиры его измѣнялись съ каждымъ десятилѣтіемъ и по тону, и по содержанію. Поэтому и литературную дѣятельность Салтыкова слѣдуетъ дѣлить на періоды, сообразно характеру тѣхъ десятилѣтій, въ которыя она совершалась.

Типы М. Е. Салтыкова.

Такъ плодомъ долголѣтняго пребыванія въ глухой провинціи получились, какъ извѣстно, „Губернскіе очерки", съ которыхъ начинается популярность Салтыкова и которые послѣ севастопольской войны стали во главѣ обличительной литературы, заполонившей нашу печать. Но между обличительною литературою и „Губернскими очерками" лежитъ цѣлая пропасть. Въ очеркахъ Салтыкова нѣтъ и слѣда попытки выставить какія-либо личности съ обличительною цѣлью. Надо замѣтить при этомъ, что Салтыковъ никогда не былъ памфлетистомъ. Напротивъ того, у него была страсть къ широкимъ обобщеніямъ. До какой степени доходила порою у Салтыкова эта страсть, мы можемъ судить по такимъ его кличкамъ, какъ „Молчалины", „Ташкентцы", „Глуповцы" и пр. Это уже не образы, а безплотныя категоріи, подъ которыя подходятъ массы явленій, разнородныхъ при всей своей аналогичности.

Многоуважаемый Владимиръ Рафаиловичъ.

При всемъ желаніи исполнить Вашу просьбу относительно г. [illegible], я ничего не могу сделать въ этомъ смыслѣ. Всѣ вопросы внутренней критики въ „Отеч. записках" распредѣлены между однимъ изъ редакторовъ, Г. З. Елисеевымъ, а сверхъ того [illegible] сотрудники гг. Мордовцевъ и Головачевъ. Въ такихъ условіяхъ, какъ трудно отказаться отъ своего журнала, который существуетъ съ давняго времени и въ которомъ устроилась [illegible] обстановка. Поэтому, надѣюсь, что Вы не будете въ претензіи за этотъ отказъ на человѣка, который искренно Васъ уважаетъ.

Душевно преданный Вамъ,

М. Салтыковъ.

21 марта.

Автографъ М. Е. Салтыкова. Письмо его къ В. Р. Зотову. Изъ собранія С. Н. Шубинскаго.

Такъ же точно и въ „Губернскихъ очеркахъ" дѣло заключается не въ одномъ смѣхѣ надъ взяточниками и казнокрадами. Передъ нами раскрывается мрачная картина безправія и насилія, которыя невыносимымъ гнетомъ ложились на народъ. Присутствіе народа и его невыносимыхъ страданій вы чуете въ каждомъ разсказѣ, даже и тамъ, гдѣ о народѣ и не упоминается, и это придаетъ очеркамъ тѣмъ болѣе глубокое общественное значеніе. И

къ тому же не одни злоупотребленія и злодѣйства Порфиріевъ Петровичей, Фейеровъ, Томилиныхъ, Ижбурдиныхъ, Пересѣчкиныхъ и прочихъ—возмущаютъ автора очерковъ. Его приводитъ въ ужасъ растлѣвающее вліяніе провинціальной жизни на самыхъ лучшихъ людей, повидимому далекихъ отъ покушеній на карманъ ближнаго.

Наиболѣе же ярко и опредѣленно выразились въ „Губернскихъ очеркахъ" идеалы Салтыкова въ глубокомъ сочувствіи народу, которымъ проникнуты посвященныя ему строки. Здѣсь смолкаетъ смѣхъ и начинается область скорби и преклоненія передъ великостью и чистотою души простого человѣка. Результатами этого сочувствія народу, уваженія къ его благодушнымъ типамъ и глубокой скорби при видѣ его многострадальческой жизни и явились такіе разсказы, какъ „*Аринушка*", „*Старецъ*", „*Миша и Ваня*", „*Развеселое житье*", въ которыхъ благоговѣйно смолкалъ смѣхъ Салтыкова и душа его смирялась и умилялась.

Н. Г. Помяловскій.

Второй періодъ Салтыкова.

„Губернскими очерками" заканчивается дореформенный періодъ литературной дѣятельности Салтыкова. Дальнѣйшія сатиры его носятъ совсѣмъ уже иной характеръ. Въ нихъ сатирикъ отразилъ эпоху „возрожденія", послѣдовавшую за крымскою войною, со всею ея безтолковой сумятицей и фразистостью. Соль этихъ сатиръ заключается въ томъ, что какъ ни много было шуму и гаму въ то время, какъ ни кричали о неустанномъ движеніи впередъ, о прогрессѣ, необходимости существенныхъ измѣненій—всѣ эти призывные крики не мѣшали людямъ топтаться на одномъ мѣстѣ; измѣненія были чисто-призрачными, а старо-русская жизнь, олицетворенная Салтыковымъ въ городѣ Глуповѣ, неизмѣнно оставалась тою же самою.

Не ограничиваясь характеристикою неподвижности современныхъ нравовъ Глупова, Салтыковъ обращается къ исторіи, въ намѣреніи прослѣдить эти нравы въ ихъ прошломъ, и вѣнцомъ сатиръ этого періода является „*Исторія одного города*". Въ этой исторической сатирѣ, въ рядѣ выводимыхъ „помпадуровъ", видѣли

тѣ или другія историческія личности. Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что какъ въ „Исторіи одного города“, такъ и въ рядѣ сатиръ, носящихъ заглавіе „*Помпадуры и помпадурши*“, — стрѣлы Салтыкова направляются не на однихъ выводимыхъ градоначальниковъ. Болѣе всего достается обывателямъ, забитымъ, униженнымъ, пресмыкающимся глуповцамъ, за ихъ пассивную, азіатскую косность и готовность терпѣливо сносить всяческія надъ ними издѣвательства.

Третій періодъ Салтыкова

Но вотъ пришли 60-е годы, совершились реформы, началось затишье. Освобожденіе крестьянъ болѣе всего, какъ извѣстно, отразилось на дворянскомъ классѣ, бытъ котораго былъ потрясенъ въ основаніяхъ. Всѣ прежніе ресурсы безпечальнаго житья исчезли безвозвратно. Приходилось устраиваться по-новому. Чуткій въ уловленіи существеннаго нерва каждой эпохи, Салтыковъ сейчасъ же понялъ, въ чемъ главный вопросъ времени, и направилъ свои перуны на сбитыхъ съ панталыку „культурныхъ людей“, стремившихся устроиться по-новому, но столь же весело и безъ труда, какъ жили прежде. И вотъ начался третій періодъ дѣятельности Салтыкова, семидесятыхъ годовъ, во время которыхъ появился рядъ сатиръ, направленныхъ на культурныхъ людей въ ихъ поискахъ новыхъ путей паразитства. Таковы „*Господа Ташкентцы*“, „*Дневникъ провинціала въ Петербургѣ*“, „*Убѣжище Монрепо*“, „*Благонамѣренныя рѣчи*“ и пр.

Перломъ этого третьяго періода являются „*Господа Головлевы*“. Многіе ставятъ произведеніе это даже наравнѣ съ „Мертвыми Душами“ Гоголя, по изображенію существенныхъ и самобытныхъ чертъ русской жизни и по типичности выведенныхъ личностей. И дѣйствительно, здѣсь Салтыковъ въ своемъ творчествѣ возвысился надъ преходящими явленіями и дошелъ до высшаго совершенства въ области общечеловѣческихъ обобщеній. Особенно типъ „Іудушки“ смѣло можно поставить рядомъ съ лучшими типами европейскихъ литературъ — Тартюфомъ, Донъ-Кихотомъ, Гамлетомъ и Лиромъ.

Сатиры, написанныя въ теченіе 80-хъ годовъ, составляютъ четвертый періодъ литературной дѣятельности Салтыкова. 80-ые годы были временемъ полнаго застоя: бѣдная выдающимися событіями, однообразно и монотонно текла жизнь день-за-день. Вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и характеръ сатиръ Салтыкова: на мѣсто саркастическаго, желчнаго смѣха является теперь величаво-эпическое, степенное созерцаніе, исполненное то глубокой скорби, то восторженнаго паѳоса. Таковы „*Мелочи жизни*“, въ которыхъ Салтыковъ показываетъ трагическое значеніе въ жизни мелочей на герояхъ, взятыхъ изъ разнородныхъ слоевъ общества, начиная съ великосвѣтскихъ питомцевъ привилегированныхъ заведе-

ній и кончая мужикомъ и городскимъ пролетаріемъ. Таковы его „*Сказки*", въ которыхъ Салтыковъ выступаетъ сатирикомъ человѣческой жизни въ ея вѣковомъ укладѣ и обнаруживаетъ глубокое знаніе человѣческаго сердца, ставящее его на одномъ ряду съ крупнѣйшими писателями европейскими.

„*Пошехонскою стариною*" заканчивается дѣятельность Салтыкова. Въ этомъ предсмертномъ произведеніи Салтыковъ словно очистился, отрѣшился отъ всѣхъ преходящихъ суетъ и злобъ дня и, углубившись въ давно-прошедшіе годы, въ величаво-спокойной, исполненной высоко-христіанской любви и гуманности эпопеѣ воспроизвелъ помѣщичій бытъ эпохи крѣпостного права, какъ до тѣхъ поръ никто еще его не воспроизводилъ.

Около Салтыкова видимъ и другихъ молодыхъ писателей того-же направленія: Помяловскаго, Левитова, Рѣшетникова и Гл. Успенскаго. Молодыя силы.

Николай Герасимовичъ Помяловскій родился въ 1835 году, въ С.-Петербургѣ на Малой Охтѣ, гдѣ отецъ его былъ дьякономъ мало-охтенской кладбищенской церкви. Воспитывался онъ въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ, а въ 1851 г. перешелъ въ Александро-Невскую семинарію, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1857 г. Первыя напечатанныя его вещи были очерки „*Вуколъ*" и „*Долбня*", которые появились въ журналѣ „Журналъ для воспитанія" Чумикова. Въ продолженіе 4 лѣтъ по окончаніи семинаріи Помяловскій сидѣлъ безъ дѣла, живя на счетъ родныхъ, тщетно пытаясь какъ-либо пристроиться; готовъ былъ одно время занять мѣсто дьякона, увлекался педагогіей, преподавалъ въ воскресной школѣ по шлиссельбургскому тракту, пытался преподавать въ Смольномъ институтѣ по протекціи Ушинскаго, слушалъ лекціи въ университетѣ, увлекаясь въ то же время статьями Чернышевскаго и Добролюбова. Лишь въ 1861 году, когда въ „Современникѣ" были помѣщены двѣ его повѣсти: „*Мѣщанское счастье*" и „*Молотовъ*"—его положеніе опредѣлилось и матерьяльно улучшилось. Произведенія эти сразу выдвинули его въ ряды лучшихъ беллетристовъ того времени. Помяловскій познакомился съ Чернышевскимъ и прочими участниками „Современника" и началъ получать опредѣленное денежное содержаніе отъ редакціи журнала. Но это все-таки не избавило его отъ нужды, такъ какъ онъ не дорожилъ деньгами и разбрасывалъ ихъ направо и налѣво.

Въ послѣдніе два года жизни, какъ бы предчувствуя близкую смерть, Помяловскій обнаружилъ необыкновенную энергію въ разнородной дѣятельности: посѣщалъ публичныя лекціи, участвовалъ въ публичныхъ чтеніяхъ, ѣздилъ въ воскресную школу, гдѣ былъ одно время распорядителемъ по педагогической части, спорилъ въ комитетѣ воскресныхъ школъ и пр. Въ то же время

не менѣе энергично занимался онъ своими беллетристическими работами. Такъ въ теченіе двухъ лѣтъ онъ написалъ „*Очерки бурсы*“, „*Порѣчане*“, обдумалъ и набросалъ нѣсколько сценъ большого романа „*Братъ и сестра*“, по цѣлымъ недѣлямъ проживалъ на Сѣнной, въ Вяземской лаврѣ, знакомясь съ нею и изучая нравы ея обитателей, съ цѣлью написанія романа изъ быта подонковъ петербургскаго населенія. Подобная дѣятельность тѣмъ болѣе была поразительна, что еще въ семинаріи, пріобрѣтя наклонность къ излишествамъ, онъ находился въ состояніи почти непрерывнаго разгула. При такой жизни, силы его были настолько надломлены, что достаточно было ничтожнаго повода для смертнаго исхода. Въ сентябрѣ 1863 года, онъ подвергся сильному припадку бѣлой горячки, послѣдствіемъ котораго были осложненія, вызвавшія операцію въ клиникѣ медико-хирургической академіи: обнаружилась гангрена, и 5 октября 1863 года его не стало.

Когда говорятъ о Помяловскомъ, на первый планъ ставятъ его „Очерки бурсы“; было время, когда его иначе и не называли, какъ авторомъ „Очерковъ бурсы“. Произошло это изъ того, что „Очерки“, тою сенсацією, какую произвели они на публику, отодвинули на второй планъ прочія его произведенія. Сенсація же эта обусловливалась тѣмъ, что они явились какъ разъ въ такое время, когда на первомъ планѣ стояли педагогическіе вопросы, рушилась цѣликомъ старая система воспитанія, преобразовывались всѣ среднія учебныя заведенія—и мужскія, и женскія. И вдругъ молодой беллетристъ, самъ прошедшій тяжелую страду семинарскаго курса, выставилъ полную картину истязаній, какимъ подвергались воспитанники духовныхъ училищъ, и къ тому же не гдѣ-либо въ провинціальной глуши, а у всѣхъ на виду въ столицѣ. Понятно, что все общество было ошеломлено этими яркими картинами, исполненными неотразимаго реализма. Но все это ничуть не отнимаетъ, въ своемъ родѣ важнаго, значенія у прочихъ его произведеній: „Мѣщанское счастье“ и „Молотовъ“.

Въ этихъ повѣстяхъ, въ лицѣ „Молотова“ впервые выступилъ передъ нами новый, только-что народившійся герой времени—интеллигентный разночинецъ—на смѣну всѣмъ прежнимъ, принадлежавшимъ дворянской средѣ. Впослѣдствіи беллетристика наша раздвоилась въ пониманіи этого типа, и въ то время, какъ писатели одного лагеря начали топтать его въ грязь, другіе, напротивъ того, идеализировали и расписывали самыми радужными красками. Молотовъ является единственнымъ, ни въ какую сторону не утрированнымъ мыслящимъ пролетаріемъ-разночинцемъ 60-хъ годовъ. Авторъ не скрылъ его истинныхъ достоинствъ, въ видѣ выносливости въ борьбѣ съ нищетою и невзгодами, несо-

крушимой энергіи и стойкости въ стремленіи выбиться въ люди и завоевать прочное, независимое положеніе. Но не скрылъ онъ и недостатковъ новаго героя, каковы — щепетильная плебейская гордость, обнаруживающаяся то въ застѣнчивости, замкнутости и недовѣріи къ людямъ, то въ напускной развязности и чрезмѣрной грубости, наконецъ, въ преждевременной разсудочности, расхолаживающей молодые горячіе порывы и придающей юношѣ видъ резонирующаго старца. Послѣдній недостатокъ особенно обнаружился въ Молотовѣ въ той черствости, съ какою отнесся онъ къ любви кисейной барышни. Наконецъ, какъ результатъ усталости, послѣ длиннаго ряда годовъ, исполненныхъ тяжкой борьбы, мы видимъ въ Молотовѣ стремленіе — отдохнуть подъ мирнымъ кровомъ мѣщанскаго счастья, признавши въ себѣ единственное призваніе *честно наслаждаться жизнію*, — результатъ, заставившій Помяловскаго воскликнуть въ концѣ повѣсти: „Эхъ, господа, что-то скучно...“

Ѳ. М. Рѣшетниковъ.

То глубокое и живое сочувствіе къ народу, къ умственному его просвѣщенію и улучшенію его матерьяльнаго быта, какое было вызвано въ мыслящемъ обществѣ освобожденіемъ крестьянъ, весьма естественно, создало цѣлую литературу беллетристики изъ народнаго быта, вызвавши рядъ молодыхъ силъ, всецѣло посвятившихъ себя изученію и изображенію народнаго быта. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этой серіи беллетристовъ-народниковъ безспорно занимаетъ Рѣшетниковъ.

Ѳедоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ род. въ Екатеринбургѣ, Пермской губ., 5 сентября 1841 г. Отецъ его былъ сначала дьячкомъ, потомъ почтальономъ, пилъ горькую чашу и такъ дурно обращался съ женою, что та ушла отъ него въ Пермь, къ его брату, съ девятимѣсячнымъ ребенкомъ на рукахъ. Въ Пермь она при-

ила во время страшнаго пожара, и такъ была имъ напугана, что захворала и умерла; а младенецъ ея остался на попеченіи дяди. Родственники, на рукахъ которыхъ остался Рѣшетниковъ, были люди крайне бѣдные, угнетенные ярмомъ тягостной службы по почтовому вѣдомству, и нравы царили у нихъ грубые и звѣрскіе. Рѣшетниковъ же оказался мальчикомъ рѣзвымъ и шаловливымъ, и мы видимъ, что все дѣтство его прошло въ томъ, что его били и свои, и сосѣди за каждую ничтожную провинность. Въ 1851 г. отдали его въ бурсу, и тамъ, въ свою очередь, начали подвергать его всяческимъ истязаніямъ. Онъ два раза даже покушался бѣжать, но каждый разъ его ловили и снова водворяли въ бурсу. Въ 1855 же году его подвергли формальному суду за то, что онъ забросилъ на заборъ какой-то важный документъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что его сослали въ Соликамскій монастырь на покаяніе. Въ 1859 году Рѣшетниковъ переѣхалъ съ родными въ Екатеринбургъ, гдѣ кончилъ въ томъ же году курсъ уѣзднаго училища и опредѣлился въ уѣздный судъ на 3 рубля жалованья. Вообще вся жизнь его представляла непрестанную борьбу съ страшною нуждою и на родинѣ, и въ Петербургѣ, куда ему удалось переселиться при помощи какого-то благодѣтеля-ревизора. Въ Петербургѣ началъ онъ печатать кое-что: небольшіе очерки въ „Сѣверной Пчелѣ“. Платили ему за нихъ мало и неаккуратно. Положеніе его улучшилось лишь тогда, когда въ №№ 3 и 4 „Соврем.“ за 1864 годъ была напечатана его повѣсть „*Подлиповцы*“, сразу обратившая на него вниманіе публики и открывшая ему доступъ во всѣ редакціи. Онъ вскорѣ женился на одной своей землячкѣ, круглой сиротѣ, подобно ему прибывшей въ Петербургъ на свой хлѣбъ. Онъ имѣлъ теперь средства и досугъ для пополненія недостаточнаго образованія, началъ съ жадностью читать книги и дѣлать изъ нихъ выписки. Но недолго уже оставалось ему жить. Губительный порокъ горькаго запоя ежедневно подтачивалъ его силы, и тщетно онъ боролся съ нимъ. 9 марта 1871 г. Рѣшетниковъ умеръ, на тридцатомъ году жизни, отъ отека легкихъ, оставивъ послѣ себя жену и двоихъ дѣтей.

Въ продолженіе своей недолгой жизни Рѣшетниковъ написалъ два толстые тома, содержащіе 124 листа убористой печати. Всѣ эти разсказы отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ: неуклюжіе, растянутые, исполненные мелкихъ, иногда совершенно ненужныхъ деталей, и потому тяжелые въ чтеніи, они заключаютъ въ себѣ неизмѣнно одно и то же содержаніе: какъ бѣдные люди голодаютъ, холодаютъ, терпятъ всевозможныя мытарства, обиды и оскорбленія, пробивая себѣ дорогу къ обезпеченію, хотя бы самому скудному. Послѣ блестящаго успѣха его первой повѣсти „Подлиповцевъ“, наиболѣе выдающимися изъ его

произведеній являются: „*Ставленникъ*“, „*Между людьми*“, „*Глумовы*“, „*Гдѣ лучше?*“, „*Свой хлѣбъ*“. Повѣсть „Между людьми“ носитъ характеръ автобіографическій. Въ романѣ „Свой хлѣбъ“ разсказана жизнь жены его. Принимая во вниманіе это непосредственное списываніе съ дѣйствительности со всѣми подробностями и безъ малѣйшихъ ухищреній, можно смѣло сказать, что Рѣшетниковъ былъ даже болѣе искреннимъ протоколистомъ дѣйствительности, чѣмъ французскіе натуралисты. Это былъ грубый и необработанный самородокъ, непосредственно цѣльный, какъ въ своихъ произведеніяхъ, такъ и въ жизни.

Александръ Ивановичъ Левитовъ род. въ Тамбовѣ въ 1842 г.: онъ былъ сынъ бѣднаго сельскаго священника. Дѣтство его прошло въ бѣдной и убогой обстановкѣ, ничѣмъ не отличавшейся отъ обстановки крестьянина средняго достатка. На семнадцатомъ году Левитовъ покинулъ тамбовскую семинарію, бывши уже на философскомъ отдѣленіи, и рѣшился пройти 500 верстъ пѣшкомъ въ Москву съ цѣлью опредѣлиться въ университетъ; но по выдержаніи вступительнаго экзамена, онъ перебрался въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ медико-хирургическую академію. Запутанный въ какой-то студенческой исторіи, онъ былъ исключенъ изъ академіи и высланъ сначала въ Шенкурсъ, потомъ въ Вологду. Здѣсь, вдали отъ интеллигентныхъ центровъ, въ борьбѣ съ нищетою, Левитовъ ожесточился, одичалъ и сжился съ тѣми низкими слоями общества, изобразителемъ которыхъ онъ выступилъ впослѣдствіи. Въ то же время здѣсь же окончательно развился въ немъ порокъ пьянства, задатки котораго были восприняты еще во время семинарской жизни.

Въ 1861 году Левитовъ возвратился въ Москву, по обыкновенію пѣшкомъ, безъ гроша денегъ. Съ этого же года начинается дѣятельное участіе его въ литературѣ, послѣ того, какъ лучшее произведеніе его — „*Степные очерки*“ — обратило на себя общее вниманіе и было привѣтствовано Ап. Григорьевымъ. Дальнѣйшая жизнь Левитова носитъ одинъ и тотъ же скитальческій характеръ. Литературный трудъ плохо обезпечивалъ бѣднягу. Несмотря на то, что у него была семья, онъ никогда не зналъ, что значитъ домашній очагъ, мебель, обстановка, хотя бы самая убогая, вѣчно скитался по меблированнымъ столичнымъ чердакамъ и подваламъ. Съ 1875 г. онъ быстро началъ хирѣть; зловѣщій кашель мучилъ его, онъ жаловался на боль въ груди. Въ ночь на 3-ье января 1877 г. его не стало. Даже и умереть-то ему пришлось, какъ умираютъ бездомные странники, закинутые въ чужедальную сторону: въ казенной обстановкѣ московской университетской клиники.

По яркости колорита, преобладанію живой, пламенной, при-

хотливой фантазіи, страстности, лиричности и крайней субъективности, Левитовъ представляетъ собою типъ южнаго беллетриста. Слогъ его музыкальною пѣвучестью, порою доходящею почти до стихотворныхъ размѣровъ, напоминаетъ слогъ Гоголя: такіе же безконечно-длинные и закрученные періоды, уснащенные массою картинныхъ и затѣйливыхъ эпитетовъ, метафоръ и уподобленій. Въ то же время одною изъ рѣзкихъ особенностей Левитова является страсть къ олицетвореніямъ мертвой природы: ни одного очерка не обходится безъ того, чтобы у него не переговаривались между собою или съ героями стулья, столы, диваны, самовары, статуи и прочіе предметы домашняго обихода. Самая форма произведеній Левитова не представляетъ и тѣни чего-либо строго-обдуманнаго, правильно-расположеннаго, стройнаго; это — безформенныя лиро-эпическія импровизаціи. Каждая такая импровизація, носящая названіе повѣсти, разсказа, очерка, представляетъ пестрый калейдоскопъ образовъ, воспоминаній, мыслей и воплей наболѣвшей души.

А. И. Левитовъ.

Что касается содержанія произведеній Левитова, то понятно, что человѣкъ, проживщій жизнь такъ безотрадно, какъ онъ, долженъ былъ наибольшее вниманіе обращать на мрачныя явленія жизни, близко принимать къ сердцу горе ближнихъ и чутко отзываться на каждый стонъ людскихъ страданій. Онъ вполнѣ справедливо озаглавилъ одно изъ изданій своихъ очерковъ: „*Горе селъ, деревень и городовъ*“. Въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ Левитова мы видимъ пѣвца народнаго горя во всѣхъ его многообразныхъ видахъ: горя нищеты, семейнаго раздора, невѣжества, грубости нравовъ и суевѣрій, обманутыхъ ожиданій и неудавшейся жизни, безпомощнаго сиротства и безчеловѣчнаго надругательства грубой силы надъ слабостью, и пр., и пр. Лучшими произведеніями Левитова являются, конечно, „Степные очерки“, написанные въ шенкурской глуши, среди холода и мглы которой особенно ярко возникали въ воображеніи молодого писателя картины его далекой родины и промчавшагося дѣтства. И дѣйствительно, „Степные очерки“ блещутъ особенно яркимъ колоритомъ: они изобилуютъ

описаніями красотъ степной природы, малѣйшихъ подробностей жизни обитателей степей, всѣхъ ихъ заботъ, хлопотъ, обычаевъ, повѣрій и суевѣрій. Массы дѣтскихъ воспоминаній разсѣяны по всѣмъ очеркамъ. Рѣдкій обходится безъ изображенія дѣтей, бѣгающихъ по степнымъ лугамъ и лѣсамъ и живущихъ одною жизнію съ окружающею природой. Каждая мелкая черточка выведена съ горячей, нѣжной любовью и блещетъ слезами надрывающей тоски бобыля, заброшеннаго въ чужедальнюю сторону.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій родился въ Тулѣ (по однимъ свѣдѣніямъ 14-го ноября 1840 г., по другимъ—13 октября 1843 г.). Онъ былъ сынъ секретаря казенной палаты. Первое воспитаніе получилъ дома; затѣмъ отдали его въ тульскую гимназію; съ перемѣщеніемъ же отца въ Черниговъ, ему пришлось перейти въ черниговскую гимназію, гдѣ онъ и окончилъ курсъ. Затѣмъ Успенскій поступилъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета; впослѣдствіи же перешелъ въ московскій. Изъ университета онъ вышелъ въ 1863 году и занялся исключительно литературой. Литературная извѣстность Успенскаго началась съ 1866 года (когда онъ написалъ рядъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ „*Нравы Растеряевой улицы*“, помѣщавшихся на страницахъ „Современника“) и возрастала съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, вплоть до прекращенія его литературной дѣятельности вслѣдствіе тяжкой хронической болѣзни, которою занемогъ онъ въ началѣ 90-хъ годовъ.

Г. И. Успенскій.

Первое, что васъ поражаетъ въ произведеніяхъ Успенскаго, это полное отсутствіе художественной созерцательности, стремленія нарисовать что-либо изъ одного эстетическаго увлеченія. Не найдете вы въ очеркахъ его ни одного ландшафта, ни одного изображенія женской красоты или увлекательнаго сюжета. Подобный художественный аскетизмъ выходитъ вовсе не изъ стремленія къ тенденціозности во что бы то ни стало, а изъ самой природы Успенскаго. Не принадлежа къ числу субъективныхъ художниковъ, вѣчно занятыхъ ухаживаньемъ за своею собственною личностью,

Успенскій не принадлежитъ и къ числу тѣхъ спокойно-объективныхъ писателей, которые подолгу вынашиваютъ свои художественные образы. Успенскій сильно волновался, кипятился всѣмъ, что представлялось его глазамъ; все это всецѣло овладѣвало его душою, онъ только и говорилъ со всѣми о томъ, чѣмъ страдалъ въ данное время его творческій духъ. Наиболѣе же увлекалъ онъ читателей поразительною жизненностью и типичностью выводимыхъ лицъ и художественнымъ юморомъ первоклассной степени.

Литературная дѣятельность Успенскаго рѣзко распадается на два періода. Первый періодъ длится десять лѣтъ, съ половины 60-хъ годовъ до половины 70-хъ. Въ этотъ періодъ онъ не касался еще народнаго быта. Проведя дѣтство въ городахъ и продолжая вращаться въ нихъ, онъ не зналъ еще деревенской жизни и мужика. Поэтому въ очеркахъ этого періода (напр. въ „Нравахъ Растеряевой улицы") изображаются мелкіе провинціальные мѣщане, ютящіеся въ ветхихъ домишкахъ по окраинамъ уѣздныхъ городишекъ, или же разночинная интеллигенція, захваченная новыми вѣяніями и тщетно ищущая приложенія молодыхъ силъ въ борьбѣ съ засасывающею тиною провинціальныхъ болотъ. Таковы очерки: *„Разореніе"*, *„Наблюденіе одного лѣнтяя"*, *„Тише воды—ниже травы"* и пр.

Во второй половинѣ 70-хъ годовъ, Успенскій, по рекомендаціи одного очень богатаго помѣщика, взялъ на себя обязанность завѣдывать крестьянской ссудосберегательной кассой въ одномъ изъ уѣздовъ Самарской губерніи. Это дало ему возможность близко стать къ крестьянскому міру и тщательно изучать его, находясь въ непосредственныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Съ этого времени и начинается второй періодъ дѣятельности Успенскаго— очерковъ изъ народнаго быта. Періодъ этотъ, въ свою очередь, подраздѣляется на двѣ половины.

Во время первой половины Успенскому пришлось имѣть дѣло съ мужикомъ въ томъ весьма непривлекательномъ видѣ, въ какомъ представляется онъ въ Самарской губерніи. „Деньга привалила въ эти мѣста,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи,— и я видѣлъ только, до чего можетъ дойти бездушный мужикъ при деньгахъ. Я здѣсь въ теченіе полутора года не зналъ ни днемъ, ни ночью покоя. Тогда меня ругали за то, что я не люблю народъ. Я писалъ, какая онъ — свинья, потому что онъ, дѣйствительно, творитъ преподлѣйшія вещи".

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ очерки Успенскаго изъ народнаго быта этого времени отличаются отрицательнымъ характеромъ: мужики рисуются въ нихъ далеко не въ такомъ идеальномъ свѣтѣ, въ какомъ смотрѣло на нихъ въ то время большинство передовой интеллигенціи, предполагая каждаго крестьянина вмѣстили-

щемъ всѣхъ добродѣтелей. Успенскій не побоялся смѣло пойти противъ этихъ всеобщихъ иллюзій, побуждавшихъ молодежь, очертя голову, идти въ народъ съ цѣлью не столько учить его, сколько самимъ учиться у него, и словно холодной водой, окатилъ онъ русское общество рядомъ очерковъ, въ которыхъ началъ разоблачать русскаго мужика во всей его неподкрашенной правдѣ. Какъ на особенно выдающіеся очерки этого періода укажемъ на очерки: „*Черная работа*“, „*Малые ребята*“, „*Чудакъ баринъ*“, „*Деревенская неурядица*“ и пр.

Но Успенскій не въ силахъ былъ остановиться на одномъ отрицательномъ отношеніи къ народу и поѣхалъ въ другія мѣста искать болѣе свѣтлыхъ и отрадныхъ впечатлѣній. „Мнѣ нужно было знать, — говоритъ онъ въ своей автобіографіи, — *источникъ* всей этой хитроумной механики народной жизни, о которой я не могъ доискаться никакого простого слова нигдѣ“. И вотъ изъ шумной, полупьяной, развратной деревни забрался въ лѣсъ Новгородской губерніи, въ усадьбу, гдѣ жила одна только крестьянская семья. „На моихъ глазахъ дикое мѣсто стало оживать подъ сохою пахаря, и вотъ я тогда въ первый разъ въ жизни увидѣлъ, дѣйствительно, *одну подлинную важную черту въ основахъ жизни русскаго народа*—именно: власть земли“...

Это житье въ лѣсу Новгородской губерніи происходило лѣтомъ 1881 года, и результатомъ его и былъ знаменитый очеркъ, представляющій высшую точку творчества Глѣба Успенскаго, — „*Власть земли*“. Онъ появился въ № 1 „Отеч. Зап.“ 1882 г.

Въ очеркѣ этомъ проводится та мысль, что всѣ и умственные, и нравственные интересы, вся жизнь мужика опредѣляются тѣми требованіями, какія предъявляетъ ему земля, въ связи со всѣми стихійными силами, тяготѣющими надъ трудомъ его. Ни за что не отвѣчая, ничего не придумывая, человѣкъ живетъ только слушаясь, и это *ежеминутное, ежесекундное послушаніе*, превращенное въ безконечный трудъ, и образуетъ жизнь, не имѣющую, повидимому, никакого результата (что вырабатываютъ, то и съѣдаютъ), но имѣющую результатъ въ самой себѣ. И не только крестьянинъ въ своей личной семейной жизни приравнивается Успенскимъ къ типу растительной жизни, но и общественная жизнь его оказывается созданною не имъ самимъ, а тою же властью земли—и община представляетъ собою чисто-зоологическій типъ, нѣчто въ родѣ пчелинаго улья или муравейника.

Но все это далеко не опредѣляетъ разносторонней дѣятельности Успенскаго. Здѣсь обозначены лишь общій ходъ ея и наиболѣе выдающіеся пункты, а затѣмъ остается многое, представляющее собою единичныя проявленія творчества, стоящія внѣ главнаго теченія его дѣятельности. Таковы напримѣръ: „*Волъ-*

ные казаки", „*Скучающая публика*". „*Письма съ дороги*", „*Живыя цифры*". „*Мимоходомъ*" и пр. Какъ писатель впечатлительный и живой, Успенскій не упускалъ изъ виду ни одного явленія, маломальски поразительнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи, чтобы тотчасъ же не воспроизвести и не обсудить его со всѣхъ сторонъ. Поэтому произведенія, особенно послѣднихъ лѣтъ его дѣятельности, и представляютъ въ себѣ такъ много публицистическихъ элементовъ, далеко выходящихъ изъ художественной области.

Прикажите при семъ
выдать Владиміру Рафаиловичу записку на
выдачу Вами Современ[ника]
Преданный Вамъ
И. Панаевъ.

Автографъ И. И. Панаева. Изъ собранія С. Н. Шубинскаго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Поэзія во второй половинѣ XIX вѣка.—Отголоски далекаго прошлаго и постепенно возрастающее вліяніе дѣйствительности.—Классическіе идеалы и народное самосознаніе.—А. Майковъ.—Полонскій и Фетъ.—Мей и А. Толстой.—Тютчевъ.

Всѣ наши поэты второй половины XIX вѣка воспитались и выросли на поэзіи Пушкина и Лермонтова, и потому именно могли внести въ нашу литературу обильную поэтическую жатву. Въ глазахъ у нихъ были превосходные поэтическіе образцы предшествующей эпохи; имъ не приходилось бороться ни съ трудностями поэтическаго языка, ни съ трудностями стиха, такъ превосходно разработаннаго ихъ великимъ предшественникомъ и учителемъ и первыми представителями его школы. Притомъ и образованіе сдѣлало большіе успѣхи въ Россіи, и критика, въ лицѣ Бѣлинскаго и его ближайшихъ послѣдователей, строго опредѣлила возможные предѣлы и границы поэтическаго творчества, и русская жизнь успѣла въ нѣсколько десятилѣтій такъ далеко уйти впередъ, что поэзія до-Пушкинскаго періода перестала существовать... Новые поэты второй половины XIX вѣка уже не рѣшались отрѣшаться отъ жизни и слишкомъ высоко подниматься надъ ея потребностями, призывами, наслажденіями и нуждами; они старались уже не залетать „во области заочны“, а воспѣвать только видимое, осязаемое, доступное нашимъ чувствамъ. Жизненный реализмъ одержалъ верхъ надъ туманной и неопредѣленной мечтательностью и, надо сказать правду,—поэзія только выиграла отъ такого естественнаго сближенія съ дѣйствительностью... Она опустилась на землю, но сумѣла и всему земному придать оттѣнки поэтическаго очарованія.

А. Н. Майковъ.

Вторая половина XIX вѣка не настолько богата поэтами, какъ первая; но она достаточно богата поэзіей, которая вполнѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія и изученія. Мы не можемъ

назвать много именъ, но зато каждый изъ упоминаемыхъ нами поэтовъ—А. Майковъ, Я. Полонскій, А. Фетъ, Л. Мей, А. Толстой и Ѳ. Тютчевъ—обладаетъ въ своемъ творчествѣ своеобразною, характерною физіогноміей и, никому не подражая, ни у кого не заимствуя, пролагаетъ свою особую дорогу. Наиболѣе плодовитымъ, но и болѣе талантливымъ изъ всѣхъ слѣдуетъ, конечно, считать Майкова, которому, какъ поэту, принадлежитъ первое и самое видное мѣсто между всѣми нашими поэтами второй половины XIX вѣка.

А. Н. Майковъ. *Аполлонъ Николаевичъ Майковъ* (род. 23 мая 1821 г. въ Москвѣ, ум. 1897 г.) происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Майковыхъ, которые еще въ XV вѣкѣ прославились тѣмъ, что изъ Майковыхъ вышелъ извѣстный строгостью жизни отшельникъ и проповѣдникъ, Нилъ Сорскій, основатель Сорской пустыни, въ Бѣлозерскихъ дебряхъ. Въ прошломъ вѣкѣ, основаніе перваго русскаго публичнаго театра было тѣсно связано съ именемъ одного изъ Майковыхъ. Мы видѣли уже, что богатый ярославскій помѣщикъ Майковъ много способствовалъ Ѳ. Г. Волкову при открытіи перваго публичнаго театра въ Ярославлѣ. Старшій сынъ этого театрала-помѣщика, Василій Ивановичъ Майковъ, былъ впослѣдствіи, въ екатерининское время, однимъ изъ извѣстныхъ стихотворцевъ: его сатирическія поэмы читались охотно и обратили вниманіе императрицы Екатерины на поэта. Родной братъ Василія Майкова былъ прадѣдомъ нашего поэта. Отецъ А. Н. Майкова, Николай Аполлоновичъ Майковъ, пріобрѣлъ извѣстность, какъ художникъ, отличавшійся замѣчательною тонкостью и нѣжностью кисти, и получилъ званіе академика живописи за свои художественныя работы. Императоръ Николай любилъ бывать въ мастерской Н. А. Майкова и часто поручалъ ему выполненіе художественныхъ заказовъ для церквей и дворцовъ своихъ. И. А. Гончаровъ, другъ семьи Майковыхъ, говоритъ о Николаѣ Аполлоновичѣ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“:

„Онъ жилъ, какъ живали въ былое время артисты, думая болѣе всего объ искусствѣ, любя его, занимаясь имъ, и почти ничѣмъ другимъ. Домъ его кипѣлъ жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе изъ сферы мысли, науки, искусства. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многіе литераторы изъ круга 30-хъ и 40-хъ годовъ—всѣ толпились въ необширныхъ, не блестящихъ, но пріютныхъ залахъ его квартиры, и всѣ, вмѣстѣ съ хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, гдѣ всѣ учились другъ у друга, размѣниваясь занимавшими тогда общество мыслями, новостями науки, искусства...“

Среди такой благопріятной домашней обстановки, вся жизнь

поэта и въ другихъ отношеніяхъ сложилась какъ-то удивительно счастливо и удачно.

Въ дѣтствѣ своемъ онъ почти не зналъ городской жизни и жилъ почти безвыѣздно въ деревнѣ, среди природы и сельскаго приволья, то въ имѣньи отца, селѣ Никольскомъ (близъ Троице-Сергіевской лавры), то въ имѣньи бабушки своей, сельцѣ Чепчихѣ (въ 15 верстахъ отъ г. Клина).

Когда Н. А. Майковъ переселился на постоянное житье въ Петербургъ, то одинъ изъ его пріятелей, В. А. Солоницынъ, человѣкъ весьма умный и съ блестящимъ образованіемъ, принялъ на себя заботы о воспитаніи и обученіи его двоихъ старшихъ сыновей. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ прошелъ съ ними весь гимназическій курсъ и тщательно руководилъ ихъ занятіями даже и тогда, когда они поступили въ университетъ.

Такъ, при его помощи, А. Н. Майковъ, поступившій въ университетъ въ 1837 году, удачно окончилъ курсъ кандидатомъ юридическихъ наукъ, и въ то же время успѣлъ пополнить свое образованіе основательнымъ знаніемъ четырехъ иностранныхъ языковъ: французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и итальянскаго [1]).

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, поэтическое дарованіе проявилось въ юномъ А. Н. Майковѣ очень рано: еще будучи 15-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже помѣщалъ свои стихотворенія въ томъ рукописномъ альбомѣ, который составлялся въ кружкѣ Майковыхъ при участіи ихъ друзей-писателей, поэтовъ и художниковъ [2]). Его дарованіе пріобрѣло ему нѣкоторую извѣстность еще на университетской скамейкѣ; а тотчасъ по выходѣ изъ университета (въ 1841 г.) онъ уже издалъ сборникъ своихъ произведеній, подъ названіемъ: „*Стихотворенія Аполлона Майкова*". Сборникъ этотъ не избѣгъ зоркаго глаза Бѣлинскаго, который отмѣтилъ въ немъ „дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и нѣчто обѣщающее въ будущемъ..."

Польщенный такимъ лестнымъ отзывомъ строгаго и взыскательнаго критика, А. Н. Майковъ былъ порадованъ и царскою милостью. Сборникъ его стиховъ былъ поднесенъ государю, и государь, лично знавшій и отца-живописца, и сына-поэта, далъ талантливому юношѣ средства на путешествіе по Италіи, о которомъ нашъ поэтъ уже давно мечталъ. За границею А. Н. Майковъ пробылъ почти два года; изъ странствованій по Италіи вынесъ очень много поэтическихъ впечатлѣній, жилъ довольно долго въ Парижѣ; а на обратномъ пути въ Россію посѣтилъ славянскія земли и въ Прагѣ познакомился съ знаменитымъ Вяче-

[1]) Впослѣдствіи онъ изучилъ еще греческій и ново-греческій. Съ латинскимъ онъ былъ основательно знакомъ еще съ юности.

[2]) Сборникъ этотъ носилъ названіе: «*Лунныя ночи*».

Менуэтъ

Разсказъ дѣдушки.

Да-съ, я видѣлъ менуэтецъ —
О-го-го! скажу вамъ... да-съ...
Къ Государынѣ пакетецъ
Въ Петербургъ возилъ я разъ.

Ну — дворецъ — само собою
Ужъ Армидины сады —
И гирляндою цвѣтною
Колыхаются ряды.

Только — спросишь: „въ этой парѣ
Кто, простите?" — Назовутъ —
И стоишь ты какъ въ угарѣ!
Вмѣсто музыки-то тутъ

Взрывы слышишь, бой трескучій,
Пушки залпами палятъ
И отъ брандеровъ подъ тучи
Флоты цѣлые летятъ!...

Спросишь напримѣръ: „кто это?"
— „Графъ Орловъ" — „Чесменскій?" — „Онъ.
— „Ну-съ а тамъ?" — „Суворовъ"..... Свѣта
Преставленье! чисто сонъ!

Автографъ А. Н. Майкова. Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

— „А сей самой, позвольте, кто же?"
— „Князь Таврическій.. Горитъ
Въ бриліантахъ весь, и — Боже!
Что за поступь! что за видъ!

Скажешь: духи бурь и грома,
Потрясающіе міръ,
Всѣ, въ урочный часъ, здѣсь, дома,
Собираются на пиръ,

И, вступая въ домъ къ царицѣ,
Волшебникомъ какимъ-то, тутъ
Вдругъ блестящей вереницей
Кавалеровъ предстаютъ;

Передъ ней склоняютъ выи,
И она лишь, какъ живой
Образъ — такъ сказать — Россіи,
И видна надъ всей толпой.

А. Майковъ

славомъ Ганкою и другими представителями чешскаго національнаго возрожденія.

Впечатлѣнія, вынесенныя изъ долгаго пребыванія въ Италіи, подъ полуденнымъ небомъ роскошнаго Юга, вылились въ цѣломъ рядѣ превосходныхъ поэтическихъ произведеній, проник-

нутыхъ глубокимъ пониманіемъ красотъ природы и искусства и поэтовъ классической древности.

Однакоже, проза жизни — семейныя и служебныя обязанности—на нѣкоторое время отвлекли поэта отъ поэзіи, и только тягостная для Россіи Восточная война побудила его выступить съ цѣлымъ рядомъ горячихъ, патріотическихъ стихотвореній [1].

Сильное патріотическое настроеніе, вызванное нашими неудачами во время Крымской кампаніи и послѣдовавшимъ за нею періодомъ нашего приниженія въ Европѣ, много способствовало тому, чтобы А. Н. Майковъ сблизился съ кружкомъ славянофиловъ, преобладавшимъ въ новой редакціи „Москвитянина". Тамъ и помѣстилъ онъ очень многія изъ своихъ произведеній, а въ 1858 г. уже издалъ въ свѣтъ „Собраніе стихотвореній" (иждивеніемъ графа Кушелева-Безбородко), которое ясно доказало всѣмъ, что поэтъ вступилъ въ періодъ полной зрѣлости своего таланта.

Одинъ изъ современныхъ критиковъ, Дружининъ, справедливо замѣтилъ при разборѣ этого изданія стихотвореній Майкова:

„Отвѣчая всему живому и человѣческому, г. Майковъ выучился уважать тѣ границы, въ которыхъ должна держаться дѣятельность поэта истиннаго... Это — поэтъ-художникъ, поэтъ-пластикъ, но не лирикъ; писатель, замѣчательный мастерскою, спокойною отдѣлкою своихъ стихотвореній, онъ, съ перваго появленія своего передъ русскою публикой, сталъ ***поэтомъ мысли*** и безтрепетно принялъ на себя весь нескончаемый трудъ, сопряженный съ этимъ званіемъ".

Дѣйствительно, многія изъ произведеній Майкова въ Кушелевскомъ изданіи уже могутъ быть причислены къ перламъ русской поэзіи, напримѣръ: „*Три смерти*", „*Савонарола*" и въ особенности антологическія пьесы, проникнутыя глубокимъ пониманіемъ воззрѣній классическаго міра. Здѣсь же явилось и превосходное стихотвореніе Майкова: „*Рыбная ловля*" (посвященное С. Т. Аксакову)—единственное и поразительное по своей красотѣ поэтическое описаніе русской природы.

Въ 1858 году А. Н. Майкову удалось принять участіе въ продолжительномъ плаваніи (на корветѣ „Баянъ") по Архипелагу и Средиземному морю и посѣтить Грецію, а затѣмъ побывать въ Рагузѣ, Ниццѣ, Палермо и Неаполѣ. Запасъ новыхъ поэтическихъ впечатлѣній, воспринятыхъ А. Н. Майковымъ во время этого любопытнаго плаванія, нашелъ себѣ выраженіе въ сборникѣ новыхъ его произведеній, который вышелъ въ свѣтъ подъ названіемъ „Неаполитанскаго альбома".

Печальныя общественныя нестроенія и неурядицы конца

[1]) Поэтъ собралъ ихъ въ отдѣльной книжкѣ подъ общимъ заглавіемъ: «1854 годъ».

60-хъ и начала 70-хъ годовъ сильно повліяли на общее міросозерцаніе Майкова. Онъ какъ-то уединился отъ литературы, замкнулся въ себѣ и поддерживалъ связи только съ ультра-консервативнымъ кружкомъ, органами котораго являлись журналы: *„Заря“* Кашпирева (просуществовавшая очень недолго) и *„Русск. Вѣстникъ“*.

Въ то же время Майковъ увлекся общимъ стремленіемъ къ изученію нашей родной старины и исторіи, и оно было настолько

Имѣніе Чепчиха, Клинскаго уѣзда, Московской губ., въ которомъ протекло дѣтство А. Н. Майкова.

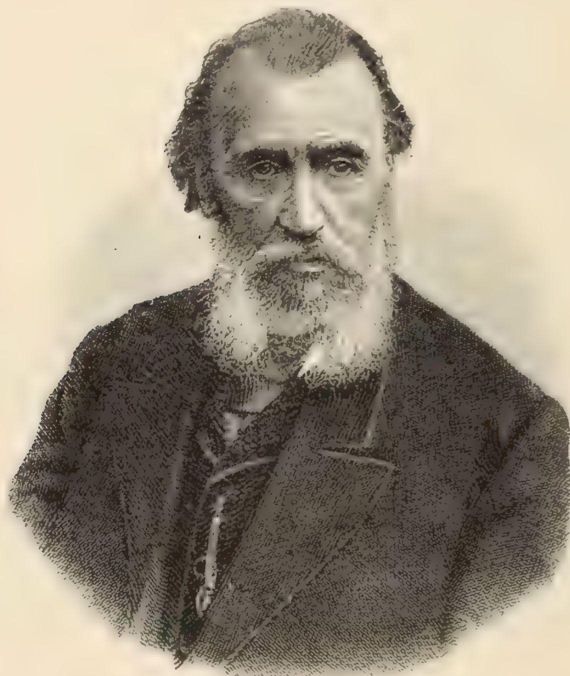
сильно, что онъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ на серьезное изученіе нашихъ древнихъ письменныхъ памятниковъ, которое было ему въ значительной степени облегчено дружественными связями съ такими глубокими знатоками нашей старины, какъ П. И. Мельниковъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ [1]). Въ результатѣ этихъ занятій явилось прекрасное переложеніе „Слова о Полку Игоревѣ“ съ толкованіями и предисловіемъ, которыя дѣлаютъ честь научной подготовкѣ и наблюдательности нашего поэта.

Въ періодъ времени между 1860—1897 гг. стихотворенія Майкова были переизданы много разъ, что ясно указываетъ на то значеніе, которое онъ пріобрѣлъ въ средѣ русскаго общества и не утратилъ въ теченіе цѣлаго полувѣка [2]). Многія произведе-

[1]) Отчасти по ихъ побужденію, А. Н. Майковъ написалъ нѣсколько разсказовъ по русской исторіи для народа; но ихъ едва ли можно назвать вполнѣ удачными.

[2]) 30-го апрѣля 1888 года всѣ представители русской литературы торжественно отпраздновали 50-лѣтній юбилей поэтической дѣятельности Майкова.

нія, явившіяся въ этихъ новыхъ изданіяхъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что поэтическій даръ Майкова неослабно продолжалъ развиваться и возрастать даже и въ весьма преклонномъ возрастѣ. Къ такимъ произведеніямъ, конечно, слѣдуетъ отнести его *„Исповѣдь Королевы"*, *„Новогреческія пѣсни"*, *„Былины"*, *„Странникъ"* (поэма, заимствованная изъ раскольничьихъ преданій), *„Бальдуръ"* (изъ скандинавскихъ преданій), и въ особенности высоко-поэтическое переложеніе лѣтописнаго преданія о *„Емшанѣ"*. Сюда же слѣдуетъ добавить и лирическую драму *„Два міра"*—изъ періода паденія древняго міра и возникновенія христіанскаго. Объ этой драмѣ недаромъ замѣтилъ одинъ изъ нашихъ критиковъ, что въ ней „сосредоточились всѣ лучи Майковской поэзіи..." [1]).

Я. П. Полонскій.

Въ тѣснѣйшей нравственной связи съ А. Н. Майковымъ стояли его сверстники-поэты: Я. П. Полонскій и А. А. Шеншинъ (Фетъ),—его ближайшіе современники и друзья.

Я. П. Полонскій.

Яковъ Петровичъ Полонскій родился 6 декабря 1819 года въ Рязани, гдѣ провелъ все свое дѣтство и часть ранней юности. Мать Полонскаго умерла рано: отецъ вынужденъ былъ, вскорѣ послѣ ея смерти, отправиться къ мѣсту новой службы, въ Закавказье, а десятилѣтнему Якову Петровичу, вмѣстѣ съ остальными его братьями и сестрами, пришлось остаться на попеченіи тетокъ (сестеръ матери). Благодаря ихъ нѣжной заботливости, ребенокъ выросъ и подготовился къ поступленію въ рязанскую гимназію, гдѣ впервые и обнаружилъ поэтическій талантъ [2]).

По окончаніи курса въ гимназіи, Я. П. Полонскій вступилъ

[1]) Эта драма была удостоена Академіею Наукъ полной Пушкинской преміи (19 октября 1882 г.).

[2]) Еще будучи ученикомъ VI класса, онъ писалъ стихи въ такой степени недурно, что рѣшился поднести свое стихотвореніе государю наслѣднику цесаревичу (впослѣдствіи императору Александру II), проѣзжавшему черезъ Рязань. Цесаревичъ принялъ приношеніе юноши-поэта и прислалъ ему въ подарокъ золотые часы.

въ Московскій университетъ, по юридическому факультету; не болѣе занимался поэзіей, нежели юридическими науками и не безъ труда окончилъ курсъ въ 1844 году. Въ томъ же году издалъ онъ въ свѣтъ первый сборникъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Гаммы“, который даже и Бѣлинскимъ былъ встрѣченъ довольно благосклонно.

Затѣмъ начались для поэта „годы странствованій“, нужды и обязательныхъ работъ ради гонорара; — онъ уѣхалъ сначала на югъ Россіи, въ Одессу, а оттуда—въ Закавказье, гдѣ получилъ мѣсто помощника редактора въ газетѣ „Закавказскій Вѣстникъ“. Впечатлѣнія величавой природы Кавказа и богатой красками кавказской жизни сильно повліяли на творчество молодого поэта, который, въ теченіе восьми лѣтъ своего пребыванія въ Закавказьѣ, издалъ цѣлыхъ три сборника своихъ стихотвореній, и одному изъ сборниковъ далъ даже мѣстное, туземное названіе „*Сазандаръ*“ (т. е. *пѣвецъ* — по-грузински). Наконецъ, въ 1852 г., соскучившись по родинѣ, онъ побывалъ въ Рязани и оттуда отправился по дѣламъ въ Петербургъ, гдѣ и остался надолго, покинувъ службу и предавшись исключительно занятіямъ литературою. Здѣсь, въ 1855 г., Полонскій издалъ еще одно собраніе своихъ стихотвореній, въ которое вошло почти все напечатанное въ предшествующихъ сборникахъ. Здѣсь же Полонскій сблизился съ петербургскими литературными кружками и вошелъ въ дружескія отношенія съ Тургеневымъ, Майковымъ, Дружининымъ и другими выдающимися современными литераторами. Въ 1856 г. Полонскому, впервые, представился случай побывать за границей, и онъ, черезъ Варшаву, направился въ Германію и Швейцарію, затѣмъ жилъ долго въ Римѣ и Парижѣ. Возвратившись въ Петербургъ въ концѣ 1858 г., Полонскій сблизился съ кружкомъ графа Кушелева-Безбородко и былъ избранъ въ редакторы журнала „Русское Слово“, который издавался на средства графа. Оставаясь въ теченіе двухъ лѣтъ въ положеніи редактора, По-

А. А. Шеншинъ (Фетъ).

лонскій помѣстилъ въ журналѣ „Русское Слово“ цѣлый рядъ своихъ стихотвореній и прозаическихъ статей; но затѣмъ не поладилъ съ издателемъ, сталъ искать болѣе обезпеченнаго положенія, и въ 1860 году вновь поступилъ на службу въ комитетъ иностранной цензуры, гдѣ уже служилъ въ то время его другъ, А. Н. Майковъ, а предсѣдателемъ былъ маститый поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ.

Начиная съ 1860 года, въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, произведенія Полонскаго, крупныя и мелкія, стихотворныя и прозаическія [1]), печатались во всѣхъ журналахъ, и всюду принимались съ одинаковою готовностью дать имъ мѣсто, потому-что плодовитый и добродушный авторъ не имѣлъ литературныхъ враговъ и не принадлежалъ ни къ какой литературной партіи. И. С. Тургеневъ, который былъ съ нимъ очень друженъ, всегда журилъ его за излишнюю довѣрчивость къ людямъ и безпечность по отношенію къ своимъ дѣламъ; но онъ остался неисправимъ до конца жизни—какъ истый поэтъ и художникъ.

Въ своей поэзіи Я. П. Полонскій не проявилъ ни мощи духовной, ни крупнаго дарованія. Но онъ писалъ много, писалъ во всѣхъ родахъ и отличался удивительно-чуткою отзывчивостью на всѣ поэтическіе мотивы, которые въ то или другое время получали преобладаніе въ русской поэзіи его времени. Онъ никогда не бывалъ оригиналенъ въ своихъ поэтическихъ замыслахъ; но онъ очень удачно и вѣрно вторилъ другимъ поэтамъ, когда они задѣвали его за живое произведеніями своей музы. Такъ вторилъ онъ въ ранней юности Пушкину и Лермонтову, а вслѣдъ за ними нѣмецкимъ поэтамъ; такъ, позднѣе, онъ увлекся подражаніемъ народной, безыскусственной лирикѣ, въ одинъ ладъ съ Кольцовымъ и Никитинымъ; такъ, наконецъ, одно время онъ поддался вліянію поэзіи Некрасова и Плещеева, и лирика его обратилась къ тѣмъ самымъ мотивамъ, которые составляли главную сущность ихъ поэзіи.

Но это отсутствіе самостоятельности не отнимаетъ у весьма обильной лирики Я. П. Полонскаго ея несомнѣнныхъ достоинствъ: его стихотворенія прелестны по своей внѣшней формѣ, по мелодичности легкаго стиха, по граціозности содержанія и чрезвычайно-привлекательной задушевности... Изъ болѣе крупныхъ его произведеній, такихъ какъ *„Мими“*, *„Келіотъ“*, *„Разладъ“*, особенною извѣстностью пользуется шуточная поэма *„Кузнечикъ-Музыкантъ“*. Что же касается до лирики Полонскаго, то она, по чрезвычайной легкости стиха и доступности содержанія, перешла давно во всѣ народныя школьныя книжки и сборники пѣсенъ, и распѣвается

[1]) Кстати замѣтимъ, что прозаическія произведенія Я. П. Полонскаго—его разсказы и повѣсти далеко уступаютъ въ достоинствѣ его стихотвореніямъ.

во всѣхъ концахъ Россіи, наравнѣ съ настоящими произведеніями народной фантазіи.

Въ послѣднія 15—20 лѣтъ жизни, Полонскій очень любилъ собирать написанное имъ за нѣсколько лѣтъ въ особые сборники, подъ отдѣльными заглавіями, какъ напр., „*Снопы*“ (1871 г.) или „*Озими*“ (1876 г.). Наиболѣе полное изданіе всѣхъ сочиненій Полонскаго было напечатано къ его 50-ти лѣтнему юбилею, который былъ отпразднованъ въ 1887 году. Послѣ него, поэтъ, довольно серьезно прихварывая, прожилъ еще 11 лѣтъ, не выпуская пера изъ рукъ до послѣдней минуты (ум. въ 1898 г.).

А. Н. Майковъ, привѣтствуя своего друга Полонскаго въ день его юбилея, вспоминаетъ въ своемъ стихотвореніи, какъ полвѣка назадъ сошлись трое юношей съ разныхъ концовъ обширной Русской Земли, предаваясь своимъ мечтамъ о поэзіи, „какъ высшемъ жребіи человѣка“, соединились неразрывнымъ союзомъ дружбы, и добавляетъ: **А. А. Фетъ.**

«Тѣ трое были... Милый мой,
Ты понялъ? *Фетъ и мы съ тобой!*»

Упоминаемый здѣсь третій членъ неразрывнаго дружескаго союза былъ никто иной, какъ А. А. Шеншинъ, болѣе извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Фета.*

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ (род. 1820, ум. 1892) былъ сынъ весьма состоятельнаго помѣщика Орловской губерніи и по происхожденію принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи. Родиною его было сельцо Новоселки (Мценскаго уѣзда), родовое имѣніе его отца. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома, потомъ попалъ года на четыре въ одно изъ образцовыхъ воспитательныхъ заведеній Остзейскаго края; но, по счастью, ему удалось закончить среднее образованіе въ Москвѣ, въ приготовительномъ пансіонѣ М. П. Погодина. Отсюда онъ поступилъ въ Московскій университетъ, избравъ, вѣроятно по совѣту старшихъ, болѣе выгодный для будущей служебной карьеры юридическій факультетъ; но потомъ, по собственному призванію, перешелъ на факультетъ филологическій, по которому окончилъ курсъ весьма успѣшно въ 1844 г.

По выходѣ изъ университета, онъ заплатилъ дань своему времени, вступивъ въ военную службу (сначала въ Орденскій кирасирскій, а потомъ въ лейбъ-уланскій полкъ) и оставался въ ней до конца Восточной войны. По выходѣ въ отставку А. А. Шеншинъ женился и, начиная съ 1860 года, безвыѣздно поселился въ деревнѣ. Онъ жилъ сначала въ Орловской, а потомъ въ Курской губерніи, усердно занимаясь хозяйствомъ, служа по земскимъ учрежденіямъ и посвящая все свое свободное время на

занятія литературою, которая составляла для него необходимую потребность его внутренней жизни.

Первые стихотворные опыты свои Аѳанасій Аѳанасьевичъ напечаталъ еще будучи юношей (до поступленія въ университетъ), въ 1840 г., въ видѣ сборника, подъ общимъ заглавіемъ: „Лирическій Пантеонъ" [1]). Сборникъ стихотвореній юноши былъ замѣченъ:—его встрѣтили очень благосклонно въ публикѣ и въ журнальной критикѣ, потому что на немъ лежала печать несомнѣннаго таланта и оригинальности. Всѣ были поражены новизною и свѣжестью этой поэзіи, которая звучала какими-то новыми звуками:

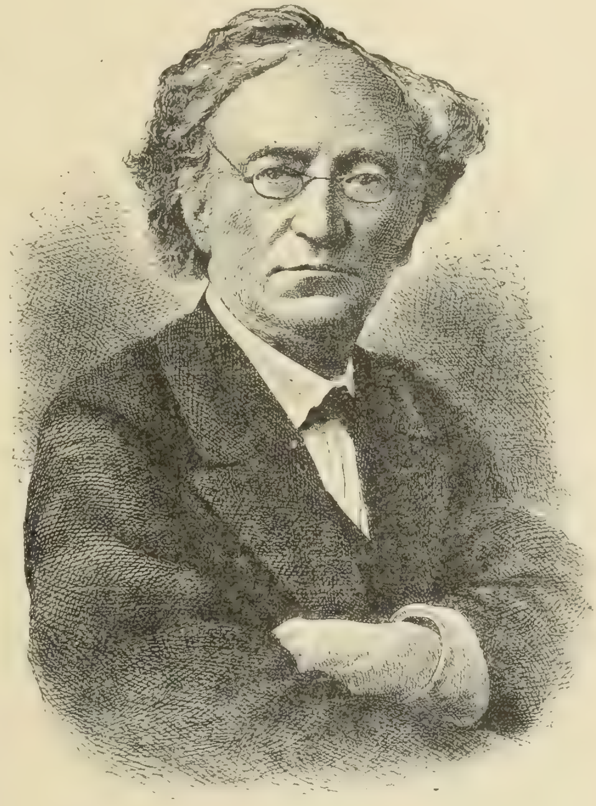
Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы —
И заря, заря!..

Ужъ верба, вся пушистая,
Раскинулась кругомъ;
Опять весна душистая
Повѣяла крыломъ.
Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И въ душу снова просятся
Плѣнительные сны... и т. д.

Дальновидный и тонкій М. П. Погодинъ, какъ издатель „Москвитянина" и вообще человѣкъ, обладавшій замѣчательнымъ умѣньемъ вербовать себѣ талантливыхъ сотрудниковъ, тотчасъ прибралъ къ рукамъ юношу-поэта. Первыя стихотворенія Фета, появившіяся послѣ его сборника, всѣ были напечатаны въ „Москвитянинѣ" Погодина, и только уже значительно позднѣе стали помѣщаться въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Современникѣ". Въ началѣ 1850 г., когда уже Аѳанасій Аѳанасьевичъ давно служилъ въ военной службѣ, вышелъ новый сборникъ всѣхъ его стихотвореній, разбросанныхъ по журналамъ; а въ 1863 г. стихотворенія А. Фета, изданныя Солдатенковымъ, составляли уже

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ были выставлены буквы А. Ф., т. е. Аѳанасій Фетъ. Поэтъ принялъ въ видѣ литературнаго псевдонима фамилію своей матери и впослѣдствіи пріобрѣлъ этому псевдониму такую громкую извѣстность, что настоящее имя поэта почти неизвѣстно большинству его почитателей.

два тома, и можно сказать, что это изданіе окончательно упрочило поэтическую извѣстность Аѳанасія Аѳанасьевича. Всѣхъ особенно поразила замѣчательная его способность передавать не только мысли, не только цѣльно-сложившіеся поэтическіе образы, но даже самыя легкія, самыя мимолетныя впечатлѣнія души, самые тонкіе оттѣнки чувства, самыя неуловимыя черты явленій окружающей насъ природы. Если одинъ изъ критиковъ справедливо назвалъ Майкова „поэтомъ мысли", по преимуществу, то, въ этомъ же смыслѣ, отличая талантъ Фета отъ таланта Майкова, Аѳанасія Аѳанасьевича слѣдовало бы назвать именно „поэтомъ впечатлѣній, ощущеній и звуковъ". При этомъ Фетъ сумѣлъ придать своимъ стихамъ какую-то особенную прелесть звучностью и мягкостью своего гибкаго поэтическаго языка и необыкновенною свободою поэтическаго выраженія. Иногда онъ сыплетъ словами, набрасываетъ ихъ почти безъ связи въ свои строки—и что же?.. изъ этихъ безпорядочно набросанныхъ словъ сама собою складывается передъ нами поэтическая картина; иногда, напротивъ того, простымъ повтореніемъ одного и того же слова, одного и того же звука, онъ достигаетъ такой гармоніи стиха, что въ немъ почти слышатся самые звуки наблюдаемой имъ природы...

Ѳ. И. Тютчевъ.

Но этою поэзіею „звуковъ и впечатлѣній" еще не исчерпывалась, однакоже, литературная дѣятельность Фета: — онъ оказался не только оригинальнымъ поэтомъ, но и превосходнымъ переводчикомъ, а потому весьма охотно посвящалъ свои досуги переводу классиковъ—и древнихъ, и новѣйшихъ. Такъ, въ теченіе 80-хъ годовъ, послѣ нѣкотораго перерыва въ поэтической производительности А. А. Шеншина, имъ были выпущены въ свѣтъ (кромѣ трехъ выпусковъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „*Вечерніе*

Огни") полный переводъ „*Фауста*" Гёте, полный переводъ твореній *Горація*, сатиръ *Ювенала*, стихотвореній *Катулла*, элегій *Тибулла* и *Проперція*, „*Превращеній*" *Овидія* и „*Энеиды*" *Виргилія*. Этотъ богатый вкладъ въ нашу переводную литературу классиковъ былъ плодомъ большого трудолюбія и усидчивости — качествъ, весьма рѣдкихъ среди поэтовъ—и это несомнѣнная, важная заслуга А. А. Шеншина.

Вообще говоря, этотъ поэтъ, даже въ тѣсномъ кругу своихъ сверстниковъ и современниковъ, представляетъ явленіе оригинальное по своей полной отрѣшенности отъ той современности, среди которой онъ жилъ, по своему полному отчужденію отъ тѣхъ вопросовъ, которые всѣхъ кругомъ волновали и тревожили. Кругомъ него шли споры, кипѣла борьба страстей, увлеченій, партій и мнѣній—а онъ, въ сторонѣ отъ большого свѣта, въ деревенской глуши и въ тиши своего кабинета пѣлъ свои пѣсни и пересаживалъ на нашу литературную почву излюбленныя имъ произведенія классиковъ древности и новѣйшаго времени.

— —

Въ нашей поэзіи существуетъ писатель, высоко-талантливый, обладавшій дивнымъ даромъ лирическаго творчества, въ высшей степени своеобразнаго, въ силѣ и красотѣ своего лиризма не уступающій Пушкину, головой стоящій выше всей его плеяды— и, тѣмъ не менѣе, прославившійся уже только въ старости, почти 40 лѣтъ спустя, послѣ перваго напечатаннаго имъ произведенія... Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ намъ только одного изъ русскихъ писателей — С. Т. Аксакова, который проявилъ свой истинный талантъ тоже только подъ старость; но С. Т. Аксаковъ все же участвовалъ, хотя и не весьма удачно, въ литературѣ въ молодые годы, а Тютчевъ молчалъ почти сорокъ лѣтъ, сознавая свой талантъ и не придавая ему, въ сущности, никакого значенія. Мы не знаемъ такихъ примѣровъ въ западно-европейскихъ литературахъ, и думаемъ, что они возможны только въ нашей литературной средѣ...

Ѳ. И. Тютчевъ.

Ѳеодоръ Ивановичъ Тютчевъ [1]) (р. 1803 г., ум. 1873 г.) принадлежалъ къ рѣдкимъ избранникамъ и баловнямъ счастья въ нашей литературной средѣ. По происхожденію своему онъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду [2]); по состоянію своему былъ вполнѣ независимымъ въ матеріальномъ отношеніи; по обширнымъ

[1]) Біографъ Тютчева замѣчаетъ, что нашъ поэтъ «родился въ одинъ годъ съ Языковымъ, пять лѣтъ спустя послѣ Дельвига, четыре — послѣ Пушкина, три послѣ Баратынскаго», слѣдовательно, могъ бы быть сверстникомъ нашего великаго поэта.

[2]) Предки Ѳ. И. упоминаются въ лѣтописяхъ нашихъ и при Дмитріи Донскомъ, и при Іоаннѣ III. Родился Ѳ. И. въ родовомъ Тютчевскомъ имѣніи, с. Овсегугъ (Орловской губ., Брянскаго у.).

связямъ и по личнымъ своимъ блестящимъ качествамъ, онъ смолоду занялъ превосходное положеніе служебное и общественное и большую часть своей жизни прожилъ спокойно, въ свое удовольствіе; подъ старость — въ довершеніе всего — удостоился вполнѣ заслуженной славы даровитаго и замѣчательнаго русскаго поэта — славы, за которою онъ никогда не гонялся!

Дѣтство Тютчева протекло въ Москвѣ и въ подмосковной Тютчевыхъ, а отчасти и въ ихъ Орловскомъ имѣніи, гдѣ, по замѣчанію біографа нашего поэта, „жили тѣмъ извѣстнымъ образомъ жизни, которымъ жилось тогда такъ привольно и мирно почти всему русскому зажиточному досужему дворянству, не принадлежавшему къ чиновной аристократіи и неозабоченному государственною службою". При этомъ, конечно, какъ водилось въ то время, въ домѣ господствовала французская рѣчь, обширная переписка съ родственниками и друзьями вся велась на французскомъ языкѣ, и между учителями и воспитателями преобладали французы. Только тогда, когда Ѳ. И. Тютчеву минуло 10 лѣтъ, къ нему былъ допущенъ въ воспитатели извѣстный литературный труженикъ, С. Е. Раичъ, переводчикъ Виргиліевыхъ „*Георгикъ*", Тассова „*Освобожденнаго Іерусалима*" и Аріостова „*Неистоваго Роланда*". Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что Раичъ оказалъ большое и весьма сильное вліяніе на нравственное и умственное развитіе своего чрезвычайно-способнаго ученика и внушилъ ему любовь къ русской словесности. Конечно, при его содѣйствіи Ѳ. М. Тютчевъ получилъ твердую основу въ знаніи древнихъ языковъ, ознакомился съ классиками и далъ первые опыты своего зарождающагося поэтическаго дарованія [1]).

Въ 1818 году Тютчевъ сталъ посѣщать лекціи въ университетѣ (въ сопровожденіи своего воспитателя) и уже въ 1821 г. на 18-мъ году возраста, сдалъ отлично экзаменъ на кандидата.

Безпечный юноша, вступая въ жизнь, еще и не думалъ о служебной карьерѣ, и только что отправился въ С.-Петербургъ для пріисканія службы, какъ уже вліятельные и знатные родичи подумали за него и доставили ему мѣсто при дипломатической миссіи въ Мюнхенѣ.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 22-хъ лѣтъ, Ѳ. И. Тютчевъ не возвращался въ Россію и бывалъ въ ней только наѣздомъ для свиданія съ родными. Сначала онъ служилъ въ Мюнхенѣ, потомъ былъ назначенъ старшимъ секретаремъ посольства въ Туринъ; но вышелъ въ отставку по нѣкоторымъ недоразумѣніямъ и жилъ опять въ Мюнхенѣ. И только уже въ 1844 году онъ окончательно

---

[1]) Будучи 14-лѣтнимъ мальчикомъ, Ѳ. И. весьма недурно перевелъ стихами одно изъ посланій Горація, за что и былъ признанъ «членомъ-сотрудникомъ Общества Любителей Россійской Словесности».

Автографъ Л. А. Мея. Изъ собранія рукописей П. Я. Дашкова.

вернулся въ Россію и безвыѣздно въ ней поселился. Время за границею онъ проводилъ не даромъ, и весь свой досугъ отдавалъ пополненію своего образованія, чтенію на всѣхъ доступныхъ ему европейскихъ языкахъ и сношеніямъ, личнымъ и письменнымъ, со всѣми выдающимися дѣятелями литературы и науки въ современной Европѣ. Такъ, напр., мы знаемъ о его знакомствѣ со старцемъ Гёте, о его дружественныхъ сношеніяхъ съ поэтомъ Гейне.

По возвращеніи въ Россію, недоразумѣнія, по которымъ Тютчевъ оставилъ службу въ Туринѣ, быстро уладились. Едва только онъ появился въ петербургскомъ высшемъ обществѣ, здѣсь тотчасъ оцѣнили его умъ, его таланты, его огромное образованіе и неисчерпаемую начитанность. „Тютчеву были возвращены", — говоритъ его біографъ, — „всѣ служебныя права и почетныя званія и повелѣно было состоять по особымъ порученіямъ при государственномъ канцлерѣ". Біографъ добавляетъ къ этому свѣдѣнію: „Передъ Тютчевымъ открылись настежь всѣ двери — и дворцовъ, и аристократическихъ салоновъ, и скромныхъ литературныхъ гостиныхъ: всѣ наперерывъ желали заполучить къ себѣ этого русскаго выходца изъ Европы". Всѣхъ поражало въ немъ въ особенности то, что онъ, проживъ 22 года за границей, дважды женатый на иностранкахъ, сумѣлъ сохранить на себѣ весь своеобразный складъ русскаго ума и характера, и, при всемъ уваженіи къ Европѣ — остался русскимъ и по сердцу, и по страстной, пламенной любви къ Россіи.

Л. А. Мей.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Россію, Тютчевъ былъ утвержденъ въ званіи предсѣдателя комитета иностранной цензуры и оставался на этомъ мѣстѣ до конца жизни.

Послѣ этого краткаго обзора біографическихъ данныхъ, любопытно заглянуть въ область поэтическаго творчества Ѳ. И. Тютчева. Первое стихотвореніе Тютчева появилось, какъ мы видѣли выше, въ 1818 г. (немного позже первыхъ печатныхъ стиховъ

Пушкина), въ Трудахъ Общ. Любителей Россійской Словесности. Послѣдующія, очень немногія произведенія—изрѣдка въ альманахахъ 20-хъ годовъ. Затѣмъ, по настоянію одного изъ своихъ мюнхенскихъ пріятелей, Тютчевъ послалъ Пушкину нѣсколько своихъ произведеній, и Пушкинъ напечаталъ ихъ въ своемъ „Современникѣ“ 1836 г. подъ общимъ заглавіемъ: „Стихотворенія, присланныя изъ Германіи“ — и за подписью Ѳ. Т. Эти стихотворенія обратили на себя общее вниманіе, но имя автора ихъ никому не было извѣстно до начала 50-хъ годовъ, когда, наконецъ, И. С. Тургеневъ уговорилъ Ѳ. И. Тютчева напечатать всѣ его стихотворенія. Безпечный и равнодушный къ своей славѣ поэтъ предоставилъ И. С. Тургеневу разобраться въ его поэтическомъ запасѣ [1]). По его же настоянію, поэтъ предложилъ редакторамъ „Современника“ (Панаеву и Некрасову) право напечатанія сборника его стиховъ, который вышелъ въ свѣтъ въ 1854 г. „Съ того времени“,—замѣчаетъ біографъ,—„положеніе Тютчева, какъ поэта, измѣнилось: къ нему обращались съ просьбою о сотрудничествѣ, и стихотворенія его стали появляться безъ большихъ перерывовъ, въ разныхъ современныхъ изданіяхъ“.

Сборникъ стихотвореній Тютчева былъ встрѣченъ всѣми съ восторгомъ и оцѣненъ по достоинству. Стихотворенія Тютчева читались и заучивались наизусть и пріобрѣли такую же извѣстность въ русскомъ обществѣ, какою нѣкогда пользовались только стихи Пушкина и Лермонтова. Такія пьесы, какъ: „*Конченъ пиръ, умолкли хоры*“, „*Не разсуждай, не хлопочи*...“, „*Слезы людскія*“, „*Пошли Господь свою отраду*“, „*Дума за думой*“, „*Эти бѣдныя селенья*“, „*Умомъ Россіи не понять*“—сразу высоко поставили имя Тютчева, какъ поэта, и сдѣлали его дорогимъ для каждаго русскаго! И. С. Аксаковъ, біографъ Тютчева, прекрасно опредѣлилъ достоинство его поэтическихъ произведеній:

„...Что особенно плѣняетъ въ поэзіи Тютчева,—это ея необыкновенная грація, не только внѣшняя, но еще болѣе внутренняя. Все жесткое, рѣзкое и яркое — чуждо его стихамъ; на всемъ художественная мѣра; все извнѣ и внутри, такъ сказать, обвѣяно изяществомъ. Самое вещество слова какъ бы теряетъ свою вещественность, какъ-то одухотворяется, становится прозрачнымъ. Мыслью и чувствомъ трепещетъ вся его поэзія! Его музыкальность не въ одномъ внѣшнемъ гармоническомъ сочетаніи звуковъ и риѳмъ, но еще болѣе—въ гармоническомъ соотвѣтствіи формы и содержанія“.

Всѣми любимый и уважаемый поэтъ, достигнувъ глубокой

[1]) При этомъ не мѣшаетъ припомнить, что мы лично отъ И. С. Тургенева слышали, будто самъ Тютчевъ не брался быть судьей при выборѣ его стиховъ: онъ не обладалъ въ этомъ отношеніи достаточнымъ чутьемъ.

старости, скончался 15-го іюля 1873 г., въ Царскомъ Селѣ, и погребенъ въ С.-Петербургѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Послѣ четырехъ маститыхъ поэтовъ, достигнувшихъ весьма преклоннаго возраста, не покидая литературнаго поприща, мы должны упомянуть еще о двухъ замѣчательно-талантливыхъ представителяхъ новаго періода нашей поэзіи: о Л. А. Меѣ и А. К. Толстомъ.

Первый изъ нихъ, какъ общимъ характеромъ своей поэзіи, такъ и внѣшнею, необычайно-красивою формою своихъ произведеній, и даже смѣлыми формами своей поэтической рѣчи, въ значительной степени напоминаетъ намъ талантливаго современника Пушкинской эпохи—Н. М. Языкова. Второй—по оригинальности и особому складу своего поэтическаго творчества — не имѣетъ себѣ предшественниковъ въ нашей поэзіи.

Л. А. Мей.

Біографія Мея очень небогата фактами и событіями. *Левъ Александровичъ Мей* (род. 1822 г., ум. 1862 г.) одинъ изъ талантливѣйшихъ и образованнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, родился въ Москвѣ. Отецъ его былъ обрусѣвшій чиновникъ изъ русскихъ нѣмцевъ; мать — урожденная Шлыкова — русская дворянка. Первоначальное образованіе Левъ Александровичъ получилъ въ московскомъ дворянскомъ институтѣ, въ которомъ учился настолько хорошо, что былъ переведенъ какъ „отличный ученикъ", въ Царскосельскій лицей (1835 г.) [1]. Поэтъ по натурѣ и по призванію, Мей не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о практической жизни, и потому, можетъ-быть, всю жизнь свою олицетворялъ собою типъ неудачника, несмотря на свои блестящія способности и обширное, разностороннее образованіе. Благодаря именно этой непрактичности, Мей, по выходѣ изъ лицея, долгое время оставался мелкимъ чиновникомъ въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора; а потомъ вдругъ вздумалъ, безъ всякой предварительной подготовки, приняться за педагогическую службу и принялъ мѣсто инспектора во 2-й московской гимназіи. Само собою разумѣется, что онъ не могъ поладить съ суровыми нравами и обычаями казенной педагогіи, и, послѣ нѣкоторой борьбы, поспѣшилъ покинуть службу съ тѣмъ, чтобы никогда больше къ ней не возвращаться... Вскорѣ послѣ того, онъ оставилъ Москву и перебрался въ Петербургъ, думая посвятить себя всецѣло литературѣ.

Нельзя не замѣтить, что въ то горячее время сильно возбужденнаго въ обществѣ литературнаго движенія, въ тотъ періодъ быстраго возрастанія и оживленія нашей журналистики, неисто-

---

[1]) Продолжая и здѣсь прекрасно учиться, Мей, однакоже, не слишкомъ ладилъ съ лицейскими порядками, и это отчасти было причиною того, что онъ былъ выпущенъ изъ лицея въ 1841 г. не 9-мъ, а 10-мъ классомъ.

щимо-талантливый Мей могъ возлагать большія надежды на свою литературную дѣятельность. Проявлять свои поэтическія способности началъ онъ уже гораздо ранѣе своего переселенія въ С.-Петербургъ. Еще на лицейской скамьѣ онъ писалъ уже весьма не дурные и красивые стихи, и нѣкоторыя изъ стихотвореній того школьнаго періода были даже отданы имъ въ печать. Затѣмъ, во время службы въ Москвѣ, онъ сошелся съ новой редакціей „Москвитянина“ и даже подпалъ до нѣкоторой степени вліянію славянофиловъ. Въ „Москвитянинѣ“ помѣстилъ онъ, между прочимъ, свое прекрасное переложеніе „*Слово о Полку Игоревѣ*“ и свою историческую драму „*Царская невѣста*“ (1849). Съ того же времени, когда Мей переѣхалъ на житье въ Петербургъ, онъ сошелся съ кружкомъ графа Кушелева-Безбородко, очаровалъ въ немъ всѣхъ своимъ веселымъ нравомъ и необычайною талантливостью, и его произведенія стали непрерывно появляться во всѣхъ петербургскихъ большихъ журналахъ, сборникахъ и повременныхъ изданіяхъ. Мей высказалъ здѣсь все разнообразіе и всю силу своего таланта и какъ замѣчательный поэтъ, и какъ превосходный переводчикъ. Отлично зная древніе классическіе языки и древне-еврейскій, онъ знакомъ былъ въ то же время съ четырьмя новѣйшими языками и съ польскимъ: при знаніи языковъ онъ основательно изучилъ и литературы этихъ языковъ, и потому, съ одинаковымъ вкусомъ и умѣньемъ, выбиралъ лучшіе образцы для переводовъ своихъ изъ Ѳеокрита и Анакреона, изъ Байрона и Шекспира, изъ Мицкевича и Залѣсскаго. Работая чрезвычайно много и быстро, Мей, конечно, не успѣвалъ придавать тщательную отдѣлку каждому изъ своихъ произведеній; но среди множества написанныхъ имъ стихотвореній есть вещи весьма замѣчательныя и такія, которыя никогда не утратятъ своего вы-

Графъ А. К. Толстой.

Посадникъ.

Государь Подвойскій!
Дай знать кончанскимъ старостамъ, что я
Прошу ихъ всѣхъ пожаловать, приказъ
По городу услышать, да всѣмъ
Чтобъ бирючи по улицамъ кричали.
Боярину-де Чермному дана
Отъ вѣча власть на жизнь и смерть, а онъ
Смерть положилъ отъ нынѣшняго дня
Всѣмъ, кто ему нарушитъ послушанье.
Коль дѣломъ кто, иль словомъ прекословитъ —
Хватать строптивыхъ!

Боярыня.

Отчасу не легче!
Съ которыхъ поръ въ Новѣгородѣ слово
Твое не вольно? Не въ Иродъ-ли царя
Ты Чермнаго поставилъ?

Посадникъ (къ Подвойскому.)

Сей ночью
Бѣжалъ одинъ изъ плѣнниковъ. Повѣстить
По всѣмъ концамъ, чтобъ, во что-бъ ни стало,
Его нашли.

Боярыня.

Да долго-ли ты будешь
Еще свои приказы раздавать?
Я все ему толкую, онъ-же словно
Меня и нѣтъ!

Посадникъ (отпустивъ Подвойскаго.)

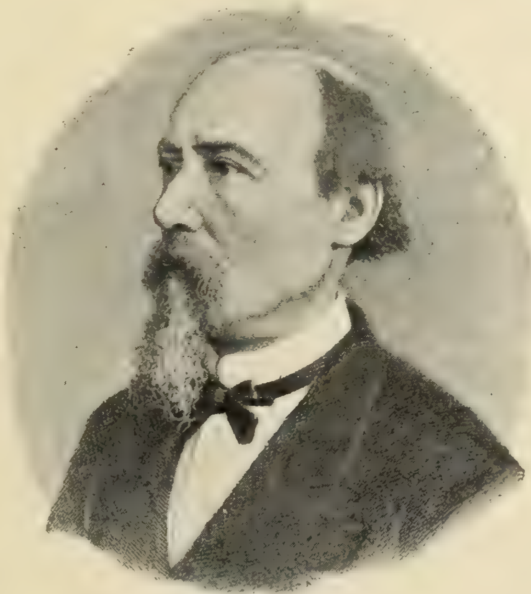
Что, матушка, тебѣ
Угодно отъ меня?

Боярыня.

Ушамъ не вѣрю!
На жизнь и смерть судить насъ будетъ Чермный!

Автографъ графа А. К. Толстого. Страница изъ черновой рукописи «Посадникъ». Изъ собранія П. Я. Дашкова.

сокаго эстетическаго достоинства. Особенно хороши всѣ переложенія Мея изъ Библіи (главнымъ образомъ, изъ книги „Пѣсни Пѣсней"), которую онъ превосходно зналъ, и всѣ произведенія, заимствованныя изъ нашей русской старины, которую Левъ Александровичъ постоянно изучалъ со страстью и умѣлъ вѣрно понимать, даже угадывать. Первое мѣсто въ ряду подобныхъ произведеній занимаетъ, безспорно, „*Псковитянка*" Мея — драма въ стихахъ, заимствованная изъ псковской вѣчевой жизни и изъ народныхъ сказаній объ Іоаннѣ Грозномъ. Вслѣдъ за нею заслуживаютъ упоминанія и другіе пересказы древне-русскихъ преданій, напр.: „*Пѣсня про боярина Евпатія Коловрата*", „*Пѣсня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую*", „*Спаситель*", „*Александръ Невскій*" и „*Преданіе—отчего перевелис витязи на Святой Руси*".

Н. А. Некрасовъ.

Къ сожалѣнію, слишкомъ усиленная и напряженная литературная дѣятельность, вызываемая постоянною нуждою, а съ друой стороны — слабость воли, побуждавшая поэта предаваться нѣкоторымъ излишествамъ—все это быстро истощило здоровье и силы Льва Александровича, который не прожилъ въ Петербургѣ и десяти лѣтъ:— онъ скончался 16-го мая 1862 года на сорокъ первомъ году жизни. Смерть застала его за работою надъ однимъ изъ его произведеній, которое онъ диктовалъ уже больной, лежа въ постели.

Серьезнымъ и важнымъ соперникомъ Мея, въ обработкѣ поэтическихъ сюжетовъ, заимствованныхъ изъ древне-русскихъ сказаній и историческихъ матерьяловъ, явился его современникъ графъ А. К. Толстой, человѣкъ высокообразованный и страстно преданный поэзіи, передъ которою онъ глубоко преклонялся и благоговѣлъ... Служенію горячо-любимой имъ поэзіи онъ предпочелъ всѣ остальныя земныя блага, обладанія которыми ему было такъ легко достигнуть. Для ознакомленія съ его біографіею мы имѣемъ готовый прекрасный матерьялъ въ оставленной имъ автобіографической запискѣ. А. К. Толстой.

Графъ *Алексѣй Константиновичъ Толстой* сообщаетъ намъ о себѣ слѣдующія подробности въ этой запискѣ:

„Я родился въ Петербургѣ въ 1817 году, 24 августа: но еще шести недѣль былъ увезенъ въ Малороссію матерью моею и моимъ дядею со стороны матери, Алексѣемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, извѣстнымъ въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ *Антона Погорѣльскаго* [1]).

„Онъ меня воспиталъ, и первые годы мои протекли въ его имѣніи, почему я и смотрю на Малороссію, какъ на мою истинную родину. Мое дѣтство было чрезвычайно счастливо и оставило во мнѣ одни свѣтлыя воспоминанія.

„Бывъ единственнымъ сыномъ, безъ товарищей игръ и одаренный весьма пылкимъ воображеніемъ, я очень рано привыкъ къ мечтательности, которая вскорѣ превратилась въ склонность къ поэзіи... Восьми или девяти лѣтъ я поѣхалъ съ моими родными въ Петербургъ, гдѣ и былъ представленъ Цесаревичу (впослѣдствіи Императору Александру II) и допущенъ въ кругъ дѣтей, составлявшихъ его воскресное общество. Съ того времени благосклонность Его ко мнѣ никогда не оставляла меня".

Вскорѣ послѣ того начались годы нескончаемыхъ странствованій по Россіи и за границей, съ матерью и дядей, и продолжались до 17-ти-лѣтняго возраста [2]). Но А. К. Толстой болѣе всего любилъ тѣ рѣдкіе періоды временного пребыванія въ деревнѣ, которые его возвращали къ воспоминаніямъ дѣтства, проведеннаго на милой родинѣ.

„По смерти дяди, назначившаго меня своимъ наслѣдникомъ, я былъ, въ 1836 г., по желанію матери, причисленъ къ русской миссіи при германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ; позднѣе я перешелъ во II Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи, редактирующее законы. Въ 1855 г. (во время Крымской кампаніи) я пошелъ въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ Императорской фамиліи, съ цѣлью принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; но нашъ полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и дошелъ только до Одессы, гдѣ мы потеряли болѣе 1,000 человѣкъ отъ тифа, которымъ заболѣлъ и я. Императоръ Александръ II, во время коронаціи въ Москвѣ, изволилъ назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ какъ я никогда не готовилъ себя для военнаго дѣла и намѣревался оставить службу вслѣдъ за окончаніемъ войны, то я и представилъ скоро

---

[1]) А. Погорѣльскій былъ авторомъ извѣстнаго въ 30-хъ годахъ романа «Монастырка».

[2]) «Въ одно изъ нашихъ пребываній въ Веймарѣ, дядя взялъ меня къ Гете... Отъ этого посѣщенія у меня сохранились въ памяти величественныя черты Гете, и то, что я у него сидѣлъ на колѣняхъ».

мои сомнѣнія Его Величеству, и Государь Императоръ принялъ мою просьбу съ обычною Ему благосклонностью и назначилъ меня егермейстеромъ своего Двора".

Далѣе графъ-поэтъ сообщаетъ намъ краткія свѣдѣнія о началѣ своей литературной дѣятельности.

...„Съ шестилѣтняго возраста началъ я марать бумагу и писать стихи, — говоритъ далѣе графъ А. К. Толстой въ той же „Запискѣ": — но въ печати я появился только въ 1842 г., когда я дебютировалъ не стихами, а нѣсколькими разсказами въ прозѣ. Въ 1855 г. [1]) я отдалъ въ первый разъ мои лирическія и эпическія стихотворенія въ разные журналы, а позднѣе я помѣщалъ ихъ ежегодно въ „Вѣстникѣ Европы" или въ „Русскомъ Вѣстникѣ".

Въ концѣ 50-хъ годовъ имя графа А. К. Толстого пріобрѣло большую извѣстность и популярность въ нашей литературѣ и журналистикѣ, благодаря его прекраснымъ лирическимъ и антологическимъ стихотвореніямъ и въ особенности такимъ подражаніямъ старинной русской пѣснѣ, какъ стихотвореніе „*Сnѣсь*" или пѣсня: „*Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала*". За этими лирическими пьесами слѣдовали болѣе крупныя эпическія произведенія („*Грѣшница*", „*Іоаннъ Дамаскинъ*") и цѣлый рядъ историческихъ балладъ: („*Василій Шибановъ*", „*Старицкій воевода,*" „*Михайло Репнинъ*"). Въ 1861 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ" былъ помѣщенъ весьма замѣчательный историческій романъ А. К. Толстого: „*Князь Серебряный*" (изъ временъ Іоанна Грознаго), выдержавшій не одно изданіе. Изъ той же самой эпохи, вскорѣ послѣ того, поэтъ заимствовалъ сюжеты драматической трилогіи, въ составъ которой вошли три трагедіи: „*Смерть Іоанна Грознаго*", „*Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ*" и „*Царь Борисъ*". Только первая изъ этихъ трагедій (напечатанная въ 1866 году) была поставлена на сцену; обѣ остальныя, по разнымъ причинамъ, не были допущены къ представленію. По личному убѣжденію автора, вторая трагедія этой трилогіи была лучшимъ произведеніемъ „изо всего, что было имъ написано въ стихахъ и прозѣ". Убѣжденіе это вполнѣ оправдалось тѣмъ неслыханнымъ успѣхомъ, который эта трагедія имѣла въ новѣйшее время, когда она была поставлена на сценѣ литературно-художественнаго кружка и выдержала въ одинъ сезонъ болѣе сотни представленій.

Въ 1867 г. вышелъ второй сборникъ лирическихъ произведеній графа А. К. Толстого, съ извѣстнымъ посвященіемъ государынѣ императрицѣ Маріи Александровнѣ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ А. К. Толстой преимущественно

[1]) Авторъ «Записки» ошибается: уже въ III книжкѣ «Современника» за 1854 годъ были помѣщены 6 его прекрасныхъ стихотвореній.

Автографъ Н. А. Некрасова. Письмо къ В. Р. Зотову. Изъ собранія С. Н. Шубинскаго.

обратился къ изученію нашей народной эпической поэзіи и создалъ совершенно новый поэтическій родъ: „*былинъ*“, въ которомъ проявилъ всю силу и художественность своего дарованія.

Послѣдніе два года своей жизни поэтъ провелъ въ пере-

ѣздахъ по различнымъ минеральнымъ водамъ Германіи, гдѣ искалъ исцѣленія своего недуга. Убѣдившись въ безполезности своихъ странствованій, графъ А. К. Толстой вернулся въ Россію и пріѣхалъ прямо въ свое любимое черниговское имѣнье „Красный Рогъ“ (близъ города Почепа); здѣсь онъ скончался 28 сентября 1875 г. Здѣсь же и погребенъ.

Надгробный памятникъ Н. А. Некрасову на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря въ С.-Петербургѣ.

И. С. Тургеневъ, въ своемъ воспоминаніи объ А. К. Толстомъ, говоритъ о немъ, какъ о поэтѣ, съ глубокимъ сочувствіемъ:

„Положеніе Толстого въ обществѣ,—замѣчаетъ Тургеневъ:— и его связи открывали ему широкій путь ко всему тому, что такъ цѣнится большинствомъ людей; но онъ остался вѣренъ сво-

ему призванію—поэзіи, литературѣ: онъ и не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, чѣмъ создала его природа; но онъ имѣлъ всѣ качества, свойства, весь пошибъ литератора, въ лучшемъ значеніи этого слова".

Періодъ реформъ, глубоко-всколыхнувшій русское общество, вызвалъ и въ поэзіи, и въ беллетристикѣ новое направленіе, порицавшее, осмѣивавшее и отрицавшее многія стороны русской жизни, какъ она сложилась въ дореформенную эпоху: явились иныя, новыя поэтическія силы, въ поэзіи раздались новые звуки и „муза мести и печали" стала преобладать... Первое мѣсто въ числѣ новыхъ поэтовъ, несомнѣнно, принадлежитъ Некрасову.

Н. А. Некрасовъ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ род. въ 1821 г. 22 ноября, въ Подольской губ., гдѣ стоялъ его отецъ со своимъ полкомъ. Судя по нѣкоторымъ стихотвореніямъ автобіографическаго характера, напр.: „*Родина*", поэма „*Несчастные*" и проч., дѣтство Некрасова было очень печально. Началомъ умственнаго развитія Некрасовъ былъ обязанъ матери. Съ семилѣтняго возраста онъ началъ писать стихи. Отъ матери онъ перешелъ къ учителямъ-семинаристамъ, а въ 1832 г. былъ отданъ въ Ярославскую гимназію. Но мальчикъ былъ безъ всякаго присмотра, и ученье шло такъ плохо, что въ теченіе 6-ти лѣтъ съ трудомъ дотянулъ онъ до пятаго класса и затѣмъ принужденъ былъ выйти изъ гимназіи, прогнѣвивъ начальство сатирическими стихами. Тогда отецъ послалъ его въ Петербургъ оканчивать ученье въ Дворянскомъ полку. По прибытіи въ Петербургъ Некрасовъ явился, куда слѣдуетъ, съ рекомендательными письмами, и дѣло было почти рѣшено. Но случайно онъ встрѣтился со студентами, бывшими его товарищами по гимназіи, и тѣ уговорили его поступить въ университетъ. Отецъ Некрасова, узнавши объ этомъ, воспылалъ такимъ гнѣвомъ, что прервалъ съ сыномъ всѣ сношенія, и 16-лѣтній мальчикъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни. Пріемнаго экзамена онъ не выдержалъ, и поступилъ на филологическій факультетъ вольнослушателемъ.

Въ университетѣ Некрасовъ слушалъ лекціи съ 1839 по 1841 г. Матерьяльное положеніе во все это время было самое отчаянное. Дѣло дошло до голоднаго тифа, до ночлега у нищихъ, въ трущобѣ на окраинѣ города. Лишь съ 1840 г. положеніе Некрасова нѣсколько улучшилось: онъ нашелъ уроки въ одномъ изъ приготовительныхъ пансіоновъ, нашелъ и различныя литературныя работы (онъ самъ говорилъ, что написалъ въ своей жизни до 300 печатныхъ листовъ прозы). Кто-то помогъ ему даже издать первый сборникъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Мечты и звуки". Книга не пошла, встрѣтила неблагосклонный отзывъ Бѣлинскаго, и впослѣдствіи Некрасовъ самъ скупалъ и истреблялъ ея экземпляры.

Съ 1841 по 1845 г. наступаетъ важнѣйшій періодъ въ жизни Некрасова—полнаго и окончательнаго сформированія и умственныхъ, и нравственныхъ силъ его. Въ это время завязываетъ онъ литературныя знакомства съ Григоровичемъ, Панаевымъ, Тургеневымъ, а главнымъ образомъ съ Бѣлинскимъ, которому Некрасовъ обязанъ былъ и умственнымъ развитіемъ, и направленіемъ всей дальнѣйшей литературной дѣятельности.

Послѣ изданія ряда сборниковъ, каковы были „Статейки въ стихахъ безъ картинокъ“ (1843), „Физіологія Петербурга“ (1845), „Первое апрѣля“ (1846), „Петербургскій сборникъ“ (1846), Некрасовъ, въ компаніи съ И. Панаевымъ, купилъ право на пушкинскій „Современникъ“ и началъ издавать его съ 1-го января 1847 г. подъ своею редакціей.

Журнальную дѣятельность Некрасова можно раздѣлить на три періода: первый—отъ 1847 по 1855 г.—представляется тяжелой эпохой въ жизни Некрасова. Бѣлинскій умеръ; наступили годы реакціи; журналъ едва влачилъ свое существованіе. Къ тому же Некрасовъ тяжко заболѣлъ, и доктора признали у него горловую чахотку. Но вотъ кончилась крымская война; повѣяло новымъ духомъ; „Современникъ“ ожилъ; чахотка же оказалась ложною тревогою: болѣе правильные діагнозъ и лѣченіе ея быстро возстановили здоровье Некрасова.

Затѣмъ начался второй періодъ журнальной дѣятельности Некрасова — наибольшаго развитія силъ и дѣятельности поэта. Подъ вліяніемъ движенія 60-хъ годовъ и новыхъ сотрудниковъ „Современника“—и умственный, и нравственный горизонты Некрасова значительно раздвинулись. Прежніе идеалы оттѣснились новыми, и это просвѣтленіе отразилось и на творчествѣ поэта. Все лучшее и наиболѣе сильное написано было имъ въ это время: „*Размышленія у парадняго подъѣзда*“, „*Морозъ Красный носъ*“, „*Коробейники*“, „*Крестьянскія дѣти*“, „*Желѣзная дорога*“ и пр.

Третій періодъ журнальной дѣятельности Некрасова начинается послѣ прекращенія „Современника“, — съ 1868 г., когда Некрасовъ сталъ во главѣ принятыхъ имъ отъ Краевскаго въ аренду „Отечественныхъ Записокъ“, и періодъ этотъ длился до его смерти.

Въ первую половину 70-хъ годовъ Некрасовъ былъ все такъ же дѣятеленъ и бодръ духомъ; талантъ его стоялъ на той же высотѣ, и творчество его ознаменовалось рядомъ произведеній, не уступающихъ прежнимъ, каковы: „*Русскія женщины*“, „*Кому на Руси жить хорошо*“ и пр.; но мало-по-малу физическія силы начали измѣнять ему; онъ замѣтно старѣлъ, хирѣлъ, наконецъ началъ и прихварывать. Въ началѣ 1875 года появились первые признаки болѣзни, сведшей Некрасова въ могилу. Острыя стра-

данія усиливались въ теченіе года болѣе и болѣе и, наконецъ, пришлось слечь въ постель. Болѣзнь длилась затѣмъ весь 1877 годъ, сопровождаясь невыносимыми муками. 27 декабря 1877 г. его не стало.

На Некрасова до сихъ поръ смотрятъ, какъ на поэта тенденціознаго въ духѣ радикальныхъ идей, господствовавшихъ въ тѣхъ литературныхъ кружкахъ, которые группировались вокругъ издаваемыхъ имъ журналовъ. Но это большое заблужденіе. Стоитъ взять всѣ стихотворенія Некрасова во всемъ ихъ пестромъ разнообразіи, чтобы убѣдиться, что въ лицѣ Некрасова передъ нами поэтъ-лирикъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, который пѣлъ безхитростно, повинуясь творческой фантазіи или накипѣвшему чувству, мало заботясь о томъ, въ какой степени стихотворенія выйдутъ содержательными и какое произведутъ впечатлѣніе. Сегодня его поразили размышленія у параднаго подъѣзда,—онъ пишетъ сатиру, исполненную гражданской скорби; а завтра онъ способенъ тѣмъ же перомъ разсказывать о томъ, какъ „долго не сдавалась Любушка-сосѣдка". Сегодня, подъ гнетомъ столичной суеты, онъ передаетъ скорбныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ ненастнаго осенняго дня, а завтра, подъ обаяніемъ сельскаго приволья, разражается трогательною буколическою идилліею о крестьянскихъ дѣтяхъ, о дядѣ Мазаѣ съ зайцами или о впечатлѣніяхъ, навѣянныхъ ветхою, полуразрушенною сельскою церковью. Можно положительно сказать, что вся русская жизнь отразилась въ стихотвореніяхъ Некрасова во всемъ разнообразіи ея проявленій, начиная великосвѣтскими салонами и клубами и кончая чердакомъ интеллигентнаго труженика или подваломъ мастерового, начиная барскою усадьбою и кончая полуразвалившеюся хатою бабушки Ненилы. При такомъ разнородномъ содержаніи произведеній, Некрасовъ является отнюдь не пѣвцомъ одного сословія, партіи, кружка, а отражаетъ въ своей поэзіи думы цѣлаго вѣка родной земли, слезы всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Въ этомъ заключается причина популярности Некрасова не только среди людей одного съ нимъ лагеря, но и въ массѣ грамотнаго люда, чуждаго всякихъ партійныхъ увлеченій.

Ко всему этому надо добавить, что лирика Некрасова принадлежитъ къ двумъ эпохамъ, которыя въ равной степени отразились въ стихотвореніяхъ его: эпоха 40-хъ годовъ и 60-хъ. Сравнивая стихотворенія 40-хъ и 50-хъ годовъ съ стихотвореніями 60-хъ и 70-хъ, вы словно имѣете дѣло не съ однимъ, а съ двумя разными поэтами, которые, при взаимномъ тѣсномъ соприкосновеніи, представляютъ значительную разновидность, порою даже и полное противорѣчіе. Такъ, въ стихотвореніяхъ 40-хъ и 50-хъ годовъ выражается вполнѣ рефлективный

Мороз Красный нос

I

~~Смерть мужика~~ Смерть крестьянина.

Часть первая.

I

Савраска увяз в половине сугроба —
Две пары промерзлых лаптей,
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать...

II

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета
Избушка в деревне стоит.

В избушке — теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;

Автографъ Н. А. Некрасова. Двѣ страницы изъ черновой рукописи поэмы «Морозъ-Красный носъ». Хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

Шумит его тугие двери,
Томительно рыдает Дарья.

Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

(См. вставку А и Б.

~~III~~ [6] VI.

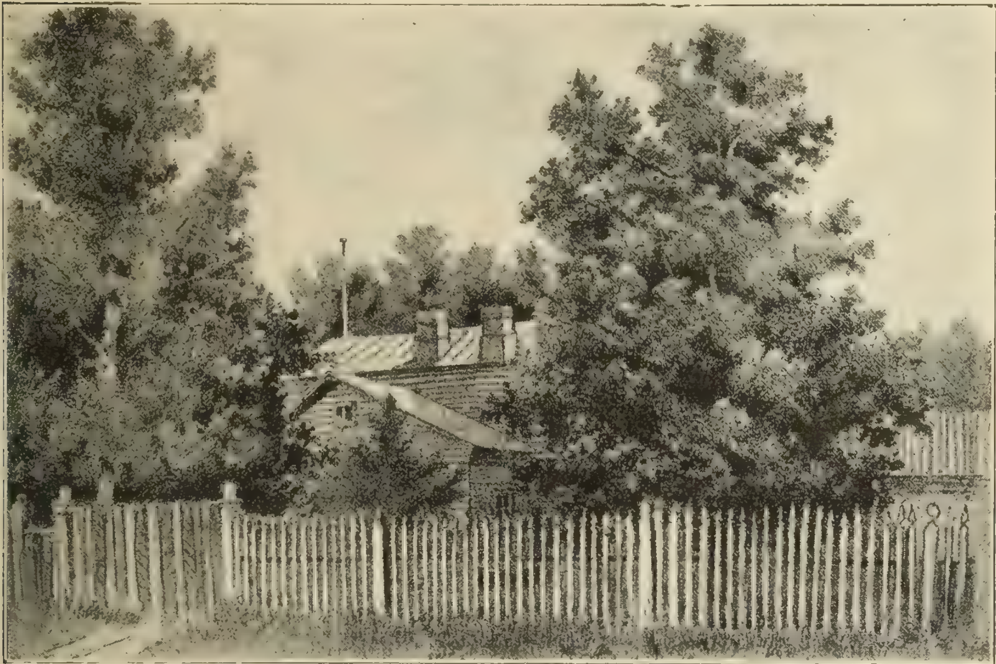
В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветром шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;
Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна:

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В ~~кучах~~ снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом.

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.

духъ той эпохи. Некрасовъ является въ нихъ мрачнымъ пессимистомъ, и муза его, дѣйствительно — *муза мести и печали*, какъ онъ самъ ее опредѣлилъ. Бичуя общественные пороки, поэтъ ни въ чемъ не находитъ утѣшенія; печально глядитъ онъ на свое поколѣніе, замѣчая въ немъ полный разладъ словъ и дѣлъ: однѣ радужныя мечты при полномъ безсиліи къ осуществленію ихъ.

Совсѣмъ инымъ духомъ вѣетъ на насъ отъ стихотвореній Некрасова 60-хъ и 70-хъ годовъ. Здѣсь и слѣда уже не найдется унылаго пессимизма. Напротивъ того, Некрасовъ является въ нихъ

Сельско-хозяйственная и ремесленная школа въ усадьбѣ Некрасова, при дер. Чудовская Лука (Новгородской губ. и уѣзда).

очень часто горячимъ энтузіастомъ, исполненнымъ ободряющей вѣры въ могучія силы народа и въ неизбѣжность побѣды свѣта надъ тьмою и правды надъ кривдою. Тому же новому духу слѣдуетъ приписать особенное свойство лирики Некрасова, на которое мало обращала вниманія критика при жизни поэта: ни одинъ изъ современныхъ русскихъ поэтовъ не обращалъ такъ часто вниманія на свѣтлыя стороны нашей жизни, ни одинъ не изобразилъ такъ много положительныхъ, идеальныхъ типовъ, съ такимъ чисто-шиллеровскимъ энтузіазмомъ, какъ Некрасовъ. Онъ находилъ ихъ всюду, во всѣхъ слояхъ общества.

Такъ на самомъ верху общественной іерархіи, въ великосвѣтской средѣ, рисуются княгини Т—ая и В—ская, съ ихъ мужьями-страдальцами. Въ этихъ доблестныхъ фигурахъ, испол-

ненныхъ граціозно-нѣжной любви и гордаго непоколебимаго самоотверженія, открывается передъ нами словно античный классическій міръ величаваго героизма. Идя затѣмъ далѣе по нисходящей линіи общественной іерархіи, мы видимъ рядъ тихихъ и скромныхъ тружениковъ русской мысли, мужественно и неустанно борющихся съ тьмою невѣжества и сходящихъ въ преждевременныя могилы, оплакиваемыхъ небольшою горстью друзей, которые одни лишь понимали, чего лишается Россія въ этихъ подвижникахъ и дѣятеляхъ своего времени. Таковы были: Бѣлинскій, Вл. Милютинъ, Добролюбовъ, Писаревъ—всѣхъ ихъ воспѣлъ Некрасовъ въ восторженныхъ гимнахъ. Но наиболѣе свѣтлые и положительные типы находилъ Некрасовъ въ народной средѣ; передъ нами проходитъ рядъ людей благодушныхъ, любвеобильныхъ, исполненныхъ могучей удали, но чуждыхъ гордой кичливости въ сознаніи своихъ богатыхъ силъ, добродушно-смиренныхъ въ рѣдкихъ удачахъ и терпѣливо-кроткихъ въ неисходномъ горѣ.

Въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ народу, мы видимъ тѣхъ же двухъ различныхъ поэтовъ. Болѣе раннія изъ нихъ исполнены рефлективнаго духа 40-хъ годовъ. Отношеніе Некрасова къ народу въ нихъ, при всей гуманности и горячемъ участіи къ народнымъ бѣдствіямъ, въ то же время пессимистически-отрицательное. Поэтъ смотритъ на народъ съ интеллигентнаго высока, представляя его подавленнымъ, забитымъ, обнищалымъ и въ то же время полудикимъ, исполненнымъ суевѣрій, бредущимъ по житейской дорогѣ „въ безразсвѣтной глубокой ночи, безъ понятія о правѣ, о Богѣ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи". Вы жалѣете вмѣстѣ съ поэтомъ народъ, оплакиваете его въ жалкихъ и убогихъ тетушкахъ Ненилахъ, Ванькахъ, топящихъ въ винѣ свои буйныя страсти и горе, ямщикахъ, насильно пожененныхъ на барышняхъ-крестьянкахъ и бьющихъ ихъ подъ пьяную руку; но тщетно стали бы вы искать чего-либо свѣтлаго, положительнаго, отраднаго. Лиризмъ въ такихъ стихотвореніяхъ является выраженіемъ не столько чувствъ, переживаемыхъ выводимыми лицами, сколько скорбнаго чувства самого поэта. Таковы стихотворенія: „*Въ дорогѣ*", „*Тройка*", „*Извозчикъ*", „*На улицѣ*", „*Вино*", „*Такъ, служба*", „*Забытая деревня*", „*Деревенскія новости*", „*На полѣ*" и др.

Но рядомъ съ подобными стихотвореніями, найдутся другія, совсѣмъ иного рода, въ которыхъ поэтъ совершенно отрѣшается отъ себя; его *я* исчезаетъ, сливается съ выводимыми на сцену личностями, словно самъ народъ устами поэта выражаетъ завѣтныя думы и чувства. Самый стихъ поэта принимаетъ характеръ народныхъ пѣсенъ, а языкъ преисполненъ той богатой пластич-

ности, образности, игривости и мѣткости, какія свойственны нашей народной рѣчи. Таковы: „*Морозъ Красный носъ*“, „*Коробейники*“, „*Кому на Руси жить хорошо*“, „*Сторона наша убогая*“, „*Пахарь*“, „*Съ работы*“, „*Пѣсни*“ и пр. Въ подобныхъ произведеніяхъ вы не найдете и тѣни чего-либо отрицательнаго, пессимистическаго. Напротивъ того, народъ рисуется здѣсь могучимъ богатыремъ, который самымъ своимъ непреклоннымъ терпѣніемъ въ многовѣковыхъ страданіяхъ возбуждаетъ въ поэтѣ восторженное обаяніе и ободряющую вѣру въ его великое будущее.

Другой поэтъ-народникъ, *Иванъ Савичъ Никитинъ* род. въ Воронежѣ, 21 сент. 1824 г. Отецъ его изъ духовныхъ переписался въ мѣщане и занялся торговлею. 8-ми лѣтъ Никитинъ былъ отданъ въ духовное училище, а въ 1841 г. поступилъ въ семинарію. Но въ 1843 г. Никитину пришлось выйти изъ семинаріи, такъ какъ мать у него умерла, а отецъ разорился и спился. Пришлось возиться съ отцомъ и дворничать на постояломъ дворѣ, доходами съ него прокармливая себя и отца. Появленіе въ „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1853 г. стихотворенія его „Русь“ обратило на него вниманіе воронежской интеллигенціи—Второва, Де-Пуле, Александрова-Дольника и др., которые до самой смерти поэта принимали въ немъ горячее участіе, не переставая помогать ему совѣтами и хлопотами по устройству матерьяльнаго положенія. Въ 1856 г. вышло въ свѣтъ первое изданіе его стихотвореній и имѣло такой успѣхъ,что въ 1859 г. потребовалось второе изданіе. И. С. Никитинъ.

Въ послѣдніе годы жизни Никитину удалось настолько улучшить свое матерьяльное положеніе, что у него скопился капиталецъ до двухъ тысячъ рублей, и на эти деньги, при содѣйствіи друзей, онъ открылъ въ Воронежѣ книжный магазинъ. Но предшествовавшія лишенія и невзгоды такъ расшатали его здоровье, что 16 октября 1861 г. онъ умеръ на 37-мъ году отъ рожденія.

Несмотря на то, что Никитинъ не былъ вполнѣ оригиналенъ, и въ произведеніяхъ его постоянно слышались мотивы то Кольцова, то Некрасова, то Тютчева, то Фета, это не мѣшало ему быть вовсе не простымъ подражателемъ, но самобытнымъ поэтомъ; нѣкоторыя произведенія его возвышаются до первостепеннаго совершенства и не даромъ помѣщаются въ хрестоматіяхъ на ряду съ высокими образцами русской поэзіи.

Стихотворенія Никитина можно раздѣлить на два разряда. Въ однихъ онъ подчинялся господствовавшей въ 50-е годы школѣ поэтовъ чистаго искусства. Въ стихотвореніяхъ подобнаго рода мы видимъ преобладаніе одной изъ наиболѣе существенныхъ особенностей его таланта: страсти изображать картины природы родного края. По яркости колорита, по теплотѣ и поэтичности ри-

сунка, по детальности, эти картины отличаются первостепеннымъ мастерствомъ и производятъ чарующее впечатлѣніе. Такія вещи, какъ — *„Утро“*, *„Гнѣздо ласточки“*, *„Встрѣча зимы“*, *„Зимняя ночь въ деревнѣ“*, *„19 Октября“*, *„Разсыпались звѣзды“*, *„Вырыта заступомъ яма глубокая“*—конечно, извѣстны всѣмъ и каждому.

Ко второму разряду принадлежатъ стихотворенія изъ народнаго быта въ Кольцовскомъ стилѣ. Въ нихъ нѣтъ той страстности и широкаго размаха, какими отличается муза Кольцова; они полны тихой меланхоліи, переходящей въ надрывающую грусть, даже въ унылое угнетенное настроеніе души. Но въ нихъ болѣе сознательнаго отношенія къ условіямъ народной жизни, чѣмъ у Кольцова. Эпоха успѣла наложить свою печать на поэта: онъ является пѣвцомъ преимущественно народнаго бездолья, защитникомъ всѣхъ страждущихъ и гибнущихъ подъ гнетомъ нужды, невѣжества и самодурства. Лучшими произведеніями его въ этомъ родѣ являются: *„Пахарь“*, *„Соха“*, *„Жена ямщика“*, *„Ночлегъ извозчиковъ“*, *„Пѣсня бобыля“*, *„Наслѣдство“* и пр. Самая же крупная вещь — поэма „Кулакъ“,—мрачная драма изъ жизни воронежскихъ мѣщанъ, основанная на вѣчномъ, излюбленномъ и пожалуй избитомъ россійскомъ сюжетѣ семейнаго самодурства—выдачѣ замужъ за немилаго старика изъ-за корыстныхъ расчетовъ. Лучшими мѣстами въ поэмѣ являются опять-таки картины природы и вообще вся описательная часть. Въ цѣломъ — поэма страдаетъ растянутостью и неуклюжестью.

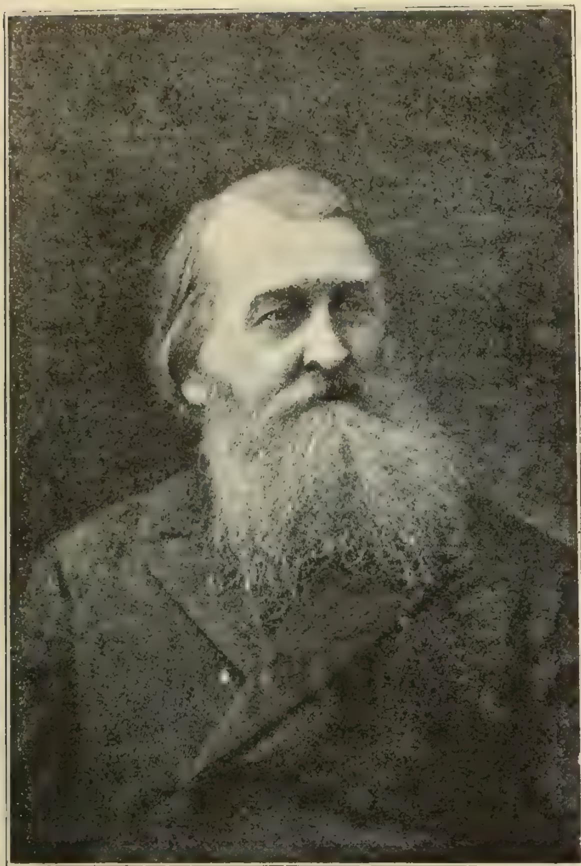

И. С. Никитинъ.

А. Н. Плещеевъ.

Къ той же многочисленнной плеядѣ скорбныхъ поэтовъ принадлежитъ *Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ*. Онъ род. 22 ноября 1825 г., въ Костромѣ, въ старинной дворянской семьѣ. Дѣтство провелъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ служилъ отецъ. Въ 1838 г. онъ былъ отправленъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, откуда вскорѣ поступилъ въ университетъ, но и здѣсь курса не кончилъ.

Восемнадцати лѣтъ уже Плещеевъ выступилъ въ свѣтъ съ

А. Н. Плещеевъ.

переводомъ Рюккертовской „*Пѣсни странника*“, напечатаннымъ въ „Современникѣ“ 1843 года. Затѣмъ стихотворенія его начали появляться и въ другихъ журналахъ; а въ 1846 году вышло первое изданіе его стихотвореній. Плещеевъ въ это время вращался въ передовыхъ кружкахъ и принималъ участіе въ движеніи петрашевцевъ. Но дорого стоило ему это участіе! Въ началѣ 1849 г. онъ былъ арестованъ, заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, и по рѣшенію военнаго суда приговоренъ, вмѣстѣ съ другими двадцатью лицами,

Я радъ тому, [illegible] промолчали, [illegible]
[illegible] не придаю [illegible] значенія, [illegible],
[illegible]
[illegible]
[illegible]!
Полагаюсь на Вашу старую дружбу,
и прошу Васъ вѣрить моему искреннему
уваженію —
Преданный Вамъ
А. Плещеевъ

Автографъ А. Н. Плещеева. Изъ собранія С. Н. Шубинскаго.

къ разстрѣлянію; но по Высочайшей волѣ приговоръ былъ смягченъ и Плещеева назначили рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Лишь въ 1857 г. были возвращены ему права дворянства и дозволено жить въ столицѣ. Плещеевъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и жилъ до 1872 года, а затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вошелъ въ составъ кружка „Отечественныхъ Записокъ“ и до самаго закрытія журнала въ 1884 году завѣдывалъ въ немъ стихотворнымъ отдѣломъ. Затѣмъ онъ примкнулъ къ редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“. Въ 1886 г. былъ торжественно отпразднованъ сорокалѣтній юбилей его дѣятельности, послѣ чего маститый поэтъ не переставалъ работать съ прежнею энергіею и бодростью. Лишь въ послѣдніе три года жизни силы начали измѣнять труженику. По счастію внезапно полученное милліонное наслѣдство помогло ему окончить жизнь свою не въ такой нуждѣ, въ какой оканчиваютъ ее литературные труженики, лишенные возможности работать. 26 сентября 1893 года онъ умеръ въ Парижѣ отъ апоплексическаго удара.

Поэтическая дѣятельность Плещеева рѣзко распадается на два періода, раздѣляемые ссылкою. До ссылки, когда молодой еще поэтъ вращался въ передовыхъ кружкахъ Петербурга, онъ былъ преисполненъ самыхъ свѣтлыхъ и радужныхъ надеждъ; все окружающее настраивало его на воинственный ладъ, и это настроеніе отражалось въ его поэзіи. Такъ въ своихъ стихотвореніяхъ, завидя „зарю святого искупленья“, онъ призывалъ друзей своихъ взяться за руки и смѣло двинуться „впередъ, безъ страха и сомнѣнья, на подвигъ доблестный“, чтобы подъ знаменемъ науки союзъ ихъ крѣпнулъ и росъ, и при этомъ гордо, смѣло онъ объявлялъ, что „они будутъ глаголомъ истины карать жрецовъ грѣха и лжи, и разбудятъ спящихъ отъ сна“.

Въ стихотвореніяхъ, которыя Плещеевъ писалъ послѣ ссылки, не видимъ уже и слѣда подобныхъ юношескихъ порывовъ и радужныхъ мечтаній. Годы изгнанія и тяжкой неволи надломили юныя силы и наложили на Музу поэта мрачную печать тоски, унынія, разочарованія. Сознаніе безплодности жизни, мучительные укоры совѣсти, при видѣ своей слабости, малодушія и постыдной пассивности,—таковы были мотивы пѣсенъ Плещеева по возвращеніи изъ ссылки. Не малое значеніе имѣетъ Плещеевъ какъ прекрасный переводчикъ. Лучшіе его переводы: „Вильямъ Радклифъ“ Гейне, „Работница“ Шевченка (1860), рядъ переводовъ изъ Ленау, Гервега, Роберта Прутца и др. нѣмецкихъ поэтовъ (1861), „Магдалина“, драма Геббеля въ четырехъ дѣйствіяхъ (1861), „Струэнзе“—трагедія Михаила Бэра въ пяти дѣйствіяхъ (1876)

и пр. Вторилъ Плещеевъ порою и Некрасовской музѣ, пытаясь пробуждать въ русской публикѣ сочувствіе и состраданіе къ горю русскаго народа, къ скорбной участи униженныхъ и обездоленныхъ. Но не въ этомъ во всемъ наибольшая сила его музы, а именно въ тѣхъ субъективно-лирическихъ мотивахъ, въ которыхъ вылилось личное горе его скорбной жизни, — мотивахъ, которые поэту удалось настолько обобщить, что они служили въ свое время выраженіемъ горя всѣхъ интеллигентныхъ людей его времени.

Рядомъ съ Плещеевымъ нельзя не вспомнить Курочкина и Минаева—двухъ поэтовъ-сатириковъ.

В. С. Курочкинъ родился 28 іюня 1831 года въ Петербургѣ. В. С. Курочкинъ.
Призваніе къ литературѣ у него обнаружилось въ 10 лѣтъ; онъ тогда уже писалъ комедіи въ стихахъ. Въ 1841 году Курочкинъ былъ опредѣленъ въ 1-й кадетскій корпусъ; въ 1846 году былъ переведенъ въ Дворянскій полкъ, а въ 1848 году былъ выпущенъ въ Гренадерскій полкъ. Но на военной службѣ онъ пробылъ не болѣе трехъ лѣтъ, проведя при этомъ годъ на гауптвахтѣ и мѣсяцъ въ крѣпости по приговору военнаго суда за самовольное оставленіе части.

Съ половины 1854 г. стихотворенія Курочкина стали появляться въ разныхъ газетахъ; извѣстность же онъ пріобрѣлъ лишь съ появленія первыхъ переводовъ изъ Беранже. По сродству ли характера и духа съ знаменитымъ французскимъ поэтомъ, или же по чуткости и богатству таланта, Курочкинъ словно воплотился въ Беранже и сдѣлалъ его какъ бы русскимъ народнымъ поэтомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что изданіе переводовъ Беранже Курочкина выдержало въ теченіе 6 лѣтъ 5 изданій.

Наклонность къ сатирѣ побудила Курочкина, въ эпоху реформъ и общаго стремленія къ обличительной гласности, предпринять изданіе сатирическаго листка, что и было имъ исполнено въ сообществѣ съ извѣстнымъ карикатуристомъ Н. С. Степановымъ. 1 января 1859 г. былъ выпущенъ 1-й нумеръ „Искры“, которая имѣла такой блестящій успѣхъ, что не прошло двухъ лѣтъ, какъ она уже стала во главѣ наиболѣе распространенныхъ органовъ въ Россіи: число подписчиковъ ея доходило до 10,000! „Искра“ сдѣлалась грозою для всѣхъ, у кого была нечиста совѣсть, и выраженія „попасть въ „Искру“, „упечь въ „Искру“— были самыми обыденными въ то время. При этомъ самыя талантливыя, остроумныя и безпощадно-злыя статьи и стихотворенія въ газетѣ принадлежали самому издателю, который трудился неутомимо, писалъ куплеты, пародіи, передовыя и обличительныя статьи, изобрѣталъ карикатуры для исполненія художниками. Его дѣятельность поистинѣ была изумительна.

Въ началѣ 1864 г. Курочкинъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ

„Искры“ въ единственномъ числѣ. Но изданіе, подымавшее на смѣхъ всѣхъ и каждаго, не могло долго просуществовать. Едва начался отливъ движенія 60-хъ годовъ, понесъ онъ по своему обратному теченію и злосчастную „Искру“; уже среди 60-хъ годовъ она начала слабѣть, хилѣть, блѣднѣть; тонъ ея спадалъ; вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшался интересъ къ ней публики, уменьшалось и число подписчиковъ. Съ перерывами, зависѣвшими отъ денежныхъ, цензурныхъ и прочихъ затрудненій, при содѣйствіи различныхъ и притомъ весьма ненадежныхъ издателей, „Искра“ едва могла просуществовать до 1873 г.

В. С. Курочкинъ.

Положеніе Курочкина, по прекращеніи „Искры“, было поистинѣ трагическое. Оставшись безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ принужденъ былъ пресмыкаться по чужимъ редакціямъ, подчиняясь изъза куска хлѣба чуждымъ условіямъ и требованіямъ. При такихъ обстоятельствахъ онъ не могъ протянуть болѣе двухъ лѣтъ, замѣтно хирѣлъ, и въ глазахъ его очень часто горѣлъ огонь мрачнаго отчаянія. 15 августа 1875 г. его не стало.

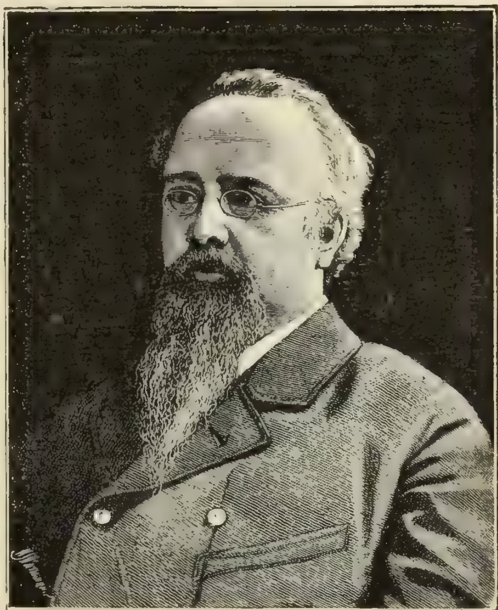
Кромѣ 100 слишкомъ пѣсенъ Беранже, своеобразно пересозданныхъ Курочкинымъ, онъ переводилъ Мольера („Мизантропъ“), Вольтера („Макаръ и Телема“), Альфреда-де-Виньи („Смерть волка“ и „Гнѣвъ Самсона“), Альфреда-де-Мюссе („Ночи“, „Ива“, „Пѣснь Фортуніо“), Виктора Гюго („Грозный годъ“ и др.), Барбье („Бэдламъ“, „Всемірная сила“ и др.), Грессе („Попугай“), Гюст. Надо, Борнса, Шиллера и пр. Очень удачны были также его передѣлки для русской сцены модныхъ въ то время оперетокъ.

Д. Д. Минаевъ.

По таланту къ Курочкину былъ очень близокъ другой его современникъ, Минаевъ. *Д. Д. Минаевъ* род. 21 окт. 1835 г. въ Симбирскѣ. Отецъ его былъ тоже поэтъ, извѣстный переводчикъ „Слова о полку Игоря“. Минаевъ учился въ Дворянскомъ полку, затѣмъ служилъ въ Симбирской казенной палатѣ и въ Петербургѣ—по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Выйдя въ 1857 г. въ отставку, онъ посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности.

Съ 1858 г. стихи его начали появляться во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ, особенно въ „Искрѣ", гдѣ онъ подвизался подъ псевдонимами: „Обличительный поэтъ", „Темный человѣкъ", „Маіоръ Бурбоновъ", „Дм. Свіяжскій", „Литературное Домино" и пр. Съ 1860 г. онъ много переводилъ съ французскаго и даже съ англійскаго (поэмы Байрона: „Донъ-Жуанъ", „Чайльдъ-Гарольдъ", „Беппо", „Манфредъ" и „Кинъ"); но такъ какъ онъ зналъ языки плохо и переводилъ на стихи подстрочные переводы другихъ лицъ, то переводы его не отличаются близостью къ подлинникамъ и вѣрностью ихъ.

Это былъ талантъ не столько поэтическій, сколько стихотворный въ спеціальномъ смыслѣ этого слова. Стихомъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, и даръ стихосложенія доходилъ у него до импровизаціи, причемъ онъ прославился богатѣйшими риѳмами, которыми онъ приводилъ въ изумленіе своихъ современниковъ: не было такого слова и сочетанія звуковъ въ русскомъ языкѣ, къ которымъ онъ не подбиралъ бы созвучія. Произведенія его мало-мальски серьезнаго содержанія не отличаются ни глубиною, ни силою (напр., удостоившаяся уваровской преміи комедія „Спѣтая пѣсня"); но зато въ шуточныхъ стихотвореніяхъ, пародіяхъ, эпиграмахъ онъ былъ неподражаемъ по остроумію, легкому, поверхностному, но зато очень мѣткому. Умеръ онъ 10 іюня 1889 года.

Д. Д. Минаевъ.

Совсѣмъ инымъ характеромъ, иными стремленіями и побужденіями отличается поэзія другого недавно-угасшаго поэта—С. Я. Надсона.

Семенъ Яковлевичъ Надсонъ род. 14 дек. 1862 г. Отецъ его, даровитый музыкантъ, умеръ отъ психической болѣзни, когда сыну было всего два года. Мать, изъ дворянской семьи Мамонтовыхъ, принуждена была содержать дѣтей своимъ личнымъ трудомъ. Затѣмъ, вторично выйдя замужъ и потерявши второго мужа, она умерла въ чахоткѣ, еще въ молодыхъ лѣтахъ. Все это не могло благопріятно вліять на дѣтство и воспитаніе Надсона. Сначала опредѣлили его въ 1-ю с.-петербургскую гимназію; потомъ пере-

вели въ кіевскую; наконецъ во 2-ю военную гимназію. По окончаніи же курса онъ поступилъ въ Павловское военное училище, и въ сентябрѣ 1882 г. былъ произведенъ въ офицеры и назначенъ въ Каспійскій полкъ, стоявшій въ Кронштадтѣ. Стихи онъ началъ писать еще въ дѣтствѣ; въ 1878 году появилось въ печати первое его стихотвореніе „На зарѣ“ (въ „Свѣтѣ“). Во время пребыванія въ Павловскомъ военномъ училищѣ онъ уже писалъ и печаталъ много въ „Мысли“, въ „Словѣ“, въ „Русской Рѣчи“, въ „Устояхъ“, а затѣмъ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“,

Покорнѣйше прошу редакцію „Иллюстраціи“ принять для напечатанія прилагаемую сцену изъ Фауста (Марло, Англійскаго писателя XVI столѣтія). Если же, по какимъ бы то ни было причинамъ, — переводъ мой окажется неудобнымъ къ помѣщенію во Иллюстраціи, то покорнѣйше прошу упомянуть объ этомъ въ одномъ изъ номеровъ ея (отд. корреспонденціи) для того, чтобы я могъ обратиться въ другой журналъ.

Д. Минаевъ

Автографъ Д. И. Минаева.

мало-по-малу пріобрѣтая извѣстность. Къ сожалѣнію, въ организмѣ его съ дѣтства уже таился наслѣдственный недугъ въ видѣ предрасположенія къ чахоткѣ. Условія училищной жизни, лагери, маневры могли лишь содѣйствовать его развитію. Такъ, поступивши въ Павловское училище, на первомъ же ученіи онъ схватилъ острый катарръ праваго легкаго, долго лежалъ въ лазаретѣ, затѣмъ его отправили на казенный счетъ на Кавказъ, въ Тифлисъ, гдѣ онъ почти годъ прожилъ у родственниковъ. По окончаніи училища, болѣзнь съ каждымъ годомъ начала болѣе и болѣе заявлять о себѣ. Онъ долженъ былъ, конечно, ужъ бросить военную службу, ѣхать за границу лѣчиться на средства Литературнаго фонда и друзей филантроповъ. Послѣдніе годы жизни онъ медленно угасалъ, лѣчась и живя то за границей, то въ Крыму, то

въ Подольской губерніи у одного знакомаго. Наконецъ, 19-го января 1887 г. его не стало: онъ умеръ въ Ялтѣ и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Въ продолженіе 13-ти лѣтъ со смерти Надсона сочиненія его, завѣщанныя имъ Литературному фонду, выдержали 18 изданій и до сихъ поръ расходятся съ неимовѣрною быстротою. Подобный успѣхъ представляется какъ нельзя болѣе естественнымъ и заслуженнымъ. Прежде всего привлекаетъ къ Надсону читателей прекрасный образъ поэта,—гармоническое сочетаніе въ столь рано угасшемъ юношѣ-страдальцѣ физической красоты съ идеальнымъ душевнымъ совершенствомъ, прозрачно-яснымъ, кроткимъ духомъ, чуждымъ фальши, суетности, тщеславія, рисовки и тому подобныхъ человѣческихъ слабостей.

Но не одна идеально-поэтическая красота личности Надсона привлекаетъ къ нему многочисленныхъ почитателей его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чаруетъ своимъ звучнымъ, легкимъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, музыкальнымъ стихомъ, изящною прелестью и граціозностью поэтическихъ образовъ и неподдѣльно-искреннею задушевностью лиризма. Вы не встрѣтите въ этомъ лиризмѣ мужественно - страстныхъ, энергическихъ звуковъ; преисполненный тихой, мечтательной грусти, онъ напоминаетъ намъ не столько борца, пылающаго местью и гнѣвомъ, сколько неутѣшно плачущую преждевременно-увядшую красавицу; но это усугубляетъ его очарованіе. И вотъ этимъ-то своимъ музыкальнымъ стихомъ, этими нѣжными слезами своего женственнаго лиризма Надсонъ глубоко проникаетъ въ сердца читателей, задѣвая сокровенныя и завѣтныя струны ихъ, вторя ихъ настроенію, то скорбя о настоящемъ безвременьѣ, то утѣшая свѣтлымъ будущимъ, ободряя не унывать и отважно стремиться впередъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

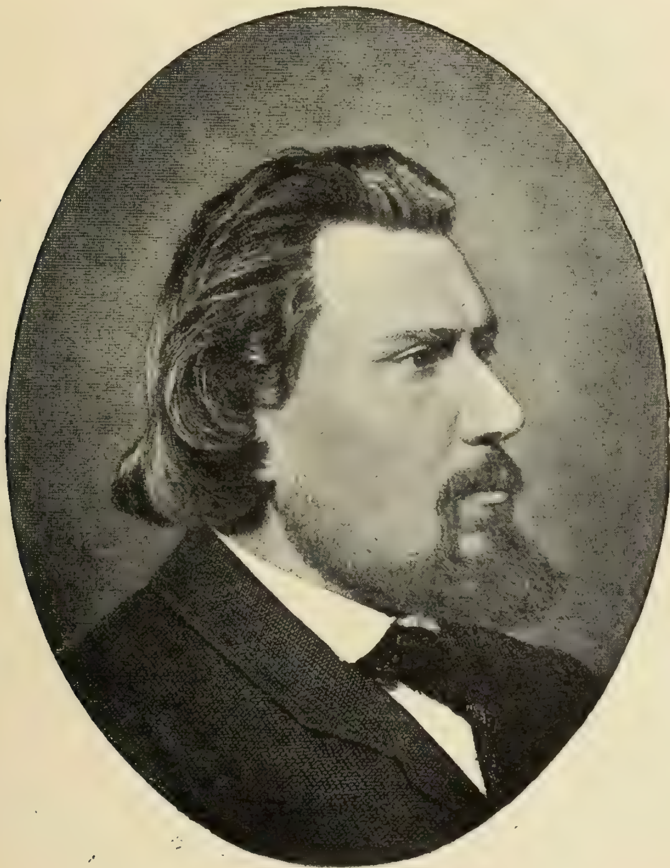
Консервативная беллетристика. — Важнѣйшіе ея дѣятели: Лѣсковъ, Клюшниковъ, В. В. Крестовскій, Б. Маркевичъ.

Консервативная беллетристика появилась въ 1862 г., какъ одинъ изъ симптомовъ реакціи, возникшей послѣ всякихъ внутреннихъ неурядицъ и подъ впечатлѣніемъ польскаго возстанія. Починъ ея принадлежитъ плеядѣ беллетристовъ 40-хъ годовъ— Тургеневу съ его „Отцами и Дѣтьми", Писемскому съ его „Взбаломученнымъ моремъ", Достоевскому съ его „Бѣсами" и Гончарову съ его „Обрывомъ". Отчасти подъ обаяніемъ этихъ литературныхъ корифеевъ, отчасти подъ вліяніемъ съ каждымъ годомъ возраставшей въ обществѣ реакціи, образовалась цѣлая особая школа беллетристики, не замедлившей выработать свои особенные шаблоны.

Н. С. Лѣсковъ. Однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ представителей этой беллетристической школы является *Николай Семеновичъ Лѣсковъ*, извѣстный также въ публикѣ подъ псевдонимомъ „М. Стебницкаго". Онъ родился въ дворянской семьѣ 4 февраля 1831 г. въ селѣ Гороховѣ, Орловской губерніи и уѣзда. Дѣтство провелъ въ богатомъ домѣ дяди. Воспитаніе получилъ въ орловской гимназіи. Оставшись въ 16 лѣтъ круглымъ сиротою безъ всякихъ средствъ, онъ принужденъ былъ пропитываться тяжкимъ трудомъ на государственной и частной службѣ. Въ 1860 году выступилъ онъ на литературное поприще и быстро пріобрѣлъ извѣстность. Сначала вращался онъ въ передовыхъ и либеральныхъ кружкахъ; но нѣсколько неосторожныхъ и безтактныхъ словъ по случаю петербургскихъ пожаровъ въ фельетонѣ, въ „Сѣверной Пчелѣ", подняли страшную бурю въ то горячее и тревожное время. Вся пресса накинулась на Лѣскова; имя его сдѣлалось чуть не граннымъ. Это такъ потрясло и ожесточило его, что онъ сразу покончилъ съ лѣвымъ лагеремъ, перешелъ въ правый и первымъ результатомъ озлобленія былъ романъ „*Некуда*" (1865 г.).

Самое заглавіе романа показываетъ на полное разочарованіе всѣмъ совершившимся въ то время движеніемъ: если все старое никуда не годится, а новое несостоятельно, то понятно, что лучшимъ людямъ дѣться *некуда*. На первый планъ выдвигаются въ романѣ два идеальные типа: Райнеръ и Лиза Бахарева. Воодушевленный смертію отца, разстрѣляннаго швейцарскаго революціонера, и разочаровавшійся въ Европѣ, Райнеръ ѣдетъ въ Рос-

сію, предполагая найти въ ней самородный соціализмъ, коренящійся на народной почвѣ, но находитъ и здѣсь только ярыхъ нигилистовъ. Въ отчаяніи кидается онъ въ польское возстаніе и кончаетъ жизнь плѣномъ и разстрѣляніемъ. Съ своей стороны, Лиза Бахарева, непонятая и угнетенная въ семейной жизни, ищетъ выхода изъ нея въ современномъ движеніи, бросается въ толпу тѣхъ же коварныхъ нигилистовъ, но, разочаровавшись въ нихъ, не знаетъ куда приклонить голову—находитъ, что дѣться *некуда*,

Н. С. Лѣсковъ.

томится жаждою труда, не зная, за что приняться, пока зрѣлище смерти Райнера не потрясаетъ ея души, и тогда, поверженная на смертный одръ, она умираетъ въ кругу друзей, оплакавшихъ въ ней несчастную жертву современнаго движенія.

Но не въ одной этой фабулѣ заключается интересъ романа. Главное достоинство его состоитъ въ томъ, что Лѣсковъ вывелъ въ немъ рядъ характерныхъ дѣятелей, участвовавшихъ въ движеніи того времени. Многія заблужденія, распространенныя въ то время въ взволнованномъ обществѣ, опровергнуты Лѣсковымъ

весьма энергично. Все это придаетъ роману нѣкоторое значеніе и достоинство, хотя онъ возбудилъ въ тогдашнихъ радикальныхъ кружкахъ негодованіе. Порицанія, которыя встрѣтилъ романъ въ прессѣ, не смутили Лѣскова. Онъ написалъ рядъ смѣлыхъ беллетристическихъ и публицистическихъ статей, очерковъ, повѣстей, воспоминаній, характеристикъ, обличавшихъ легкомысліе радикальныхъ кружковъ. Наконецъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ появился его романъ „На ножахъ". Въ романѣ этомъ самъ авторъ увлекается въ большія крайности. Но самая идея затѣянной имъ борьбы свидѣтельствуетъ объ умѣ смѣломъ и независимомъ.

Но литературная дѣятельность Лѣскова, какъ всѣмъ извѣстно, не ограничивается этими романами. Онъ написалъ массу повѣстей и разсказовъ, чуждыхъ политической тенденціи, и въ этихъ произведеніяхъ обнаружилъ и талантъ, и разностороннее знаніе русской жизни. Большую сенсацію возбудили вышедшіе въ свѣтъ въ началѣ 80-хъ годовъ „*Мелочи архіерейской жизни*",—рядъ картинъ, рисующихъ нѣкоторыя стороны быта нашей высшей духовной іерархіи.

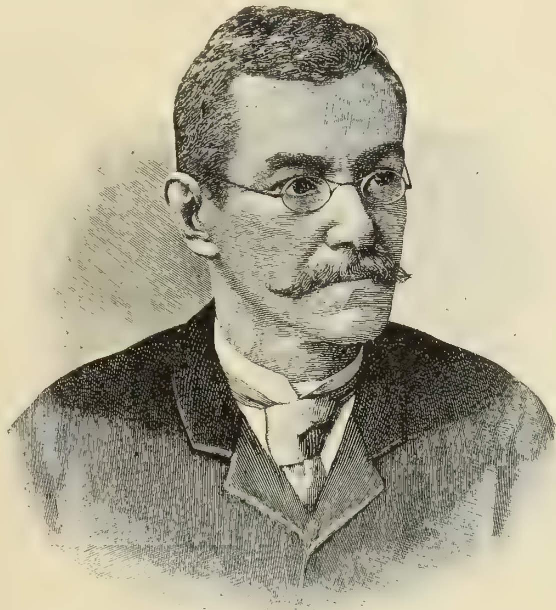
Въ послѣдніе годы жизни Лѣсковъ писалъ произведенія, чуждыя опредѣленныхъ политическихъ тенденцій, и оставался на нейтральной почвѣ исторической и бытовой беллетристики. Между прочимъ онъ пристрастился къ прологамъ и почерпалъ изъ нихъ сюжеты, которые обрабатывалъ въ архаическомъ стилѣ, стараясь подражать языку и манерѣ этой повѣствовательной литературы первыхъ вѣковъ христіанства. Умеръ онъ 21 февраля 1895 года.

В. П. Клюшниковъ.

Викторъ Петровичъ Клюшниковъ, родомъ изъ дворянъ, род. 10 марта 1841 г. въ Смоленской губерніи, въ Гжатскомъ уѣздѣ. Дѣтство провелъ въ Москвѣ. Воспитывался первоначально въ частномъ пансіонѣ, затѣмъ въ 4-й московской гимназіи; въ 1861 же году кончилъ курсъ со степенью кандидата на естественномъ факультетѣ московскаго университета. Большое вліяніе на его развитіе имѣлъ дядя его, И. П. Клюшниковъ, извѣстный поэтъ 40-хъ годовъ. Въ 1864 году былъ напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" первый романъ его: „*Марево*", обратившій на него вниманіе публики и доставившій автору извѣстность. Въ 1866 г. напечатанъ былъ въ „Литературной Библіотекѣ" второй романъ его: „*Большіе корабли*", но прошелъ почти незамѣченнымъ и въ публикѣ, и въ печати. Конецъ жизни его былъ почти исключительно посвященъ редакторскому дѣлу, преимущественно въ „Нивѣ", гдѣ онъ былъ отвѣтственнымъ редакторомъ съ 1870 по 1876 г. и затѣмъ съ 1887 до самой своей смерти, послѣдовавшей 7 ноября 1892 года.

Въ произведеніяхъ Клюшникова отразилось воспитаніе въ

идеалистическомъ духѣ среди людей 40-хъ годовъ. Этотъ самый духъ помѣшалъ Клюшникову правильно оцѣнить движеніе 60-хъ годовъ, такъ какъ онъ искалъ въ немъ не просто дальнѣйшее развитіе тѣхъ же идей 40-хъ годовъ, а идеальныхъ людей, у которыхъ дѣло не расходилось бы со словомъ. Отсутствіе такихъ людей въ жизни и привело Клюшникова къ полному отрицанію всего движенія 60-хъ годовъ. Такъ въ романѣ „Марево“ героиня, Нина, является дочерью одного изъ передовыхъ людей 40-хъ годовъ, вокругъ котораго, какъ вокругъ центра, группировалось все мыслящее въ Россіи. Непонятый своимъ вѣкомъ, не найдя никакого исхода своимъ стремленіямъ, человѣкъ этотъ зачахъ и умеръ на рукахъ дочери, въ которую вложилъ весь пылъ своихъ неудовлетворенныхъ, осмѣянныхъ стремленій. И вотъ „Нина“ вступаетъ въ вихрь современнаго движенія и въ толпу приверженцевъ его не изъ одного увлеченія модными идеями, а ради исполненія воли отца, какъ мстительница за его погубленную жизнь. Но рядъ тяжкихъ опытовъ приводитъ ее къ горькому разочарованію и убѣжденію, что все движеніе является „маревомъ“, миражомъ, а поборники его представляютъ рядъ вопіющихъ противорѣчій высокихъ идей съ дрянными и низкими поступками.

В. П. Клюшниковъ.

Отвергнувши такимъ образомъ движеніе шестидесятыхъ годовъ ради несостоятельности нѣкоторыхъ приверженцевъ его, Клюшниковъ почилъ на исконныхъ народныхъ началахъ въ духѣ внѣшняго патріотизма, олицетвореніемъ вѣрности которымъ и является герой романа, Русановъ.

Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій род. 11 февр. 1840 г. въ Кіевской губ., Таращанскаго уѣзда, въ с. Малая Березайка. Въ 1850 году онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ 1-ю гимназію, по окончаніи которой (въ 1856 году) поступилъ въ Петербургскій университетъ на филологическій В. В. Крестовскій.

факультетъ, но пробылъ въ университетѣ не болѣе двухъ лѣтъ и вышелъ, увлеченный своими ранними литературными успѣхами.

До 1868 года Крестовскій занимался исключительно литературою; затѣмъ поступилъ юнкеромъ въ уланскій полкъ. Въ продолженіе своей военной службы онъ составлялъ „Исторію Ямбургскаго уланскаго полка"; а въ 1877 году, состоя при штабѣ главнокомандующаго въ качествѣ исторіографа войны, сдѣлалъ весь турецкій походъ, причемъ переходилъ Балканы и былъ въ Адріанополѣ. Въ послѣдніе годы жизни Крестовскій состоялъ редакторомъ „Варшавскаго Дневника". Онъ умеръ въ 1895 г.

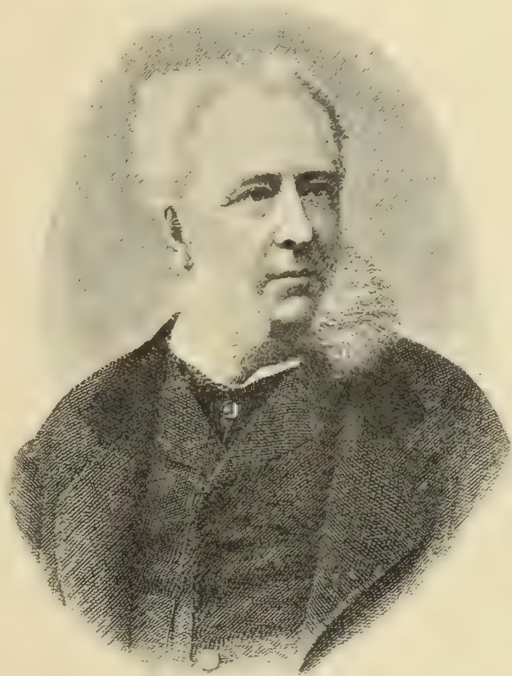

В. В. Крестовскій.

Писать началъ Крестовскій съ 4-го класса гимназіи, причемъ во время гимназическаго курса успѣлъ перевести почти половину одъ Горація, всю книгу эподъ Горація, 4 пѣсни Энеиды и рядъ стихотвореній Гейне. Съ 1857 года началъ онъ печатать свои произведенія въ журналахъ, въ которыхъ охотно помѣщали его легкіе и красивые стихи и разсказы въ прозѣ. Всѣ эти произведенія доставили автору извѣстность, какъ писателю талантливому, хотя всѣ они были очень поверхностны и легковѣсны. О всѣхъ, волновавшихъ въ то время общество вопросахъ, онъ судилъ съ плеча, скользя по верху и не заглядывая въ глубь. Такъ, напримѣръ, въ женскомъ вопросѣ онъ ничего не усматривалъ, кромѣ свободы чувственности, и вслѣдствіе этого въ началѣ 60-хъ годовъ прославился воспѣваніемъ въ стихахъ и въ прозѣ „погибшихъ, но милыхъ созданій", начиная съ древне-греческихъ гетэръ и кончая современными феями. Такую же несостоятельность обнаружилъ онъ и въ обширномъ романѣ, печатавшемся въ „Отечественныхъ Запискахъ" съ 1864 по 1867 годъ и изданномъ потомъ отдѣльно подъ заглавіемъ: *„Петербургскія трущобы, книга о сытыхъ и голодныхъ"*. Подобная внушительная тэма оказалась совершенно не по средствамъ и силамъ автора; вмѣсто того, чтобы предпо-

слать ей основательное изученіе петербургской жизни во всѣхъ ея слояхъ, онъ собралъ на лету кое-какія свѣдѣнія о петербургскихъ мазурикахъ и написалъ романъ совершенно въ духѣ французскихъ бульварныхъ романовъ съ запутанною интригою и мелодраматическими ужасами.

То насмѣшливое и нѣсколько презрительное отношеніе, какое встрѣтили произведенія Крестовскаго въ либеральныхъ кружкахъ, раздражило его самолюбіе, озлобило его. Онъ отшатнулся отъ этихъ кружковъ и съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе сближался съ людьми реакціоннаго образа мыслей. Съ поступленіемъ же въ военную службу, Крестовскій окончательно вступилъ въ ряды реакціонеровъ, и вотъ въ 1869 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ" появился романъ его въ трехъ частяхъ „Панургово стадо", а въ 1874 г. тамъ же былъ напечатанъ романъ „Двѣ силы", составляющій продолженіе „Панургова стада". Оба романа вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1875 г. подъ заглавіемъ „Кровавый пуфъ". Романы эти отличаются тою же легковѣсностью, какъ и прочія произведенія Крестовскаго. Самое заглавіе перваго романа показываетъ, какъ смотрѣлъ Крестовскій на движеніе 60-хъ годовъ: онъ отрицалъ въ немъ всякую самостоятельность и самобытность, всякую органическую связь съ процессомъ развитія русской мысли и считалъ его возникшимъ подъ вліяніемъ польской интриги.

Б. М. Маркевичъ.

Того же направленія держался въ своей литературной дѣятельности и *Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ*. Онъ родился въ Петербургѣ (въ 1822 г., ум. 1884 г.) въ польской семьѣ; дѣтство провелъ въ имѣніи отца въ Волынской губерніи. Образованіе получилъ въ Ришельевскомъ лицеѣ, гдѣ кончилъ курсъ на юридическомъ отдѣленіи. Службу началъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ въ 1842 году. Затѣмъ занималъ разные посты до 1874 года, когда въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ званіи камергера былъ въ 24 часа уволенъ со

службы при министерствѣ народнаго просвѣщенія, заподозрѣнный въ незаконномъ содѣйствіи Ѳ. П. Баймакову при покупкѣ принадлежавшихъ казнѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей". Послѣ того Маркевичъ нѣкоторое время писалъ въ „Голосѣ" воскресные фельетоны подъ псевдонимомъ „Волны", а въ заключеніе написалъ нѣсколько романовъ и повѣстей для „Русскаго Вѣстника".

Изъ всѣхъ его произведеній наибольшею извѣстностью пользуются три романа, находящіеся во взаимной связи и составляющіе одну цѣльную трилогію: „*Четверть вѣка назадъ*", „*Переломъ*" и „*Бездна*". Послѣдній романъ не конченъ за смертію автора.

Произведенія Маркевича, не отличаясь большими художественными достоинствами и представляя въ этомъ отношеніи полную посредственность, производили, однакоже, сильное впечатлѣніе, и ими зачитывались; но это было исключительно потому, что каждый романъ его производилъ сенсацію скандала. Дѣло въ томъ, что романы Маркевича мало того, что были тенденціозны въ самомъ направленіи и духѣ, и всюду побуждали подозрѣвать крамолу и измѣну: они еще представляли собою рядъ пасквилей, въ которыхъ подъ весьма прозрачными масками легко узнавались читателями разныя высокопоставленныя государственныя особы, и курьезнѣе всего было то, что особы эти обвинялись въ измѣнахъ и крамолахъ наравнѣ съ нигилистами и лицами, дѣйствовавшими въ руку послѣднихъ. Однимъ словомъ, произведенія Маркевича имѣютъ характеръ однихъ непрерывныхъ навѣтовъ, словно на каждой страницѣ авторъ только и дѣлаетъ, что кричитъ: „слово и дѣло".

Заканчивая главу о беллетристахъ, мы должны упомянуть еще о двухъ, весьма талантливыхъ представителяхъ этого литературнаго ряда,—Терпигоревѣ и Гаршинѣ

С. Н. Терпигоревъ.

Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ родился (1841 года, умеръ 1895 г.) въ с. Никольскомъ, Тамбовской губерніи, Усманскаго уѣзда, въ дворянской семьѣ. Отецъ его былъ человѣкъ образованный, начитанный, имѣлъ большую библіотеку, выписывалъ журналы. Съ дѣтства пристрастился Терпигоревъ къ чтенію, а въ гимназіи началъ и пописывать. По окончаніи курса въ 1860 г. онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, но въ 1862 г., былъ высланъ изъ Петербурга послѣ студенческихъ безпорядковъ. Въ 1861 г. былъ напечатанъ въ журналѣ „Русскій міръ" первый разсказъ его: „*Черствая доля*". Послѣ высылки изъ Петербурга въ продолженіе 20 лѣтъ, Терпигоревъ велъ скитальческую жизнь, во время которой печаталъ лишь урывками. Только уже съ 1880 г. начинается постоянная литературная дѣятельность Терпигорева, когда въ „Отечественныхъ Запискахъ" явился рядъ очерковъ его,

изданныхъ въ 1881 г. отдѣльно, подъ заглавіемъ „*Оскудѣніе*“. Очерки эти имѣли такой успѣхъ, что въ два года разошлось два изданія. Причина такого успѣха заключалась въ томъ, что они какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали злобѣ дня, именно: тревожному вопросу о дворянскомъ обѣднѣніи послѣ освобожденія крестьянъ. Тѣ же самые факты борьбы за существованіе цѣлаго сословія, которые у Салтыкова выразились въ широкихъ обобщеніяхъ, Терпигоревъ изобразилъ въ конкретныхъ образахъ. Они производятъ на всѣхъ такое впечатлѣніе, какъ будто вы бесѣдуете съ кающимся дворяниномъ, который, не щадя живота,—ни своего, ни присныхъ,—съ полною искренностью и откровенностью исповѣдуется передъ вами во грѣхахъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ отцовъ и дѣдовъ. Въ изображеніяхъ различныхъ попытокъ открыть новые источники и способы привольнаго житья безъ труда, читатели усмотрѣли рядъ болѣе или менѣе крупныхъ проваловъ, которые у всѣхъ были на глазахъ и въ свѣжей памяти, что еще болѣе увеличивало успѣхъ очерковъ и обусловливало ихъ значеніе. Остальныя 15 лѣтъ своей жизни Терпигоревъ занимался писаніемъ воскресныхъ фельетоновъ, сначала въ газетѣ „Порядокъ“, а затѣмъ въ „Новомъ Времени“; изрѣдка помѣщалъ отдѣльныя статьи въ разныхъ повременныхъ журналахъ: „Нови“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, „Нивѣ“, продолжая все ту же хронику дворянскаго легкомыслія.

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ род. 1855 г. въ Екатеринославской губ., въ Бахмутскомъ уѣздѣ, въ имѣніи бабки своей. Отецъ его былъ мелкій помѣщикъ, служившій въ военной службѣ, почему Гаршину въ дѣтствѣ пришлось вести кочующій образъ жизни, странствуя вмѣстѣ съ полкомъ, гдѣ служилъ отецъ, по разнымъ городамъ. Грамотѣ выучился онъ на пятомъ году и принялся за чтеніе всѣхъ книгъ, какія попадались ему подъ руки. Въ 1864 г., девяти лѣтъ, онъ былъ опредѣленъ въ первый классъ 7-й с.-петербургской гимназіи, а по окончаніи курса въ ней, въ 1874 г., поступилъ въ Горный институтъ. Но въ Горномъ институтѣ Гаршинъ пробылъ всего лишь два года. Уже тогда онъ весь отдался литературной дѣятельности, много писалъ, но истреблялъ написанное; и лишь въ 1876 г. рѣшился напечатать маленькій разсказъ и нѣсколько статеекъ о художественныхъ выставкахъ въ „Новостяхъ“. Увлекшись сербскою войною, онъ едва утерпѣлъ, чтобы не пойти добровольцемъ въ Сербію. Когда же явился манифестъ о войнѣ съ Турціей, онъ не выдержалъ: оставилъ институтъ, отправился въ дѣйствующую армію и поступилъ рядовымъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Гаршину пришлось принять участіе въ двухъ дѣлахъ съ турками; во второмъ онъ былъ раненъ въ ногу и 4 сентября

В. М. Гаршинъ.

былъ препровожденъ въ Харьковъ, гдѣ и провелъ время выздоровленія въ домѣ матери. Въ первые же дни по пріѣздѣ въ Харьковъ, онъ принялся за обработку разсказа „Четыре дня", начатаго еще въ Болгаріи. Разсказъ былъ посланъ въ „Отечественныя Записки" и появился въ этомъ журналѣ за 1877 г., причемъ произвелъ сильное впечатлѣніе, благодаря своему содержанію, заимствованному изъ военныхъ дѣйствій, и блестящему таланту автора.

Ободренный этимъ успѣхомъ, Гаршинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь весь погрузился въ литературную дѣятельность. Къ сожалѣнію, дѣятельность эта очень часто прерывалась борьбою съ хроническимъ (психическимъ) недугомъ. Еще въ седьмомъ классѣ гимназіи онъ такъ сильно захворалъ, что родные принуждены были помѣстить его въ больницу Св. Николая и въ лѣчебницу Фрея. Затѣмъ рѣдкое лѣто обходилось безъ того, чтобы онъ не впадалъ въ тяжкую меланхолію, которая иногда переходила въ полное помраченіе разсудка. Въ одинъ изъ такихъ возвратовъ болѣзни, весною 1888 года, Гаршинъ бросился въ пролетъ лѣстницы дома, въ которомъ жилъ, и 24 марта его не стало.

В. М. Гаршинъ.

Разсказы Гаршина, написанные прекраснымъ языкомъ, тщательно обработанные, изящные, отражаютъ какъ духъ своего времени, исполненный мрачнаго пессимизма, такъ и нервную болѣзненность автора. Не одни только субъективные разсказы его, каковы: „Четыре дня", „Трусъ", „Ночь", „Красный цвѣтокъ", но и вполнѣ объективные, въ родѣ разсказовъ: „Встрѣча", „Происшествіе", „Денщикъ и офицеръ", „Записки рядового Иванова", „Медвѣди", „Надежда Николаевна", „Гордый Аггей" и т. п. бѣдны эпическимъ, описательнымъ элементомъ: пренебрегая внѣшнею обрисовкою выводимыхъ лицъ и предметовъ, Гаршинъ болѣе всего обращалъ вниманія на внутренній міръ героевъ, на то, что они переживаютъ въ своей душѣ. Замѣчательно при этомъ (въ томъ именно и отражался наиболѣе мрачный духъ эпохи 80-хъ годовъ), что въ разсказахъ Гаршина люди цѣльные и жизнерадостные явля-

ются обязательно ничтожествами. Герои же мало-мальски симпатичные, къ которымъ лежитъ сердце автора и которые высказываютъ его собственныя думы, рисуются постоянно раздвоенными и рефлектирующими Гамлетами, съ больною совѣстью, усомнившимися и въ самихъ себѣ, и во всемъ окружающемъ, путающимися въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ указать еще на одну особенность, замѣчающуюся въ большинствѣ произведеній Гаршина, именно на страсть его къ кровавымъ катастрофамъ. Не говоря уже о разсказѣ „Четыре дня“, гдѣ онъ заставляетъ героя четыре дня томиться жаждою и мучительною болью раны, рядомъ съ быстро-разлагающимся трупомъ убитаго имъ турка, вспомнимъ концы разсказовъ: „Трусъ“, „Происшествіе“, „Красный цвѣтокъ“, „Сигналъ“, „Надежда Николаевна“. Трагическое было въ крови Гаршина, и, быть-можетъ, пристрастіе къ ужасному было предчувствіемъ его собственной трагической смерти.

Г. П. Данилевскій.

Въ заключеніе того, что было сказано выше о нашемъ романѣ различныхъ оттѣнковъ, необходимо упомянуть и еще объ одномъ отдѣлѣ романической литературы, къ сожалѣнію довольно бѣдномъ у насъ на Руси.

Выше мы уже видѣли, какъ, подъ вліяніемъ В. Скотта и В. Гюго, наши писатели первой половины XIX вѣка, въ лицѣ Загоскина, Полевого, Масальскаго и Лажечникова, пытались у насъ создать свой національно-русскій историческій романъ. Но въ ту пору это было довольно трудно, потому что бытовая исторія наша была еще мало разработана, документальная сторона нашего историческаго прошлаго мало доступна и даже важнѣйшіе памятники наши недостаточно были выяснены и освѣщены археологическими изслѣдованіями. Однакоже, въ теченіе 40-хъ и 50-хъ годовъ, наша историческая наука такъ быстро подвинулась впередъ, что романисты 60-хъ годовъ очутились уже въ иномъ, гораздо болѣе выгодномъ положеніи, и именно къ началу этой

эпохи относится историческій романъ новой школы писателей — „*Князь Серебряный*“ (1861 г.), написанный графомъ А. К. Толстымъ и напечатанный имъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Изъ предъидущаго мы уже знаемъ, что графъ А. К. Толстой былъ весьма хорошо знакомъ по источникамъ съ мрачною драмою конца XVI и начала XVII в., и доказалъ это своею прекрасною трилогіею. Но это знаніе нашего историческаго прошлаго, это старательное и добросовѣстное изученіе подробностей древне-русскаго быта еще лучше и ярче выказывается въ его романѣ, гдѣ все, начиная отъ характеровъ и до бытовыхъ подробностей, документально-вѣрно, до мелочей, и только характеръ главнаго героя (князя Серебрянаго) нѣсколько идеализированъ. Можно сказать, что до сихъ поръ еще никто изъ нашихъ историческихъ романистовъ не превзошелъ А. К. Толстого въ исторической вѣрности возсоздаваемой имъ эпохи, и въ этомъ смыслѣ его романъ остается классическимъ и единственнымъ въ своемъ родѣ.

А. К. Толстой.

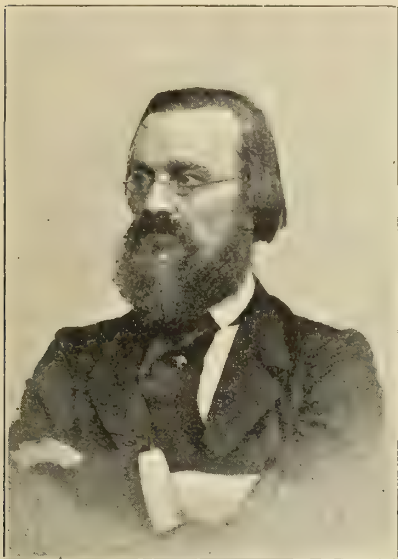
Н. И. Костомаровъ.

Извѣстный нашъ историкъ и профессоръ, Н. И. Костомаровъ, такъ превосходно и художественно знакомившій слушателей на лекціяхъ своихъ съ различными историческими эпохами, такъ полно и ярко обставлявшій въ своихъ изслѣдованіяхъ историческую дѣйствительность любопытнѣйшими бытовыми подробностями, также попыталъ свои силы на историческомъ романѣ: изъ эпохи Грознаго онъ заимствовалъ основу своего романа „*Кудеяръ*“ (напечатаннаго въ „Вѣстн. Европы“ 1875 г.); изъ эпохи Стеньки Разина — повѣсть „*Сынъ*“. Послѣднее произведеніе, ранѣе написанное, нѣсколько суховато, но вѣрно и близко знакомитъ насъ съ дѣйствительностью, которая положена въ основу его. Что же касается до „Кудеяра“, написаннаго уже подъ конецъ жизни автора, то въ немъ мы видимъ полное преобладаніе пламенной фантазіи автора надъ историческою дѣйствительностью и такой исключительный подборъ фактовъ, который невольно даетъ возможность недовѣрію закрадываться въ душу читателя, такъ какъ онъ вовсе не видитъ кругомъ себя людей, а только одни чудовища.

Г. П. Данилевскій.

Въ концѣ 70-хъ годовъ, въ той же области историческаго романа (гдѣ, между прочимъ, уже весьма удачно дѣйствовалъ молодой и талантливый графъ Е. А. Саліасъ) явился новый и плодовитый дѣятель, *Григорій Петровичъ Данилевскій* (род. 1829 г., ум. 1890 г.), долгое время писавшій подъ псевдонимомъ *Скавронскаго*. Послѣ трехъ-четырехъ первыхъ своихъ романовъ, интересныхъ въ бытовомъ отношеніи, Г. П. Данилевскій рѣшился попробовать свои силы на историческомъ романѣ и написалъ цѣлый рядъ историческихъ повѣстей, романовъ и разсказовъ, изъ числа которыхъ особенно выдаются слѣдующіе три: „*Мировичъ*“ (1879 г.), „*Сожженная Москва*“ (1885 г.) и „*Черный годъ*“ (1888 г.). Однимъ

изъ внѣшнихъ побужденій къ написанію этихъ романовъ было то обиліе любопытнѣйшихъ матерьяловъ (документовъ, мемуаровъ, записокъ и т. д.) по XVIII вѣку, которое было напечатано въ теченіе послѣдней четверти прошлаго вѣка. Г. П. Данилевскій, близко знакомый съ этимъ богатымъ матерьяломъ, захотѣлъ извлечь изъ него основу для нѣсколькихъ романовъ. Романы, благодаря его умѣнью, вышли очень завлекательные, полные неожиданныхъ эпизодовъ и приключеній; автору блестящимъ образомъ удалось оживить мертвые документы и возсоздать людей описываемой имъ эпохи.

Н. И. Костомаровъ.

Приблизительно, около того же времени, т. е. въ эпоху 60-хъ и 70-хъ годовъ, въ нашей литературѣ, рядомъ съ историческимъ романомъ новаго пошиба, народился и еще одинъ видъ романа, если можно такъ выразиться, *этнографическій*. Мы уже видѣли, что Г. П. Данилевскій, въ начальный періодъ своей дѣятельности, писалъ именно въ этомъ родѣ (романы: „*Бѣглые въ Новороссіи*“, „*Бѣглые воротились*“ и т. д.). Но не онъ, а другой писатель, *Павелъ Ивановичъ Мельниковъ* (род. 1819 г., ум. 1883 г.), довелъ этотъ родъ романа до высокой степени совершенства, даже виртуозности. Въ силу особо-сложившихся условій своей чрезвычайно-дѣятельной и подвижной жизни, бросавшей его въ разныя стороны и ставившей его въ исключительныя положенія,

П. И. Мельниковъ.

П. И. Мельниковъ.

этотъ необычайно-умный и талантливый человѣкъ, обладавшій обширной и разнообразной ученостью, соединялъ въ одномъ своемъ лицѣ такую массу историческихъ и бытовыхъ свѣдѣній о коренной Руси, какія, вѣроятно, ни до него, ни послѣ него не соединялись никогда въ одномъ лицѣ. И вотъ, онъ-то, въ часы досуга предаваясь литературѣ, и набросалъ цѣлый рядъ превосходныхъ бытовыхъ и историческихъ разсказовъ („*Поярковъ*", „*Дѣдушка Поликарпъ*", „*Старые годы*", „*Медвѣжій уголъ*" и др.), которые доставили ему громкую литературную извѣстность. Этотъ рядъ произведеній онъ завершилъ двумя объемистыми повѣствованіями, въ формѣ романовъ: „*Въ лѣсахъ*" (1872 г.) и „*На горахъ*" (1875 г.). И въ томъ, и въ другомъ изъ этихъ повѣствованій, онъ далъ превосходнѣйшую и полнѣйшую картину быта поволжскихъ раскольниковъ, изобразивъ его во всѣхъ подробностяхъ его бытовой обстановки. Романъ послужилъ ему въ данномъ случаѣ только рамкою, только предлогомъ для того, чтобы выказать всю обширность и глубину своихъ свѣдѣній въ этой области, съ которой онъ смѣлою рукою срываетъ покрывало, скрывавшее его тайны и сумракъ тяготѣвшихъ надъ нимъ предразсудковъ. Онъ открываетъ здѣсь передъ изумленнымъ читателемъ такой же невѣдомый и новый міръ, какой нѣкогда открыли передъ зрителями первыя пьесы Островскаго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Журнальная критика послѣ Бѣлинскаго.—Важнѣйшія ея направленія и представители.—Дружининъ.—Н. Н. Страховъ.—Чернышевскій.—Добролюбовъ и Писаревъ.

Со времени Бѣлинскаго, сумѣвшаго придать русской критикѣ такое важное и самостоятельное значеніе, она стала составлять одинъ изъ весьма существенныхъ отдѣловъ въ нашей журналистикѣ. Общество привыкло встрѣчать въ каждой книжкѣ журнала не только краткіе отзывы о текущей литературѣ, но и обширныя, обстоятельныя статьи объ отдѣльныхъ, болѣе крупныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Вотъ почему сотрудникъ, завѣдывающій критическимъ и библіографическимъ отдѣломъ, съ начала 50-хъ годовъ, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ каждой редакціи.

А. В. Дружининъ.

А. В. Дружининъ.

Однимъ изъ первыхъ представителей журнальной критики, послѣ Бѣлинскаго, явился Дружининъ — человѣкъ талантливый и прекрасно образованный, близко знакомый съ современнымъ положеніемъ западно-европейской литературы и критики.

Александръ Васильевичъ Дружининъ род. въ 1825 г.; воспитаніе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ и служилъ нѣкоторое время въ гвардіи; но уже въ началѣ 50-хъ годовъ онъ вышелъ въ отставку и предался исключительно литературѣ и журналистикѣ. Онъ началъ съ беллетристики (въ числѣ его повѣстей „Полинька Саксъ", напечатанная въ „Современникѣ" 1847 г., пользовалась въ свое время большимъ успѣхомъ), продолжалъ прекрасными переводами драмъ Шекспира („Коріоланъ", „Король Лиръ", „Ричардъ III") и общими очерками по европейской литературѣ, и закончилъ свою дѣятельность рядомъ критическихъ статей по русской литературѣ и журналистикѣ, которыя помѣщалъ въ „Современникѣ" и „Библіотекѣ для чтенія", гдѣ былъ сначала постояннымъ сотрудникомъ, а впослѣдствіи и редакторомъ [1]). Статьи эти носили общее заглавіе: „Письма иногороднаго подписчика о русской журналистикѣ".

[1]) А. В. Дружининъ оставилъ по себѣ добрую память въ литературныхъ кружкахъ, такъ какъ по его мысли и стараніемъ было основано «Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Дружининъ скончался въ 1864 г.

Одновременно съ Дружининымъ, хотя и въ иномъ направленіи, дѣйствовалъ другой талантливый критикъ, А. А. Григорьевъ.

А. А. Григорьевъ.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ род. (въ 1822 г., ум. въ 1864 г.) въ Москвѣ, гдѣ отецъ его служилъ въ магистратѣ. Получивъ домашнее воспитаніе, Григорьевъ окончилъ курсъ по юридическому факультету московскаго университета. Служилъ въ Петербургѣ; затѣмъ въ Москвѣ былъ преподавателемъ законовѣдѣнія въ 1-й московской гимназіи.

Съ 1845 г. онъ появляется въ литературѣ первоначально въ видѣ поэта и переводчика; такъ, онъ перевелъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, „Венеціанскаго купца“ и „Ромео и Джульетту“ Шекспира, „Паризину“ и отрывки изъ „Чайльдъ-Гарольда“ Байрона, переводилъ Мольера, Делявиня. Въ 1850 г. онъ сталъ во главѣ молодой редакціи „Москвитянина“, и съ этихъ поръ начинается его дѣятельность въ качествѣ критика.

Григорьевъ отличался отъ своихъ сотоварищей тѣмъ, что ближе стоялъ къ чистымъ славянофиламъ 40-хъ годовъ, чѣмъ они. Исходя изъ философіи Шеллинга, Григорьевъ искусство ставилъ выше всѣхъ прочихъ отраслей человѣческой дѣятельности, лучшимъ изъ всѣхъ земныхъ дѣлъ, имѣющимъ руководящую роль въ движеніи общества, такъ какъ оно одно имѣетъ право и способность сказать „новое слово“. Идеалъ души человѣческой, по его ученію, всегда и вездѣ остается неизмѣннымъ; но въ отвлеченномъ видѣ онъ не можетъ быть ни познаваемъ, ни воплощаемъ. Намъ доступна только *цвѣтная* истина, по выраженію Григорьева, осуществляемая въ образахъ искусства. Такимъ образомъ искусство, по самому существу своему, *народно*. Творчество заключается въ созданіи типовъ, т. е. образовъ, представляющихъ опредѣленный, органически-цѣльный складъ душевной жизни, носящій на себѣ печать народности... Истинная критика должна опредѣлять, разъяснять это типически-народное выраженіе идеаловъ въ искусствѣ. Такую критику Григорьевъ называлъ *органическою* въ отличіе отъ *исторической* критики Бѣлинскаго (для котораго искусство есть выраженіе жизни, а не идеаловъ, къ которымъ она стремится) и отъ *эстетической* критики теоретиковъ чистаго искусства.

Въ то же время въ критическихъ статьяхъ Григорьева мы видимъ присутствіе демократическаго духа, которымъ были преисполнены лучшіе люди 40-хъ годовъ. Это былъ, по самой природѣ своей, человѣкъ честныхъ, гуманныхъ и народныхъ инстинктовъ. Погоня за народными идеалами доходила у него порою до комическаго донкихотства, въ родѣ нескладныхъ стиховъ, которыми привѣтствовалъ онъ въ „Москвитянинѣ“ появленіе на сценѣ Любима Торцова.

Въ то же время извѣстно, что всѣ, выводимые въ произведеніяхъ поэзіи типы, Григорьевъ раздѣлялъ на „хищные“ и „кроткіе“, причемъ въ хищныхъ типахъ предполагалъ вліяніе Запада, отклонившагося отъ человѣчности, завѣщанной христіанскимъ ученіемъ, между тѣмъ, какъ въ кроткихъ типахъ, вполнѣ согласующихся съ духомъ христіанства, видѣлъ воплощеніе чисто-русской души, преисполненной любви и смиренія. Поэтому онъ недолюбливалъ ни Евгенія Онѣгина, ни Печорина. У Лермонтова онъ выше всего ставилъ Максима Максимовича, а у Пушкина — „повѣсти Бѣлкина“. Впослѣдствіи, въ свою очередь, онъ предпочелъ героинѣ романа Гончарова, Ольгѣ, которою всѣ восхищались, жену Обломова Агафью Ѳедосѣевну, находя, съ своей точки зрѣнія, что она „гораздо болѣе женщина, чѣмъ Ольга“.

Воззрѣнія А. А. Григорьева не представляли собою явленія исключительнаго въ современной литературѣ. Къ нему, во многихъ отношеніяхъ, очень близко подходилъ другой современный критикъ Н. Н. Страховъ.

Николай Николаевичъ Страховъ (род. въ 1828 г.; ум. въ 1896 г.) Н. Н. Страховъ. воспитывался въ костромской семинаріи, затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ и Педагогическомъ институтѣ. Въ теченіе 10 лѣтъ былъ преподавателемъ физики, математики и естественныхъ наукъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности. Публикѣ онъ былъ извѣстенъ болѣе подъ псевдонимомъ „Косицы“.

Въ качествѣ критика онъ является прямымъ послѣдователемъ Ап. Григорьева. Принадлежа, подобно ему, къ фракціи молодыхъ славянофиловъ, называвшихся въ 60-хъ годахъ *почвенниками*, Страховъ, однакоже, значительно отличается отъ своего учителя. Прежде всего онъ является уже не шеллингистомъ, а гегелистомъ, и въ то время какъ Ап. Григорьевъ, на основаніи философіи Шеллинга, въ каждой исторической народности видѣлъ осуществленіе обособленной идеи, Страховъ, на основаніи Гегеля, стремился къ панславизму, въ которомъ излагалъ примиреніе всѣхъ тѣхъ односторонностей, носителями которыхъ являлись прочіе европейскіе народы. Такое же различіе между Ап. Григорьевымъ и Страховымъ видимъ мы относительно эстетическихъ взглядовъ. Ближе подходя къ славянофиламъ 40-хъ годовъ, Ап. Григорьевъ стоялъ за искусство для жизни. Страховъ же ратовалъ за чистое искусство. Требованіе, чтобы искусство олицетворяло идеалы жизни въ ихъ типическихъ народныхъ проявленіяхъ, прежде всего, по его мнѣнію, прямо отстраняетъ художниковъ отъ увлеченія какими-либо злобами дня; они должны проникать вглубь народной жизни, отыскивая въ ней существенныя явленія, а не увлекаться преходящими вѣяніями времени. Но

этого мало: воплощая народные идеалы, искусство должно примирять насъ съ жизнью. Поэтому высшее призваніе его заключается во всестороннемъ, объективно-безпристрастномъ, любовномъ изображеніи жизни. До такой высоты поэзія именно и достигаетъ въ художникахъ-геніяхъ, каковы: Шекспиръ, Гёте, Пушкинъ. Всякое же одностороннее изображеніе жизни или исключительно положительныхъ и отрицательныхъ ея элементовъ, есть уже отступленіе отъ истинной нормы искусства.

Такіе эстетическіе взгляды привели Страхова, равно какъ и всѣхъ прочихъ почвенниковъ, къ полному изъятію изъ искусства ироніи, сатиры и какого бы то ни было отрицательнаго взгляда на жизнь и людей. Искусство, по мнѣнію Страхова, можетъ пользоваться ироніей, какъ это и было у Гоголя, но остановиться на ироніи оно не можетъ. Гоголь, задумавъ въ „Мертвыхъ Душахъ" изобразить полную картину русской жизни, конечно не имѣлъ и въ мысляхъ ограничиться одною ироніей; его намѣреніе было постепенно смягчить свой тонъ, перейти въ юморъ и кончить серьезнымъ разсказомъ. Совсѣмъ не то видитъ Страховъ у современныхъ ему сатириковъ—Некрасова и Щедрина: они, по его мнѣнію, доводятъ иронію до послѣдней крайности; это иронія гиперболическая, въ которой нѣтъ уже заботы о реальномъ изображеніи, а напротивъ того, вся суть заключается въ искаженіи реальныхъ чертъ, въ глумленіи и т. д.

Нужно-ли и говорить о томъ, какъ мало популярно было подобное ученіе именно въ такое время, когда сатирическій и обличительный смѣхъ стоялъ на первомъ планѣ, преобладая въ нашей литературѣ. Вообще, нужно замѣтить, что почвенники 60-хъ годовъ, и въ особенности Страховъ, играли въ литературѣ того времени роль Донъ-Кихотовъ, тщетно напрягавшихъ силы въ попыткахъ плыть противъ теченія.

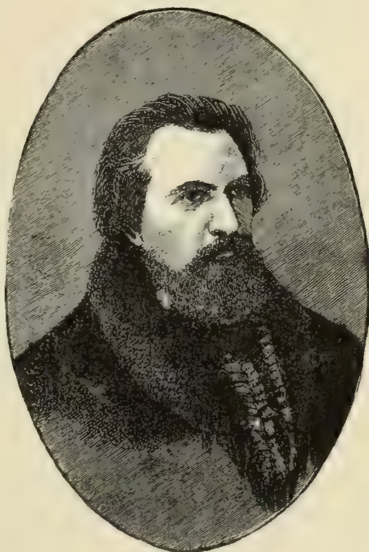
60-ые годы — эпоха великихъ государственныхъ реформъ и сильнаго умственнаго и нравственнаго броженія въ образованныхъ слояхъ общества, — не преминули ознаменоваться нѣсколькими крупными писателями въ области критики, которые, будучи прямыми преемниками и послѣдователями Бѣлинскаго, въ то же время значительно измѣнили его идеи, а отчасти даже довели ихъ до послѣднихъ крайностей подъ вліяніемъ бурнаго духа своего времени. Первое мѣсто среди нихъ и по времени начала дѣятельности, и по обширности знаній, и по вліянію на современниковъ занимаетъ Н. Г. Чернышевскій.

Н. Г Чернышевскій.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій род. въ Саратовѣ въ 1828 г. Отецъ его, благочинный и протоіерей саратовскаго собора, былъ человѣкъ образованный, начитанный, зналъ языки: латинскій, греческій и французскій. Особенную привязанность въ дѣтствѣ

питалъ Чернышевскій къ своей двоюродной сестрѣ, Любови Николаевнѣ, которая играла съ нимъ, читала ему и отвѣчала на его дѣтскіе вопросы, а затѣмъ обучила его грамотѣ и игрѣ на фортепіано.

Выучившись читать, Чернышевскій весь углубился въ книги, доставая ихъ гдѣ только было возможно, причемъ не разставался съ книгами даже за обѣдомъ и ужиномъ. Въ 1842 г. Чернышевскій поступилъ въ саратовскую семинарію. Здѣсь, удаляясь отъ игръ товарищей, онъ продолжалъ дни и ночи сидѣть за книгами. Будучи однимъ изъ первыхъ учениковъ въ классѣ и по прилежанію, и по поведенію, онъ тѣмъ не менѣе вышелъ изъ семинаріи до окончанія курса, въ 1844 году, и два года готовился къ поступленію въ С.-Петербургскій университетъ, куда и поступилъ на филологическій факультетъ въ 1846 году.

А. А Григорьевъ.

Въ теченіе университетскаго курса, Чернышевскій, кромѣ всѣхъ прочихъ факультетскихъ предметовъ, занимался изученіемъ славянскихъ нарѣчій подъ руководствомъ И. И. Срезневскаго, который приблизилъ его къ себѣ и внушилъ составить словарь къ Ипатіевской лѣтописи, напечатанный въ „Приб. къ Извѣст. II отд. Акад. Наукъ“ 1853 года. Вообще въ продолженіе университетскаго курса Чернышевскій успѣлъ пріобрѣсти обширныя свѣдѣнія по весьма разнообразнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній; въ то же время онъ зналъ языки: латинскій, греческій, еврейскій, французскій, нѣмецкій, польскій и англійскій.

Кончивши университетскій курсъ со степенью кандидата въ 1850 г., Чернышевскій въ 1851 г. уѣхалъ въ Саратовъ на мѣсто учителя въ гимназіи, а въ 1854 г. былъ перемѣщенъ въ Петербургъ на должность учителя же во 2-й кадетскій корпусъ. Но педагогическая дѣятельность его продолжалась недолго, а затѣмъ онъ весь предался литературѣ. Уже въ 1853 г. начали появляться его библіографическія статейки въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникѣ“. Въ 1854 г. былъ помѣщенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ его переводъ англійскаго романа: „Семейство Доддовъ“.

Въ 1855 г. Чернышевскій сдалъ магистерскій экзаменъ, но степени магистра не получилъ, потому что диссертація его „Отно-

шеніе искусства къ дѣйствительности", съ успѣхомъ защищенная на диспутѣ, не была, однакоже, утверждена министромъ народнаго просвѣщенія и изъята изъ продажи. Послѣ того Чернышевскій вступилъ въ число постоянныхъ сотрудниковъ „Современника". Въ 1858 г. онъ былъ редакторомъ „Военнаго Сборника", но это продолжалось не долго.

Съ 1864 г. литературная дѣятельность Чернышевскаго, какъ извѣстно, надолго прерывается, и лишь по возвращеніи на родину въ 1883 г. онъ получилъ возможность снова заняться литературой. Но силы его были уже подточены долгою жизнію въ Сибири при весьма неблагопріятныхъ условіяхъ. Климатъ Астрахани, въ которой пришлось ему поселиться по возвращеніи на родину, тоже повліялъ на его организмъ разрушительно. Ко всему этому Чернышевскій съ молодыхъ лѣтъ уже страдалъ хроническимъ недугомъ. И вотъ, переведенный за годъ до смерти на житье въ Саратовъ, онъ умеръ въ родномъ городѣ отъ кровоизліянія въ мозгу, въ ночь на 17 октября 1889 года.

Н. Г. Чернышевскій.

Сообразно этимъ главнымъ фактамъ жизни Чернышевскаго, литературная дѣятельность его рѣзко распадается на два періода. Первый періодъ простирается до 1858 года. Въ это время Чернышевскій является по преимуществу художественнымъ критикомъ и журналистомъ, ведетъ журнальныя замѣтки въ „Современникѣ", пишетъ критическія статьи по текущей литературѣ и историко-литературные трактаты. Мы уже говорили выше, что, въ качествѣ критика, Чернышевскій является прежде всего послѣдователемъ идей Бѣлинскаго, конечно послѣдняго періода его литературной дѣятельности. Такъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ онъ также западникъ, приверженецъ натуральной школы, отрицающій искусство для искусства. Но одною вѣрностью основнымъ

идеямъ Бѣлинскаго не опредѣляются еще эстетическія воззрѣнія Чернышевскаго. Для знакомства съ ними намъ слѣдуетъ обратиться къ его диссертаціи, спеціально посвященной имъ.

Главная цѣль диссертаціи заключается въ томъ, чтобы окончательно разрушить устарѣлыя эстетическія теоріи, построенныя на метафизическихъ основаніяхъ, и на мѣсто ихъ водворить новыя, реальныя. Большая часть старыхъ эстетическихъ теорій утверждали, что „идея прекраснаго, не осуществляемая дѣйствительностью, осуществляется въ произведеніяхъ искусства". Чернышевскій доказываетъ, что это неправда: прекрасное въ искусствѣ всегда уступаетъ прекрасному въ дѣйствительности; яблоку нарисованному никогда не сравняться съ настоящимъ, сорваннымъ съ дерева. Но тогда въ чемъ же заключается назначеніе искусства? Тутъ Чернышевскій изъ-за вражды къ чистому искусству впалъ въ нѣкоторую односторонность, приведшую его къ ряду заблужденій. Такъ, по его мнѣнію, ближайшая цѣль искусства—воспроизводить дѣйствительность, чтобы напоминать намъ о ней, помогать нашей памяти. Не всѣ могутъ каждый часъ любоваться моремъ, такъ вотъ, чтобы оживить свои воспоминанія о морѣ и яснѣе представить его въ своемъ воображеніи, смотрятъ на картину, изображающую море. Но кромѣ того искусство имѣетъ, по мнѣнію Чернышевскаго, еще другое назначеніе—объясненіе жизни, и въ этомъ смыслѣ произведенія отличаются отъ ученыхъ трактатовъ лишь тѣмъ, что въ нихъ мы легче, нагляднѣе знакомимся съ предметами, чѣмъ въ сухомъ научномъ изложеніи.

Существенная ошибка заключается здѣсь въ томъ, что Чернышевскій совершенно упустилъ изъ вида главную основу искусства: тотъ восторгъ, который, овладѣвая художникомъ, побуждаетъ его къ творчеству и затѣмъ черезъ произведеніе передается читателю или зрителю, въ чемъ и заключаются эстетическія наслажденія, равно какъ могучей неотразимостью дѣйствія на наше воображеніе и чувства обусловливается высота произведенія. Разъ это упустилъ изъ вида Чернышевскій, по его теоріи и вышло, будто Айвазовскій рисовалъ морскіе виды съ тою же холодною утилитарною цѣлію, съ какою ученый показываетъ туманныя картины допотопной флоры; мы же идемъ въ картинную галлерею, словно въ какой-нибудь музей, съ единственною цѣлію знакомиться съ предметами, подлежащими нашему изученію

Это отождествленіе искусства съ наукою и обреченіе его на служебную роль воспроизведенія дѣйствительности ради изученія ея, вывело и критику изъ роли цѣнительницы художественныхъ произведеній, какую исполняла она подъ перомъ Бѣлинскаго. По теоріи Чернышевскаго, критикъ, убѣдившись, что дѣйствительность изображена въ произведеніи вѣрно, долженъ ограничиться

анализомъ изображенныхъ фактовъ жизни, такъ что въ концѣ концовъ критика является рядомъ публицистическихъ трактатовъ, въ которыхъ жизнь изучается по художественнымъ произведеніямъ, подобно тому, какъ анатоміи учатъ по атласамъ. Подобная критика, при всей своей односторонности, тѣмъ не менѣе пришлась какъ нельзя болѣе кстати въ бурную эпоху реформъ и поднятія ряда общественныхъ вопросовъ, и Чернышевскій не

Н. А. Добролюбовъ.

и дѣлалъ я благое дѣло
среди царящаго зла

Автографъ Н. А. Добролюбова.

замедлилъ первый подать примѣръ этой критики. Какъ на наиболѣе выдающіяся критическія и историко-литературныя статьи его укажемъ на слѣдующія: „Очерки гоголевскаго періода"—рядъ статей въ „Современникѣ" за 1856 годъ, посвященныхъ характеристикѣ Бѣлинскаго; „Лессингъ и его время"—въ „Современникѣ" 1857 г.: „О губернскихъ очеркахъ Щедрина"—въ „Современникѣ" 1857 г.; „Русскій человѣкъ на рандеву", по поводу повѣсти Тургенева „Ася"—въ „Атенеѣ" 1858, № 3 и пр.

Д. И. Писаревъ.

Явившись такимъ образомъ иниціаторомъ публицистической критики, Чернышевскій тѣмъ не менѣе какъ бы чувствовалъ, что онъ не призванъ быть критикомъ, и когда выступилъ на литературное поприще наиболѣе блестящій представитель публицистической критики, въ лицѣ Добролюбова, онъ скромно уступилъ ему мѣсто, а самъ перешелъ на поприще публицистики, болѣе свойственное характеру его таланта и холоднаго, діалектическаго и саркастическаго ума.

Съ выступленіемъ на болѣе свойственное его призванію публицистическое поприще, съ 1858 г., начинается второй, самый блестящій періодъ дѣятельности Чернышевскаго. Талантъ его достигъ въ это время полнаго расцвѣта; онъ дѣлается популярнѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ, становится во главѣ литературы въ нѣкоторомъ родѣ властнымъ диктаторомъ ея; вліяніе его восходитъ даже и до самыхъ административныхъ сферъ, въ которыхъ какъ разъ въ это время рѣшался крестьянскій вопросъ. Такъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и надѣленіе крестьянъ землею, и сохраненіе общиннаго землевладѣнія совершились не безъ содѣйствія публицистическихъ статей его, ежемѣсячно появлявшихся на страницахъ „Современника". Какъ на наиболѣе блестящія и вліятельныя, укажемъ на слѣдующія его статьи въ этомъ родѣ: „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія", „О необходимости держаться умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа". Обѣ статьи, напечатанныя въ №№ 11 и 12 „Совр." 1858 г., вызвали оживленную полемику современныхъ экономистовъ. Въ 1859 г. Чернышевскій напечаталъ статьи: „Экономическая дѣятельность и государство" и „По поводу очерковъ Англіи и Франціи Чичерина". Слѣдующій, 1860 годъ ознаменовался обширною статьею „Капиталъ и трудъ", и въ томъ же году онъ приступилъ къ печатанію своего замѣчательнаго перевода — „Основаній политической экономіи Милля" съ пространными примѣчаніями, снискавшими ему громкую европейскую извѣстность. Рядъ политико-экономическихъ статей и очерковъ, вызванныхъ текущими финансовыми и экономическими реформами и мѣропріятіями, печатался въ „Современникѣ" въ 1861 и 1862 годахъ. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ Чернышевскій находилъ время для массы переводовъ, статей, компиляцій и оригинальныхъ очерковъ по всеобщей исторіи. Таковы: „Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X" (1858), „Кавеньякъ" (1858), „Іюльская монархія" (1860), „Антропологическій принципъ въ философіи" (1860), „О причинахъ паденія Рима" (1860) и прочія. Кромѣ всѣхъ этихъ журнальныхъ работъ, въ началѣ 60-хъ годовъ началъ выходить переводъ его „Всемірной Исторіи" Шлоссера. Наконецъ, въ 1863 г., былъ напечатанъ въ „Современникѣ" романъ его „Что дѣлать", произведшій въ свое время большую сенсацію въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, особенно среди молодежи.

Съ возвращеніемъ въ 1883 году изъ Сибири, онъ уже не принималъ участія въ литературной дѣятельности. Онъ понималъ, что не можетъ занять прежняго мѣста въ литературѣ, и отдался почти всецѣло переводу на русскій языкъ „Всеобщей Исторіи Вебера". Изъ этого обширнаго сочиненія въ 15 томахъ,

по 1,000 страницъ въ каждомъ томѣ, Чернышевскій успѣлъ перевести, а Солдатенковъ напечатать—11 томовъ; двѣ трети 12-го тома тоже переведены Чернышевскимъ, причемъ къ послѣднимъ томамъ Чернышевскій прикладывалъ оригинальные очерки по исторіи, а во второмъ изданіи 1-го тома помѣстилъ „Очеркъ научныхъ понятій о возникновеніи обстановки человѣческой жизни и о ходѣ развитія человѣчества въ доисторическія времена...“

Н. Чернышевскій 5 октября 1855 года. —

Автографъ Н. Г. Чернышевскаго.

Рядомъ съ Чернышевскимъ, наиболѣе талантливымъ и яркимъ представителемъ публицистической критики 60-хъ годовъ является *Николай Александровичъ Добролюбовъ*. Онъ родился въ Нижнемъ-Новгородѣ 24-го января 1836 г. Отецъ его былъ священникъ нижегородской Николаевской церкви. Достатки были у него скудные, семейство большое; и это отражалось на бытѣ всей семьи. Поэтому картина дѣтства Добролюбова носитъ мрачный колоритъ: монотонное, замкнутое существованіе день за день, лишенное малѣйшихъ радостей и развлеченій, вѣчныя жалобы на безденежье и всякаго рода прижимки, брань и попреки суроваго отца, срывавшаго на родныхъ свои невзгоды. Н. А. Добролюбовъ.

Къ отцу Добролюбовъ былъ холоденъ и чувствовалъ невольное отчужденіе отъ него вслѣдствіе его строптивости; зато къ матери былъ привязанъ всею душою. Ей былъ обязанъ онъ и первыми шагами своего развитія. Уже трехъ лѣтъ съ ея словъ онъ заучилъ нѣсколько басенъ Крылова и декламировалъ ихъ передъ своими и чужими. Мать же выучила его грамотѣ. Когда ему минуло 8 лѣтъ, для занятій съ нимъ были приглашены семинаристы: сначала Садовскій, потомъ Костровъ. 11-ти лѣтъ Добролюбовъ былъ отданъ въ духовное училище, а въ 1848 году перешелъ въ семинарію. Здѣсь онъ весь ушелъ въ книги, читалъ русскихъ авторовъ, ученыя сочиненія, журналы—и дома, и въ классахъ. Въ его упражненіяхъ по классу реторики и піитики постоянно было видно знакомство съ лучшими русскими литераторами, что и выставлялось на видъ учителемъ словесности. Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи Добролюбовъ поражалъ объемистыми сочиненіями въ 30, 40, 160 писчихъ листовъ на философскія тэмы, особенно объ ученіи Отцовъ Церкви и по русской

церковной исторіи. Въ то же время, уже на 14 году, началъ онъ писать стихи и между прочимъ переводилъ Горація.

Выйдя изъ семинаріи за два года до окончанія курса, въ августѣ 1853 г., онъ отправился въ Петербургъ держать пріемный экзаменъ въ С.-Петербургскую духовную академію, такъ какъ въ университетѣ онъ не могъ учиться по скудности своего семейнаго положенія. Но въ Петербургѣ онъ узналъ о возможности поступить въ Педагогическій институтъ на казенный счетъ и воспользовался ею, удовлетворивъ, такимъ образомъ, своему желанію пройти курсъ свѣтскаго высшаго заведенія.

Въ институтѣ онъ еще болѣе погрузился въ книги, аскетически чуждаясь всякихъ удовольствій и развлеченій, съ тою цѣлью, какъ онъ писалъ въ своемъ дневникѣ, „что для того, чтобы сдѣлать что-нибудь, онъ не долженъ убаюкивать себя, дѣлать уступки обществу, а напротивъ—держаться отъ него дальше, питая желчь свою". Это мрачное настроеніе усилилось еще, когда на него обрушилось нѣсколько тяжкихъ ударовъ судьбы. При переходѣ на второй курсъ института онъ потерялъ нѣжно любимую мать, а вслѣдъ за нею сошелъ въ могилу и отецъ. На рукахъ у Добролюбова осталась семья изъ 5-ти сестеръ и 2-хъ братьевъ. Онъ намѣревался уже оставить институтъ, и едва уговорили его, что на скудное жалованье уѣзднаго учителя семью ему не прокормить, сестры же и братья могутъ пока жить у родственниковъ и прихожанъ, уважавшихъ его отца. Но Добролюбовъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы допустить родныхъ до житья на чужой счетъ. Онъ началъ давать уроки, доставалъ переводы и такимъ образомъ пріобрѣталъ деньги на содержаніе сестеръ и братьевъ. Эти занятія сверхъ силъ очень вредно вліяли, какъ на здоровье, такъ и на расположеніе духа юноши. Сдержанное, холодное и тѣмъ болѣе мрачное ожесточеніе окончательно овладѣло имъ и не покидало его въ продолженіе всей его недолгой жизни.

Уже въ началѣ 1855 года познакомился Добролюбовъ съ Н. Г. Чернышевскимъ, къ которому пришелъ съ повѣстью; но Чернышевскій отклонилъ его отъ беллетристики, какъ несвойственной характеру его таланта, и направилъ его на путь критики. Въ 1856 году, за годъ до окончанія курса въ институтѣ, были напечатаны въ „Современникѣ" первыя статьи его „О Собесѣдникѣ любителей русскаго слова" и разборъ „Акта Главнаго Педагогическаго института". Статьи эти сразу обратили на себя вниманіе начитанностью автора и сдержанною холодною ироніей, которую трудно было ожидать отъ 19-ти-лѣтняго юноши. Но имя его осталось неизвѣстно во избѣжаніе какихъ-либо непріятностей въ институтѣ, и лишь по окончаніи курса, въ 1857 г., началъ онъ постоянное сотрудничество въ „Современникѣ", а въ концѣ 1858 г.

принялъ въ свое завѣдываніе отдѣлъ критики и библіографіи въ этомъ журналѣ.

Дальнѣйшая жизнь Добролюбова представляетъ собою одинъ непрерывный трудъ почти безъ малѣйшаго отдыха. Стоитъ посмотрѣть на 4 увѣсистые тома его сочиненій, написанные всего-навсе въ три года, чтобы понять, что это была за работа. Понятно, что силъ молодого человѣка едва хватило на эти три года. Онъ впалъ въ жестокую чахотку. Тщетно ѣздилъ за границу лѣчиться: было уже поздно—и 17 ноября 1861 г. его не стало.

Эстетическія воззрѣнія Добролюбова сходятся отчасти со взглядами Бѣлинскаго, отчасти съ воззрѣніями Чернышевскаго. Такъ, подобно Бѣлинскому, онъ требовалъ, чтобы искусство было проникнуто общественными идеями, и отрицалъ эстетическую критику, которая, по его мнѣнію, сдѣлалась принадлежностью чувствительныхъ барышень. Но въ то же время, подобно Бѣлинскому, отрицалъ онъ и тенденціозное надуманное творчество, требуя отъ него полной естественности и непринужденности. Съ Чернышевскимъ онъ сходился въ томъ, что, подобно ему, отрицалъ всякую существенную разницу между наукою и поэзіей, и отсюда выводилъ второстепенное, служебное значеніе искусства. По мнѣнію Добролюбова, за исключеніемъ нѣсколькихъ геніальныхъ поэтовъ, въ родѣ Шекспира, Данте, Гёте и Байрона, „обыкновенные таланты, не представляя міру ничего новаго и невѣдомаго, не намѣчая новыхъ путей въ развитіи человѣчества, не двигая его даже и на принятомъ пути, должны ограничиваться болѣе частнымъ, спеціальнымъ служеніемъ“: они проводятъ въ сознаніе массъ то, что открыто передовыми дѣятелями человѣчества, раскрываютъ и проясняютъ людямъ то, что въ нихъ живетъ еще смутно и неопредѣленно“.

Изъ всѣхъ этихъ эстетическихъ взглядовъ Добролюбовъ и выводилъ требованія своей критики, которую онъ называлъ *реальною*, но которая, въ сущности, была чисто-публицистическою, имѣя дѣло съ анализомъ не самихъ произведеній, а тѣхъ фактовъ жизни, которые въ произведеніяхъ изображаются. Реальная критика, по мнѣнію Добролюбова, должна относиться къ произведеніямъ художника такъ же, какъ къ явленіямъ дѣйствительной жизни: какъ скоро въ писателѣ-художникѣ признается талантъ, т. е. умѣнье чувствовать и изображать жизненную правду явленій, то, уже въ силу этого самого признанія, произведенія его даютъ законный поводъ къ разсужденіямъ о средѣ, жизни, эпохѣ, которыя вызвали въ писателѣ то или другое произведеніе. И мѣркой для таланта писателя будетъ здѣсь то, до какой степени широко захвачена имъ жизнь, въ какой степени прочны и многозначительны образы, имъ созданные. Для критики, по мнѣ-

нію Добролюбова, тѣ только произведенія и важны, въ которыхъ жизнь сказалась сама собой, а не по заранѣе придуманной авторомъ программѣ.

Подобныя требованія съуживали задачи критика, предоставляя ему ограничиваться такими лишь произведеніями, на вѣрность изображеній которыхъ можно было положиться; зато для публициста открывалась широкая дорога анализировать жизнь и проводить свои общественныя идеи на основаніи произведеній первоклассныхъ художниковъ, въ которыхъ тогда не было недостатка. Добролюбовъ такъ и дѣлалъ; и лучшіе его критическіе этюды, каковы: „Темное царство“ (о комедіяхъ Островскаго), „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“ (по поводу „Грозы“ Островскаго), „Что такое обломовщина?“ (о романѣ Гончарова „Обломовъ“), „Когда же придетъ настоящій день?“ (о романѣ Тургенева „Наканунѣ“)—заключаютъ въ себѣ не что иное, какъ глубокій и всесторонній анализъ существенныхъ сторонъ современной русской жизни.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ преобладающимъ содержаніемъ является анализъ нравственныхъ качествъ современной интеллигенціи, которая представлялась Добролюбову преисполненною безхарактерности, дряблости, пассивнаго безволія и т. п. Всѣ эти печальныя качества Добролюбовъ обусловливалъ, съ одной стороны, растлѣвающимъ вліяніемъ крѣпостного права, съ другой—тѣмъ семейнымъ, общественнымъ и экономическимъ гнетомъ, который тяготѣлъ надъ нашимъ обществомъ въ продолженіе многихъ вѣковъ. Отсюда-то проистекалъ и скептически-отрицательный взглядъ Добролюбова на всеобщее возбужденное и радостное настроеніе, замѣчаемыя имъ въ обществѣ. Онъ постоянно указывалъ на непрочность и эфемерность движенія, возникшаго въ средѣ, которая по самому существу своему инертна и неспособна къ мало-мальски серьезному воззрѣнію на жизнь.

Въ противовѣсъ отрицательнымъ качествамъ интеллигенціи Добролюбовъ выставлялъ народъ, въ которомъ одномъ видѣлъ воплощеніе всѣхъ своихъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ и полагалъ единственную надежду на возрожденіе общества. Въ народныхъ массахъ, по его мнѣнію, таится единственная могучая стихійная сила, на которую только и можетъ положиться безсильная и ничтожная сама по себѣ интеллигенція.

Но однѣми критическими статьями не исчерпывается дѣятельность Добролюбова. Вы найдете у него и педагогическія статьи („О значеніи авторитета въ воспитаніи“, „Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова“, „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“, „Отъ дождя да въ воду“ и пр.), и по внутреннимъ вопросамъ („Литературныя мелочи прошлаго года“, „Народное

дѣло“, „Любопытный пассажъ въ исторіи русской словесности“), и по внѣшней политикѣ („По поводу одной очень обыкновенной исторіи“, „Непостижимая странность“, „Изъ Турина“, „Отецъ Гавацци и его проповѣди“ и пр.). Въ качествѣ сатирика, въ особенномъ отдѣлѣ „Современника“, „Свисткѣ“, онъ былъ безпощаднымъ обличителемъ всякой словесной мишуры, фразистости, напускного либерализма, скрывающаго подъ блестящею внѣшностью грубое азіатское варварство и закорузлое невѣжество. Бичъ его съ равною безпощадностью хлесталъ какъ жрецовъ чистаго искусства, такъ и тенденціозныхъ поэтовъ, съ паѳосомъ мнимой гражданской скорби обличавшихъ мелкое чиновничество въ мелкихъ злоупотребленіяхъ. Строгій приверженецъ во всѣхъ сферахъ жизни естественности, искренности и простоты, при глубокомъ и страстномъ проникновеніи стремленіемъ къ общественной пользѣ, Добролюбовъ требовалъ и отъ литературы тѣхъ же качествъ.

Представителемъ крайняго развитія воззрѣній современной критики и ея нѣсколько утилитарнаго направленія явился талантливый юноша, Д. И. Писаревъ.

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ род. (въ 1841 г., ум. въ 1868 г.) на границѣ Орловской и Воронежской губ., въ имѣніи Знаменскомъ, гдѣ и провелъ первыя 5 лѣтъ своей жизни, а затѣмъ семья Писаревыхъ переселилась въ Тульскую губ., въ усадьбу Грунецъ. Она принадлежала къ старому дворянскому роду, нѣкогда зажиточному, потомъ обѣднѣвшему. Воспитаніе Писарева шло подъ руководствомъ матери, женщины образованной и начитанной. Съ четырехъ уже лѣтъ Писаревъ не только объяснялся, но и писалъ на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Кромѣ матери и гувернантокъ, въ воспитаніи Писарева принималъ участіе дядя его, обучавшій племянника исторіи, географіи, ариѳметикѣ и русской грамматикѣ; сынъ приходскаго священника приготовлялъ его въ древнихъ языкахъ. Одиннадцати лѣтъ Писаревъ былъ уже приготовленъ къ третьему классу гимназіи. И въ декабрѣ 1851 г. привезли его въ Петербургъ, поселили въ семействѣ одного изъ дядей, человѣка богатаго и со связями, и опредѣлили въ 3-ю петербургскую гимназію. Въ гимназіи Писаревъ постоянно былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ и кончилъ курсъ съ медалью въ 1856 г., когда ему не было еще и 16 лѣтъ. Затѣмъ онъ поступилъ на филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Подъ вліяніемъ университетской науки, новыхъ товарищей и начинавшагося общественнаго движенія, Писаревъ черезъ годъ сдѣлался неузнаваемъ: возмужалъ, развернулся. Окунувшись въ университетскую науку, онъ началъ читать Штейнталя и Гайма съ цѣлію приготовить статью о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ для „Студенческаго Сборника“, а въ 1858 году писалъ уже библіо-

Д. И. Писаревъ.

графическія статейки въ „Разсвѣтѣ", журналѣ для дѣвицъ, издаваемомъ Кремпинымъ. Усиленная литературная работа, въ соединеніи съ быстрымъ умственнымъ развитіемъ, университетскими занятіями, а также и другими житейскими невзгодами—имѣла своими послѣдствіями нервное переутомленіе, разрѣшившееся психическою болѣзнію, вслѣдствіе которой Писареву пришлось провести четыре мѣсяца въ лѣчебницѣ Штейна. Это не помѣшало ему, по выздоровленіи, въ 1860 году, написать обширную диссертацію „Объ Аполлоніи Тіанскомъ", за которую онъ получилъ серебряную медаль. Въ 1861 году онъ кончилъ университетскій курсъ и въ томъ же году перешелъ изъ журнала Кремпина въ „Русское Слово" Благосвѣтлова, въ которомъ (въ лѣтніе мѣсяцы) была напечатана вышеозначенная диссертація.

Затѣмъ началось усердное сотрудничество Писарева въ „Русскомъ Словѣ". Въ 1862 г., послѣ временного закрытія „Русскаго Слова", Писаревъ остался безъ денегъ и безъ работы. Вслѣдъ затѣмъ, 3 іюля того же года, онъ былъ арестованъ за напечатаніе рецензіи своей на брошюру Шедо-Ферoти въ тайной типографіи и присужденъ къ пятилѣтнему заключенію въ крѣпости; но онъ былъ освобожденъ раньше срока, въ 1866 г. Четыре года, проведенные въ крѣпости, были годами бо́льшей части его литературной дѣятельности. По выходѣ изъ крѣпости, Писаревъ вскорѣ разошелся съ Благосвѣтловымъ и началъ сотрудничать въ обновленныхъ Некрасовымъ „Отечественныхъ Запискахъ" съ 1868 года. Но дни его были уже сочтены. Лѣтомъ 1868 г., живя на дачѣ въ Дубельнѣ, онъ утонулъ. Тѣло его было привезено въ Петербургъ и погребено на Волковомъ кладбищѣ.

Обладая блестящимъ слогомъ, увлекательнымъ изложеніемъ и остроуміемъ, особенно ярко проявлявшимся въ полемикѣ, Писаревъ до сихъ поръ еще представляется кумиромъ молодежи, и рѣдко кто не начинаетъ своего развитія чтеніемъ Писарева. Въ свое же время, въ серединѣ 60-хъ годовъ, каждая статья его, появлявшаяся на страницахъ „Русскаго Слова", возбуждала восторгъ съ одной стороны, озлобленіе—съ другой.

Писарева обвиняли главнымъ образомъ въ томъ, что онъ является полнымъ отрицателемъ искусства, считаетъ тачанье сапогъ полезнѣе чтенія Шекспира, приглашаетъ всѣхъ поэтовъ и беллетристовъ употреблять свои таланты не на безполезное писаніе стишковъ и повѣстушекъ, а на популяризацію естественнонаучныхъ знаній, и отвергаетъ всякое значеніе въ русской литературѣ даже Пушкина. Но всѣ эти обвиненія, по правдѣ сказать, нѣсколько преувеличены. На самомъ дѣлѣ, у Писарева совсѣмъ не было никакихъ своихъ собственныхъ, самостоятельныхъ эстетическихъ воззрѣній, и онъ въ этомъ отношеніи вполнѣ под-

чинялся своимъ предшественникамъ: Бѣлинскому, Чернышевскому и Добролюбову. Эти предшественники его въ критикѣ внушали уже, что искусство играетъ низшую, служебную роль вспомогательнаго средства для памяти, имѣетъ по отношенію къ анализу жизни такое же значеніе, какъ анатомическіе и географическіе атласы по отношенію къ наукѣ. Отъ такого воззрѣнія на искусство былъ одинъ шагъ до полнаго его отрицанія, что и совершилъ Писаревъ въ юношескомъ задорѣ, въ своей извѣстной статьѣ: „Цвѣты невиннаго юмора", въ которой, доказывая, что Щедринъ ничто иное, какъ веселый и остроумный балагуръ и, слѣдовательно, поэтъ чистаго искусства, онъ совѣтуетъ ему заняться естествознаніемъ: „пусть, молъ, читаетъ, размышляетъ, переводитъ, компилируетъ, и тогда онъ будетъ дѣйствительно полезнымъ писателемъ. При его умѣньѣ владѣть русскимъ языкомъ и писать живо и весело, онъ можетъ быть очень хорошимъ популяризаторомъ, а Глуповъ давно пора бросить".

Приводимыя выдержки представляютъ собою кульминаціонную точку отрицанія искусства: самъ Писаревъ, впослѣдствіи, отъ нея отрекался и шелъ на уступки. „Мы, — говоритъ онъ: — вовсе не говоримъ поэту: „шей сапоги", или историку: „пеки кулебяки"; но мы требуемъ непремѣнно, чтобы поэтъ, какъ поэтъ, и историкъ, какъ историкъ—приносили каждый въ своей спеціальности дѣйствительную пользу" и т. д.

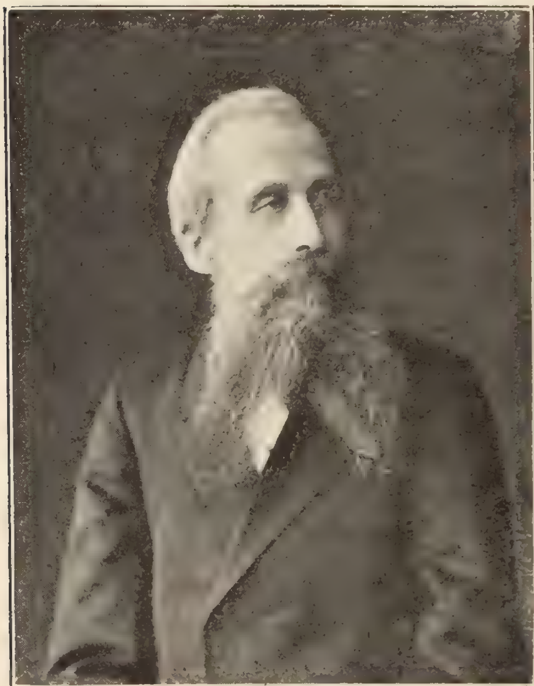
Но всѣмъ этимъ не исчерпывается значеніе Писарева въ нашей литературѣ. Въ критическихъ статьяхъ его вы найдете нѣчто стоящее неизмѣримо выше его молодыхъ увлеченій и что будетъ всегда имѣть свою цѣну: именно—блестящій и чуткій критическій талантъ, вооруженный могучимъ, смѣлымъ и безпощаднымъ анализомъ. Анализъ этотъ будитъ молодой умъ, заставляетъ вглядываться вокругъ себя пытливымъ взглядомъ, раскрывая передъ неопытными глазами массу лжи и зла въ примелькавшихся явленіяхъ обыденной жизни. Таковы статьи его: „Стоячая вода", „Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ", „Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова", „Романъ кисейной барышни", „Подростающая гуманность", „Погибшіе и погибающіе", „Борьба за жизнь", „Старое барство" и пр. Статьи эти до сего времени читаются съ увлеченіемъ и несомнѣнною пользою, и долго еще не будутъ забыты.

Современные писатели.

Рядъ біографическихъ очерковъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Очерки эти, въ большей своей части, составлены нами по новымъ матерьяламъ, доставленнымъ, по нашей просьбѣ, самими писателями.

Василій Петровичъ Авенаріусъ, сынъ лютеранскаго пастора, родился въ Царскомъ Селѣ 28-го сентября 1839 года. Первоначально воспитывался въ церковной школѣ, а съ 1850 г. въ 5-й с.-петербургской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1857 году и поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, и вышелъ изъ него кандидатомъ по естественному факультету. Первые стихотворные опыты относятся ко временамъ студенчества. Затѣмъ, въ 1865 г. Авенаріусъ выступилъ съ повѣстью „*Современная идиллія*" и другими произведеніями, между которыми видное мѣсто занимаетъ большой историческій романъ „*Три вѣнца*". Съ 1870 г. онъ занялся обработкою и переложеніемъ былинъ, соединяя разрозненные варьянты ихъ въ сводныя редакціи отдѣльныхъ сюжетовъ. Эта работа заслужила полного одобренія О. Ѳ. Миллера, извѣстнаго знатока былиннаго эпоса. Въ результатѣ многолѣтняго, кропотливаго и усидчиваго труда получилась „*Книга былинъ*", которая всѣмъ понравилась и разошлась во многихъ изданіяхъ. Начиная съ 80-хъ годовъ, Авенаріусъ посвящаетъ себя исключительно дѣтской литературѣ, въ которую вноситъ много новаго и свѣжаго матерьяла, основывая свои поучительные разсказы на историческихъ данныхъ, заимствованныхъ изъ жизни наиболѣе значительныхъ нашихъ писателей (Пушкина и Гоголя). На этомъ матерьялѣ онъ создалъ совершенно-новый родъ „біографическихъ" повѣстей для юношества. Отличительныя черты всего, что Авена-

В. П. Авенаріусъ.

Труднымъ намъ кажется все, чего
Добиваемся сами,
Легкимъ, напротивъ, чего раньше
добился другой.

В. Авенаріусъ

ріусъ пишетъ для юношества—чрезвычайная простота и ясность, при умѣньѣ доставить полезное и назидательное чтеніе.

Дмитрій Васильевичъ Аверкіевъ род. 30 сентября 1836 г., въ Екатеринодарѣ. Дѣдъ и отецъ его, по происхожденію, были купцы. Воспитаніе Дмитрій Васильевичъ получилъ въ с.-петербургскомъ коммерческомъ училищѣ; по окончаніи курса, онъ перешелъ на естественный факультетъ С.-Петербургскаго Университета, гдѣ и получилъ въ 1859 г. степень кандидата. Первые литературные опыты относятся къ университетскому періоду. Затѣмъ Дмитрій Васильевичъ высту-

Д. В. Аверкіевъ.

шилъ фельетонистомъ и театральнымъ рецензентомъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и въ „Сѣверной Пчелѣ“, и, наконецъ, въ 1864 г. вышелъ на свою настоящую, давно имъ излюбленную дорогу: помѣстилъ въ журналѣ „Эпоха“ свою первую народную драму „*Мамаево побоище*“. Съ того времени, продолжая заниматься мелкою и спѣшною журнальною работою, Дмитрій Васильевичъ посвящалъ всѣ свои досуги драмѣ, и свои драматическія произведенія писалъ то въ стихахъ, то въ прозѣ. Въ 1867 г. появилась его трагедія „*Слобода Неволя*“ (напеч. во „Всемірномъ Трудѣ“), а въ слѣдующемъ— комедія въ стихахъ „*Лѣшій*“ (напечатанная въ „Отечественныхъ Запискахъ“) и другая стихотворная комедія „*Терентій мужъ Даниловичъ*“ (напечатана тамъ же). Въ 1868 же году Дмитрій Васильевичъ поставилъ на сцену свою комедію „*Фролъ Скабѣевъ*“, содержаніе которой было имъ заимствовано изъ весьма извѣстной древне-русской повѣсти. Пьеса имѣла большой успѣхъ, и до сихъ поръ не сходитъ со сцены, точно также какъ и другая драма его „*Каширская старина*“, которую критика признала лучшимъ произведеніемъ Д. В. Аверкіева. Кромѣ драмъ, Д. В. писалъ и повѣсти, между которыми историческая повѣсть „*Лихо*“ имѣла успѣхъ; но все же его произведенія драматическія, по своей яркости и общедоступности, далеко оставляютъ за собою его беллетристику.

Василій Григорьевичъ Авсѣенко род. 5 января 1842 г., въ Московской губ., въ дворянской семьѣ. Въ 1852 году поступилъ было въ 1-ую с.-петербургскую гимназію; но по семейнымъ обстоятельствамъ закончилъ курсъ въ 1-й кіевской гимназіи, и въ 1862 году получилъ степень кандидата въ Кіевскомъ университетѣ, по филологическому факультету. Попытавъ свои силы на приватъ-доцентурѣ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, Василій Григорьевичъ, вскорѣ, однакоже, отказался отъ преподавательской дѣятельности и выступилъ на литературное поприще, на которомъ удачно дебютировалъ еще будучи студентомъ (помѣстилъ рядъ историческихъ статей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“). Нѣкоторое время онъ былъ ближайшимъ помощникомъ своего любимаго профессора, В. Я. Шульгина по изданію газеты „Кіевлянинъ“; затѣмъ, подъ псевдонимомъ *В. Порошилова*, напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ первую свою повѣсть „*Буря*“ (1865), за которою послѣдовалъ цѣлый рядъ повѣстей, романовъ и разсказовъ, преимущественно появлявшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Зарѣ“ и лишь въ меньшинствѣ разсѣянныхъ по другимъ журналамъ. Одновременно онъ не прекращалъ своей дѣятельности весьма плодовитаго и остраго критика-публициста въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русскомъ Мірѣ“, „Гражданинѣ“, „Кругозорѣ“ и др. журналахъ. Изъ его

романовъ, красиво-написанныхъ и увлекательныхъ по содержанію, очень многіе нравились публикѣ и читались съ интересомъ. Наиболѣе замѣчательными среди нихъ являются: „*Млечный путь*“ (1875) и „*Скрежетъ зубовный*“ (1878), въ которыхъ особенно характерно проявляется свойственная талантливому автору манера творчества.

МихаилъНиловичъ Альбовъ род. въ С.-Петербургѣ 8 ноября 1851 года. Отецъ его былъ діаконъ при церкви почтоваго департамента. Раннее, слишкомъ изобильное и никѣмъ не упорядоченное чтеніе вскружило голову молодому и талантливому юношѣ, внушивъ ему уже въ 4-мъ классѣ гимназіи желаніе непремѣнно писательствовать и видѣть свои произведенія въ печати. Это ему удалось:—его первый разсказъ „*Записки подвальнаго жильца*“ былъ дѣйствительно напечатанъ въ „Петербургскомъ Листкѣ“, и эта удача совсѣмъ сбила съ толку юнаго автора... Онъ долженъ былъ покинуть гимназію; опять въ нее поступилъ и не безъ затрудненія окончилъ курсъ въ 1873 г. (въ 5-й с.-петербургской гимназіи), и курсъ университета въ 1879 г.—Первымъ крупнымъ произведеніемъ М. Н. Альбова была его прекрасная и трогательная повѣсть „*День итога*“, которая обратила вниманіе критики и публики на автора. За этою повѣстью послѣдовали романы: „*До пристани*“, „*Въ рясѣ*“ (изъ быта духовенства), „*Глава изъ недописанной повѣсти*“, разсказъ „*Какъ горѣли дрова*“, „*Невѣдомая улица*“, „*Конецъ невѣдомой улицы*“ и т. д., появлявшіеся въ журналахъ и выходившіе отдѣльными изданіями. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, проникнутыхъ искреннимъ чувствомъ и посвященныхъ тонкому анализу житейскихъ невзгодъ столичнаго пролетаріата, авторъ выказываетъ себя знатокомъ описываемаго имъ быта и серьезнымъ наблюдателемъ.

М. Н Альбовъ.

Сергѣй Аркадьевичъ Андреевскій—одинъ изъ современныхъ поэтовъ-лириковъ—родился 29 декабря 1847 г. въ с. Александровкѣ (Екатеринославской губ., Славяносербскаго уѣзда). Учился въ екатеринославской гимназіи, а затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ Харьковскаго университета, гдѣ и закончилъ курсъ въ 1869 году. Сначала служилъ по судебному вѣдомству, а затѣмъ перешелъ къ адвокатурѣ и въ настоящее время можетъ быть на-

... Разрушается и исчезаетъ въ забвеніи все —
и люди съ дѣлами ихъ, — какъ разрушатся
и исчезнутъ въ забвеніи эти страницы, съ рас-
сказанною на нихъ мною исторіей, — какъ
разрушимся и исчезнемъ въ забвеніи тоже
и мы съ тобою, читатель. Такъ было от
созданія міра и такъ будетъ впредь, — ибо
родъ приходитъ и родъ преходитъ, земля-же
пребываетъ во вѣки

1893.

Мих Альбовъ

званъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ ея представителей. Первые проблески поэтическаго дарованія проявились очень поздно — на 30-мъ году жизни, когда житейскій опытъ уже вполнѣ владѣлъ душою поэта. Сергѣй Аркадьевичъ началъ съ того, что переводилъ своихъ любимыхъ поэтовъ — Мюссэ, Ришпена, Боделэра, С. Прюдомма, Коппэ и др. Затѣмъ онъ перешелъ и къ оригинальной поэзіи, съ которой публика ознакомилась впервые на страницахъ „Вѣстника Европы“ (1878—1885 гг.). Въ 1886 г. Сергѣй Аркадьевичъ издалъ въ свѣтъ сборникъ своихъ стихотвореній, въ составъ которыхъ вошло около 50 мелкихъ лирическихъ пьесъ, 3 небольшія поэмы („На утрѣ дней“, „Мракъ“ и „Обрученные“), кромѣ значительнаго количества переводныхъ стихотвореній. Главное достоинство поэзіи С. А. Андреевскаго, кромѣ внѣшняго изящества,—спокойный и ничѣмъ не смущаемый взглядъ на жизнь, какъ она ему представляется.

Казимиръ Станиславовичъ Баранцевичъ родился 22 мая 1851 г. въ С.-Петербургѣ. Отецъ его былъ полякъ и по роду принадлежалъ къ старинному польскому дворянству; мать — француженка. Самоучкой выучился онъ читать и предался чтенію такъ рьяно, что все, кромѣ чтенія, отошло у него на задній планъ. Въ томъ числѣ, съ полнымъ пренебреженіемъ отнесся юноша и къ правильному гимназическому ученію (во 2-й с.-петербургской гимназіи), такъ-что даже и покинулъ гимназію съ 4-го класса. Въ это время онъ „уже давно“ писалъ стихами и прозой, и только о томъ и мечталъ, какъ бы ему выйти на литературную дорогу. Но судьба-мачеха сильно ему въ томъ препятствовала, угнетая его безысходною нуждою, непосильною работою и всякаго рода житейскими невзгодами. Эта судьба, конечно, не могла не отразиться на его литературной дѣятельности, въ которой немного мѣста отведено „радостямъ жизни“; но за то горе и бѣдствія находятъ себѣ въ К. С. Баранцевичѣ самаго усерднаго и сочувственнаго повѣствователя. Печатно дѣятельность Казимира Стани-

К. С. Баранцевичъ.

Изъ всѣхъ утратъ самая тяжелая, невознаградимая и незабываемая, — утрата вѣры въ человѣка.

Каз Баранцевичъ

славовича началась довольно поздно, въ 1870 г., когда ему удалось поставить на сцену, подъ заглавіемъ „*Опричина*", передѣлку извѣстнаго романа А. К. Толстого („Князь Серебряный"). Первою повѣстью была: „*Одинъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ*" (1873), помѣщенная въ сборникѣ „Гражданина" и мало кѣмъ замѣченная. Только уже въ 1878 г. на К. С. Баранцевича всѣ обратили вниманіе, благодаря его повѣсти „*Порванныя струны*" (напеч. въ „Словѣ"), которая составила ему литературное имя. Затѣмъ Казимиръ Станиславовичъ писалъ довольно много, помѣщая свои произведенія то въ журналахъ, то собирая ихъ въ отдѣльные сборники, и при этомъ ограничивая свой кругъ наблюденій исключительно бѣднѣйшимъ слоемъ петербургскаго населенія. Критика, относящаяся къ г. Баранцевичу вполнѣ благопріятно, отмѣчаетъ въ его произведеніяхъ нѣкоторый романическій оттѣнокъ: стремленіе къ идеальному, фантастическому, возвышающему душу.

Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ родился въ Нижнемъ-Новгородѣ 15 августа 1836 года. Первоначальное воспитаніе получилъ дома; затѣмъ въ нижегородской гимназіи, гдѣ прошелъ всѣ семь классовъ. Затѣмъ начались его 8-ми-лѣтнія странствованія по университетамъ: Казанскому, Дерптскому и Петербургскому, въ которыхъ онъ провелъ 8 лѣтъ, увлекаясь то спеціальностью юриста, то естественными, то философскими науками, и, наконецъ, закончилъ курсъ кандидатомъ правъ С.-Петербургскаго университета (осенью 1861 г.). Писать онъ началъ очень рано: уже въ 1855 г. была одобрена театральною цензурою, но не напечатана его комедія „*Фразеры*"; первымъ же напечатаннымъ его произведеніемъ (въ „Библіотекѣ для Чтенія") была другая комедія „*Однодворецъ*" (въ октябрѣ 1860 г.). Около этого времени, увлекшись общимъ подъемомъ духа и литературнымъ оживленіемъ, Боборыкинъ, молодой и неопытный въ журнальныхъ пред-

П. Д. Боборыкинъ.

пріятіяхъ, взялся за изданіе „Библіотеки для Чтенія“ и затратилъ на это цѣлое состояніе, доставшееся ему по наслѣдству. Затѣмъ, покончивъ съ журналомъ, онъ уже болѣе сорока лѣтъ неутомимо работаетъ на поприщѣ литературы, почти ежегодно выпуская въ свѣтъ свои произведенія, беллетристическія, сценическія и ученыя. Объ этомъ сорокалѣтіи своей писательской дѣятельности онъ самъ выражается такъ: „въ ней романистъ и вообще повѣствователь преобладаетъ (до 20 большихъ романовъ и десятки повѣстей и разсказовъ); драматургъ уступаетъ повѣствователю:—пишу и ставлю пьесы и до сихъ поръ, но въ работѣ сценическаго писателя были и большія паузы (съ 1866 г.

«Весь онъ-же городъ — холодный и мокрый, съ низкой оттепелью или лютой скверной стужей, безлюдный и безкрасочный...»

(Изъ повѣсти „Одной породы“ 1900 г.)

П. Боборыкинъ

по 1871 г., потомъ съ 1876 г. и 78 г. по 1883 г.); съ тѣхъ поръ опять возобновилась и эта работа“.

Талантливая и плодовитая дѣятельность П. Д. Боборыкина всѣмъ извѣстна, и мнѣніе критики о его произведеніяхъ давно установилось. Немаловажнымъ считаемъ то, что онъ самъ, изъ числа своихъ произведеній, предпочитаетъ другимъ, между романами: „Жертва вечерняя“, „Китай-городъ“, „Василій Теркинъ“ и „Тяга“; между повѣстями и разсказами: „Поумнѣлъ“, „Трупъ“ и „Съ убійцей“. Еще недавно трудолюбивый писатель выпустилъ въ свѣтъ свое изслѣдованіе о „Европейскомъ романѣ“, надъ которымъ, по личному его признанію, работалъ десять лѣтъ.

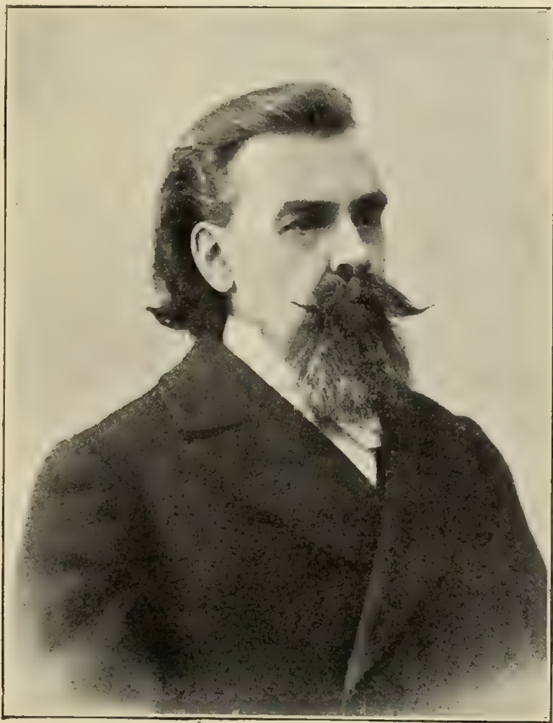
Викторъ Петровичъ Буренинъ родился въ Москвѣ 22 февраля 1841 года. Отецъ его былъ крестьяниномъ, но вышелъ изъ податного состоянія, добившись трудомъ званія свободнаго художника по архитектурѣ, а своею дальнѣйшею дѣятельностью, какъ строитель, пріобрѣлъ извѣстность честнаго и способнаго человѣка. Викторъ Петровичъ получилъ воспитаніе въ московскомъ дворцовомъ архитектурномъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1859 году, и тотчасъ же сталъ примѣнять свои знанія на практикѣ — началъ заниматься строительными работами. Но рано появившаяся въ юношѣ охота къ стихотворству и къ занятіямъ литературнымъ стала, мало-по-малу, отвлекать его отъ спеціальности. Первые печатные стихи его, какъ онъ самъ указываетъ, появились въ „Колоколѣ“ Герцена, за 1861 годъ, конечно, безъ подписи. Затѣмъ онъ уже сталъ помѣщать свои стихотворенія въ разныхъ журналахъ, подъ псевдонимами. Одинъ изъ этихъ псевдонимовъ пріобрѣлъ ему литературную извѣстность — псевдонимъ „*Выборгскаго Пустынника*“, подъ которымъ онъ сталъ работать въ „*С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*“, при редакціи В. Корша, въ началѣ 60-хъ годовъ. Такъ подписывался Викторъ Петровичъ подъ еженедѣльнымъ сатирическимъ фельетономъ. Потомъ, въ той же газетѣ, онъ долго велъ фельетонъ по журналистикѣ, въ то же время помѣщая свои стихотворенія оригинальныя и пере-

В. П. Буренинъ.

водныя во всѣхъ лучшихъ журналахъ. Со времени основанія газеты „Новое Время“, Буренинъ выступилъ въ ней, какъ постоянный сотрудникъ, и ведетъ въ ней еженедѣльный критическій фельетонъ. Въ послѣднее двадцатилѣтіе В. П. много писалъ для сцены. Какъ остроумный сатирикъ и критикъ, В. П. Буренинъ пользуется въ нашей литературѣ обширною извѣстностью.

Петръ Васильевичъ Быковъ, сынъ моряка Черноморскаго флота, родился въ Севастополѣ 20 октября 1843 года. Дѣтство и отрочество провелъ въ родовомъ помѣстьѣ, селѣ Мануйловкѣ (Екатеринославской губ., Новомосковскаго уѣзда). Воспитывался въ екатеринославской гимназіи и слушалъ лекціи по естественному факультету въ Харьковскомъ университетѣ. Началъ литературную дѣятельность мелкими разсказами, стихотвореніями и очерками, въ началѣ 60-хъ годовъ. Послѣ нѣкотораго перерыва сталъ печатать оригинальныя и переводныя свои стихотворенія чуть не во всѣхъ существовавшихъ въ то время журналахъ, подписываясь подъ ними полнымъ именемъ. Затѣмъ Петръ Васильевичъ увлекся библіографіей, составилъ списокъ русскихъ писателей и сталъ собирать матерьялы для ихъ біографій, печатая ихъ во множествѣ еженедѣльныхъ и ежедневныхъ изданій. По его собственному указанію, число напечатанныхъ имъ мелкихъ статей и замѣтокъ, біографическихъ и библіографическихъ, доходитъ до 10,000! Какъ опытный знатокъ библіографіи и отличный знатокъ литературы русской и иностранной, П. В. Быковъ былъ много разъ избираемъ въ редакторы при изданіи собранія сочиненій различныхъ авторовъ и былъ редакторомъ журнала „Всемірная Иллюстрація“ въ періодъ 1891—1898 гг. Въ настоящее время онъ собирается печатать весьма любопытную и важную работу свою—„Словарь русскихъ писательницъ“ (1850—1901 гг.)—плодъ долголѣтняго и усидчиваго труда.

П. В. Быковъ.

Литература мнѣ была порою
Жестокой мачихой злою
Но преданъ ей я всей моей душой
Какъ нѣжной матери родной...

Петръ Быковъ

Николай Петровичъ Вагнеръ — извѣстный профессоръ-зоологъ и писатель — родился въ 1829 году, въ Богословскомъ заводѣ, гдѣ въ ту пору отецъ его былъ врачомъ. Учился во 2-й казанской гимназіи; оттуда поступилъ въ 1845 году въ Казанскій университетъ, по естественному факультету. Защитивъ диссертаціи на ученыя степени магистра и доктора, занялъ каѳедру зоологіи, сначала при Казанскомъ, а впослѣдствіи при С.-Петербургскомъ университетѣ. Николай Петровичъ представляетъ собою весьма рѣдкій между учеными типъ человѣка, который, при многочисленныхъ и разнообразныхъ научныхъ работахъ, успѣваетъ удѣлять часть своего краткаго досуга на литературныя занятія, неимѣющія ничего общаго съ его спеціальностью. Такъ Н. П., глубоко сочувствуя задачамъ педагогіи и воспитанія юношества, успѣлъ очень многое сдѣлать въ этомъ направленіи. Въ 1872 г. онъ издалъ сборникъ своихъ популярно-научныхъ разсказовъ, облеченныхъ въ форму сказки, подъ общимъ заглавіемъ „*Сказки Кота-Мурлыки*". Сказки эти всѣмъ очень понравились и выдержали нѣсколько изданій. Позднѣе, Н. П. дополнилъ свой сборникъ новыми разсказами и измѣнилъ его заглавіе: „***Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки***".

Н. П. Вагнеръ.

Арсеній Ивановичъ Введенскій род. 26 октября 1844 г., въ одномъ изъ бѣдныхъ селъ Тверского уѣзда. Отецъ его былъ дьякономъ при мѣстной приходской церкви. Началъ ученье,—какъ и все юношество въ его сословіи,—съ духовнаго училища; но затѣмъ, съ величайшими усиліями, дѣлающими честь его энергіи и любо-

знательности, выбился на университетскую дорогу и пополнилъ свое образованіе. Съ 1876 года А. И. Введенскій выступилъ въ литературѣ со своими критическими очерками, рецензіями и характеристиками, выказавшими въ немъ основательное знаніе нашей литературы въ ея прошломъ и настоящемъ. Большія и весьма разнообразныя библіографическія свѣдѣнія Арсеній Ивановичъ выказалъ при изданіи сочиненій русскихъ авторовъ (Ломоносова, Екатерины II, Фонвизина, Козлова, Кольцова, Полежаева и Лермонтова), которыя выполнялъ по заказу издателя „*Нивы*“, А. Ѳ. Маркса.

А. И. Введенскій.

Семенъ Аѳанасьевичъ Венгеровъ—историкъ литературы и критикъ—родился 5 апрѣля 1855 г., въ г. Лубнахъ, Полтавской губ. Въ 1872 г. окончилъ курсъ въ 5-й с.-петербургской гимназіи: два года пробылъ въ медико-хирургической академіи, гдѣ прослушалъ курсъ естественныхъ наукъ. Въ 1879 году получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ степень кандидата правъ, а въ слѣдующемъ году степень кандидата по историко-филологическому факультету. Тогда же былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ каѳедрѣ исторіи русской литературы. Въ періодъ времени между 1897 и 1899 гг. читалъ въ С.-Пе-

С. А. Венгеровъ.

тербургскомъ университетѣ лекціи по исторіи русской литературы, въ качествѣ привать-доцента. Статьи критическія, историко-литературныя и историческія (по исторіи славянскихъ религіозныхъ вѣрованій) сталъ помѣщать въ журналахъ тотчасъ по выходѣ изъ университета (въ „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Мысли“, „Рус-

На основѣ завѣтовъ Бѣлинскаго создалась новѣйшая русская литература, это удивительное сочетаніе художественной красоты и нравственной силы, широкаго размаха и тоски по идеалу.

С. Венгеровъ

скомъ Богатствѣ“, „Недѣлѣ“ и др.). Въ отдѣльномъ изданіи С. А. Венгеровымъ напечатаны: „Русская литература въ ея современныхъ представителяхъ“ („*И. С. Тургеневъ*“ и „*А. Ѳ. Писемскій*“); „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“ (вышло уже 5 томовъ); „Русскія книги“, съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (вышло 3 тома). Въ настоящее время С. А. предпринялъ изданіе полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго съ историко-литературными примѣчаніями. Съ 1891 г. редактируетъ отдѣлъ исторіи литературы въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона.

П. И. Вейнбергъ.

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ родился 1830 г. въ г. Николаевѣ. Воспитывался въ первой одесской гимназіи и Ришельевскомъ лицеѣ, а закончилъ образованіе въ Харьковскомъ университетѣ, въ 1855 г., со степенью кандидата по филологическому факультету. Прекрасно владѣя стихомъ и зная основательно иностранные языки, Петръ Исаевичъ, еще до окончанія курса въ университетѣ, уже успѣлъ

напечатать въ Одессѣ небольшой сборникъ своихъ оригиналь-ныхъ и переводныхъ стихотвореній. Послѣ краткаго перерыва, начиная съ 1858 года, онъ сталъ помѣщать свои стихотворенія во всѣхъ лучшихъ журналахъ той эпохи. Въ 1860 г. онъ даже затѣялъ издавать свой журналъ „*Вѣкъ*“, въ сообществѣ съ Дружининымъ, Кавелинымъ и Безобразовымъ (В. П.); журналъ пошелъ прекрасно, но былъ загубленъ по неосторожности самого издателя, который неловко коснулся назрѣвавшаго въ ту пору женскаго вопроса. Въ этомъ журналѣ Петръ Исаевичъ помѣстилъ множество своихъ стихотвореній подъ псевдонимомъ „Гейне изъ Тамбова“. Въ послѣдующіе годы, кромѣ постоянныхъ журнальныхъ работъ, Петръ Исаевичъ посвятилъ себя главнымъ образомъ переводу классическихъ произведеній великихъ европейскихъ писателей. Такъ имъ были переведены девять пьесъ Шекспира для Гербелевскаго изданія, многое изъ Гёте и Гейне и коечто изъ Байрона, Шелли, Гутцкова, Шеридана и Лессинга. Въ настоящее время Петръ Исаевичъ читаетъ лекціи по всеобщей литературѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Василій Львовичъ Величко род. 14 іюля 1860 г., въ г. Прилукахъ (Полтавской губ.), въ помѣщичьей семьѣ, довольно обширной, но изъ которой уцѣлѣлъ онъ одинъ. Дѣтство свое провелъ въ родовой усадьбѣ; а воспитаніе началъ въ частномъ пансіонѣ, въ Кіевѣ, и оттуда поступилъ въ Училище Правовѣдѣнія. Курсъ въ училищѣ окончилъ въ 1883 г. и поступилъ на службу, сначала въ министерство юстиціи, а потомъ перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ. Страсть къ стихотворству развилась въ В. Л. очень рано: онъ

В. Л. Величко.

уже ребенкомъ писалъ стихи; однакоже, первыми стихотвореніями, явившимися въ печати, были помѣщенныя въ „Живописномъ Обозрѣніи“ въ 1880 г. Сначала, увлекаясь своимъ литературнымъ успѣхомъ, В. Л. печаталъ свои стихотворенія въ десяткѣ газетъ и періодическихъ журналовъ; но потомъ сосредоточился преимущественно на „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Мысли“, книжкахъ „Недѣли“ и „Нивы“.

Въ 1890 г. вышелъ первый сборникъ стихотвореній В. Л., подъ заглавіемъ: „*Восточные мотивы*“, а въ 1898 г. „*Второй сборникъ стихотвореній*“; какъ тотъ, такъ и другой обратили на себя общее вниманіе живостью и разнообразіемъ поэтическихъ мотивовъ и прекрасною обработкою стиха; критика также отозвалась о стихотвореніяхъ В. Л. весьма единодушно и благосклонно.

Кромѣ поэзіи, В. Л. Величко испыталъ свои силы и на драматическомъ поприщѣ; его пьесы: „*Первая муха*“ и „*Душегубы*“ (напечатанныя въ „*Нивѣ*“), имѣли положительный успѣхъ на сценѣ и смотрѣлись публикою съ большимъ удовольствіемъ.

П. П. Гнѣдичъ.

Петръ Петровичъ Гнѣдичъ—сынъ инженера путей сообщенія — родился въ С.-Петербургѣ 18 декабря 1855 г. Двоюродный дядя его былъ извѣстный въ нашей литературѣ писатель, Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, прославившійся своимъ переводомъ „Иліады“ Гомера. П. П. Гнѣдичъ воспитывался въ 1-й с.-петербургской гимназіи, а по окончаніи въ ней курса, поступилъ въ Академію Художествъ. По собственному его признанію, въ Академіи его гораздо болѣе занимали лекціи по научнымъ предметамъ, нежели живопись, и когда въ 1879 г. онъ окончилъ ученье въ Академіи, то совсѣмъ уклонился отъ художнической карьеры и занялся литературой. Первые литературные опыты П. П. Гнѣдича относятся еще ко времени пребыванія въ Академіи: это были небольшіе разсказы, помѣщенные въ *Нивѣ* и въ *Кругозорѣ* Клюшникова. Съ тѣхъ поръ

все, напечатанное П. П. Гнѣдичемъ, представляетъ собою около пятнадцати небольшихъ томовъ. Особеннымъ успѣхомъ между ними пользовался тотъ, который былъ озаглавленъ „Семнадцать разсказовъ". Самъ авторъ предпочитаетъ среди своей беллетристики два произведенія: „*Ноша міра сего*" и „*Туманы*" (1887 г. и 1888 г.).

П. П. Гнѣдичъ пользуется значительною извѣстностью, какъ драматургъ. Пьесы, написанныя имъ и уже двадцать лѣтъ не сходящія со сцены, занимаютъ въ собраніи его сочиненій два томика. Изъ этихъ пьесъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались: „*На хуторѣ*", „*Старая сказка*", „*Женя*", „*Венецейскій Истуканъ*", „*Горящія письма*", „*Перекати поле*" и др. Кромѣ оригинальныхъ пьесъ П. П. Гнѣдичъ поставилъ на сцену два своихъ перевода Шекспировскихъ пьесъ: „*Гамлета*" и „*Укрощеніе строптивой*".

...Только та литература достойна своего назначенія, которая основана на любви къ ближнему. Успѣхъ нашей литературы — успѣхъ христіанства. Въ ней послѣдніе являются первыми, богачъ завидуетъ прокаженному Лазарю, — здѣсь успокаиваются всѣ нуждающіеся и обремененные...

Петръ Гнѣдичъ.

1900 г. —

Въ память пребыванія въ Академіи, Гнѣдичъ пополнилъ нашу весьма бѣдную художественную литературу сначала краткою „Исторіей Искусствъ съ древнѣйшихъ временъ" (1885 г.), а затѣмъ, въ 1897 году, составилъ болѣе подробную, изданную А. Ѳ. Марксомъ въ трехъ большихъ томахъ, съ массою прекрасныхъ рисунковъ.

Графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ род. въ 1848 г. Изъ его прошлаго знаемъ мы только то, что онъ нѣкоторое время былъ Корчевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и затѣмъ стоялъ во главѣ управленія Государственнымъ Дворянскимъ и Крестьянскимъ Банкомъ. Первые литературные опыты были имъ помѣщены въ половинѣ 70-хъ годовъ въ „Дѣлѣ" (поэма „Гашишъ") и въ „Вѣстн. Европы". Въ послѣднія же 10 лѣтъ онъ помѣщаетъ свои стихотворенія исключительно въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Въ

Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

1878 г. вышло первое отдѣльное изданіе стихотвореній графа А. А. („*Затишье и буря*"); а слѣдующее въ 1884 году. Въ этомъ послѣднемъ изданіи помѣщены драматическіе опыты графа А. А. („*Смерть Святополка*") и поэмы его: „*Дѣдъ простилъ*", „*Разсвѣтъ*", „*Старыя рѣчи*". Кромѣ упомянутыхъ сборниковъ, въ отдѣльномъ изданіи вышла только историческая драма „*Смута*" (1879 г.). Критика замѣчаетъ, что, по общему характеру и направленію своему, муза графа А. А. Голенищева-Кутузова существенно отличается отъ музы всѣхъ современныхъ ему поэтовъ: его поэзія, изящная и красивая, постоянно соблюдаетъ свой спокойный и возвышенный тонъ — она „спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ", ничѣмъ не смущаясь, не волнуясь и не восторгаясь. Само собою разумѣется, что, при такомъ настроеніи поэта, онъ гораздо ярче проявляется въ эпосѣ, нежели въ лирикѣ и драмѣ.

Князь *Дмитрій Петровичъ Голицынъ* (болѣе извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Муравлинъ*) родился 6-го декабря 1860 г.; воспитывался въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1881 году. Писать и печатать свои произведенія онъ началъ еще на школьной скамьѣ; такъ, первое стихотвореніе его было напечатано въ „Живописномъ Обозрѣніи" еще въ 1879 году. Вскорѣ послѣ выхода изъ Лицея онъ написалъ первую пьесу свою „*Максимъ Сумбуловъ*", а затѣмъ въ 1885 г. первый романъ его, „*Теноръ*", обратилъ на молодого писателя вниманіе критики и публики. Не меньшимъ успѣ-

Князь Д. П. Голицынъ.

хомъ пользовался вскорѣ послѣ того вышедшій его сборникъ очерковъ и разсказовъ подъ заглавіемъ „*Убогіе и нарядные*". Затѣмъ, онъ писалъ часто и довольно много, но изъ всего написаннаго имъ едва ли не самымъ удачнымъ можетъ быть названъ его новѣйшій романъ „*Вавилоняне*". Въ послѣдніе годы кн. Д.

Только один в поле и воин!

Кн. Дм. Голицын Муравлин

П. Голицынъ издалъ весьма любопытную книгу по славянскому вопросу, подъ заглавіемъ „*У Синяго моря*" — рядъ живыхъ очерковъ и впечатлѣній его путешествія по Черногоріи и Далмаціи.

Константинъ Θеодоровичъ Головинъ (болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ *Орловскій*) родился въ Стрѣльнѣ 21 іюля 1843 г. Получивъ хорошее и солидное домашнее воспитаніе, Константинъ Θеодоровичъ поступилъ затѣмъ въ С.-Петербургскій университетъ и выдержалъ экзаменъ на кандидата въ 1862 году. Вскорѣ послѣ того поступилъ на службу во Второе Отдѣленіе, а оттуда перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ, причемъ служба его была сопряжена съ исполненіемъ важныхъ порученій (напр. по изученію крестьянскаго быта). Въ 1879 году К. Θ. тяжко заболѣлъ и, немного спустя, лишился зрѣнія, слѣдовательно, долженъ былъ покинуть и службу. Съ того же рокового года началась и литературная дѣятельность К. Θ. Головина, одновременно, рядомъ экономическихъ статей и романомъ „*Серьезные люди*". За этимъ романомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ разсказовъ, повѣстей и романовъ, помѣщенныхъ авторомъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", „Нивѣ", „Русскомъ Обозрѣніи", „Вѣстникѣ Европы" и другихъ журналахъ. Рядомъ съ повѣстями и романами неутомимый писатель печаталъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ свои многочисленныя статьи по экономическимъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ крестьянскому быту. Въ 1898 году К. Θ. Головинъ издалъ еще одинъ, довольно обширный трудъ: „*Русскій романъ и русское общество*". Въ слѣдующемъ году этотъ трудъ былъ удостоенъ Пушкинской преміи.

М. Горькій — псевдонимъ писателя *Алексѣя Максимовича Пѣшкова*, выступившаго въ послѣднее пятилѣтіе (съ 1895 г.) въ литературѣ со своими разсказами: „*Челкашъ*“, „*Коноваловъ*“, „*Мальва*“, „*Двадцать шесть и одна*“ и др. Это еще совсѣмъ молодой человѣкъ (род. 1868 или 1869 года), по происхожденію нижегородскій мѣщанинъ.

М. Горькій.

Образованія онъ не получилъ никакого: это вполнѣ самородокъ и самоучка. Онъ прошелъ тяжкую школу жизни, питаясь поденнымъ трудомъ и переходя отъ одного ремесла къ другому. Нашлись однако добрые люди, которые направили юношу, страстно стремившагося къ самообразованію, на настоящій путь и вывели его на поприще литературы. То, что до сихъ поръ М. Горькимъ напечатано, выказываетъ въ немъ большіе задатки таланта, который можетъ привести его впослѣдствіи къ тому, что изъ него выработается крупный писатель. Повѣсти и разсказы его печатались въ „Русск. Богатствѣ“, „Русск. Мысли“, „Жизни“ и „Нов. Словѣ“; потомъ вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ. Исключительнымъ полемъ для своего наблюденія онъ избираетъ бытъ бродягъ, золоторотцевъ и вообще низшихъ слоевъ общества; только одинъ „Ѳома Гордѣевъ“ заимствованъ изъ купеческаго быта. Очерки быта этихъ слоевъ очень жизненны и ярки, хотя и производятъ впечатлѣніе весьма тяжелое. Видно, что міръ, описываемый М. Горькимъ, хорошо ему извѣстенъ, что онъ наблюдалъ его вблизи и передаетъ свои наблюденія правдиво, хотя и не прочь иногда „отъ нѣкоторой идеализаціи своихъ героевъ“ (замѣчаніе А. М. Скабичевскаго).

Валентина Іововна Дмитріева родилась 28 апрѣля 1859 г. въ с. Воронинѣ (Саратовской губ., Балашевскаго у.). Ея отецъ былъ крѣпостной крестьянинъ Нарышкина и, дождавшись воли, выѣхалъ изъ Саратовской губерніи въ Тульскую, гдѣ оставался до 1870 г. Все дѣтство В. І. Дмитріевой протекло въ деревнѣ, и она сама говоритъ о немъ: „первою школою моею была деревенская улица, а учителями—сѣрые деревенскіе люди и угрюмая нужда". Грамотѣ научилась она отъ одного изъ своихъ сверстниковъ, а затѣмъ, при помощи добрыхъ людей, которые ей помогали, чѣмъ могли, она сама подготовилась къ поступленію въ IV классъ женской гимназіи въ Тамбовѣ, гдѣ и окончила курсъ въ 1877 году. Затѣмъ она поступила въ сельскія учительницы въ слободу Песчанку, Саратовской губ., но „испытавъ на себѣ всѣ ужасы этого подневольнаго положенія", при первой возможности уѣхала въ С.-Петербургъ и поступила на женскіе врачебные курсы. В. І. Дмитріева начала писать „съ горя", еще будучи сельской учительницей (посылала въ „Саратовскій Дневникъ" и въ „Справочный Листокъ" корреспонденціи и маленькіе разсказы). Но затѣмъ страсть къ литературѣ развивалась въ ней болѣе и болѣе, и она рѣшилась кое-кому показать свои первые опыты. Всѣ ее ободряли и поощряли, и вотъ въ 1880 г. ея первый большой разсказъ („*По душѣ, да не по разуму*") былъ напечатанъ въ журналѣ „Мысль". Въ слѣдующемъ году появился ея второй разсказъ въ „Русскомъ Богатствѣ" („*Ахметкина жена*"). Третій разсказъ былъ напечатанъ въ „Русской Мысли", а потомъ перепечатанъ для народа въ 1882 г.

В. І. Дмитріева.

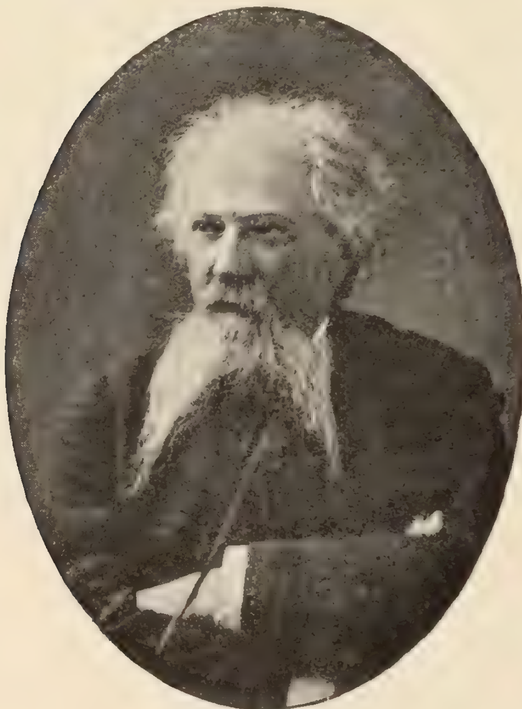
Но занятія на курсахъ отвлекали отъ литературы, и потому до 1885 г. было написано очень немногое, а именно: „*Въ разныя стороны*", „*Злая воля*", „*Въ тихомъ омутѣ*" и „*Зина*". По окончаніи курсовъ, В. І. Дмитріева вполнѣ отдалась литературѣ. Талантливую писательницу давно оцѣнила и критика за ея „основательное знаніе народной жизни и мастерской психиче-

Писателю мало одной [illegible]: ему нужно еще любить человѣка.

В. І. Дмитріева

скій анализъ характеровъ". Лучшими изъ ея произведеній считаются: изъ разсказовъ—„*Въ разныя стороны*" и „*Митюха-учитель*"; изъ повѣстей—„*Ганночка*"; а изъ романовъ—„*Червонный хуторъ*".

Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ, сынъ сенатора М. Н. Жемчужникова, родился въ февралѣ 1821 г. Онъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, богатому и съ большими связями. Оставаясь дома до 14-ти-лѣтняго возраста, онъ былъ прекрасно подготовленъ къ среднему учебному заведенію и весьма легко прошелъ курсъ только-что основаннаго Училища Правовѣдѣнія, въ числѣ учениковъ второго выпуска. Тотчасъ поступивъ на службу, онъ, при своихъ связяхъ и общественномъ положеніи, могъ бы совершить блестящую карьеру; но „такая перспектива его не привлекала..."

А. М. Жемчужниковъ.

„Я искренно уважалъ государственныхъ людей, достойныхъ этого имени, — говоритъ Алексѣй Михайловичъ въ своей автобіографіи:—но, достигнувъ 37-ми-лѣтняго возраста, я началъ сомнѣваться въ томъ, что во мнѣ есть данныя для занятія когда-нибудь между ними мѣста..." Поэтому, къ крайнему удивленію своихъ сослуживцевъ, Алексѣй Михайловичъ вдругъ рѣшился

подать въ отставку; и добавляетъ не безъ ироніи: „именно съ той минуты, когда я оказался безъ обязательнаго служебнаго дѣла, я началъ сознавать, что могу быть дѣльнымъ человѣкомъ“.

Пользуясь полною свободой и независимымъ досугомъ, А. М. Жемчужниковъ весьма рьяно принялъ участіе въ литературномъ движеніи 50-хъ годовъ, выказавъ большой юмористическій даръ въ тѣхъ шуточныхъ стихахъ и пародіяхъ, которыми онъ, подъ псевдонимомъ „Кузьмы Пруткова“ [1]), наполнялъ особый отдѣлъ при „Современникѣ“. Затѣмъ, Алексѣй Михайловичъ въ теченіе всей своей жизни, продолжая посвящать свои досуги поэзіи, писалъ очень много, хотя не много печаталъ. Недаромъ говоритъ онъ о себѣ, что онъ у насъ на Руси „едва ли не единственный примѣръ поэта, дожившаго до 71-го года и не издавшаго полнаго собранія своихъ произведеній“. Но, наконецъ, въ 1892 г. полное собраніе стихотвореній А. М. Жемчужникова вышло въ свѣтъ и встрѣчено было публикой такъ радушно, что въ 1898 г. пришлось повторить это изданіе. Къ двумъ томикамъ полнаго собранія въ 1900 году прибавился еще одинъ, подъ заглавіемъ „*Пѣсни старости*“, въ которыхъ встрѣчаются такіе перлы, какъ „Святая пора“—ясно свидѣтельствующіе о живучести вдохновенія маститаго поэта.

А. Е. Заринъ.

Андрей Ефимовичъ Заринъ родился въ С.-Петербургѣ 16 мая 1863 г. Окончилъ курсъ въ виленскомъ реальномъ училищѣ. Началъ литературную дѣятельность со стиховъ, изъ которыхъ кое-что было имъ даже и напечатано уже въ 1881 г. Знакомства съ поэтами Михаловскимъ и Плещеевымъ и съ писателями Шеллеромъ и Лѣсковымъ, ободрявшими юнаго писателя, побудили его къ продолженію его дѣятельности. При помощи Шеллера, редак-

---

[1]) Этимъ псевдонимомъ прикрывались три лица: самъ Алексѣй Михайловичъ, родной братъ его В. М. Жемчужниковъ и графъ А. К. Толстой. Но Алексѣй Михайловичъ былъ дѣятельнѣе и плодовитѣе своихъ товарищей.

Мы здѣсь наемники на время,
[illegible]
[illegible]
[illegible]

А. Заринъ.

тировавшаго „Живописное Обозрѣніе", Андрей Ефимовичъ сталъ въ этомъ журналѣ помѣщать стихи, а потомъ тамъ же напечаталъ свой разсказъ „*Шура*" (1887) и повѣсть „*Сорныя травы*", послѣ которой, при поддержкѣ со стороны Шеллера и Ясинскаго, для А. Е. открылась возможность выступить на литературное поприще. Съ конца 80-хъ годовъ онъ пишетъ очень много, и его разсказы и повѣсти охотно помѣщаются во всѣхъ журналахъ, начиная отъ „Вѣстника Европы", „Русскаго Вѣстника", „Нивы" и др., и до газетъ и журналовъ всѣхъ оттѣнковъ. Въ послѣдніе годы А. Е. Заринъ успѣлъ уже издать нѣкоторыя изъ своихъ произведеній отдѣльными томами и въ видѣ сборниковъ.

Павелъ Владиміровичъ Засодимскій родился 1 ноября 1843 года въ гор. Великомъ-Устюгѣ (Вологодской губ.), въ небогатой дворянской семьѣ; а все свое дѣтство провелъ въ г. Никольскѣ (той же губерніи), гдѣ служилъ его отецъ. Онъ почти не запомнитъ себя неграмотнымъ, и уже съ дѣтства пристрастился къ чтенію и читалъ много, благодаря довольно-обширной библіотекѣ, которая была у его отца. Начитанность эта пригодилась ему въ гимназіи (вологодской), гдѣ онъ успѣшно окончилъ курсъ въ 1863 г., и, можетъ-быть, даже побудила его къ первымъ литературнымъ пробамъ пера. Онъ попытался было поступить въ С.-Петербургскій университетъ (юристомъ); но, по неимѣнію средствъ, долженъ былъ, годъ спустя, покинуть университетъ и приняться за преподаваніе „на кондиціяхъ" въ провинціи, думая этимъ способомъ прикопить немного денегъ на окончаніе университетскаго курса. Пришлось ему постранствовать по Востоку Россіи, потомъ вернуться въ С.-Петербургъ и жестоко бѣдствовать... Въ эту-то

тяжелую пору онъ и написалъ свою первую повѣсть („*Грънишица*"), которую ему удалось пристроить въ редакцію „Дѣла" (1867 г.). Въ томъ же журналѣ, въ слѣдующемъ году, была напечатана и вторая его повѣсть „*Волчиха*", имѣвшая успѣхъ. Съ той поры Петръ Владиміровичъ, уже получившій нѣкоторую литературную извѣстность, не прекращалъ своей литературной дѣятельности, для которой обильнымъ матерьяломъ служили его весьма частыя странствованія и поѣздки въ различныя мѣстности Россіи, гдѣ онъ оставался болѣе или менѣе продолжительное время, то въ качествѣ сельскаго учителя, то въ качествѣ сторонняго наблюдателя. Писалъ и печаталъ онъ очень много и выказалъ въ своихъ произведеніяхъ глубокое и прочувствованное знаніе условій народной жизни. Нѣкоторые изъ его романовъ, напр. „*Хроника села Смурина*" (романъ, напечатанный подъ псевдонимомъ „Вологдина" въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1874 года), „*Степныя тайны*" (въ „Русскомъ Богатствѣ" 1880 г.), „*По градамъ и весямъ*", „*Грѣхъ*" и др. — обратили на себя общее вниманіе и читались всѣми съ большимъ интересомъ. Безпристрастная критика указываетъ важное достоинство въ произведеніяхъ П. В. Засодимскаго: рисуя мрачныя картины нашего народнаго быта, онъ даетъ намъ не одни только отрицательные, но и положительные типы.

П. В. Засодимскій.

Бываютъ такія времена, когда кажется, что послѣдній свѣтъ на небѣ меркнетъ.. Но это только кажется, ибо „свѣтъ во тьмѣ свѣтится и тьма его не объятъ".

П. Засодимскій

Николай Николаевичъ Златовратскій родился во Владимірѣ (на Клязьмѣ) 4-го дек. 1845 г. Хотя отецъ его уже и не принадлежалъ къ духовному званію, и служилъ въ гражданской службѣ, однакоже, всѣ предки его были лица духовныя. Самая фамилія его произошла отъ того, что его дѣдъ служилъ дьякономъ въ церкви при „*златыхъ вратахъ*", во Владимірѣ. Съ большимъ трудомъ дался Н. Н. Златовратскому гимназическій курсъ; но всѣ попытки его — поступить въ Московскій университетъ, окончились неудачей. Между тѣмъ, въ юношѣ возбудилась самодѣятельность и любознательность: въ короткое время онъ поглотилъ всю ту небольшую библіотеку, которую его отецъ содержалъ для публики... Наконецъ юношѣ удалось попасть въ С.-Петербургскій Технологическій институтъ, гдѣ онъ долженъ былъ содержать себя самъ, то уроками, то корректурой — и бѣдствовалъ невыносимо. Съ 1866 г. первые его очерки изъ народнаго быта стали появляться въ „Искрѣ" и „Будильникѣ" подъ псевдонимомъ „*Маленькій Щедринъ*". Затѣмъ, послѣ довольно продолжительнаго отдыха дома, въ своей семьѣ, имъ была задумана и написана первая большая повѣсть: „***Крестьяне-присяжные***". Эта повѣсть была принята въ „Отечественныя Записки" (1874 г.) и окончательно направила молодого писателя на путь литературный.

Н. Н. Златовратскій.

Н. Н. Златовратскій, и въ этой повѣсти, какъ и во всѣхъ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ („*Золотыя сердца*", „*Скиталецъ*", „*Семья Кремлевыхъ*", *Господа Караваевы*" и др.), является ярымъ и убѣжденнымъ народникомъ. Онъ не довѣряетъ нашей „наносной" интеллигенціи и гораздо увѣреннѣе относится къ тѣмъ исконнымъ нравственнымъ устоямъ, на которыхъ основывается изстари нашъ народный бытъ—къ „общинѣ" и „артели", отъ которыхъ многаго ожидаетъ въ будущемъ. Эти свои упованія онъ проводитъ во всѣхъ своихъ разсказахъ, собранныхъ имъ въ „*Деревенскихъ будняхъ*" (изд. въ 1882 г.) и „*Устояхъ*" (изд. въ 1884 г.).

Николай Николаевичъ Каразинъ — извѣстный художникъ и беллетристъ—родился въ 1842 году. Онъ родной внукъ В. Н. Каразина, одного изъ основателей Харьковскаго университета и весьма извѣстнаго ревнителя просвѣщенія. Въ 20-лѣтнемъ возрастѣ мы уже видимъ Н. Н. Каразина въ военной службѣ, въ войскахъ Туркестанскаго военнаго округа; тамъ принимаетъ онъ участіе во всѣхъ дѣлахъ и совершаетъ съ войсками всѣ походы, закончившіеся завоеваніемъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній. Затѣмъ онъ принимаетъ участіе въ ученой экспедиціи на Аму-Дарью, изъ которой вывозитъ богатый матерьялъ этнографическій и художественный. Въ 1871 г. Н. Н. возвращается въ С.-Петербургъ и начинаетъ печатать въ журналахъ свои первые романы, разсказы и очерки, и, одновременно, знакомитъ публику со своимъ художественнымъ талантомъ, какъ замѣчательный иллюстраторъ. Въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ Н. Н. напечаталъ очень многое въ „Нивѣ“ и въ другихъ журналахъ, и въ живыхъ очеркахъ, карандашомъ и перомъ, ознакомилъ нашу читающую публику съ бытомъ и нравами туземцевъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній. Самъ будучи близко знакомъ съ тревогами военной жизни и странствованій по степямъ, среди враждебныхъ и дикихъ кочевниковъ, Н. Н. умѣетъ очень ловко передать читателю впечатлѣнія этихъ тревогъ и странствованій, въ которыхъ путника часто руководитъ только удаль и вѣра въ свое счастіе... Многое изъ написаннаго Н. Н. Каразинымъ было напечатано и отдѣльно, съ иллюстраціями, напр. „Въ камышахъ“, „Двуногій волкъ“ и др. Въ послѣдніе годы Н. Н. обратилъ вниманіе и на литературу для юношества, которой также посвятилъ нѣсколько книгъ, роскошно иллюстрированныхъ. Вообще говоря, иллюстраціи, приложенныя имъ къ своимъ и чужимъ сочиненіямъ и разбросанныя по изданіямъ, надо считать тысячами.

Н. Н. Каразинъ.

Эта усиленная дѣятельность, въ послѣдніе годы, стала отзы-

ваться неблагопріятно на здоровьѣ писателя-художника; однакоже предпринятое имъ продолжительное путешествіе по Алжиру и Египту вновь возстановило его силы и обогатило его новыми художественными впечатлѣніями.

Аполлонъ Аполлоновичъ Коринфскій родился 20-го августа 1868 года, въ г. Симбирскѣ. Дѣтство провелъ въ с. Ртищевѣ (Симбирскаго уѣзда), имѣніи отца. Фамилію свою и дворянство получилъ отъ дѣда, арзамасскаго крестьянина-мордвина Варенцова, который бѣжалъ отъ отца, поступилъ въ казанскую гимназію, а оттуда, за отличные успѣхи въ наукахъ, отправленъ былъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую Академію Художествъ. Избравъ здѣсь спеціальностью своею архитектуру, юноша былъ удостоенъ званія академика и золотой медали за чертежъ какого-то зданія въ коринѳскомъ стилѣ. По особенно счастливой случайности, императоръ Александръ I, присутствовавшій на актѣ, заинтересовался талантливымъ юношей, и выразилъ желаніе измѣнить его фамилію „Варенцова“ на фамилію „*Коринфскаго*“ (такъ онъ собственноручно написалъ на его планѣ). Юный академикъ былъ тотчасъ назначенъ городскимъ архитекторомъ въ Казань, гдѣ и дослужился до потомственнаго дворянства.

А. А. Коринфскій.

Любовь тогда лишь глубока,
Когда она — созданье вѣры,
Когда ей нѣтъ конца и мѣры,
Когда съ ней жизнь и смерть легка!..

Аполлонъ Коринфскій

А. А. Коринфскій воспитывался въ симбирской классической гимназіи и уже на школьной скамьѣ сталъ пописывать небольшіе разсказы и статейки, которые помѣщалъ въ фельетонахъ поволжскихъ газетъ и листковъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ былъ и самъ секретаремъ редакціи и редакторомъ. Затѣмъ, А. А. Коринфскій проявилъ себя какъ весьма талантливый и плодовитый стихотворецъ, и его стихотворенія стали во множествѣ появляться во всѣхъ нашихъ журналахъ. Впослѣдствіи, съ начала 90-хъ годовъ, молодой поэтъ сталъ издавать ихъ въ свѣтъ въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, подъ различными заглавіями: „*Пѣсни сердца*“, „*Черныя розы*“, „*На ранней зорькѣ*“ и т. д. По отзывамъ критики, наиболѣе цѣнными изъ произведеній А. А. Коринфскаго являются его „*Бывальщины*“, „*Сѣверный лѣсъ*“ и „*Картины Поволжья*“—стихотворенія, въ которыхъ онъ художественно воспроизводитъ тѣни отдаленнаго прошлаго.

Владиміръ Галактіоновичъ Короленко—одинъ изъ весьма талантливыхъ русскихъ беллетристовъ — род. въ Житомирѣ 15 іюня 1853 г. Отецъ его происходилъ изъ древняго казацкаго рода; мать была полька. В. Г. окончилъ курсъ въ ровенскомъ реальномъ училищѣ въ 1870 г. Въ слѣдующемъ году поступилъ въ С.-Петербургскій Технологическій Институтъ, потомъ перешелъ въ Петровско-Разумовскую Академію и отсюда былъ исключенъ. Это поставило молодого человѣка въ очень тягостное матерьяльное положеніе:—правка корректуры явилась единственнымъ средствомъ для поддержки существованія. Но бѣдственное положеніе еще ухудшилось, когда въ концѣ 70-хъ годовъ юношу постигала админи-

В. Г. Короленко.

стративная высылка въ Вятку, а въ началѣ 80-хъ годовъ и еще далѣе—въ Сибирь, за Якутскъ. Но именно среди этихъ-то невзгодъ и бѣдствій и выработался характеръ, и выказался въ В. Г. человѣкъ съ твердой волей и огромнымъ запасомъ силъ. Вмѣсто того, чтобы унывать и падать духомъ, онъ, напротивъ, воспрянулъ нравственно и весь ушелъ въ наблюденіе того, что его окружало: дикихъ инородцевъ, вѣкового застоя сибирской жизни, мѣстныхъ народныхъ обычаевъ и типовъ, которые она вырабатывала — и создалъ цѣлый рядъ превосходныхъ этюдовъ, художественныхъ очерковъ и разсказовъ, которые, появившись въ печати, поразили всѣхъ своею яркостью, новизною и правдивостью. „*Сонъ Макара*", „*Очерки сибирскаго туриста*", „*Соколинцы*", „*Въ подслѣдственномъ отдѣленіи*" — все это явилось чѣмъ-то новымъ передъ недоумѣвающею публикою. А между тѣмъ „рука дающаго не оскудѣвала": В. Г., которому тѣмъ временемъ позволено было жить въ Нижнемъ-Новгородѣ, печаталъ новые и новые разсказы: „*На солнечномъ затменіи*", „*За иконой*", „*Рѣка играетъ*" и др. Послѣ довольно продолжительной отлучки за границу и посѣщенія Америки, В. Г. вернулся въ Россію съ новыми свѣжими впечатлѣніями, и написалъ едва-ли не лучшія изъ своихъ произведеній. Въ „Русской Мысли" за 1885 годъ явилась его фантастическая повѣсть „*Въ дурномъ обществѣ*", потомъ другая — „*Лѣсъ шумитъ*" („Русская Мысль", 1886 г.) и наконецъ лучшее изъ всего, что было создано талантливымъ авторомъ: „*Слѣпой музыкантъ*" („Русская Мысль", 1886 г.) — тонкій и высокохудожественный психологическій этюдъ изъ области внутренней, духовной жизни человѣка, отрѣшеннаго отъ міра.

М. В. Крестовская.

Съ 1895 г. Короленко состоитъ однимъ изъ издателей „Русскаго Богатства". Онъ находится въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта, и отъ него еще многаго можно ожидать.

Марія Всеволодовна Крестовская родилась въ 1862 г. Отецъ ея, Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій, выше упомянутый уже въ нашемъ трудѣ, вѣроятно, передалъ ей то литературное призваніе, которое она проявила очень рано (уже на 22-мъ году), напечатавъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" свою первую повѣсть: „*Уголки театральнаго міра*" (въ 1885 году). Въ томъ же журналѣ былъ напечатанъ первый романъ ея „*Раннія грезы*", обратившій общее вниманіе на молодую писательницу. Въ 1889 г. было издано собраніе ея сочиненій, гдѣ къ крупнымъ вещамъ добавлены были и болѣе мелкія. Въ 1891 году М. В. напечатала въ „Вѣстникѣ Европы" самое большое изъ своихъ произведеній—романъ „*Артистка*", который въ слѣдующемъ же году явился во французскомъ переводѣ въ фельетонахъ „Journal de Debats". Затѣмъ, небольшія, но очень привлекательныя произведенія М. В. Крестовской печатались въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", „Русскомъ Обозрѣніи", „Нивѣ" и „Недѣлѣ"; послѣднимъ, по времени напечатанія, была повѣсть „*Вопль*", явившаяся въ 1900 г. въ „Русской Мысли". Она ясно указываетъ на то, что кругъ наблюденій энергичной и талантливой писательницы постоянно пополняется новыми впечатлѣніями.

К. Р. Подъ этимъ псевдонимомъ, въ рукахъ любителей лирической поэзіи явился въ 80-хъ годахъ небольшой сборникъ лирическихъ стихотвореній, о которомъ критика отозвалась весьма благопріятно, хотя имя автора еще не было извѣстно. Впослѣдствіи, когда второе изданіе этого сборника, нѣсколько пополненное, поступило въ продажу, всѣмъ стало извѣстно, что стихотворенія принадлежатъ перу Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича—нынѣ Президента Императорской Академіи Наукъ и Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ род. 10 августа 1858 года. Онъ — второй сынъ Великаго Князя Константина Николаевича, и, видимо, унаслѣдовалъ отъ своего Августѣйшаго Родителя тѣ вкусы къ изящнымъ искусствамъ, которые проявлялись во многихъ членахъ Царствен-

ной Семьи Императора Николая I. Отъ ранней юности любя музыку, Великій Князь Константинъ Константиновичъ также рано проявилъ первые проблески поэтическаго дарованія, которому особенно охотно отдавалъ свои рѣдкіе досуги.

Самое раннее изъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ первомъ сборникѣ К. Р. (*„Задремали волны"*) помѣчено 1879 годомъ: послѣднія пьесы того же сборника относятся къ 1885 году. Въ слѣдующемъ сборникѣ, вышедшемъ въ свѣтъ подъ загла-

Е. И. В. Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

віемъ *„Новыя стихотворенія"*, помѣщены поэтическія произведенія, относящіяся къ 1886—1888 гг. Сборникъ „Стихотвореній" К. Р. въ 1899 г. вышелъ уже *третьимъ* изданіемъ; „Новыя стихотво-

К. Р.

Любовь твое да будетъ знанье.

ренія" К. Р. въ 1900 г. вышли *вторымъ* изданіемъ. Большинство произведеній, помѣщенныхъ въ этихъ сборникахъ, принадлежитъ къ чистой лирикѣ, при чемъ самъ авторъ, въ одномъ изъ стихотвореній („*Я не могу писать стиховъ*"), высказываетъ, что онъ не можетъ писать стиховъ „раздраженный и въ озлобленіи". И дѣйствительно, стихотворенія К. Р. производятъ самое отрадное, успокоивающее впечатлѣніе... Кромѣ лирики, передающей личныя воспоминанія и ощущенія, встрѣчаемъ въ сборникахъ *К. Р.* и переводы изъ иностранныхъ поэтовъ, и переложенія изъ Библіи. Тутъ же видимъ цѣлый отдѣлъ „посланій" къ лучшимъ представителямъ нашей поэзіи и литературы—А. Н. Майкову, А. А. Фету, Я. П. Полонскому и И. А. Гончарову—посланій, проникнутыхъ самымъ теплымъ чувствомъ пріязни и уваженія къ этимъ маститымъ старцамъ-писателямъ, которымъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ нѣкогда читалъ первые опыты своей поэзіи и слышалъ одобренія и поощренія. Въ „Новыхъ стихотвореніяхъ" видимъ въ концѣ особый отдѣлъ, подъ заглавіемъ „*Изъ полковой жизни*". Въ числѣ пьесъ, относящихся къ этому отдѣлу, особенно выдѣляется стихотвореніе „*Уволенъ*", очень рельефно и трогательно передающее чувства и впечатлѣнія солдата, закончившаго срокъ службы и возвращающагося на родину.

Викторъ Александровичъ Крыловъ род. въ Москвѣ 29 янв. 1838 г. Воспитаніе его началось въ 3-й московской гимназіи, а продолжалось въ Инженерномъ училищѣ въ С.-Петербургѣ. Въ 1856 г. онъ закончилъ училище и, выйдя оттуда офицеромъ, оставленъ былъ при Инженерной Академіи, которую также успѣшно окончилъ въ 1859 г. Но спеціальность, по которой столько пришлось работать В. А. Крылову — увы! — нисколько его не занимала; отъ ранней юности онъ зналъ только двѣ страсти: къ литературѣ и театру, и имъ посвятилъ себя при первой возможности. Первымъ литературнымъ опытомъ его была театральная рецензія, напечатанная въ „Сѣв. Пчелѣ", въ

В. А. Крыловъ.

1862 г. Затѣмъ, по предложенію В. Ѳ. Корша, онъ принялъ на себя веденіе театральной хроники въ „СПб. Вѣдомостяхъ"; а въ январѣ 1865 года поставилъ на сцену Императорскихъ театровъ первую свою пьесу—драму „*Противъ теченія*". Съ тѣхъ поръ началась и доселѣ непрерывно продолжается плодовитая и неутомимая дѣятельность В. А. Крылова, который въ теченіе 35-ти лѣтъ успѣлъ поставить на русской сценѣ гораздо болѣе 150 большихъ и малыхъ, оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ, хорошо всѣмъ извѣстныхъ. Гораздо менѣе извѣстно то, что Викторъ Александровичъ Крыловъ, какъ поэтъ, прекрасно-владѣющій стихомъ, написалъ массу стихотвореній, лишь весьма недавно собранныхъ имъ въ отдѣльный сборникъ и занимающихъ видное мѣсто въ его „полномъ собраніи сочиненій", которое онъ продолжаетъ печатать.

Александръ Васильевичъ Кругловъ родился въ г. Великомъ Устюгѣ (Вологодской губ.) 5 іюня 1852 г. Отецъ его былъ въ этомъ городѣ смотрителемъ училищъ. А. В. обучался сначала въ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ вологодской гимназіи. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ поступилъ на службу въ Вологодскую казенную Палату, но прослужилъ очень недолго: въ 1873 г. мы уже видимъ его въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ мечтаетъ пристроиться къ литературѣ, поощренный къ тому первыми своими статейками, помѣщенными въ „Искрѣ", „Недѣлѣ", „Семьѣ и Школѣ" и другихъ журналахъ. Къ тому же онъ привезъ съ собою въ столицу большой романъ, который рѣшился отдать на разсмотрѣніе Ѳ. М. Достоевскому, въ то время редактировавшему „Гражданинъ" кн. Мещерскаго. Знаменитый писатель, съ свойственною ему прямотою, забраковалъ романъ юноши, но одобрилъ представленные ему мелкіе разсказы А. В. Круглова, напечатанные въ „Русской Рѣчи". Только тогда, когда наконецъ А. В. Круглову удалось пристроиться къ „Русской Рѣчи" постояннымъ сотрудникомъ, его положеніе въ литературѣ нѣсколько упрочи-

А. В. Кругловъ.

Талантъ дается отъ Бога, но отъ писателя зависитъ честно употребить свой талантъ.

Алекс. Кругловъ

лось, и онъ получилъ возможность избавиться отъ тяготѣвшей надъ нимъ нужды. Мало-по-малу, своими статьями, очерками и разсказами изъ народнаго быта онъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность, и произведенія его получили распространеніе въ нашей журналистикѣ и прессѣ. Позднѣе онъ сталъ собирать свои произведенія въ сборники, издаваемые подъ различными заглавіями: „*Живыя души*“, „*Подъ колесомъ жизни*“, „*Губернскія сказки*“, „*Лѣсные люди*“, „*Господа-земцы*“ и т. д. Не мало поработалъ А. В. Кругловъ и для нашей дѣтской литературы, для которой писалъ и въ стихахъ, и въ прозѣ, и заслуженно пользуется въ ней популярностью.

Николай Александровичъ Лейкинъ родился въ С.-Петербургѣ, въ декабрѣ 1841 года. Отецъ его былъ купецъ, торговавшій въ Гостиномъ дворѣ, въ своей кладовой, шелковымъ и бумажнымъ товаромъ; а по происхожденію, какъ дѣдъ, такъ и прадѣдъ его были крестьяне Любимскаго у., Ярославской губ. Отецъ, нуждавшійся въ сношеніяхъ съ иностранными фирмами, задумалъ дать сыну образованіе, при которомъ онъ могъ бы свободно владѣть иностранными языками, и потому опредѣлилъ его въ СПб. Реформатское училище, гдѣ всѣ предметы тогда преподавались на нѣмецкомъ языкѣ и была возможность ознакомиться съ француз-

Н. А. Лейкинъ.

Изъ множества моихъ произведеній я считаю капиталь-
нымъ произведеніемъ указать затрудняюсь. Но первымъ
крупнымъ произведеніемъ съ выдающимся успѣхомъ были,
безспорно, очерки „Апраксинцы", а затѣмъ романъ
„Христова невѣста". Это начало моей литературной
дѣятельности. Впослѣдствіи я написалъ романъ изъ
жизни рабочихъ плотниковъ „На заработкахъ", который
мнѣ самому нравился болѣе другихъ моихъ романовъ.

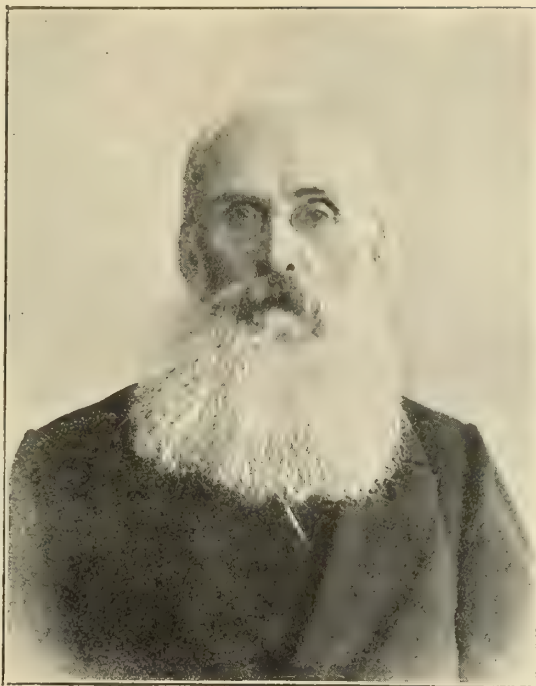
Н. Лейкинъ

скимъ, англійскимъ и голландскимъ языками. Не легко далось сыну пребываніе въ этомъ училищѣ; однакоже, въ результатѣ, онъ окончилъ его въ 1859 г., со свидѣтельствомъ на чинъ XIV класса, и вынесъ изъ него весьма основательное знаніе нѣмецкаго языка.

Но это знаніе на практикѣ ему не пригодилось, такъ какъ отецъ его вскорѣ послѣ того разорился, и Н. А. Лейкину пришлось служить подручнымъ приказчикомъ въ кладовой другого хозяина. Здѣсь, по собственному его признанію, при обиліи досуга, онъ гораздо болѣе занимался чтеніемъ, нежели торговлею, и предавался ему со страстью. Здѣсь же онъ почерпнулъ первыя свои наблюденія надъ нравами купцовъ-торговцевъ, приказчиковъ и хозяевъ, мелкихъ торгашей и даже артельщиковъ. Года три спустя онъ и выпустилъ въ свѣтъ свои первые очерки „*Апраксинцы*", напечатанные Боборыкинымъ въ „Библ. для Чтенія" и „*Биржевые артельщики*"—въ „Современникѣ" Некрасова. По замѣчанію Н. А. Лейкина, „пишущихъ людей вообще не любятъ имѣть на мѣстахъ", а потому его хозяинъ постарался отъ него избавиться, отрекомендовавъ его въ контору „Перваго страхового общества" — но конторщикъ и здѣсь продолжалъ свои наблюденія и напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" Краевскаго очеркъ „*Рабочій день въ акціонерной конторѣ*". Вскорѣ послѣ того, Н. А. исключительно занялся литературой и очерками нравовъ, преимущественно купеческаго и мѣщанскаго сословій, и составилъ себѣ громкое имя. Его произведенія извѣстны всѣмъ грамотнымъ людямъ и разошлись въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Не безъ успѣха писалъ онъ и для сцены: изъ его пьесъ особенно удачными были: „Привыкать надо" и „Медаль".

Сергѣй Васильевичъ Максимовъ род. въ 1831 году въ посадѣ Парѳентьево (Костромской губ., Кологривскаго уѣзда). Отецъ его былъ тамъ почтмейстеромъ. Первоначальное обученіе началось въ мѣстномъ народномъ училищѣ; затѣмъ юноша попалъ въ Москов-

скій университетъ и даже въ Медицинскую академію. Большое знаніе народнаго быта нашего Поволжья и природная наблюдательность выказались въ первыхъ небольшихъ очеркахъ изъ народнаго быта, которые Максимову удалось показать кое-кому изъ литераторовъ и журналистовъ; они обратили вниманіе на талантливаго молодого человѣка, котораго старались поощрить и ободрить къ продолженію его наблюденій. Но онъ и самъ стремился къ нимъ всею душою, и, помимо всякихъ поощреній, по собственной охотѣ исходилъ пѣшкомъ Владимірскую и Вятскую губерніи. Въ результатѣ этого хожде-

С. В. Максимовъ.

Про себя я уже давно могу
сказать: да, странствовал долго, забирался
далеко, видел многое и написал много.
Из деревни я унес свою любознательность,
изучал безпомощную нищету, которая съ
малыхъ летъ и меня самого ласкала
и любила. Любовь помогла разобраться и
убедиться воочию в том, что под дере-
венскими лохмотьями бьется горячее сердце,
что разбросанный и неприбранный хлам
народного обихода есть ни что иное как
следы непрерывной и неустанной борьбы
на жизнь и смерть с суровой природой, что
эта борьба направляется благотворными
силами, могучим народным гением. По-
исками и посильным изучением этих
следов борьбы, я с наслаждением увлекся
на все мои изжитые литературные годы.

С. Максимов

нія явился въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1871 г. цѣлый рядъ очерковъ, написанныхъ С. В. Максимовымъ, подъ общимъ заглавіемъ *„Лѣсная глушь“* Въ то горячее время, когда всѣ такъ рьяно обратились къ изученію Россіи и русскаго народнаго быта, Морское министерство избрало С. В. Максимова для изученія нашего Сѣвера: прибрежій Бѣлаго моря и Печорскаго края. С. В. странствовалъ долго, изучалъ внимательно и подробно, и напечаталъ прекрасную книгу: *„Годъ на Сѣверѣ“*, которая можетъ служить образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ изслѣдователей народной жизни. Позднѣе С. В. исполнялъ и другія подобныя же порученія Морского министерства, побывалъ въ Сибири и на Амурѣ, объѣхалъ Приуралье и прибрежья Каспійскаго моря и всѣ свои странствованья описалъ живо, легко и вполнѣ литературно, какъ умный туристъ и опытный писатель. Однакоже, „Годъ на Сѣверѣ“ и до сихъ поръ, послѣ всѣхъ его трудовъ, болѣе всего даетъ ему право на литературную извѣстность.

Дмитрій Наркисовичъ Маминъ (Сибирякъ) род. въ 1852 г. на Уралѣ, на одномъ изъ горныхъ заводовъ Пермской губерніи. Отецъ его былъ священникомъ и отдалъ сына въ Пермскую семинарію. По окончаніи въ ней курса, въ 1871 г., Д. Н. поступилъ сначала на ветеринарное отдѣленіе Медико-хирургической академіи, потомъ перебрался на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета; но курса не окончилъ. Литературою сталъ заниматься съ половины 70-хъ годовъ, сначала какъ простой газетный репортеръ, потомъ какъ беллетристъ. Первая повѣсть его *„На рубежѣ Азіи“* (въ „Устояхъ“) обратила на него вниманіе, какъ на талантливаго разсказчика и человѣка, близко знакомаго съ Востокомъ Россіи. За первою повѣстью явились слѣдующія: *„Золотуха“*, *„Горное гнѣздо“* (въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1884 г.) — и упрочили литературную извѣстность молодого писателя. Позднѣе рядъ новыхъ повѣстей явился въ „Русской Мысли“. Въ то же время Д. Н. пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность весьма талантливаго и доступнаго писателя для дѣтскаго возраста.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

Евгеній Львовичъ Марковъ—извѣстный туристъ, беллетристъ и земскій дѣятель—род. въ 1835 г. въ Щигровскомъ у., Курской губерніи. По происхожденію принадлежитъ къ старинному дворянскому роду. Обучался въ харьковской и курской гимназіяхъ, а затѣмъ закончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ (1857 г.). Нѣкоторое время занимался педагогическою дѣятельностью сначала въ качествѣ учителя, потомъ инспектора и, наконецъ, директора въ провинціальныхъ гимназіяхъ, вслѣдствіе чего имѣлъ возможность прекрасно ознакомиться съ потребностями нашей средней школы. Послѣ 1870 г., покинувъ педагогическую дѣятельность, поселился у себя въ деревнѣ, служилъ по земству и въ настоящее время занимаетъ мѣсто управляющаго дворянскимъ и крестьянскимъ банкомъ въ Воронежѣ. Изъѣздивъ всѣ окраины Россіи и много разъ побывавъ за границей и даже посѣтивъ Америку, Евгеній Львовичъ, при своей основательной образованности, обладаетъ и весьма обширнымъ кругомъ наблюденія и опыта. Писать началъ онъ очень рано, и небольшой разсказъ его былъ уже помѣщенъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1858 г. Затѣмъ, какъ туристъ и оживленный, занимательный разсказчикъ, онъ прославился своими „*Очерками Крыма и Кавказа*". Въ разное время помѣщалъ въ журналахъ критическіе этюды по русской и иностранной литературѣ, велъ нѣкоторое время критическій отдѣлъ въ „*Русской Рѣчи*" и въ „*Голосѣ*". Испытывалъ свои силы и въ беллетристикѣ, написавъ нѣсколько романовъ, въ основу которыхъ полагалъ не прямыя и непосредственныя наблюденія надъ жизнью, а воплощалъ излюбленныя идеи въ картины и образы. Изъ этихъ романовъ наибольшій успѣхъ имѣли два: „*Черноземныя поля*" и „*Барчуки*". Въ послѣдніе годы Е. Л. весьма часто выступалъ въ важнѣйшихъ органахъ нашей печати, какъ публицистъ и педагогъ, и голосъ его имѣлъ большое значеніе при выясненіи многихъ важныхъ вопросовъ, сильно волновавшихъ наше общество.

Григорій Александровичъ Мачтетъ, род. въ 1852 г. въ г. Луцкѣ (Волынской губ.), гдѣ его отецъ, по происхожденію англичанинъ, былъ членомъ суда. Учился въ немировской и к.-подольской гимназіяхъ, но курса не окончилъ и вынужденъ былъ держать экзаменъ на учителя уѣзднаго училища. Прискучивъ учительствомъ, года два спустя, онъ пустился странствовать и добрался до Америки, гдѣ прожилъ года два, зарабатывая хлѣбъ поденной работой. Возвратясь изъ Америки въ Россію, онъ задумалъ написать очерки американской жизни, которые и напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" (1875 г.), а потомъ и отдѣльно, подъ заглавіемъ: „*По бѣлу свѣту*". За этими первыми литературными опытами послѣдовали новыя, подневольныя странствованья по

Архангельской губ. и Сибири, изъ которыхъ Г. А. вернулся уже только въ 1884 г. За этотъ періодъ было написано многое, указывающее на то, что литературный талантъ Г. А. Мачтета развивается и крѣпнетъ. Критика хвалитъ его очерки сибирской жизни („*Вторая правда*", „*Мы побѣдили*" и *Мірское дѣло*"), признаетъ ихъ правдивыми и художественными, хотя и отличаетъ нѣкоторую блѣдность въ очертаніи характеровъ.

М. О. Меньшиковъ.

Михаилъ Осиповичъ Меньшиковъ родился въ гор. Новоржевѣ (Псковской губ.) 23 сентября 1859 г. Его отецъ служилъ мелкимъ чиновникомъ въ земскомъ судѣ. Со стороны отца, дѣдъ, прадѣдъ и прапрадѣдъ были сельскіе священники. Мать М. О. Меньшикова по происхожденію принадлежала къ небогатому и не родовитому дворянству. Благодаря этому обстоятельству, дѣтство Михаилъ Осиповичъ провелъ среди деревенской природы и обстановки сельскаго быта, въ усадьбахъ родственниковъ матери, гдѣ онъ росъ на свободѣ и въ близкомъ общеніи съ народомъ. Михаилъ Осиповичъ началъ образованіе въ Опочецкомъ 3-хъ-классномъ училищѣ (1870—1873 гг.): а продолжалъ въ техническомъ училищѣ морского вѣдомства въ Кронштадтѣ (1873—1878), причемъ все лѣтнее время проводилъ въ плаваніи по Балтійскому морю. Окончивъ курсъ штурманскимъ офицеромъ, М. О. еще два года плавалъ по европейскимъ морямъ, причемъ ему удалось провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Италіи и Греціи, изучая памятники классической древности. По возвращеніи изъ путешествія М. О. прослушалъ два курса по естественному факультету при С.-Петербургскомъ университетѣ (1880—1882 гг.); но еще до этого времени началъ свою литературную карьеру (въ 1879 г.), помѣстивъ рядъ политическихъ писемъ изъ Аѳинъ въ „Голосѣ". Въ то же самое время, въ морскихъ изданіяхъ, имъ были напечатаны очерки заграничнаго плаванія. Приглашенный черезъ С. Я. Надсона къ сотрудничеству въ „Недѣлѣ" въ 1884 г., онъ, послѣ

шестилѣтняго участія въ журналѣ, вошелъ, наконецъ, въ составъ его редакціи (въ 1890 г.).

Мнѣ иногда кажется, что еще одно усиліе — и мы сольемся съ Богомъ. И тогда только найдемъ себя.

Н. Минскій

Дмитрій Сергѣевичъ Мережковскій — одинъ изъ образованнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, прекрасно знакомый съ иностранными литературами и всеобщей исторіей — род. въ 1865 г. Въ 1886 г. онъ кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата. Вскорѣ послѣ выхода изъ университета сталъ печатать первыя свои поэтическія произведенія, задаваясь иногда слишкомъ обширными задачами и замыслами. Критика наша съ особенною похвалою отзывается о стихотворной повѣсти „*Вѣра*", напечатанной въ „Русской Мысли" за 1890 г. Здѣсь, видимо, задача была болѣе по силамъ для молодого поэта, такъ какъ дѣйствіе повѣсти происходитъ на русской почвѣ, болѣе близкой и болѣе знакомой автору и болѣе возбуждающей къ себѣ сочувствіе его чуткаго и воспріимчиваго сердца. Въ послѣднее время Д. С. пробовалъ свои силы въ области историческаго романа, который онъ пытается создавать въ самомъ строгомъ соотвѣтствіи съ избранной эпохой, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ его романѣ „*Юліанъ-Отступникъ*".

Д. С. Мережковскій.

Минскій. Подъ этимъ псевдонимомъ, получившимъ у насъ довольно широкую извѣстность, въ литературѣ нашей уже съ 1879 г. подвизается современный поэтъ, *Николай Максимовичъ Виленкинъ.* Обладая недюжиннымъ поэтическимъ даромъ, онъ пишетъ

Минскій.

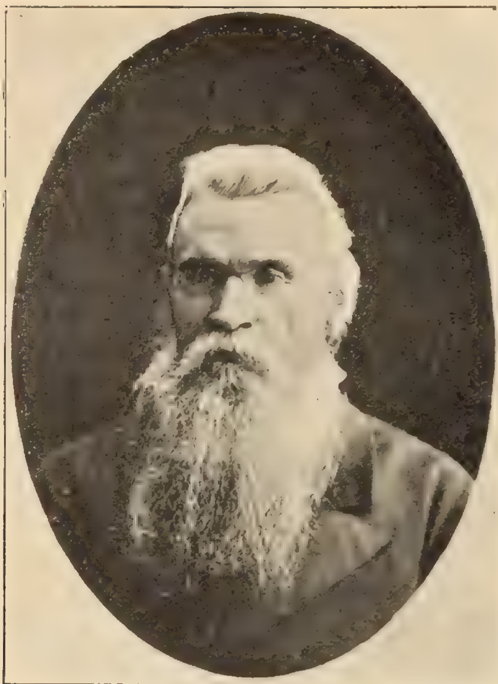
много, и публика относится къ его произведеніямъ весьма благосклонно, любуясь ихъ простотою, естественностью и неподдѣльною поэтическою красотою его образовъ. Кому, напримѣръ, могутъ не понравиться такія его пьесы, какъ: „*Бѣлыя ночи*“, „*Пѣсня о родинѣ*“, „*На чужомъ пиру*“ и др.? Критика указываетъ въ произведеніяхъ г. Минскаго именно на его образность, какъ на качество, обусловливающее успѣхъ его поэзіи, и предостерегаетъ его только отъ нѣкоторой напыщенности и риторизма, къ которымъ онъ иногда прибѣгаетъ, когда тэмою своихъ стихотвореній избираетъ задачи слишкомъ отвлеченныя, которыя ему не по силамъ и не по характеру его Музы.

Николай Константиновичъ Михайловскій род. 15 ноября 1842 г. въ Мещовскѣ, Калужской губ.; по происхожденію принадлежитъ къ небогатому дворянству. Образованіе получилъ сначала въ костромской гимназіи, а затѣмъ въ Горномъ институтѣ въ С.-Петербургѣ, гдѣ, впрочемъ, не могъ кончить курса по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Но, вступая въ жизнь и литературу въ шестидесятые годы, въ эпоху сильнаго умственнаго возбужденія въ нашемъ обществѣ, Н. К. направилъ всѣ свои усилія на изученіе тѣхъ западно-европейскихъ философскихъ системъ, которыя, широкимъ потокомъ вливаясь къ намъ, не всегда находили себѣ у насъ разумныхъ и знающихъ истолкователей и потому производили странную, иногда даже необъяснимую сумятицу въ нашихъ литературныхъ партіяхъ. Соціологія и основанная на строгихъ философскихъ началахъ литературная критика— вотъ поле дѣйствія, которое отмежевалъ себѣ Н. К. Михайловскій, и на которомъ онъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ съ честью и пользой. Начавъ свою литературную дѣятельность еще въ „Разсвѣтѣ“ Кремпина (въ 1860 г.) статьею объ отрывкѣ изъ Гончаровскаго „Обрыва“ („*Софья Николаевна Бѣловодова*“), Н. К. долгое время не могъ себѣ найти органа, въ которомъ бы онъ могъ свободно работать, не стѣсняемый ничьею опекой. Въ концѣ 60-хъ годовъ, послѣ временного участія въ „Недѣлѣ“, онъ наконецъ упрочился какъ постоянный сотрудникъ въ „Отеч. Запискахъ“, а съ 1877 г., вмѣстѣ съ Салтыковымъ и Елисѣевымъ, сталъ пай-

щикомъ въ этомъ журналѣ. Здѣсь и появился рядъ его прекрасныхъ статей: „*Что такое прогрессъ?*“, „*Аналогическій методъ въ общественной наукѣ*“, „*Теорія Дарвина и общественная наука*“, „*Что такое счастье?*“, „*Герои и толпа*“. Особенно выдаются его критическія статьи: „*Суздальцы и суздальская критика*“, „*Десница и шуйца графа Л. Толстого*“, „*Жестокій талантъ*“ (характеристика Достоевскаго), „*Герои безвременья*“ и характеристики—Тургенева, Гл. Успенскаго, Щедрина и Шелгунова. Къ этому списку нельзя не добавить изъ литературно-общественныхъ фельетоновъ: „*Записки профана*“, „*Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго*“ и „*Литературныя замѣтки 1880 года*“.

Даніилъ Лукичъ Мордовцевъ род. въ слободѣ Даниловкѣ (земли войска Донского), 7 декабря 1830 г. Съ 9-ти лѣтъ учился въ четырехклассномъ окружномъ училищѣ Донского войска въ Усть-Медвѣдицѣ; въ 1844 г. поступилъ въ саратовскую гимназію, а въ 1850 г. въ Казанскій университетъ. Курсъ окончилъ въ университетѣ С.-Петербургскомъ, гдѣ и получилъ степень кандидата по филологическому факультету. Первыя печатныя произведенія Д. Л. Мордовцева явились въ „Саратовскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“, которыя онъ редактировалъ въ 1856 г., а вскорѣ послѣ того и въ большихъ журналахъ. Подвижой и энергичный Д. Л., живя на Востокѣ Россіи и дружа съ Н. И. Костомаровымъ (тогда тоже жившимъ въ Саратовѣ), заинтересовался преданіями и архивными документами о Пугачевщинѣ, а затѣмъ занялся съ большимъ увлеченіемъ исторіею Малороссіи въ связи съ исторіей Польши. Изъ этой-то обширной исторической области онъ долгое время (въ 60-хъ и 70-хъ годахъ) почерпалъ матерьялъ для историче-

Д. Л Мордозцевъ.

скихъ статей и очерковъ; а затѣмъ перешелъ къ историческому роману и написалъ цѣлый рядъ произведеній, которыя читались весьма охотно и широко расходились въ публикѣ. Какъ на лучшіе изъ числа романовъ Д. Л. Мордовцева критика указываетъ на романы: „*Царь и гетманъ*", „*Знаменья времени*" и „*Идеалисты и реалисты*".

П. Невѣжинъ—драматургъ и беллетристъ — родился 27 іюля 1841 г., въ г. Смоленскѣ. Воспитывался въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1859 году. Взялся за перо съ двадцати-лѣтняго возраста и написалъ свою первую пьесу въ 1862 году. Но не хватило смѣлости хлопотать о постановкѣ пьесы, и она была сдана въ архивъ. Въ 1870 году молодой авторъ рѣшился, наконецъ, ставить свои пьесы на сцену — и встрѣтилъ непреодолимое препятствіе въ театральной цензурѣ. Одна пяти-актная драма была не одобрена и не допущена вовсе; то же самое повторилось въ томъ же году съ четырехъ-актной комедіей; авторъ представилъ третью пьесу („*Утѣха*")—и ее постигла та же участь...

Служеніе высокому творчеству, хотя-бы въ качествѣ послѣдняго дьячка въ храмѣ чистаго Слова, было идеаломъ всей моей жизни, который надѣюсь нести до могилы, уже, впрочемъ, очень близкой.

3 іюня 1901 — *Д. Мордовцевъ*

Тогда приведенный въ отчаянье драматургъ обратился къ А. Н. Островскому за помощью и совѣтомъ. Островскій похвалилъ пьесу, принялъ автора къ себѣ въ сотрудники и такъ ловко измѣнилъ

нѣкоторыя несущественныя стороны пьесы, что она была вскорѣ поставлена на сцену, подъ новымъ названіемъ „*Блажь*“—и имѣла успѣхъ. Затѣмъ авторъ былъ уже осторожнѣе, и цѣлый рядъ его пьесъ явился на московской и петербургской сценахъ. Изъ нихъ пьесы: „*Непогрѣшимый*“, „*Компаньоны*“ и „*Неумолимый судъ*“ имѣли большой успѣхъ; но въ особенности „*Вторая молодость*“ — лучшая изъ пьесъ г. Невѣжина—доставила ему почетное имя въ нашей сценической литературѣ и выдержала на столичныхъ сценахъ и въ провинціи несчетное число представленій.

Кромѣ сцены, г. Невѣжинъ писалъ и романы, и повѣсти, въ которыхъ также выказалъ несомнѣнный талантъ; лучшими изъ его романовъ, по отзывамъ критики, признаются: „*Знаменитость*“, „*Приманка*“, „*Жестокая воля*“ и „*Промчавшаяся невзгода*“. Изрѣдка онъ пробуетъ перо свое и въ мелкихъ разсказахъ для дѣтскаго возраста, и юные читатели читаютъ ихъ охотно.

Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко родился въ Тифлисѣ, въ 1848 году. Дѣтство его протекло въ Грузіи и Закавказьѣ, среди яркихъ впечатлѣній и военныхъ тревогъ — неизбѣжныхъ спутниковъ жизни его отца, который постоянно былъ въ передовой линіи со своимъ полкомъ. Вѣроятно, эти впечатлѣнія много способствовали развитію воображенія въ юношѣ и рано пробудили въ немъ желаніе передавать, воспроизводить свои впечатлѣнія въ стихахъ и прозѣ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, въ какомъ именно возрастѣ В. И. принялся за перо, но, во всякомъ случаѣ, его *первыя печатныя* произведенія, конечно, не были первыми пробами его пера, такъ какъ они уже выказываютъ въ авторѣ опытность и умѣнье обращаться съ литературнымъ матерьяломъ. Эти „первыя печатныя“ произведенія были всѣмъ извѣстные очерки нашего Сѣвера, появившіеся въ „Отечествен-

В. И. Немировичъ-Данченко.

ныхъ Запискахъ" 1874 г. (*„Соловки"*, *„Мурманскій берегъ"* и др.). За этими очерками послѣдовали вскорѣ другіе: *„Лапландія и лапландцы"*, *„Страна холода"*, *„По Волгѣ"*—выказавшіе въ авторѣ несомнѣнный и крупный талантъ туриста-художника. Но главнымъ образомъ, громкую извѣстность имени В. И. Немировича-Данченко доставили его превосходныя корреспонденціи съ театра послѣдней нашей войны съ Турціей, впослѣдствіи изданныя подъ общимъ заглавіемъ *„Годъ войны"*. На этомъ, однакоже, талантливый авторъ не остановился, и, поражая всѣхъ своею необычайною, можно почти сказать, неистощимою плодовитостью, продолжаетъ, вотъ уже въ теченіе слишкомъ 20-ти лѣтъ, ежегодно обогащать нашу литературу множествомъ очерковъ, повѣстей, разсказовъ и романовъ, въ которыхъ нескончаемою панорамою проносятся передъ нами впечатлѣнія, воспринятыя имъ изъ его дѣятельной, подвижной и вполнѣ художнической жизни. Его романы (*„Гроза"*, *„Впередъ"*, *„Кулисы"*, *„Въ ежовыхъ рукавицахъ"*, *„Монахъ"*, *„Исповѣдь женщины"*, *„Семья богатырей"*, *„Подъ звонъ колоколовъ"*, *„Старыя письма"* и *„Два дневника"* и т. д.), его разсказы (*„Забытый рудникъ"*, *„Махмуткины дѣтки"*) читались всѣми и всѣмъ извѣстны, такъ какъ едва ли кому-нибудь въ Россіи неизвѣстно имя В. И. Немировича-Данченко. Къ сожалѣнію, гораздо менѣе извѣстны его стихотворенія, которыя отличаются несомнѣнно выдающимися внѣшними и внутренними достоинствами.

Владиміръ Ивановичъ Немировичъ-Данченко, родной братъ извѣстнаго туриста и беллетриста, род. въ 1858 г., также въ Тифлисѣ. Воспитаніе получилъ въ тифлисской гимназіи и закончилъ образованіе въ Московскомъ университетѣ. Начало его литературной дѣятельности относится къ студенчеству, когда онъ — страстный театралъ отъ ранней юности—помѣщалъ въ „Русскомъ Курьерѣ" театральныя рецензіи. Съ 1882 г. на московской сценѣ Малаго театра стали появляться его первыя комедіи: *„Шиповникъ"*, *„Счастливецъ"*, *„Послѣдняя воля"*, *„Новое дѣло"*. Всѣ онѣ имѣли значительный успѣхъ, особенно послѣдняя. За комедіями послѣдовали драмы: *„Темный боръ"*, *„Цѣна жизни"*... Отъ произведеній сценическихъ

Вл. Ив. Немировичъ-Данченко нерѣдко переходилъ и къ беллетристикѣ, и здѣсь также дѣйствовалъ не безъ успѣха; первою была небольшая повѣсть „*Съ дипломомъ*"; за нею послѣдовали другія: „*На литературныхъ хлѣбахъ*", „*Старый домъ*", „*Губернаторская ревизія*", „*Драма за сценой*" и пр.

Викторъ Петровичъ Острогорскій — извѣстный педагогъ, словесникъ и писатель—род. 16 февраля 1840 года, въ С.-Петербургѣ. Отецъ его былъ дворянинъ и отставной чиновникъ; мать—шведка, происходившая изъ стариннаго дворянскаго рода. Годы ученья начались для В. П. съ поступленія въ 1-ю с.-петербургскую гимназію въ 1851 г., продолжались въ 3-й с.-петербургской гимназіи и закончились въ 1862 году въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ В. П. получилъ степень кандидата по филологическому факультету. Вскорѣ послѣ того В. П. принялся за преподавательскую дѣятельность въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, занявъ каѳедру русскаго языка и словесности, и, воспитавъ нѣсколько поколѣній учениковъ и учениць, пріобрѣлъ извѣстность опытнаго педагога, умѣющаго входить во всѣ нужды и духовныя потребности своихъ воспитанниковъ. Не ограничиваясь своею преподавательскою дѣятельностью, В. П. очень много писалъ по вопросамъ воспитанія и преподаванія, читалъ публичныя лекціи и постоянно сотрудничалъ въ журналахъ по педагогіи и народному образованію, которыя и составляли главный интересъ его жизни. Литературная дѣятельность его началась въ 1859 году сотрудничествомъ въ журналѣ „*Ласточка*", и въ настоящее время выражается почтенною цифрою 26-ти отдѣльныхъ книгъ по литературѣ, педагогіи, критической оцѣнкѣ нашихъ классиковъ, литературныхъ сборниковъ для юношества и для народной школы. Въ числѣ ихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ: „*Бесѣды о преподаваніи словесности*", „*Письма*

объ эстетическомъ воспитаніи", „*Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей*" и въ особенности „*Изъ исторіи моего учительства*" — нѣчто въ родѣ педагогической исповѣди автора. Въ настоящее время (съ 1892 г.) Викторъ Петровичъ Острогорскій состоитъ редакторомъ журнала „*Міръ Божій*", пользующагося значительнымъ успѣхомъ.

Николай Ивановичъ Позняковъ род. 27-го апрѣля 1856 года, въ с. Ивановскомъ, Старицкаго уѣзда, Тверской губ. Въ 1868 году онъ поступилъ въ с.-петербургскую Ларинскую гимназію, а въ 1879 г. на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Къ этому времени и относится начало литературной дѣятельности Н. И. Познякова, такъ какъ въ „Еженедѣльномъ Новомъ Времени" помѣщенъ былъ его разсказъ „*Лепетиторъ*" (за подписью „*Я*"), и въ газетѣ „Суфлеръ" — стихотворный переводъ пьески „*Смерть Колумба*", игранной артистомъ Росси въ его бенефисъ. Въ февралѣ 1880 г. Н. И. удалось проникнуть и въ большой журналъ; онъ принесъ М. Е. Салтыкову свою повѣсть „*Жаждущій*", и, къ величайшему своему восторгу, услышалъ отъ него: „вы можете писать; я васъ напечатаю".

Къ сожалѣнію, жизнь молодого писателя сложилась не красно. Но живыя струны не замолкали въ душѣ Н. И. Познякова: онъ пользовался каждымъ досугомъ, каждымъ изъ рѣдкихъ періодовъ успокоенія, чтобы удовлетворять своей потребности „писать", и мало-по-малу создалъ себѣ почетную извѣстность своими произведеніями. Его стихотворенія собраны въ книжкѣ: „*Въ лучшіе годы*", которая въ 1898 г. уже вышла 2-мъ изданіемъ; его разсказы—въ нѣсколькихъ сборникахъ подъ различными заглавіями („*Житейскіе разсказы*", „*По захолустьямъ*", „*Соловьиный садъ*", „*Ничего*" и т. д.);

только романъ „*Тайна*“ напечатанъ былъ отдѣльно. Имя Н. И. Познякова извѣстно и въ нашей дѣтской литературѣ, въ которую онъ вноситъ цѣнные вклады.

Игнатій Николаевичъ Потапенко род. въ декабрѣ 1856 г., въ с. Ѳедоровкѣ (Херсонской губ.). Отецъ нашего писателя, въ то время служившій въ военной службѣ, позднѣе задумалъ почему-то промѣнять свои офицерскіе эполеты на священническую рясу, и потому будущему писателю пришлось начать и закончить свое первоначальное образованіе въ духовномъ училищѣ (въ Херсонѣ) и въ духовной семинаріи (въ Одессѣ). Отсюда перешелъ онъ въ Новороссійскій университетъ, затѣмъ въ С.-Петербургскій, и закончилъ въ С.-Петербургской консерваторіи, по классу пѣнія, которымъ И. Н. сильно увлекался...

И. Н. Потапенко.

Первый литературный опытъ И. Н. (небольшой разсказъ) былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“, въ 1881 г.; подъ нимъ стояли буквы И. П. Лѣтъ пять спустя, въ журналахъ явились новыя произведенія, подписанныя уже полнымъ именемъ автора, и одно изъ нихъ—повѣсть „*Святое искусство*“ (напеч. въ „Вѣстникѣ Европы“) — уже обратило на себя всеобщее вниманіе. Въ слѣдующіе четыре года И. Н. почти не участвовалъ въ литературѣ, предавшись на время постоянному сотрудничеству въ одесскихъ газетахъ; но съ 1890 г. онъ вновь вернулся къ литературной дѣятельности съ крупными произведеніями, которыя окончательно упрочили его громкую извѣстность. Тогда явились—его повѣсть „*На дѣйствительной службѣ*“, его романъ — „*Здравыя понятія*“, и еще повѣсть „*Секретарь его превосходительства*“, и разсказъ „*Проклятое слово*“. Около того же времени вышло въ свѣтъ первое изданіе сочиненій И. Н. Потапенко. Составъ этого перваго изданія, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, почти утроился въ объемѣ, потому что талантливый авторъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма плодовитымъ, весьма разнообразнымъ, а публика съ удовольствіемъ читаетъ его произведенія, полныя живой наблюдательности и добродушнаго юмора. Въ недавнее время, И. Н. занялся и сценой, и не безъ успѣха. Поставленныя имъ въ С.-Петербургѣ пьесы „*Волшебная сказка*“ и „*Чужіе*“ выказали въ авторѣ несомнѣн-

ное дарованіе къ сценической обработкѣ сюжета и имѣли успѣхъ.

А. А. Потѣхинъ.

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ — извѣстный нашъ драматургъ и писатель — род. 1-го іюля 1829 г. въ г. Кинешмѣ (Костромской губ.). Онъ происходитъ изъ старой дворянской семьи, весьма многочисленной и вообще богато надѣленной отъ природы. Учился А. А. сначала въ костромской гимназіи, а потомъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1849 г. Писательскую свою дѣятельность началъ въ 1851 г. съ театральной хроники въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", причемъ первою печатною статьею его было описаніе „*бенефиса актера Шумскаго*". Въ той же газетѣ напечатаны и первые его очерки: „*Путь*

Наше поколѣніе счастливо уже тѣмъ, что сознало свои недостатки, почувствовало необходимость исправленія, выработало себѣ опредѣленное правило: трудиться и идти ко благу, къ счастью; но какъ? какой дорогой? оно еще не знаетъ... Будущее, сама жизнь, должны научить насъ...

Алексѣй Потѣхинъ

по Волгѣ" и „*Уѣздный городокъ Кинешма*". Затѣмъ появилась въ „Современникѣ" за 1852 г. первая журнальная статья: „*Забавы и удовольствія въ городкѣ*". Первымъ драматическимъ произведеніемъ была драма: „*Судъ людской—не Божій*", въ 4 дѣйствіяхъ, написанная въ 1853 и поставленная на сценѣ Александринскаго театра въ слѣдующемъ году. Затѣмъ начался довольно продолжительный періодъ невзгодъ и гоненій на молодого драматурга. Театральная цензура свирѣпствовала надъ его произведеніями, то урѣзывая одни, то запрещая другія, то заставляя передѣлывать третьи. На нѣкоторое время А. А. совсѣмъ-было отказался отъ сцены и обратился къ беллетристикѣ. Изъ его романовъ наибольшій успѣхъ имѣли: „*Крушинскій*" и „*Около денегъ*"; изъ повѣстей: „*Бурмистръ*", „*Хай-дѣвка*", „*Хворая*" и „*Крестьянскія дѣти*". Изъ драматическихъ произведеній наибольшимъ успѣхомъ пользовались на сценѣ: „*Чужое добро въ прокъ нейдетъ*", „*Мишура*", „*Отрѣзанный ломоть*", „*Виноватая*", „*Вакантное мѣсто*" и „*Выгодное предпріятіе*". Въ послѣдніе годы XIX вѣка А. А. Потѣхинъ занималъ нѣсколько лѣтъ сряду трудный и отвѣтственный постъ завѣдывающаго репертуарною частью при с.-петербургскихъ Императорскихъ театрахъ.

Михаилъ Провоевичъ Садовскій — сынъ знаменитаго актера, Прова Михайловича Садовскаго — род. 12-го ноября 1847 г., въ Москвѣ. По десятому году онъ былъ отданъ въ 4-ю московскую гимназію, изъ которой перешелъ въ 3-ю, но, по болѣзни глазъ, курса не кончилъ. Послѣ выздоровленія, онъ сталъ готовиться къ поступленію въ Московскій университетъ; но въ это самое время въ Артистическомъ кружкѣ устроились спектакли, въ которыхъ юноша могъ принять участіе и, увлекшись страстью къ сценѣ (быть можетъ прирожденною), поступилъ въ актеры. Литературныя занятія М. П. начались переводами съ разныхъ языковъ; еще будучи лѣтъ 15-ти, М. П. перевелъ „*Севильскаго цирюльника*" Бомарше [1]). По вступленіи знаменитаго драматурга нашего, А. Н. Островскаго, въ управленіе московскими театрами, М. П. написалъ драматическія сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ „*Душа—потемки*". За первою пьесою М. П. написалъ вторую: комедію въ 4-хъ дѣйствіяхъ „*Въ мірѣ—что въ морѣ*"; но театральная цензура ее запретила, и навсегда отбила у автора охоту отъ дальнѣйшихъ попытокъ.

Гораздо позже М. П. Садовскій (уже въ 40-лѣтнемъ возрастѣ) взялся за беллетристику и первый разсказъ его („Дикій человѣкъ"), помѣщенный въ „Артистѣ", имѣлъ большой успѣхъ. Это поощрило его написать и напечатать цѣлый рядъ разсказовъ и издать ихъ (въ 1899 году) отдѣльными двумя томиками. Онъ самъ очень скромно говоритъ о своихъ разсказахъ,

---

[1]) Въ этомъ переводѣ пьеса и теперь еще играется на московской сценѣ.

что въ нихъ „не задавался широкими задачами, не устремлялся въ невѣдомыя сферы, а описывалъ мелкія явленія будничной и сѣренькой жизни". Но каждый, кому этотъ сборникъ попадетъ въ руки, пожалѣетъ только о томъ, что талантливый писатель написалъ такъ мало.

Графъ Евгеній Андреевичъ Саліасъ-де-Турнемиръ — плодовитый и талантливый авторъ историческихъ повѣстей и романовъ—род. въ 1841 году. Мать Е. А., графиня Елисавета Васильевна (урожденная Сухово-Кобылина), была весьма извѣстная въ пятидесятыхъ годахъ писательница наша, постоянно выступавшая въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Евгеніи Туръ*. Она вышла замужъ за природнаго француза, графа Саліаса-де-Турнемира, съ которымъ встрѣтилась въ одну изъ многихъ своихъ поѣздокъ за границу. Отъ нея, вѣроятно, по родовому преемству, писательскій талантъ перешелъ и къ ея сыну, который получилъ блестящее образованіе и воспитался среди литературныхъ и художественныхъ традицій. Писать онъ началъ съ 22-хъ лѣтъ; но талантъ его опредѣлился и выяснился не сразу. Первыя повѣсти его — „*Ксаня Чудная*", „*Тьма*", „*Манжажа*" и „*Еврейка*", явившіяся въ началѣ 60-хъ годовъ, еще не были проявленіемъ таланта сильнаго и самостоятельнаго. Только уже лѣтъ десять спустя графъ Е. А. создалъ нѣчто такое, что сразу дало ему видное положеніе въ литературѣ. Это былъ столь

извѣстный и, можно почти сказать, классическій романъ „*Пугачевцы*“, вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ за полною подписью автора. За этимъ романомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ романовъ, разсказовъ и очерковъ графа Е. А. Саліаса, созданныхъ легко и красиво на исторической основѣ и ярко-обрисовывающихъ нашъ быть и нравы XVIII вѣка на Руси. Только одинъ изъ послѣднихъ романовъ талантливаго писателя („*Аракчеевскій сынокъ*“) переноситъ насъ въ начало XIX вѣка. Въ послѣдніе годы въ Москвѣ выходитъ въ свѣтъ отдѣльными томами прекрасное полное собраніе сочиненій графа Саліаса.

Графъ Е. А. Саліасъ.

Графиня Е. В. Саліасъ.

Илья Александровичъ Саловъ,—по отзывамъ критики, „одинъ изъ самыхъ талантливыхъ беллетристовъ нашего времени“,—родился 6 апрѣля 1834 г., въ гор. Пензѣ. Дѣтство провелъ въ родовомъ имѣньѣ своего отца, с. Никольскомъ (Пензенской губ., Инсарскаго у.). На десятомъ году И. А. былъ отданъ въ пензенскую гимназію, но курса въ ней, по стѣсненнымъ обстоятельствамъ матери, не могъ окончить. Пришлось рано ознакомиться съ нуждою и приняться за службу съ самой нѣжной юности. Первыя литературныя попытки относятся еще къ школьнымъ воспоминаніямъ И. А. Салова. Затѣмъ, въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, онъ временно увлекся, вмѣстѣ съ кружкомъ московскихъ театраловъ, переводомъ и передѣлкою французскихъ мелодрамъ, изъ которыхъ

иныя были даже поставлены на сцену (между 1854 и 1860 гг.). Но онъ очень скоро убѣдился въ томъ, что это совсѣмъ не его дѣло, и выказалъ свой талантъ въ настоящемъ свѣтѣ, помѣстивъ въ только что зачинавшемся „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова свои два первые разсказа: „*Пушиловскій регентъ*“ и „*Забытая усадьба*“. Молодого автора замѣтили; на его произведенія явился спросъ: почти одновременно былъ напечатанъ въ „Современникѣ“ его разсказъ: „*Лѣсникъ*“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ — разсказъ: „*Мертвое тѣло*“. Съ тѣхъ поръ талантливый авторъ не перестаетъ писать, и въ теченіе этого долгаго періода писательства является постоянно свѣжимъ и привлекательнымъ въ своихъ небольшихъ, но чрезвычайно изящныхъ произведеніяхъ. Небольшой перерывъ въ его дѣятельности, въ началѣ 60-хъ годовъ, произошелъ вслѣдствіе его временного пребыванія за границей; но зато по возвращеніи въ Россію, занявъ сначала мѣсто мирового судьи, а потомъ земскаго начальника, онъ получилъ полную возможность близко и внимательно наблюдать народный бытъ съ различныхъ сторонъ. Его многостороннее знаніе и тонкая воспріимчивость сквозятъ въ каждой строкѣ его разсказовъ, изъ которыхъ лучшими признаются слѣдующіе: „*Мельница купца Чесалкина*“, „*Аспидъ*“, „*Арендаторъ*“, „*Крапивники*“, „*Ольшанскій баринъ*“, „*Дѣвичьи грезы*“ и многое другое.

Валерьянъ Яковлевичъ Свѣтловъ род. 29 октября 1860 г. Воспитаніе свое началъ въ 3-й военной гимназіи и продолжалъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ; оттуда, по окончаніи курса въ 1880 г., произведенъ въ офицеры въ Терское казачье войско. Первымъ литературнымъ опытомъ молодого писателя были „*Очерки столичной жизни*“ (напечатаны въ 1887 г.). Мало-по-малу, увлекаясь литературною дѣятельностью и чувствуя въ себѣ горячее стремле-

ніе къ ней, В. Я. покинулъ службу и всецѣло посвятилъ себя литературѣ. В. Я. пишетъ много, пишетъ живо и занимательно, и все написанное имъ читается легко и пріятно. Произведенія его разсѣяны по всѣмъ журналамъ; мы ихъ встрѣчаемъ въ „Недѣлѣ", „Новомъ Времени", „Нов. Словѣ", „Артистѣ", „Нивѣ", „Жизни", „Русск. Мысли" и др. Многое изъ написаннаго В. Я. Свѣтловымъ издано отдѣльными изданіями.

Александръ Михайловичъ Скабичевскій — извѣстный нашъ критикъ и историкъ литературы—род. 15 сентября 1838 г., въ С.-Петербургѣ, въ семьѣ мелкаго сенатскаго чиновника. Воспитывался въ с.-петербургской Ларинской гимназіи (съ 1848 по 1856 г.) и затѣмъ окончилъ курсъ по филологическому факультету въ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата. Первыя печатныя статьи его были помѣщены еще въ 1859 г. въ журналѣ Кремпина „Разсвѣтъ" (статьи о Черногоріи). Настоящая же литературная дѣятельность его началась, послѣ разныхъ блужданій, въ „Отечеств. Запискахъ" (съ 1868 года) рядомъ критическихъ статей. Сотрудничество А. М. Скабичевскаго въ этомъ журналѣ продол-

жалось до 1884 г. Затѣмъ онъ участвовалъ съ 1874 по 1879 г. въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Молвѣ“; съ 1884—1895—въ „Новостяхъ“; съ 1884—1886—въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“; въ „Новомъ Словѣ“ О. Н. Поповой—съ 1895 по 1897. Послѣдніе три года А. М. Скабичевскій принималъ участіе въ „Сынѣ Отечества“, изд. подъ редакціею покойнаго Шеллера. Отъ времени до времени А. М. Скабичевскій собиралъ свои статьи въ отдѣльные сборники и выдавалъ ихъ въ свѣтъ, добавляя къ нимъ свои воспоминанія изъ различныхъ эпохъ дѣятельности. Одинъ изъ главныхъ трудовъ А. М., „*Исторія прогрессивныхъ идей въ Россіи*“, изд. Некрасовымъ въ 1873 г., не былъ разрѣшенъ цензурою. Другой—„*Исторія новѣйшей русской литературы*“—извѣстенъ всѣмъ и успѣлъ уже выдержать четыре изданія съ 1891 года.

Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ родился 1 января 1849 года въ Москвѣ. Онъ былъ старшій сынъ извѣстнаго нашего историка С. М. Соловьева и родной братъ недавно умершаго поэта и философа Вл. С. Соловьева. Воспитаніе начальное получилъ въ нѣмецкомъ пансіонѣ, который подготовилъ его къ поступленію въ Московскій университетъ, гдѣ онъ окончилъ курсъ кандидатомъ юридическихъ наукъ въ 1870 г. Писать началъ очень рано: первыя стихотворенія напечатаны въ 1863 и 1864 годахъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Первый разсказъ Всеволода Сергѣевича явился въ 1870 г. во „Всемірной Иллюстраціи“. Затѣмъ онъ печаталъ и еще кое-что въ „Вѣстникѣ Европы“, „Зарѣ“ и „Гражданинѣ“ (при Ѳ. М. Достоевскомъ); но главнымъ образомъ своею извѣстностью онъ обязанъ сотрудничеству въ журналѣ „*Нива*“, гдѣ онъ помѣстилъ цѣлый рядъ популярно-историческихъ романовъ. По собственнымъ словамъ Всеволода

Сергѣевича, въ его беллетристическихъ произведеніяхъ имъ руководили постоянно двѣ цѣли: съ одной стороны ему хотѣлось „познакомить, по возможности, самый широкій кругъ читателей съ различными, интересными эпохами прошлой русской жизни“: а съ другой — „изслѣдовать ходъ и развитіе мистицизма въ западно-европейскомъ и русскомъ обществѣ“. Выполненію этой второй задачи посвящены два послѣдніе романа Вс. С. Соловьева: „*Волхвы*“ и „*Великій Розенкрейцеръ*“.

Константинъ Константиновичъ Случевскій — весьма извѣстный современный поэтъ—род. въ 1837 г. и происходитъ изъ дворянской семьи. Обучался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, вышелъ изъ него въ гвардію, а затѣмъ поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Но въ 1861 г. онъ покинулъ военную службу, уѣхалъ за границу и нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ учился тамъ въ Парижѣ, Берлинѣ и Гейдельбергѣ, гдѣ и получилъ (въ 1865 году) степень доктора философіи. Затѣмъ, возвратясь въ Россію, служилъ по двумъ министерствамъ и съ 1891 года занимаетъ важный и отвѣтственный постъ редактора „Правительственнаго Вѣстника“. Первые опыты литературной дѣятельности явились въ 1857 г. и были напечатаны въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ“ и затѣмъ въ „Иллюстраціи“. Немного позднѣе, въ 1860 г., — видимъ цѣлый рядъ стихотвореній въ „Современникѣ“ и „Отечеств. Запискахъ“. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этого сильнаго поэтическаго порыва, критика была озадачена и стала горячо превозносить К. К. Случевскаго за его поэтическія произведенія, между которыми находились лучшія его вещи („*Статуя*“, „*Весталка*“, „*Мемфисскій жрецъ*“ и др.). Тургеневъ и Ап. Григорьевъ признавали достоинства молодого поэта и восхищались новизною и свѣжестью

его поэзіи. Это побудило противоположную партію—Чернышевскаго и Писарева—поднять противъ него цѣлую бурю, которая сильно потрясла поэта и даже вынудила его на время замолкнуть. Только уже въ концѣ 70-хъ годовъ онъ выступаетъ со своею прекрасною и оригинальною поэмою „*Въ снѣгахъ*", а вскорѣ послѣ того собираетъ свои разрозненныя стихотворенія въ 4 книжки, и наконецъ издаетъ ихъ въ 1898 году въ видѣ „Полнаго собранія сочиненій". Сверхъ того, во время перерыва въ своей поэтической дѣятельности и въ послѣдніе годы, К. К. Случевскій печатаетъ цѣлый рядъ повѣстей: „*Застрѣльщики*", „*Профессоръ безсмертія*" и др., пользующіяся извѣстностью и успѣхомъ въ публикѣ. Поэтомъ не забытъ былъ и театръ: и ему онъ заплатилъ свою дань, поставивъ на сцену (вмѣстѣ съ В. А. Крыловымъ) пьесу: „*Городъ упраздняется*" и „*Поверженный Пушкинъ*". По отзывамъ самой строгой и притязательной критики, поэзія Случевскаго признается оригинальною и самобытною: онъ никому не подражаетъ, ни за кѣмъ не гонится, и поетъ „свою пѣсню".

К. М Станюковичъ.

Константинъ Михайловичъ Станюковичъ род. въ Севастополѣ въ 1844 г. По происхожденію онъ потомственный дворянинъ. Отецъ его былъ однимъ изъ видныхъ адмираловъ нашего флота и мечталъ о такой же карьерѣ для сына, который началъ обученіе въ Пажескомъ корпусѣ, а затѣмъ окончилъ его въ Морскомъ. Выпущенный изъ корпуса, онъ отправленъ былъ въ кругосвѣтное плаванье и провелъ въ немъ три года. Въ 1863 г. онъ отправленъ былъ изъ плаванья съ важными порученіями въ Россію, куда и вернулся черезъ Китай и Сибирь. Годъ спустя, увлеченный общимъ либеральнымъ движеніемъ въ литературѣ, онъ задумалъ посвятить себя литературной дѣятельности, и, съ этою цѣлью, пожелалъ выйти въ отставку и покинуть предстоявшую ему прекрасную служебную карьеру. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій со стороны отца-адмирала, отставка была ему дана, и онъ воспользовался ею очень своеобразно: уѣхалъ сельскимъ учителемъ въ самую глушь Владимірской губ. и остался въ этой глуши два года, для ближайшаго ознакомленія съ народомъ. Литературную дѣятельность началъ въ 1863 году статьями, помѣщенными въ „Морскомъ Сборникѣ"; затѣмъ его произведенія, въ видѣ романовъ, повѣстей и драмъ, стали появляться во всѣхъ журналахъ либеральнаго лагеря. Его пьесы: „*На то и щука въ морѣ, чтобы карась не зѣвалъ*" и „*Родственники*" не были допущены на сцену, и до-

вольно оживленная его беллетристическая и публицистическая дѣятельность закончилась въ 1885 г. подневольнымъ удаленіемъ въ Томскую губернію. Онъ, однакоже, не унывалъ, продолжая и отсюда посылать свои „*Морскіе разсказы*" (лучшіе изъ своихъ произведеній) въ „Вѣстн. Европы", „Сѣв. Вѣстникъ" и „Русскую Мысль". Въ 1888 г. онъ получилъ возможность вернуться изъ Сибири въ Россію. К. М. Станюковичъ, по отзывамъ критики, большой реалистъ и правдивый описатель того, что онъ видѣлъ въ теченіе своей довольно бурной жизни и разнообразныхъ странствованій; особенно живыми и удачными могутъ быть названы тѣ разсказы, въ которыхъ онъ знакомитъ насъ съ оригинальнымъ бытомъ русскихъ моряковъ и жизнью на морѣ.

Дмитрій Ивановичъ Стахѣевъ родился 2 февраля 1840 г., въ г. Елабугѣ, Вятской губ. Родители его — купеческаго званія; бабушка, мать отца, была, однакоже, дочь священника. Воспитаніе Д. И. получилъ домашнее. Всю раннюю молодость, отъ 16 до 20 лѣтъ, прожилъ на границѣ Китая, въ Кяхтѣ, по торговымъ дѣламъ отца. Въ 1862 г., не поладивъ съ нимъ, уѣхалъ на Амуръ, предполагая заняться хлѣбопашествомъ, но потерпѣлъ неудачу и выбрался съ Амура въ С.-Петербургъ почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Будучи уже женатымъ и семейнымъ, Д. И. держалъ экзаменъ при университетѣ въ С.-Петербургѣ и получилъ права, которыя дали ему сначала возможность занять мѣсто преподавателя при Литейной гимназіи, а потомъ и поступить на службу въ Контроль. Службу оставилъ онъ въ 1872 г., послѣ чего и предался исключительно литературной дѣятельности. Первые литературные опыты относятся къ 1857 г. (статья о чайной торговлѣ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ"). Затѣмъ Дмитрій Ивановичъ писалъ очень много и въ прозѣ, и стихами. Какъ на болѣе капитальныя въ числѣ его произведеній укажемъ на ро-

Д. Стахѣевъ

маны: „*Духа не угашайте*", „*Горы золота*" и „*Неугасающій свѣтъ*". Въ настоящее время печатается полное собраніе сочиненій Д. И. Стахѣева, разросшееся до 12 томовъ. Большая часть его произведеній была помѣщена въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (въ 1893—1896 годахъ).

А. Венкстернъ

„*Стернъ*". Подъ этимъ псевдонимомъ пріобрѣла себѣ весьма почетную извѣстность талантливая писательница, *А. Венкстернъ*. Род. она 23 октября 1844 г. и воспитаніе получила домашнее. Расположеніе къ литературной дѣятельности высказалось очень рано, но долго не хватало смѣлости и рѣшимости, чтобы напечатать свои первые опыты. Только уже въ 1880 г. молодая писательница рѣшилась занести маленькій разсказъ „*Ландыши*" въ „Газету" Гатцука, и очень была обрадована, когда увидѣла его въ печати въ одномъ изъ ближайшихъ №№. Впослѣдствіи г-жа Венкстернъ печатала въ журналахъ многія изъ своихъ произведеній, крупныя и мелкія. Лучшимъ изъ первыхъ можно назвать „*Гордость семьи*"; но болѣе привлекательными являются вещи, небольшія по объему, въ родѣ: „*Забытая тетрадь*", „*Утрата*", „*Свиданіе*", „*Отецъ*". Кругъ наблюденій автора не обширенъ, но въ наблюденіяхъ ея много правды, искренняго чувства и сердечной теплоты.

Князь Александръ Ивановичъ Сумбатовъ род. 4 сентября 1857 г. въ Одоевскомъ у., Тульской губ., въ имѣніи Муравлевка, принадлежавшемъ его матери (урожденной *Кологривовой*). Въ 1869 г. онъ поступилъ въ тифлисскую классическую гимназію, а въ 1877 г. въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1881 г. По окончаніи университета Александръ Ивановичъ всецѣло отдался театру въ качествѣ драматурга и актера: 30 августа 1882 г. онъ дебютировалъ въ Маломъ театрѣ въ Москвѣ въ ролѣ *Чацкаго*, и до настоящаго времени, подъ псевдонимомъ „*Южина*", украшаетъ московскую сцену своимъ разнообразнымъ талантомъ.

Писать для сцены А. И. началъ еще въ университетѣ (1878 г. — драма „*Громоотводъ*"; 1880 г. — драма „*Дочь вѣка*");

одна изъ его юношескихъ драмъ „*Листья шелестятъ*" была поставлена на сцену (1 октября 1881 года) московскаго Малаго театра, и съ тѣхъ поръ энергичный и дѣятельный драматургъ не перестаетъ весьма усердно и весьма удачно работать для сцены. Имъ написаны: въ 1883 г. драма „*Серый Ратиловъ*", въ 1884 г. — комедія „*Мужъ знаменитости*"; въ томъ же году—историческая хроника „*Царь Іоаннъ IV*"; въ 1886 г. — комедія „*Арказановы*"; въ 1888 г. — драма „*Цѣны*". Затѣмъ наступаетъ большой перерывъ въ дѣятельности Александра Ивановича, какъ сценическаго писателя, и только уже въ 1895 г. онъ ставитъ на сцену „*Старый закалъ*", въ 1897 году — „*Джентльмена*", въ 1899 г.—„*Закатъ*". Послѣднія три пьесы, очевидно, принадлежатъ новому и болѣе зрѣлому періоду литературной дѣятельности драматурга. Насколько первыя его пьесы вращались въ области идеальныхъ стремленій и отвлеченныхъ нравственныхъ положеній, настолько же послѣднія отличаются тщательною выработкою бытовыхъ и характерныхъ чертъ русской общественной жизни.

Алексѣй Алексѣевичъ Тихоновъ—болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ *Луговой* — родился 19-го февраля 1853 года въ гор. Варнавинѣ, Костромской губ. Отецъ его былъ тамъ лѣсопромышленникомъ, потомъ откупщикомъ и, наконецъ, виннымъ заводчикомъ въ Казанской губ., гдѣ и протекла значительная часть жизни будущаго писателя. До 11-ти лѣтъ А. А. воспитывался въ женскомъ пансіонѣ г-жи Чулковой въ Казани. Послѣ того, до 14-ти лѣтъ

обученіе юноши продолжалось дома, при помощи учителей и гувернеровъ-иностранцевъ, изъ которыхъ одинъ, нѣмецъ-богословъ, оказалъ на юношу очень сильное вліяніе, развивая въ немъ самодѣятельность и внушая глубокое уваженіе къ классической древности. Затѣмъ А. А. поступилъ-было въ гимназію, но изъ V-го класса долженъ былъ выйти по болѣзни и, по неволѣ, на время пристроился къ отцовскимъ дѣламъ. Точно также неудачею окончилась попытка поступить въ С.-Петербургскій Технологическій Институтъ. Выдержавъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости въ псковской гимназіи, А. А. поступилъ въ институтъ; но въ томъ же году отецъ его былъ разбитъ параличомъ, и онъ долженъ былъ приняться за управленіе отцовскими дѣлами. Позднѣе онъ обзавелся самостоятельнымъ и довольно-крупнымъ торговымъ дѣломъ, по которому вынужденъ былъ много странствовать по Россіи и за границей (побывалъ даже въ Америкѣ); но эта торговая дѣятельность привела къ разоренію, и съ 1889 года А. А. окончательно сосредоточился на занятіи литературою. Первымъ печатнымъ произведеніемъ А. А. Тихонова было стихотвореніе (переводное, изъ В. Гюго), напечатанное въ московскомъ иллюстрированномъ журналѣ „Россія“; первымъ беллетристическимъ опытомъ—повѣсть „*Не судилъ Богъ!*“ (въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 года). Съ тѣхъ поръ А. А. сталъ много и часто печатать свои произведенія, преимущественно въ „Русской Мысли“ и въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“; а съ 1894 г. по 1900 г. онъ издалъ уже четыре тома полнаго собранія своихъ сочиненій. Какъ на лучшія между ними критика указываетъ на „*Pollice verso*“ и на повѣсть „*Между двухъ смутныхъ идеаловъ*“. Въ 1890 г. Алексѣй Алексѣевичъ поставилъ на сцену (въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ) свою пьесу „*Озимь*“.

Въ современной литературѣ значительною извѣстностью пользуется также имя *Владиміра Алексѣевича Тихонова*, публициста и

беллетриста, начавшаго свою литературную дѣятельность нѣсколько ранѣе своего родного брата, Алексѣя Алексѣевича, и уже выпустившаго въ свѣтъ небольшой томикъ разсказовъ.

Константинъ Михайловичъ Фофановъ родился 18 мая 1862 г. въ С.-Петербургѣ. Отецъ его занимался дровяной торговлей и по происхожденію былъ купецъ. Константинъ Михайловичъ получилъ образованіе въ частныхъ пансіонахъ и самъ съ горечью признаетъ образованіе „своей Ахиллесовой пятой". Пробѣлы образованія онъ пополнилъ обильнымъ чтеніемъ, которому всегда предавался со страстью, такъ какъ литературу любилъ „отъ младыхъ ногтей". „Первыя стихотворенія сталъ печатать подъ псевдонимами еще въ 1881 г.; но съ 1882 г. его стихотворенія стали появляться въ „Вѣкѣ" и въ „Живописномъ Обозрѣніи" за полною подписью автора. Въ послѣднемъ изъ этихъ журналовъ былъ въ то время редакторомъ благодушный А. К. Шеллеръ, большой охотникъ поощрять молодые таланты.

К. Фофановъ

Шеллеръ былъ очень полезенъ юному, начинающему поэту и, со свойственною ему чуткостью, угадалъ поэтическій даръ въ Константинѣ Михайловичѣ. Молодой поэтъ, съ легкой руки Шеллера, пошелъ въ ходъ и получилъ извѣстность. При своей чрезвычайной отзывчивости и неистощимой плодовитости, Константинъ Михайловичъ вскорѣ вошелъ въ сношенія со всею нашею литературою и прессою, и едва ли можно назвать такой журналъ или газету, гдѣ бы онъ не помѣщалъ своихъ легкихъ и звучныхъ стиховъ. Мало-по-малу они стали скопляться и въ сборники. Въ 1887 г. изданъ былъ фирмой Гоппе первый сборникъ стиховъ Константина Михайловича. Въ 1889 г.—другой. Вскорѣ послѣ того явился и третій сборникъ, подъ заглавіемъ *„Тѣни и Тайны"*. Въ 1896 году, мы видимъ въ печати уже пять сборниковъ стихотвореній К. М. Фофанова (*„Маленькія*

поэмы", *„Этюды въ риѳмахъ*", *„Снъгурка*", *„Майскій жукъ*", *„Монологи*"). Въ настоящее время талантливый поэтъ занятъ изданіемъ новаго объемистаго тома своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: *„Иллюзіи*". По его собственному исчисленію, за 19-ти-лѣтній періодъ его поэтической дѣятельности имъ написано однѣхъ лирическихъ пьесъ около 2,000!

Семенъ Григорьевичъ Фругъ род. въ 1860 г. въ еврейской земледѣльческой колоніи Бобровый Кутъ, Херсонской губ. Обучался въ начальной колоніальной школѣ, а всѣмъ остальнымъ развитіемъ и образованіемъ обязанъ самому себѣ. Будучи 20-ти лѣтъ отъ роду онъ уже напечаталъ первое свое стихотвореніе; а пять лѣтъ спустя, въ 1885 г., уже вышелъ первый сборникъ его стихотвореній; два года спустя—второй; и оба имѣли такой замѣтный успѣхъ, что уже въ 1890 г. потребовалось повтореніе обоихъ изданій. Оригинальною особенностью поэзіи Фруга, по сравненію съ его ближайшими сверстниками-поэтами, Минскимъ и Мережковскимъ, является исключительно-лирическое настроеніе его Музы. Въ то время, когда тѣ оба поэта проявляютъ силу своего поэтическаго дара въ образахъ и произведеніяхъ эпическаго склада, Фругъ отмежевываетъ себѣ исключительно область чувства и лучше всего передаетъ душевныя волненія, тревогу, жалость къ униженію и угнетеніямъ своего родного племени и горячія стремленія къ лучшему, болѣе свѣтлому будущему. Однимъ словомъ, Фругъ—типическій лирикъ, лирикъ весьма задушевный и горячо преданный идеѣ добра.

А. П. Чеховъ.

Антонъ Павловичъ Чеховъ— род. 17 января 1860 г. въ г. Таганрогѣ. Его отецъ и дѣдъ, пришлые изъ Воронежской губ. (какъ и большинство таганрогскаго населенія), были изъ крѣпостныхъ. Учился Антонъ Павловичъ сначала въ таганрогской гимназіи, а затѣмъ перешелъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ (1884 г.). Первые литературные опыты его явились въ сатирическихъ журналахъ („Стрекозѣ", „Будильникѣ") и въ газетахъ („Петербургская Газета" и „Новое Время") еще въ 1879 г. Это былъ рядъ ма-

ленькихъ фельетонныхъ разсказовъ —живыхъ, веселыхъ, остроумныхъ, невольно приковывавшихъ къ себѣ вниманіе. Когда эти разсказы вышли въ свѣтъ въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ: (*„Юмористическіе разсказы“*, *„Въ сумерки“*, 1887 г. и *„Хмурые люди“*, въ 1890 г.) имя Чехова пріобрѣло нѣкоторую извѣстность. Въ концѣ 80-хъ годовъ произведенія Чехова стали появляться въ крупныхъ журналахъ, и постепенный, очевидный ростъ его таланта всѣмъ бросился въ глаза. Его *„Степь“*, *„Огни“*, *„Скучная исторія“*, *„Палата № 6“*, *„Дуэль“*, *„Мужики“*, *„Записки неизвѣстнаго“* и др. настолько понравились публикѣ, что она читала произведенія Чехова нарасхватъ, и онъ, въ короткое время, сдѣлался общимъ любимцемъ, несмотря на тотъ сумрачный взглядъ на жизнь, который онъ вноситъ одинаково во всѣ свои произведенія. Тѣ же воззрѣнія на жизнь и ея задачи мы видимъ у А. П. Чехова и въ его крупныхъ сценическихъ произведеніяхъ, которыя наводятъ на зрителя тяжкое раздумье. Его драма *„Ивановъ“* шла много разъ на сценѣ Петербургскаго театра, а его *„Чайка“* въ Москвѣ, на частной сценѣ. Небольшія сценическія пьесы его, напротивъ, написаны живо и весело. Въ настоящее время печатается полное собраніе сочиненій А. П. Чехова (въ изд. А. Ф. Маркса).

Ольга Николаевна Чюмина род. въ Новгородѣ 26-го декабря 1864 г. и затѣмъ все дѣтство провела въ Финляндіи, гдѣ ея отецъ командовалъ полкомъ. Фамилія Чюминыхъ старинная, въ отдаленномъ прошломъ связанная съ предками татарскаго происхожденія. И дѣдъ, и отецъ О. Н. были не лишены поэтическаго дарованія, охотно писали стихи и питали большое пристрастіе къ музыкѣ. Тѣ же способности перешли отъ нихъ къ О. Н., которая стала писать стихи очень рано, а изученію музыки предавалась съ такимъ увлеченіемъ, что даже пыталась посвятить себя исключительно музыкальной карьерѣ и кончить курсъ въ консерваторіи.

О. Н. Чюмина.

Первые стихотворные опыты О. Н. относятся къ ея 18-ти-лѣтнему возрасту; одно изъ ея стихотвореній, безъ ея вѣдома, было даже напечатано въ „Свѣтѣ". Не довѣряя своимъ силамъ, но сгорая желаніемъ посвятить себя литературѣ, О. Н. послала свои стихотворенія въ четыре разныхъ журнала — и къ величайшему ея удовольствію всѣ четыре журнала разомъ напечатали ея произведенія, сообщивъ объ авторѣ самые лестные отзывы. Вскорѣ послѣ того О. Н. удалось познакомиться съ нашими маститыми поэтами Я. П. Полонскимъ и А. Н. Плещеевымъ, которые окончательно ввели ее въ литературные кружки. Въ 1886 году въ „Вѣстникѣ Европы" былъ напечатанъ ея стихотворный переводъ драмы Коппе („Le passant"), а затѣмъ уже ея поэтическія произведенія явились на страницахъ всѣхъ выдающихся журналовъ. Въ послѣдніе годы О. Н. поставила на сцену нѣсколько переводныхъ и оригинальныхъ небольшихъ пьесъ, и двѣ изъ нихъ („*Въ сѣтяхъ*", „*Угасшая искра*") имѣли даже значительный успѣхъ. Стихотворенія О. Н. Чюминой уже изданы въ свѣтъ въ видѣ двухъ книжекъ, изъ которыхъ послѣдняя вышла въ 1898 г.

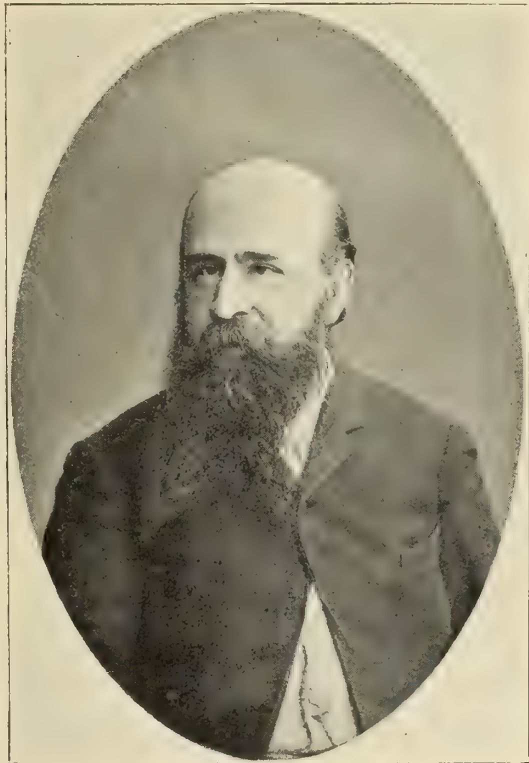
Есть царство свѣта и добра,
Хоть мглою призрачной и блѣдной
Оно блеснетъ — придетъ пора —
Зарей побѣдной!

О. Чюмина

Ольга Александровна Шапиръ (по мужу), урожденная *Кислякова*, весьма извѣстная и, можно сказать, любимая писательница нашего времени, принадлежитъ къ той плеядѣ талантливыхъ русскихъ женщинъ, которыя сумѣли составить себѣ почетную извѣстность и занять видное мѣсто въ нашей литературѣ второй половины XIX вѣка. Романы: „*Безъ любви*" и „*Мишура*" представляютъ собою такія произведенія, которыя бы могли смѣло обратить на себя вниманіе даже и въ любой изъ современныхъ европейскихъ литературъ, и сразу дали О. А. извѣстность; эту извѣстность поддержали и усилили ея повѣсти („*Изъ семейной прозы*", „*Дорогой цѣной*", „*На порогѣ жизни*", „*Бабье лѣто*" и многія др.), занимавшія видное мѣсто въ нашихъ лучшихъ журналахъ за послѣднее время. Въ 1888 г. вышло уже и отдѣльное изданіе сочиненій О. А. Шапиръ. Типическая женщина-писательница, не вдаваясь въ разрѣшеніе разныхъ мудреныхъ общественныхъ вопросовъ, она ограничивается, главнымъ образомъ, неистощимою хроникою женскаго сердца, вѣчнымъ вопросомъ любви и семейныхъ отношеній. И критика отдаетъ писательницѣ полную спра-

ведливость въ томъ, что эта область нѣжнаго чувства изучена ею тонко и въ совершенствѣ.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ—извѣстный романистъ, воспитавшій не одно поколѣніе читателей—род. 30 іюня 1838 г. въ С.-Петербургѣ [1]). Отецъ его былъ, по происхожденію, эстонецъ, родомъ изъ Аренсбурга, но, въ сущности, вполнѣ русскій человѣкъ. И онъ, и мать А. К. Шеллера—были люди образованные и цѣнившіе образованіе, а потому и сыну своему они дали образованіе прекрасное. Онъ обучался сначала въ Анненской нѣмецкой школѣ, и, окончивъ въ ней курсъ, поступилъ въ 1857 году въ С.-Петербургскій университетъ вольнослушателемъ и оставался въ немъ до 1861 г. Между 1857—1861 гг. А. К. совершилъ первое свое путешествіе за границу. Послѣ университета, А. К. ревностно занялся вопросомъ о народныхъ школахъ, принимая участіе въ воскресныхъ школахъ, и даже содержалъ свою собственную школу, въ которой все обученіе обходилось ученикамъ около 9 руб. въ годъ. Школу, однакоже, пришлось оставить, по „независящимъ обстоятельствамъ"; но педагогомъ въ душѣ Шеллеръ остался до конца своей жизни, въ роли руководителя младшаго, подрастающаго поколѣнія молодыхъ писателей.

А. К. Шеллеръ.

Послѣ новаго путешествія за границу, А. К. исключительно посвятилъ себя литературной дѣятельности. Первые стихи его явились въ „Современникѣ", въ 1863 году, и тамъ же напечатанъ былъ первый его романъ *„Гнилыя болота"* (подъ псевдонимомъ А. Михайлова) въ 1864 году. За первымъ, въ томъ же журналѣ, явился второй романъ: *„Жизнь Шупова"*, и затѣмъ, словно громадная панорама, стала развертываться передъ глазами

[1]) Въ то время, когда мы дописывали эти строки, А. К. Шеллеръ, давно уже страдавшій отъ тяжкаго недуга, скончался 21-го ноября. Четырехстишіе, которое онъ сообщилъ намъ въ видѣ автографа, было послѣднимъ отголоскомъ его поэзіи.

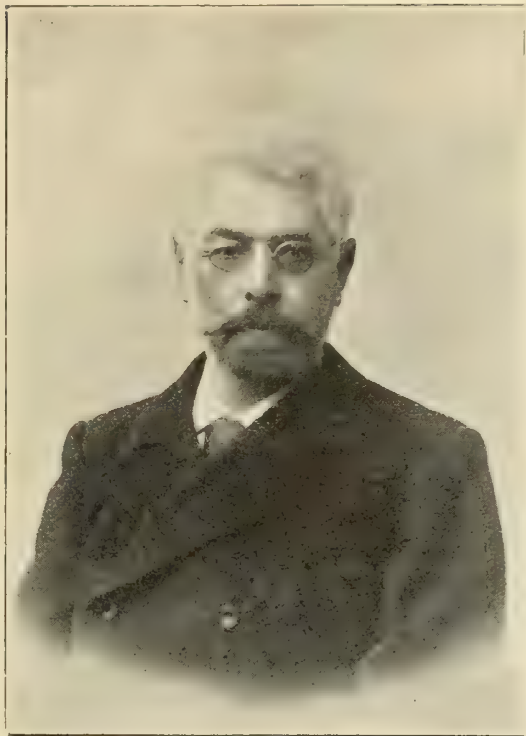
читателей нескончаемая серія крупныхъ его художественныхъ произведеній — *„Въ разбродѣ“*, *„Хлѣба и зрѣлищъ“*, *„Старыя гнѣзда“*, *„Безпечальное житье“*, *„Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ“*, *„Чужіе грѣхи“*, *„Голь“*, *„На разныхъ берегахъ“* и т. д. Громкая извѣстность А. К. росла не по днямъ, а по часамъ, и молодой романистъ сталъ надолго кумиромъ русской публики, которая была вѣрна его простымъ идеаламъ, пока не народились новые кумиры. Въ самые горячіе годы развитія нашей общественности, А. К. занималъ видный и отвѣтственный постъ въ русской журналистикѣ: то, какъ одинъ изъ редакторовъ „Русскаго Слова“, то какъ редакторъ „Дѣла“, и его романы, въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ, всегда служили или отголоскомъ общественныхъ движеній, или отвѣтомъ на вопросы, волновавшіе наше общество. Только уже съ половины 80-хъ годовъ А. К. сталъ тускнѣть и отходить на второй планъ, во многомъ не сходясь съ нарождающимися новыми воззрѣніями на жизнь и общественную дѣятельность. Но къ этому времени полное собраніе его сочиненій уже представляло собою цѣлыхъ 15 увѣсистыхъ томовъ, и давало ему не не только право на уваженіе въ настоящемъ, но и на весьма опредѣленное положеніе въ исторіи нашей литературы.

С честною любовью спокойно иди,
Как бы ни гнал, не давайся ты свету!
Всепокоряющей силе любви
В нем ничего недоступного нету...

1863 г. *А. Шеллер*

Ипполитъ Васильевичъ Шпажинскій род. 10 апрѣля 1848 г., въ Тифлисѣ, гдѣ въ то время отецъ его служилъ въ военной службѣ. По происхожденію своему И. В. принадлежитъ къ потомственнымъ дворянамъ Воронежской губ. Большую часть дѣтства И. В. провелъ въ Тульской губ., а затѣмъ въ Курской губ., въ имѣніи отца, подъ г. Щиграми. Образованіе И. В. получилъ въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ московскомъ Александровскомъ военномъ училищѣ, откуда и выпущенъ былъ офицеромъ въ кавалерію. Годъ спустя мы видимъ его уже въ отставкѣ—вольнослушателемъ Московскаго университета. Первые литературные опыты (даже печатные) относятся е́ще ко временамъ пребыванія въ корпусѣ: то были статейки въ „Воронежскомъ

Листкѣ“ и вообще мелкой прессѣ. Первымъ драматическимъ произведеніемъ была драма „*Вопросъ жизни*“, поставленная на сценѣ *бывшаго* Артистическаго Кружка въ декабрѣ 1876 г. Ближайшія слѣдующія пьесы были напечатаны авторомъ въ журналахъ: „Дѣло“ (при Благосвѣтловѣ), „Русскій Вѣстникъ“ и „Сѣверный Вѣстникъ“; то были: „*Упреки прошлаго*“, „*Самъ себѣ врагъ*“ и „*Простая исторія*“. За этими первыми пьесами послѣдовалъ цѣлый рядъ крупныхъ и яркихъ сценическихъ произведеній, изъ которыхъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались на сценѣ: „*Маіорша*“, „*Кручина*“, „*Чародѣйка*“, „*Въ старые годы*“, „*Прахомъ пошло*“, „*Темная сила*“ и пьеса „*Двѣ судьбы*“, недавно поставленная на сценѣ Императорскихъ театровъ. „Маіорша“, „Чародѣйка“ и „Въ старые годы“—выдержали уже болѣе 1000 представленій на столичныхъ и провинціальныхъ сценахъ, и все еще не сходятъ съ репертуара. Послѣдняя драма И. В. Шпажинскаго „Двѣ судьбы“ удостоена Грибоѣдовской преміи Обществомъ драматическихъ писателей.

И. В. Шпажинскій.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперникъ родилась въ Москвѣ 12 января 1874 года. Воспитаніе получила въ кіевской гимназіи Ващенко-Захарченко, гдѣ окончила курсъ въ 1891 г. Съ тѣхъ поръ Т. Л. живетъ то въ Москвѣ, то за границей, гдѣ, между прочимъ, въ теченіе цѣлаго года слушала въ Лозаннскомъ университетѣ курсы наукъ по филологическому факультету. Страсть къ поэзіи развилась въ Т. Л. очень рано; ей было лѣтъ 14, когда въ печати появилось ея первое стихотвореніе, написанное по поводу юбилея ея прадѣда, М. С. Щепкина. Въ 1891 г. она написала одноактную пьеску: „*Лѣтняя картинка*“; пьеска даже безъ ея вѣдома была поставлена на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ, и имѣла успѣхъ. Это былъ первый шагъ. Тогда же Т. Л. стала получать первыя приглашенія къ сотрудничеству въ журналахъ, и ея первыя произведенія были напечатаны въ „Артистѣ“. Ея талантъ проявился разнообразно и ярко: прекрасно владѣя сти-

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

хомъ, она не пренебрегала и прозой, писала разсказы и очерки своихъ заграничныхъ странствованій, ставила на сцену оригинальныя и переводныя пьесы, въ стихахъ и прозѣ, и всюду была одинаково-оригинальной, изящной и чуткой къ прекрасному. Въ короткое время изъ-подъ ея пера вылилось нѣсколько драматическихъ произведеній: *„Въ дѣтской“*, *„На станціи“*, *„Вѣчность въ мгновеніи“*, *„Месть Амура“* (обѣ послѣднія пьесы въ стихахъ). Затѣмъ она перевела въ стихахъ: *„Принцесса Грезъ“* (Ростана), *„Романтики“*, *„Сирано-де-Бержеракъ“*, *„Батракъ“* (Ришпена); *„Бабушка“* (В. Гюго); *„Сонъ Психеи“* (Марселло); издала отдѣльно повѣсть *„Счастье“* —самое крупное изъ всего ею написаннаго, — *„Изъ женскихъ писемъ“*, и сборникъ стиховъ подъ заглавіемъ: *„Странички жизни“*; а затѣмъ еще два сборника разсказовъ: *„Ничтожные міра сего“* и *„Незамѣтные люди“*. И все это въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ... Въ настоящее время имя Т. Л. Щепкиной-Куперникъ занимаетъ уже видное мѣсто на страницахъ нашихъ лучшихъ журналовъ...

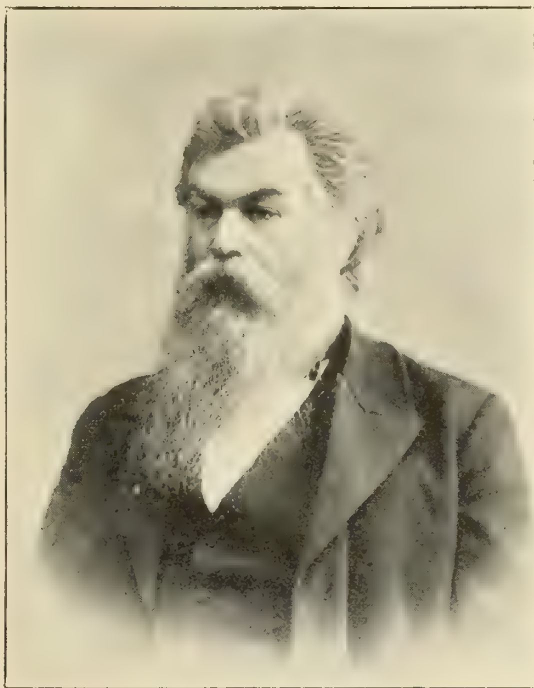
Трудъ и свобода — прежде всего!

Т. Щепкина-Куперникъ

Александръ Ивановичъ Эртель — одинъ изъ нашихъ писателей-народниковъ — род. въ 1855 г. Первыя его произведенія—нѣчто въ родѣ очерковъ изъ народнаго быта—явились первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“ (въ началѣ 80-хъ годовъ), а затѣмъ были изданы отдѣльно, въ видѣ сборника, подъ заглавіемъ: *„Записки степняка“*. Разсказы, вошедшіе въ составъ этого сборника, живо написанные, художественно-изложенные и весьма немногосложные, неглубокіе по содержанію, очень напоминали всѣмъ лучшія времена расцвѣта нашей беллетристики конца 50-хъ и 60-хъ годовъ.

Но затѣмъ, съ конца 80-хъ годовъ, въ произведеніяхъ А. И. („*Двѣ пары*“, „*Гардеины*“) стало довольно осязательно проявляться вліяніе нашего маститаго писателя-философа, Л. Н. Толстого, и это вліяніе нарушило въ значительной степени ихъ художественную свѣжесть и цѣльность. Впрочемъ, легко можетъ быть, что А. И. поддался этому вліянію только на время и что талантъ его еще найдетъ себѣ самостоятельную дорогу.

Іеронимъ Іеронимовичъ Ясинскій род. 18 апрѣля 1850 года, въ г. Харьковѣ. Предки его, Ясинскіе, были православные, вполнѣ русскіе люди (вели свой родъ отъ боярина *Ясыни*); но впослѣдствіи ополячились. Дѣдъ І. І. (со стороны отца) даже принималъ участіе въ какихъ-то польскихъ смутахъ. Но уже отецъ І. І., женившись на барышнѣ-малороссіянкѣ, Ольгѣ Максимовнѣ Бѣлинской, совсѣмъ обрусѣлъ, а его дѣти отъ этого брака, вернувшись къ православію, вновь стали русскими и по духу, и по плоти. І. І. провелъ все дѣтство въ деревнѣ, въ Черниговской губ.; на 13-мъ году поступилъ въ кіевскую первую гимназію, перешелъ въ нѣжинскую и окончилъ курсъ въ черниговской. Поступилъ на естественный факультетъ Кіевскаго университета, но курса не

І. І. Ясинскій.

Журналистика не литература

окончилъ. Писать началъ въ 1870 г. въ мѣстныхъ газетахъ. Между 1872 и 1877 гг. онъ нѣкоторое время служилъ въ гражданской службѣ, а потомъ по земству (въ

І. Ясинскій

Черниговской г.); но затѣмъ перебрался сначала въ Москву, а потомъ въ С.-Петербургъ и исключительно занялся журналистикой и литературой. Началъ съ научныхъ статей въ „Словѣ“ и въ январѣ 1880 г. здѣсь помѣстилъ свой первый разсказъ подъ псевдонимомъ „*Максима Бѣлинскаго*“. По прекращеніи „Слова“ сотрудничалъ въ „Вѣстникѣ Европы“, но главнымъ образомъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ и пріобрѣлъ себѣ извѣстность и почетное имя писателя. Въ числѣ лучшихъ произведеній І. І. Ясинскаго критика указываетъ на „*Молодые всходы*“, „*Болотный цвѣтокъ*“, „*Спящая красавица*“ и др., появившіяся въ первый періодъ его дѣятельности, въ 80-хъ годахъ. Но плодовитый и живой писатель написалъ съ тѣхъ поръ десятки романовъ и съ полсотни разсказовъ, еще ожидающихъ приговора взыскательной критики... Съ 1896 года І. І. редактируетъ „Биржевыя Вѣдомости“, а съ 1 марта 1900 г. еще и самъ издаетъ журналъ „Ежемѣсячныя Сочиненія“.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.

„Исторія Русской Словесности“

П. Н. ПОЛЕВОГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Періодъ Пушкина и Гоголя.

НОВѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ.

Преемники Пушкина и Гоголя во второй половинѣ XIX вѣка.

Современные писатели.

Списокъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ III-мъ томѣ

Исторіи Русской Словесности.

Указатель.

Б.

В.

Г.

Д.

Елагинъ, I, 634.

Л.

П.

Р.

Т.

У.

Ф.

Бумага для „**Исторіи Русской Словесности**“ была доставлена фабрикой **Н. П. Печаткина.**

Всѣ рисунки въ текстѣ, а также и всѣ хромолитографическія, автотипическія и цинкографическія приложенія исполнены въ художественномъ заведеніи **А. Ф. Маркса.**

Текстъ отпечатанъ въ типографіи
А. Ф. Маркса.

Фотографіи съ натуры и съ рукописей исполнены въ С.-Петербургѣ — Г. Буллой;
въ Москвѣ — Г. Гробовскимъ.

